

ОЛЬДЕНБУРГСКИЕ Во благо России

Нестор-История
Санкт-Петербург
2018

УДК 929
ББК 70/79
О-56

О-56 Ольденбургские: во благо России: сборник статей / составитель
Э. А. Анненкова. — СПб. : Нестор-История, 2018. — 440 с.

ISBN 978-5-4469-1301-5

Книга «Ольденбургские: во благо России» представляет собой сборник статей, посвященных многогранной государственной и благотворительной деятельности принца П. Г. Ольденбургского и членов его семьи в социальной сфере, в просвещении, образовании, здравоохранении. В книге раскрывается также значение творческого потенциала отдельных членов семьи Ольденбургских в развитии литературы и искусства в России.

Статьи сборника включают исследования авторов — членов Общества «Друзья Дома Ольденбургских», основанные на архивных, мемуарных и современных фактических материалах.

Книга рассчитана на широкий круг читателей, интересующихся историей Санкт-Петербурга и России.

Издание осуществлено при содействии Генерального консульства Федеративной Республики Германии в Санкт-Петербурге в рамках программы по поддержке немецкого меньшинства. Проект инициирован и проводится под патронажем Фонда поддержки и развития русско-немецких отношений «Русско-немецкий Центр встреч при Петрикирхе Санкт-Петербурга».

УДК 929
ББК 70/79

ISBN 978-5-4469-1301-5

9 785446 913015

© Э. А. Анненкова, составитель, 2018
© Общество «Друзья Дома Ольденбургских», 2018
© Фонд поддержки и развития русско-немецких отношений «Русско-немецкий Центр встреч при Петрикирхе Санкт-Петербурга», 2018

Содержание

Приветственное слово герцога Гуно фон Ольденбурга (Германия).....5

Предисловие

Г. И. Смагина. Слово о принце П. Г. Ольденбургском9

Русские Ольденбургские

Э. А. Анненкова. Основатели русской ветви Ольденбургского великогерцогского Дома.....15
Н. Е. Волкова. Принц Георг Ольденбургский — генерал-губернатор Тверской, Новгородской и Ярославской губерний33
Ю. А. Мазинг. Военная карьера принца Александра Петровича Ольденбургского55
Матушка София (Коцаренко Наталия). Матушка Великая — преподобная великая княгиня Анастасия Киевская70

Вклад семьи Ольденбургских в народное образование и призрение детей-сирот

Э. А. Анненкова. Императорское училище правоведения83
Э. А. Анненкова. Правоведческая песнь П. И. Чайковского 102
Э. А. Анненкова. Приют принца П. Г. Ольденбургского 121
М. Н. Еськина, С. Н. Хохлова. Лицей № 344 (бывшая Школа принца П. Г. Ольденбургского). История. Традиции. Современность..... 135
Т. М. Замалева. Женское училище (институт) принцессы Терезии Ольденбургской..... 152
Л. П. Максименко. П. Г. Ольденбургский — попечитель Александровского лицея..... 166
И. А. Персианов. Гимназия принцессы Евгении Максимилиановны Ольденбургской (к 150-летию со дня основания) 177

Вклад семьи Ольденбургских в здравоохранение, медицину, науку

Г. Н. Вениаминова, С. П. Инденбом. История Детской больницы принца Петра Ольденбургского и ее место в развитии детского здравоохранения России 216
А. В. Ковалевский. Мариинская больница в период управления П. Г. Ольденбургским..... 236

Ю. А. Мазинг. Возникновение первого в мире медико-биологического исследовательского центра — Императорского института экспериментальной медицины.....	249
Ю. А. Мазинг, Т. В. Андриюшкевич. Луи Пастер и принц Александр Петрович Ольденбургский.....	262
Т. А. Трефилова. Роль семьи принцев Ольденбургских в создании общин сестер милосердия и возрождение памяти о них в современных сестричествах.....	275
И. А. Персианов, Е. М. Саенко. Призыв к миру: принцы Ольденбургские и школьники XXI века.....	284
Ю. П. Голиков, В. М. Сысуев. Принц Петр Георгиевич Ольденбургский и Вольное экономическое общество.....	292

Владения семьи принца П.Г. Ольденбургского в России

Э. А. Анненкова, Ю. П. Голиков. Дворец принца Ольденбургского на Марсовом поле в Санкт-Петербурге (Дворцовая наб., дом № 2 или ул. Миллионная, дом № 1).....	303
Э. А. Анненкова. Владения принца А. П. Ольденбургского в Гагре.....	317
А. Кяхар. Ранталинна — имение принца А.П. Ольденбургского в Финляндии.....	340
Л. А. Образцова. Рамонское имение принцессы Евгении Максимилиановны Ольденбургской.....	348
В. А. Соловьева. Летний дворец принца П.Г. Ольденбургского на Каменном острове.....	359

Творческий вклад семьи Ольденбургских в искусство

Э. А. Анненкова. Принцесса Терезия Ольденбургская — почетный любитель Академии художеств.....	366
Э. А. Анненкова. Председатель Императорского общества поощрения художеств принцессы Евгении Максимилиановны Ольденбургской.....	373
Т. М. Замалева. Принц П. Г. Ольденбургский — поэт.....	385
О. В. Михайленко. Принц П. Г. Ольденбургский — пианист, композитор.....	400

Памятник «Просвещенному благотворителю принцу Петру Георгиевичу Ольденбургскому»

Э. А. Анненкова. Памятник принцу П. Г. Ольденбургскому.....	407
---	-----

Послесловие

Общество «Друзья Дома Ольденбургских».....	423
--	-----

Авторы.....	434
-------------	-----

Grußwort

Die Mitglieder der Vereinigung „Freunde des Hauses Oldenburg“ haben anlässlich ihres 20-jährigen Bestehens beschlossen, in einem Buch „Prinzen von Oldenburg: dem Wohle Russlands“ umfassend und übersichtlich die Geschichte der zahlreichen kulturellen und sozialen Einrichtungen zu dokumentieren, die von Mitgliedern des Hauses Oldenburg dereinst in Russland gegründet oder verantwortlich geleitet wurden. Diese Dokumentation zeigt dem interessierten Leser, wie einzelne Persönlichkeiten verantwortlich handelten und bedeutende Kulturgüter schufen, weil sie sich aus christlichem Verständnis der Allgemeinheit und dem Nächsten verpflichtet fühlten. Sie erkannten aktuelle Probleme wie, — in der Betreuung von Waisenkindern, in der Frauenbildung, im Gesundheitswesen, in der Medizin und im Rechtswesen —, und sorgten für deren Abhilfe. In Kiew, in dem Pokrovskij Nonnenkloster wurden sogar verschiedene der oben genannten Probleme gemeinsam gelöst, Medizin, Erziehung, Versorgung der Ärmsten. Es ist sehr zu bedauern, dass dieses Kloster momentan einen schweren Stand hat und leider nicht alle seine Dienste wie früher anbieten kann.

Möge der Segen Gottes alle diese noch bestehenden sozialen Einrichtungen weiterhin behüten.

Den Autoren, aber auch der freundlichen Unterstützung des Deutschen Generalkonsulates in St.Petersburg im Rahmen des Förderprogramms der deutschen Minderheit und auch Schirmherrschaft der Stiftung zur Förderung und Entwicklung deutsch-russischer Beziehungen „Deutsch-russisches Begegnungszentrum an der Petrikirche St.Petersburgs“, das die Drucklegung dieses Buches erst ermöglichte, gebührt großer Dank. Der Anteil der „Russischen Oldenburger“ an der Weiterentwicklung der russischen Kultur wird in diesem Buch überschaubar und zusammenfassend dargelegt.

Wenn auch die einzelnen Mitglieder des Großherzoglich Oldenburgischen Hauses in Russland natürlich unterschiedliche Charaktere

besaßen, so war ihnen doch eines gemeinsam, das aktive Handeln für den Nächsten aus christlicher Verantwortung.

Vielleicht erreicht dieses Buch Menschen, die sich dadurch ermuntert fühlen, ebenfalls mit offenen Augen durch die Welt zu gehen und sich in ähnlicher Weise mit positiven Impulsen in die russische Gesellschaft einzubringen.

Herzog Huno von Oldenburg

Приветственное слово

В книге «Ольденбургские: во благо России», изданной к 20-летию деятельности общества «Друзья Дома Ольденбургских», членами этого Общества собраны воедино на основе документальных источников сведения об истории многочисленных культурных и социальных учреждений в России, основанных, опекаемых или руководимых в свое время членами Ольденбургского Дома.

Книга показывает интересующемуся читателю, как отдельные личности своей ответственной деятельностью создавали значительные культурные ценности, руководствуясь чувством христианского долга перед обществом во благо ближнего. Им известны были актуальные проблемы русского общества: в деле попечения детей-сирот, в женском образовании, в здравоохранении, в медицине и в юриспруденции, и они заботились об их решении. Так, например, в Киеве, в Свято-Покровском женском монастыре различные проблемы, в том числе и вышеперечисленные, решались совместно: в медицине, в воспитании детей, в заботе о бедных. Очень жаль, что этот монастырь в настоящее время находится в трудном положении, и, к сожалению, не все службы могут работать, как раньше.

Пусть Благословение Божие хранит в нем и в дальнейшем все эти пока еще существующие социальные учреждения.

Огромное спасибо авторам и дружескому содействию Генерального консульства Федеративной Республики Германии в Санкт-Петербурге в рамках программы по поддержке немецкого меньшинства, а также патронажу Фонда поддержки и развития русско-немецких отношений «Русско-немецкий Центр встреч при Петрикирхе Санкт-Петербурга», благодаря которым стало возможным издание этой книги. Доля «русских Ольденбургских» в развитии русской культуры изложена в ней обозримо и всеохватывающе.

Несмотря на то, что отдельные члены Великогерцогского Ольденбургского Дома в России имели, конечно, разные характеры, но их, как настоящих христиан, объединяло одно общее качество — активные действия во благо ближнего.

Возможно, эта книга затронет чувства людей и побудит их идти по миру с открытыми глазами и таким же образом, как и ее герои, с позитивными импульсами включиться в жизнь русского общества.

Герцог Гуно фон Ольденбург

Предисловие

Г.И. Смагина

Слово о принце Петре Георгиевиче Ольденбургском

Время неумолимо уносит от нас историю целых поколений, человеческих отношений, отдельных личностей. Но не подвластна времени память о людях, посвятивших свою жизнь идее служения во благо всего общества, а их бескорыстный труд и истинное милосердие получили всеобщее признание еще при их жизни. И после смерти своей они живут в памяти людей, сумевших по достоинству оценить значение доставшегося им наследия. Таким человеком по праву можно считать принца Петра Георгиевича Ольденбургского (1812–1881), с именем которого связана целая эпоха в истории русской гражданственности, отмеченная беспримерной культурной, социальной и благотворительной деятельностью, борьбой с нищетой и невежеством.

Принц П. Г. Ольденбургский и его потомки, жившие в России, принадлежали к одному из древнейших владетельных Домов Европы — Голштейн-Готторп-Ольденбургскому, ведущему свое начало от графов Ольденбургских (начало XII века). Голштейн-Готторпская династия подразделяется на несколько линий.

Старшая линия — королевская династия — правила Данией более 400 лет (1448–1863).

Средняя линия, основанная братом датского короля Фредерика II герцогом Иоанном (ум. 1622), получила название Гольштейн-Зонденбургской.

Младшая Голштейн-Готторпская линия имеет две ветви:

1. **Голштейн-Готторпская** младшая ветвь, основанная князем-епископом Христианом Августом (1673–1726), главой епископства Любекского, которое после присоединения к нему графств Ольденбург и Дельменхорст было возведено в 1774 году в ранг

герцогства Ольденбургского. Герцоги Голштейн-Готторпской младшей ветви имели тесные родственные связи с российской императорской семьей, начало которым положил брак дочери русского императора Петра I Анны и Голштейнского герцога Карла Фридриха в 1725 году. Их сын Голштейн-Готторпский герцог Карл Петр Ульрих в 1761 году стал Всероссийским императором Петром III. В связи с этим династию всероссийских императоров, начиная с Петра III, в специальной литературе по генеалогии и во всех императорских гербовниках именуется «Голштейн-Готторп-Романовыми». Поэтому соединенный герб Голштейн-Готторп-Романовых входил в Большой Герб Российской империи.

2. **Русская ветвь** младшей Голштейн-Готторпской линии образовалась в 1809 году в результате брака дочери русского императора Павла I великой княжны Екатерины Павловны (1788–1819) и принца Петра Фридриха Георга (1784–1812), младшего сына герцога Петра Фридриха Людвига Голштейн-Ольденбургского.

В истории России потомки супругов великой княгини Екатерины Павловны и принца Георга известны как крупные государственные, военные и общественные деятели, как благотворители в области культуры, народного образования и просвещения, здравоохранения. На этом поприще более других прославил свое имя их сын принц **Петр Георгиевич Ольденбургский**.

Как государственный деятель эпох Николая I и Александра II П. Г. Ольденбургский состоял на самых разных должностях: член Государственного совета (с 1836 года), председатель Департамента гражданских и духовных дел (с 1844 года), главноуправляющий IV Отделением Собственной Его Величества канцелярии (с 1860 года), в подчинении которой находилось Ведомство учреждений императрицы Марии, президент Императорского Вольного экономического общества (с 1841 года), основатель и председатель Русского общества международного права (с 1880 года).

Принц выступил реформатором женского образования в России (председатель Главного совета женских учебных заведений с 1845 года), состоял попечителем Императорских Коммерческого училища, Смольного и Екатерининского институтов, Александровского лицея, а также Женского института принцессы Терезии Ольденбургской, ряда гимназий и школ. В 1834 году Петр Георгиевич пожертвовал 20 000 золотых талеров для основания школы

для девочек из мещанских и военных семей на родине своего отца в столице Ольденбургского герцогства (Германия, Саксония) Ольденбурге, где он провел свою юность.

В 1835 году на свои средства (1 млн руб.) П. Г. Ольденбургский основал в Санкт-Петербурге Императорское Училище правоведения, созданием которого вписал свое имя золотыми буквами в историю русского права XIX столетия. Петр Георгиевич открывал на свои средства сиротские приюты и школы, создал первую в России Свято-Троицкую общину сестер милосердия, инициировал и большей частью финансировал строительство Детской больницы на Лиговском проспекте, названной в его честь, в течение срока лет возглавлял Мариинскую больницу для бедных.

Многогранная успешная деятельность П. Г. Ольденбургского с глубоким уважением и признательностью воспринималась как простыми людьми из народа, так и сильными мира сего. По случаю его 50-летней государственной деятельности (1880) император Александр II в высочайшем рескрипте на имя Петра Георгиевича отметил с благодарностью заслуги принца перед Отечеством:

«...С принятием в 1839 г. звания почетного опекуна, Вы вступили в ведомство Императрицы Марии, и с этого времени начались Ваши труды на пользу учебно-воспитательных и благотворительных заведений. Просвещенные, проникнутые любовью к детям, заботы Вашего Высочества о процветании как заведений означенного ведомства, так и Вами созданного Училища Правоведения, давшего Отечеству многих полезных деятелей, щедрое материальное и личное содействие Ваше и покойной супруги Вашей, принцессы Терезии в деле устройства первой в России Общины сестер милосердия — служат живыми доказательствами просветительной и исполненной христианской любви деятельности Вашего высочества в течение первого периода Вашей государственной деятельности. С вступлением Вашим в 1860 году в должность Главноуправляющего бывшим IV Отделением Собственной Моей канцелярии начинается ряд существенных и полезных преобразований в различных отраслях вверенного Вам ведомства. Устройство, по указаниям в Бозе почивающей Императрицы Марии Александровны, женских гимназий, правильная постановка учебно-воспитательного дела, установление мер к обеспечению положения служащих

в ведомстве и, наконец, преобразование в 1873 году IV Отделения Моей канцелярии и Опекунского Совета, давшее желаемое в управлении ведомств единство, приведение в лучшее во всех отношениях состояние больниц ведомства и значительное увеличение числа помещений для приема больных; расширение богаделен и других мест призрения; постепенное умножение и улучшение детских приютов, школ патриотического общества и прочих благотворительных заведений — все это является плодом Вашей неусыпной заботливости, все это красноречиво говорит о том, что совершили Вы в последние двадцать лет для ведомства учреждений Императрицы Марии, в истории которого имя Вашего Высочества займет почетное место возле священного и незабвенного имени Нашей Бабки Императрицы Марии Федоровны.

С чувством глубокой признательности обзревая длинный ряд заслуг, оказанных Вашим Императорским Высочеством Престолу и Отечеству, и с сердечным умилением вспоминая о неисчислимых жертвах и трудах, понесенных Вами на благо государства, Я почитаю священным долгом, в нынешний знаменательный для Вас день, вновь повторить Вашему Высочеству Мое душевное уважение к плодотворной деятельности Вашей и как лично от Себя, так и от имени России изъявить Вам живейшую благодарность за Ваше полувековое примерное и многочисленное служение.

Да воздаст Вам Всевышний за подъятые и совершенные Вами святые дела любви и милосердия, и да продлит его бесконечная благодать дни Вашей жизни, столь драгоценной для меня и полезной для Отечества».

По своему характеру принц Петр Георгиевич Ольденбургский был добрейшим человеком, его любили за простоту в общении, за редчайшую доброту, за готовность помочь людям в их тяжелом положении. Будучи романтиком, он писал стихи, сочинял музыку. Его стихи на немецком языке были изданы в 1878 году небольшим сборником, но по достоинству оценены лишь в наше время в переводе на русский язык в 2002 году поэтами Петербургского союза писателей к 190-летию принца.

Петр Георгиевич был лично знаком с А.С. Пушкиным, знал его творчество, перевел на французский язык «Пиковую даму». Как председатель Комитета по сооружению памятника поэту он в 1880 году возглавил торжество по случаю его открытия.

Скончался принц П. Г. Ольденбургский 2 (14) мая 1881 года в Санкт-Петербурге, похоронен 9 (21) мая на монастырском кладбище Приморской Свято-Троицкой Сергиевой пустыни в фамильной усыпальнице. На беломраморной надгробной плите помещена эпитафия, сочиненная самим принцем при жизни:

«Правду я говорил без боязни властителям мира,
Ближнего благо и горе было святынею мне.
О, вразуми ты, мой Бог, и власти, и мудрость земную,
Дай человечеству мир, влей благодать в людские сердца!»

О личности П. Г. Ольденбургского оставлено много воспоминаний, о нем и его деятельности написаны книги, ему посвящено много стихов. Современники принца по достоинству оценили его деяния, установив в 1889 году на Литейном проспекте перед главным корпусом Мариинской больницы памятник с надписью «Просвещенному благотворителю принцу Петру Георгиевичу Ольденбургскому». В 1930-х годах памятник был снесен и уничтожен. Новой власти он стал неуютен, так как, вероятно, служил напоминанием о добре, милосердии и сострадании, которые ей были чужды.

Сегодня появилась возможность вернуть из небытия незаслуженно забытые, несправедливо вычеркнутые из российской истории имена и события, возродить и продолжить лучшие традиции дореволюционных учреждений, в том числе и основанных Ольденбургскими, возродить завещанные принцем Петром Георгиевичем идеи добра и милосердия, справедливости и законности.

Источники и литература

РГИА. Ф. 1106. Оп. 1. Д. 18. Л. 2. Полный послужной список Е. И. Высочества принца Петра Георгиевича Ольденбургского. 1880.

Стихи принца Петра Ольденбургского. — СПб., 2002.

Врангель А. Е. Воспоминания о Ф. М. Достоевском в Сибири. 1854–1856 гг. — СПб., 1912. — С. 46–47.

Анненкова Э.А., Голиков Ю.П. Памятник принцу П. Г. Ольденбургскому в Санкт-Петербурге // Немцы в России: встречи на перекрестке культур. — СПб., 2011. — С. 15–27.

Анненкова Э.А. Продолжение благотворительных и культурных традиций семьи принцев Ольденбургских в деятельности Общества «Друзья Дома Ольденбургских» // Немцы Санкт-Петербурга: наука, культура, образование. — СПб., 2005. — С. 163–176.

Русские Ольденбургские

Э.А. Анненкова

Основатели русской ветви Ольденбургского великогерцогского Дома

Санкт-Петербург, 1788 год. 10 мая в 4-м часу пополудни тишину города буквально взорвали залпы пушек, палившие с Петропавловской и Адмиралтейской площадей, известившие тем самым российскую столицу о рождении в Царском Селе шестого ребенка в семье цесаревича Павла Петровича и великой княгини Марии Федоровны — великой княжны Екатерины.

Общему ликованию и радости по этому поводу предшествовали переживания близких из-за тяжелых родов великой княгини. Появление на свет великой княжны Екатерины было и радостным событием, и одновременно большим разочарованием как для родителей, так и для императрицы Екатерины II: ведь все надеялись на рождение мальчика. Кроме того, роды Марии Федоровны проходили настолько тяжело, что жизнь роженицы и младенца, как писала присутствовавшая при родах невестки Екатерина II, «*была два часа с половиною на весьма тонкой нитке...*». Благодаря решительности и опыту императрицы, дававшей дельные советы растерявшимся врачам, им удалось спасти жизнь матери и ребенку.

Великую княжну Екатерину крестили в церкви Царскосельского дворца 21 мая. После окончания обряда крещения во дворце состоялся торжественный обед на 156 персон, а в честь новорожденной прогремел 31 пушечный залп. Праздник завершился вечером красочной иллюминацией в Петербурге и в Царском Селе¹.

Маленькую княжну, как и ее венценосную бабушку, в домашнем кругу называли Като. Като подрастала, радуя родителей и старших сестер своей жизнерадостностью и общительностью. Екатерина II сама занималась воспитанием своих внуков и внучек, забирая

их сразу после рождения от родителей. Она лично составляла программу обучения и подбирала подходящих, по ее мнению, учителей и воспитателей.

Безупречно воспитанная и прекрасно образованная, Екатерина уже смолodu любила серьезные занятия и приобрела многосторонние познания.

Великих княжон с детских лет воспитывали в почитании христианских заповедей, в уважении и любви к русскому народу, они не чуждались общения с простыми людьми, соблюдали все русские православные праздники и обычаи.

В 1796 году, после смерти властолюбивой бабушки-императрицы, семья теперь уже императора Павла I наконец воссоединилась, но, увы!.. Оказалось, что ненадолго. Убийство отца омрачило юность Като, ведь ей было тогда, в 1801 году, всего 13 лет.

После смерти супруга Мария Федоровна поселилась с младшими детьми в Павловске, в своей летней резиденции, в роскошном дворце, окруженном превосходным парком. Здесь среди милых сердцу Екатерины родных людей, на лоне природы, под руководством умных и добрых наставников формировались ее характер, ее мировоззрение, ее собственное миропонимание. Все учителя признавали в ней способную и вдумчивую ученицу, стремившуюся мыслить самостоятельно и умевшую отстаивать свои взгляды, мнения. Екатерина росла независимой, смелой, решительной, порой несколько экзальтированной. *«Она была баловнем в царской семье, сумела достигнуть известной независимости от своей матери, сурово и деспотически относившейся к другим членам императорской фамилии, Александр (брат. — Авт.) не скрывал перед ней своего чувства обожания»².*

Великая княжна Екатерина Павловна, красивая и эмоциональная, будучи натурой увлекающейся, в юные годы не раз влюблялась. Избранниками ее горячего сердца становились люди исключительные, выдающиеся, настоящие герои, в которых она ценила мужество, ум и доброту.

Один из них, молодой красавец князь Михаил Петрович Долгоруков (1780–1808), кавалер орденов Св. Георгия 3 и 4 степеней, умный и красивый, покорил сердце великой княжны. Она серьезно им увлеклась и даже собиралась выйти за него замуж. Но не судьба была великой княжне соединить свою жизнь с потомком Рюриковичей, он был ей не пара. Да и век его оказался недолог. Блестящий

русский аристократ, в 28 лет генерал-лейтенант, прославленный подвигами в битвах, он погиб во время сражения со шведскими войсками под Иденсальми в 1808 году, когда служил в Финляндии в дивизии генерал-лейтенанта Н. А. Тучкова.

Еще ранее предметом увлечения Екатерины стал князь Петр Иванович Багратион. Князь Багратион (1765–1812), потомок грузинских царей, снискал военную славу в швейцарских Альпах, получив знак ордена Св. Георгия Победоносца 2-го класса; затем отличился в сражении при Аустерлице, где он прикрывал у Шенграбена отход русских частей в 1805 году; далее — в военной кампании 1806–1807 годов, за что был награжден золотой шпагой, украшенной алмазами с надписью *«За храбрость!»*.

Ратная слава генерала Багратиона долетела и до столицы, вызывая восхищение бесстрашным и умелым воином. Его возвращение в Россию превратилось в настоящий триумф для героя-полковника. В честь доблестного воина давали балы, обеды, ему посвящали стихи, его портреты моментально раскупались.

Современники отмечали, что среди особенно восторженных почитателей 43-летнего генерала была сестра Александра I Екатерина Павловна. Воспитанная с детства как патриотка своей отчизны, она искренне восхищалась героем-воином, защищавшим на поле брани честь родной страны.

В начале Отечественной войны П. И. Багратион был главнокомандующим 2-й Западной армией. В Бородинской битве в течение шести часов его армия удерживала Семеновские флеши (укрепления. — Авт.), куда Наполеон направил главные силы. Ураганный огонь из 100 орудий буквально крошил ряды русской армии. Багратион, который всегда находился рядом со сражающимися войсками, осколком снаряда получил смертельное ранение.

В 16 лет Екатерина, после замужества сестры Марии Павловны, стала старшей великой княжной российского императорского двора. А это означало, что пришло время выдать ее замуж. Как во всех императорских, герцогских и княжеских домах, родители русских великих княжон были озабочены проблемой брака своих детей. Они всегда стремились подобрать для них партию, выгодную как в политическом, так и в финансовом отношении, но все-таки старались в подавляющем большинстве случаев считаться также с мнением своих детей. Претендентов на руку великой русской княжны было

предостаточно: принц Генрих Прусский, наследный принц Генрих Баварский, эрцгерцог Фердинанд, принцы — В. Вюртембергский, Л. Кобургский, Г. Голштейн-Ольденбургский, а также французский император Наполеон Бонапарт. Екатерина Павловна сама отвергла притязания на ее руку и сердце императора-завоевателя Наполеона Бонапарта, заявив: «Я скорее пойду замуж за последнего русского истопника, чем за этого корсиканца»³. Она предпочла скромного кузена принца Петра Фридриха Георга Голштейн-Ольденбургского, человека чистой и возвышенной души, почувствовав в нем родственную натуру. Он без памяти влюбился в свою кузину, что, впрочем, было неудивительно, ведь «она была настоящая красавица с темно-каштановыми волосами и необыкновенно приятными добрыми карими глазами. Когда она выходила, сразу становилось светлее и радостнее»⁴.

Позже в письме к брату Александру I, одоббившему ее выбор жениха, она напишет: «Я благодарю Вас за Георга и за мое счастье».

*Великая княгиня Екатерина Павловна Романова,
принцесса Ольденбургская*

Принц Петр Фридрих Георг Голштейн-Ольденбургский

Помолвка Екатерины и Георга состоялась 1 января 1809 года. Затем начались торжества по поводу их бракосочетания. В Камерфурьерском журнале отмечено: «18 апреля. Воскресенье. По утру в 8 часов пятью пушечными выстрелами из Санкт-Петербургской крепости дано знать всему городу, что с сего числа имеет быть брачное торжество Ее Императорского Высочества в. к. Екатерины Павловны с Его Светлостью принцем Голштейн-Ольденбургским Георгом»⁵. На свадьбу прибыл отец Георга герцог Петр Фридрих Людвиг в сопровождении личного секретаря Цеендера.

Приглашенные на свадьбу гости начали съезжаться в 11 часов в Зимний дворец. Перед началом церемонии венчания в библиотеке императрицы-матери ближайшие родственники присутствовали на молебне. В 10.00 часов в апартаменты Марии Федоровны прибыла из своих покоев Екатерина Павловна в сопровождении

статс-дамы графини Ш. Ливен и всех фрейлин. *«Высокородная невеста имела на голове корону и сверх робы малиновую бархатную, подложенную горностаевым мехом с хвостами мантию с длинным шлейфом, который несли четыре камергера, а конец — Двора Его Величества гофмейстер князь Голицын»*⁶.

Церемония бракосочетания проходила в большой церкви Зимнего дворца. Венец над невестой держал великий князь Николай Павлович, над женихом — принц Евгений Вюртембергский. В честь новобрачных был произведен 101 пушечный залп, затем состоялся праздничный обед в Мраморном зале на 230 персон. Во время обеда пел хор придворных певчих, звучала инструментальная музыка. Тосты за здоровье сопровождалась пушечными выстрелами: 51 залп за императора и 31 залп за других членов императорской семьи.

В 7 часов вечера в Георгиевском зале Зимнего дворца был дан большой бал, закончившийся в 9 часов вечера. Новобрачные в сопровождении цесаревича Николая Павловича со святой иконой и великой княгини Марии Павловны с хлебом и солью прошли через Эрмитаж и ложи Рафаэля в назначенные для них в Шепелевском доме апартаменты. *«О благополучно совершившемся бракосочетании Ее Императорского Высочества во всех церквах отправлялось благодарственное молебствие, и после оно во весь день продолжался колокольный звон, каковой также и в последующие два дня быть имеет, а с вечера и за полночь весь город был иллюминирован, равномерно иметь же оно быть и в другие за сим первые два дня»*⁷.

Присутствуя на торжествах по случаю бракосочетания Екатерины Павловны и Георга Ольденбургского, секретарь его отца Цеендер поражался пышности и богатству императорского двора, а роскошные наряды на бале-маскараде 25 апреля, на котором до 2 часов ночи веселились около 9 тысяч человек, привели его в полное изумление. Маскарад был устроен в придворном театре, декорированном в стиле восточных сказок. Огромное количество длинных узких стеклянных трубок, украшенных пышными букетами из страусиных перьев, отражали бесчисленное множество горящих свечей и создавали впечатление волшебной ночи, погружая зрителей в роскошный, чарующий и загадочный мир Востока. Сказочная обстановка маскарадного бала, предшествовавшая ему пышная свадебная церемония, затем всеобщий многодневный праздник с иллюминацией города и колокольным звоном, роскошные подарки и именитые гости — все пред-

вещало счастливую семейную жизнь Екатерины и Георга, соединивших свои судьбы по обоюдной симпатии и зарождающемуся чувству любви: *«Наш принц... очень счастлив, и это пример того, что можно жениться в высшей степени по любви... Действительно, великая княгиня премилейшее создание, я бы сказал, ангел на земле»*⁸.

Теперь любимица императорской семьи, признанная красавица и одна из образованнейших молодых девушек своего времени великая княжна Екатерина стала замужней дамой, великой княгиней Романовой, принцессой Ольденбургской.

В честь бракосочетания Екатерины и Георга Г. Р. Державин написал оду «Геба».

Екатерина Павловна получила от брата-императора роскошный свадебный подарок — Аничков дворец. Принцу Георгу Александр I пожаловал титул «Императорского Высочества» и назначил его генерал-губернатором Тверской, Ярославской и Новгородской губерний, а также главным директором Департамента водных коммуникаций.

Постоянным местом пребывания генерал-губернатора принца Георга с супругой стал город Тверь. Этот губернский город в те времена считался одним из красивейших в России. Тверь, находящаяся на пути из Петербурга в Москву, расположена на возвышенности, пересекаемой тремя реками: Волгой, Тьмакой и Тверцой, город разделен этими реками на три части. Недалеко от Тьмаки и Волги, на Миллионной улице, находится императорский дворец.

В апреле 1809 года в Тверь прибыла группа мастеров во главе с архитектором Карлом Росси для приведения в надлежащий вид дворца для супругов Ольденбургских. Александр I, желавший как можно лучше обустроить резиденцию своей любимой сестры, лично давал Росси указания по оформлению парадных залов дворца, советуясь, конечно, с Екатериной Павловной. Выдающийся талант молодого архитектора, изысканный вкус заказчиков, их взаимопонимание привели к созданию одного из лучших образцов архитектуры русского ампира. По эскизам Росси лучшие мастера изготавливали мебель, светильники, золоченую лепнину, расписывали потолки и фризы. С присущим ему утонченным чувством прекрасного Росси сумел из предметов мебели, картин, светильников, фарфора, скульптуры, привезенных Екатериной Павловной из Петербурга, из находящихся уже во дворце и из новых, только что выполненных, создать единый ансамбль дворцового интерьера,

в котором гармонично сочетались практичность и утонченная одухотворенность.

Малый двор в Твери по своему образу жизни и по пышности не отличался от императорского в столице. Екатерина Павловна принимала гостей, устраивала в своем дворце балы, причем была одинаково обходительна, приветлива и доступна для общения всем приглашенным, будь то высокопоставленный столичный гость, или купец, или офицер, или простой чиновник.

Красота и обаяние великой княгини, ее живой ум и недюжинные таланты, спокойный уравновешенный характер супруга принца Георга, его увлечение поэзией, высокая культура и образованность как магнитом притягивали в Тверь выдающиеся умы и таланты того времени. Подолгу гостили в Тверском губернаторском дворце художник О. А. Кипренский, создавший здесь много превосходных портретов, в том числе и хозяев, художники А. Егоров, П. Гонзаго, В. Боровиковский и др. Частым гостем в тверском дворце был историограф Н. М. Карамзин с супругой, знакомивший семью Ольденбургских и их гостей с новыми главами своей «Истории государства Российского», над которой он в то время работал. Под руководством Карамзина Екатерина Павловна занималась литературными переводами и историей. Не раз гостями Екатерины Павловны и принца Георга были поэты В. А. Жуковский, И. И. Дмитриев, Н. И. Гнедич — переводчик гомеровской «Илиады», его великая княгиня поддерживала материально, выплачивая пенсион в 1500 рублей. Сюда на встречу с И. Т. Булле, профессором кафедры Московского университета и библиотекарем Екатерины Павловны, приезжал его ученик П. Я. Чаадаев.

Мать Екатерины Павловны, вдовствующая императрица Мария Федоровна, также бывала у дочери в Твери, навещали свою сестру братья Александр I и Константин. Отдавали должное гостеприимству супругов Ольденбургских и другие именитые гости. Так, приехавший на крестины своего внука великого князя Александра Николаевича, сына великого князя Николая Павловича и прусской принцессы Александры Федоровны, король Пруссии Фридрих Вильгельм III посетил и Малый двор в Твери. Здесь после захвата Ольденбургского герцогства наполеоновскими войсками некоторое время жил отец Георга герцог Петр Фридрих Людвиг со старшим сыном принцем Павлом Фридрихом Августом.

Екатерина Павловна живо интересовалась внутренней русской политикой. Она разделяла консервативно-патриотические взгляды Карамзина на государственное устройство и была в оппозиции к графу Сперанскому и его либеральным реформам. Екатерина Павловна, озабоченная положением в стране, попросила Карамзина высказать свои мысли по поводу состояния дел в России и действий правительства. Мнение такого умного человека, как Карамзин, могло, как она считала, помочь ее брату-императору лучше понять патриотически настроенную часть общества. Екатерина Павловна устроила Карамзину в Твери в начале февраля 1811 года встречу с Александром I. Николай Михайлович прочитал несколько глав из своей «Истории государства Российского» и передал императору составленную им «Записку о Древней и Новой России в ее политическом и гражданском отношении». Эпиграф к ней «*Несть лести в языке моем*» подчеркивал искренность высказываемых историком мыслей и доводов. В этом труде Карамзин, излагая свои идеи по поводу государственного устройства в России, подчеркнул необходимость укрепления самодержавия, на власти которого традиционно держится все самое ценное в жизни православной страны.

Дружба Екатерины Павловны и Николая Михайловича продолжалась долгие годы, поддерживалась постоянной перепиской. Екатерина Павловна гордилась дружбой с великим историографом России, часто приглашала его погостить во дворце вместе с супругой. Письма великой княгини к Карамзину раскрывают ее уважение к историку, ее интересы, увлечения, отношение к тому или иному событию культурной или политической жизни страны. В них она предстает не только как интересующаяся серьезными проблемами личность, но и просто как добрая подруга, как не совсем прилежная ученица своего именитого учителя, как гостеприимная хозяйка, просто как женщина и мать.

Принц Георг, став генерал-губернатором трех больших губерний, с головой погрузился в новую работу. Желая навести должный порядок в делах, завел собственную канцелярию, в которой работали достойные, по его мнению, люди. Но он плохо знал Россию, ее чиновничество, поэтому его часто обманывали. А. М. Бакунин, предводитель дворянства Тверской губернии, с горечью констатировал: «*В Твери был тогда двор — следовательно, были и интриги —*

я видел, как принца обманывают. Как во зло употребляют его доверенность и как, получая награды за бескорыстие, бессовестным образом наживаются. Я досадовал, жалел и молчал...»⁹.

Екатерина Павловна принимала живейшее участие в делах супруга, стараясь помочь ему лучше ориентироваться в новой для него обстановке. Она советовала Георгу делать внезапные ревизии уездов и городов и нередко сама с ним ездила с инспекторскими целями.

Семейная жизнь Ольденбургских протекала в полной гармонии. В 1810 году у них родился первенец — сын Александр, в 1812 — сын Петр. Екатерина прилежно занималась литературными переводами и историей, Георг настойчиво изучал русский язык, переводил Горация и писал стихи. Его стихи с рисунками Екатерины были изданы.

По поручению Александра I принц Георг вместе с А. А. Бетанкуром, приглашенным в 1807 году из Испании в качестве придворного инженер-механика, учредил в 1809 году в Петербурге военный Корпус инженеров путей сообщения для приведения в порядок сухопутных дорог, мостов и иных транспортных систем. Для подготовки квалифицированных инженеров-путейцев было сделано еще одно большое и важное дело: учрежден Институт Корпуса инженеров путей сообщения, основанный в 1809 году и открытый в ноябре 1810 года в бывшем дворце князя Юсупова на наб. Фонтанки, 115 у Обухова моста. Институт готовил инженеров-путейцев, многие его бывшие воспитанники стали гордостью русской науки, культуры и искусства: профессор по курсу «Прикладная механика» П. П. Мельников, автор ряда учебников Н. Ф. Ястржембский, мостостроитель-новатор Г. П. Передерий, известный предприниматель и меценат В. Н. Тенишев, композиторы А. Н. Верстовский и А. Ф. Львов, писатель Н. Г. Гарин-Михайловский. В Институте Корпуса инженеров путей сообщения учились будущие декабристы С. И. и М. И. Муравьевы-Апостолы и Г. С. Батеньков.

В ночь на 12 (24) июня 1812 года французская армия без объявления войны перешла русскую границу. Под давлением численно превосходящих сил противника русская армия отступала, вынужденная оставлять села и города, это вызвало недовольство в стране и в армии. Под влиянием общественного мнения Александр I назначил главнокомандующим русской армией М. И. Кутузова.

В первые же недели войны в русском обществе наблюдался необычайный подъем патриотических настроений как в среде простых людей, так и среди знати. Екатерина Павловна, будучи горячей патриоткой, сразу же включилась в деятельность по организации народного ополчения. Именно ей принадлежала идея консолидации сил русского дворянства на борьбу с врагом отечества: вклад дворянства, помимо прямого участия в сражениях, мог состоять и в организации за свой счет народного ополчения, увеличив тем самым численность регулярной армии. На средства Екатерины Павловны был сформирован «Егерский Великой Княгини Екатерины Павловны батальон» народного ополчения из 712 ратников (по одному человеку от каждой сотни ее крестьян), командовать которым назначен князь полковник А. П. Оболенский. Содержание батальона Екатерина Павловна приняла на свой счет и обязалась выплачивать за своих ополченцев все подати и оброки до конца их жизни. Кроме этого, также за ее счет был создан «3-й Украинский казачий полк».

Екатерина Павловна очень болезненно переживала военные неудачи. Отличаясь большим умом и проницательностью, следя за политическими событиями в Европе, она воспринимала объективную обстановку первых дней войны намного дальновиднее своего брата императора, которому откровенно говорила о его ошибках, обвиняла в нерешительности и бездеятельности, ее замечания и советы помогали растерявшемуся Александру I.

Горячий нрав Екатерины Павловны и высокое чувство патриотизма рождали стремление к активной деятельности, она была готова сама ринуться в бой с поработителями, недаром позже у нее вырвалось признание: «*Всего более сожалею я в своей жизни, что не была мужчиной в 1812 году*»¹⁰.

Принц Георг по поручению Александра I организовывал народное ополчение, госпитали и лазареты для раненых воинов. Он завидовал брату Павлу Фридриху Августу, принявшему участие в Бородинском сражении, и в многочисленных посланиях к императору безуспешно просил разрешения отправиться на фронт в действующую армию. При посещении одного из лазаретов принц Георг заразился сыпным тифом и скоропостижно скончался в Твери 15 декабря 1812 года.

Принц Георг Ольденбургский был похоронен в Петербурге в лютеранской церкви св. Петра и Павла на Невском проспекте

со всеми почестями, сопутствовавшими подобным событиям для членов императорской семьи. Церемонией руководил по поручению императрицы Марии Федоровны обер-камергер А. Л. Нарышкин. В последний путь принца провожали все члены императорской семьи, весь генералитет, офицеры, солдаты и огромные массы простых людей.

Но церковь св. Петра и Павла на Невском проспекте не стала его последним местом упокоения. Через 14 лет, в 1826 году, по желанию отца Георга, герцога Петра Фридриха Людвига, останки принца были перевезены на его родину в Германию и перезахоронены в фамильном мавзолее герцогов Ольденбургских на кладбище св. Гертруды в городе Ольденбурге.

Смерть любимого мужа беспощадным ударом разрушила короткое счастье Екатерины Павловны, стала огромным потрясением, подорвавшим ее не только моральные, но и физические силы. Врачи настоятельно советовали ехать за границу, на курорты, но сама великая княгиня считала, что лучшее лечение для нее — путешествие.

В начале весны 1813 года Екатерина Павловна отправилась в длительную поездку за границу, в которую она взяла с собой старшего сына Александра, а младшего Петра оставила на попечение бабушки, императрицы Марии Федоровны. Путешествие Екатерины Павловны по Европе в общей сложности длилось почти три года. Путь лежал через Украину, Чехию, далее в Германию и т. д. Везде, где великая княгиня проезжала, она с болью замечала следы жестоких сражений: *«От Суржи... следы опустошения ужасны: сожженные, разрушенные дома, больницы, скелеты лошадей, много новых кладбищ, ужасающая бедность и жалкие лошади... наше бедное отечество ужасно пострадало!»*¹¹ Она совершила поездку по Чехии, Германии, Швейцарии, вместе с братом Александром I посетила Англию, приняла участие в Венском международном конгрессе, посвященном завершению войны с Наполеоном.

В Вене Екатерина Павловна сблизилась со своим двоюродным братом кронпринцем Вильгельмом Вюртембергским. И вот спустя четыре года после смерти супруга она решила вступить во второй брак, ответив согласием на предложение Вильгельма. Свадьба состоялась в январе 1816 года в Петербурге. Перед отъездом на родину супруга в Германию Екатерина Павловна отрегулировала

дела с наследством принца Георга между сыновьями, позаботилась о том, чтобы оно не уменьшалось. В этом же году Александр I выкупил у нее за 2 миллиона дворец в Твери. Он хотел видеть ее сыновей на русской службе, поэтому Екатерина Павловна определила им более половины своего приданого и еще значительный капитал.

Великая княгиня Екатерина Павловна — королева Вюртемберга

В апреле великая княгиня вместе с супругом и сыновьями Александром и Петром прибыла в Штутгарт. В этом же году ее муж после смерти отца был провозглашен королем Вюртембергским Вильгельмом I, и Екатерина Павловна стала королевой. Весь свой досуг она посвящала детям, но ее кипучая энергия требовала более широкой деятельности. Как будто предчувствуя скорую кончину, часто говорила: *«Я должна дорожить временем, конец может наступить рано, а потому мне не следует откладывать то, что можно еще сделать»*¹². Екатерина Павловна быстро освоилась на своей новой родине, стала изучать законы, учреждения, быт и нужды местных жителей. Занялась благотворительностью, на свои средства основала институт для девочек всех сословий, названный в ее честь Екатерининским, а также Сельскохозяйственную академию. Эти учреждения существуют и ныне. Когда в 1817 году из-за плохого урожая в Вюртембергском королевстве настал голод, она организовывала благотворительные фонды, бесплатные столовые для бедных, кассы взаимопомощи. Благодаря ее энергичной помощи спаслись от голодной смерти многие люди королевства. Екатерина Павловна не теряла связей с Россией, переписывалась с родственниками и друзьями, получала русские книги, интересовалась событиями внутри страны и, конечно, тосковала по родным и друзьям. Письма последних лет ее жизни пронизаны грустью: *«Одна дружба преодолевает расстояния, — писала она в январе 1818 года Карамзину, — письмо ваше, Николай Михайлович, много меня обрадовало... Российские мои приятели всех мне милее, и вы давно знаете место, которое вы в их среде занимаете»*¹³.

Но недолго довелось Екатерине Павловне быть королевой. В начале января 1819 года она скоропостижно скончалась в Штутгарте. Судьба отпустила ей три года счастливой жизни с принцем Георгом Ольденбургским и три года не столь счастливых — с королем Вюртемберга. Штутгартцы искренне горевали о кончине своей королевы, настоящей матери своих подданных, фигуры большого политического значения, влияние которой на развитие королевства было чрезвычайно велико. День ее похорон превратился в день скорби всего Вюртембергского королевства, жители которого успели оценить ее доброту и заботу.

Кончина Екатерины Павловны потрясла ее родных и друзей в России, всех, кто испытал на себе обаяние, ум и доброту великой

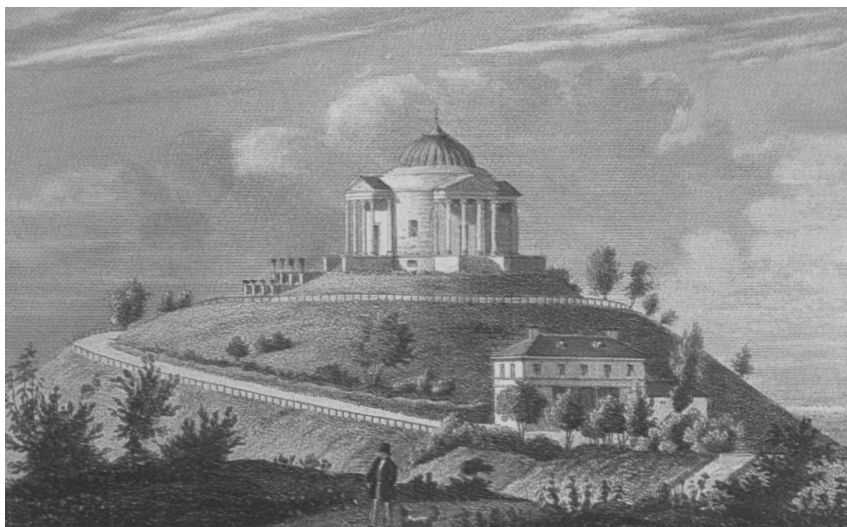
княгини. Выдающийся поэт того времени В. А. Жуковский и немецкий поэт-романтик Л. Уланд посвятили этому скорбному событию проникновенные стихи. Воплощением вечной женственности и добродетели предстает великая княгиня в стихотворении Жуковского:

*Ты улетел, небесный посетитель,
Ты погостил недолго на земли,
Мечталось нам, что здесь твоя обитель,
Навек своим тебя мы нарекли...
Пришла судьба, свирепый истребитель,
И вдруг следов твоих уж не нашли,
Прекрасное погибло в пышном цвете...
Таков удел прекрасного на свете!
О наша жизнь, где верны лишь утраты,
Где милому мгновенье лишь дано,
Где скорбь без крыл, а радости крылаты,
И где на век минувшее дано...*

Екатерину Павловну похоронили сначала в Штутгарте в дворцовой церкви. В 1824 году Вильгельм I, выполняя последнюю волю супруги, повелел построить в живописной местности на вершине горы Ротенберг часовню по проекту придворного архитектора Джованни Салуччи, куда перезахоронили останки Екатерины Павловны.

Часовня расположена на том месте, где она часто прогуливалась, любящая расстилавшейся внизу долиной реки Некар, покрытой лугами и пашнями, садами и рощами, небольшими деревеньками. Вдали виднелись города Штутгарт, Каннштадт, Людвигсбург и Эслинген. От подножия до самой вершины горы тянулись виноградники. Здесь на вершине горы Екатерина Павловна мечтала построить Храм искусств. Поэтическое описание этого края оставил Ф. Тютчев, посетивший его в 1835 году:

*Над виноградными холмами
Плывут золотые облака.
Внизу зелёными волнами
Шумит померкшая река.
Взор постепенно из долины,*

Часовня на горе Ротенберг

*Подъемлясь, всходит к высотам
И видит на краю вершины
Кругообразный светлый храм.
Там, в горнем неземном жилище,
Где смертной жизни места нет,
И легче и пустынно-чище
Струя воздушная течет.
Туда, взлетая, звук немеет,
Лишь жизнь природы там слышна
И нечто праздничное веет,
Как дней воскресных тишина¹⁴.*

Часовня представляет собой сооружение в виде ротонды с четырьмя портиками. Ротонда увенчана куполом, на нем — позолоченный крест. К входу ведет лестница с пилонами, над входом надпись: «Любовь никогда не кончается». Перед входом табличка: «Своей совершенной, вечно любимой супруге Екатерине Павловне, Великой княгине России, воздвиг это место упокоения Вильгельм, король Вюртембергский, в 1824 г.». Долгое время этот храм оста-

вался единственной православной церковью в Штутгарте. Служащие русского посольства при Вюртембергском королевском дворе и приезжавшие сюда русские путешественники пользовались этим храмом как церковью. В 1841 году поэт В. А. Жуковский венчался в ней по православному обряду с девицей Елизаветой, 17-летней дочерью своего друга художника Г. Рейтерна. В письме к А. И. Тургеневу поэт рассказывал о своем венчании «в уединенной надгробной церкви святой Екатерины на высоте Ротенберга».

Екатерина Павловна от двух браков имела четырех детей. От брака с принцем Георгом Ольденбургским двух сыновей: Фридриха Павла Александра (1810–1829) и Константина Фридриха Петра (1812–1881), оба родились в России. На момент смерти матери им было соответственно 8 и 6 лет, и они остались круглыми сиротами. Их воспитывал дед по отцовской линии герцог Петр Фридрих Людвиг Ольденбургский.

От брака с королем Вюртембергским Екатерина Павловна имела двух дочерей; о них после ее кончины заботились их отец король Вильгельм I и его третья супруга Паулина. Старшая дочь Мария Фредерика (род. 1816) вышла замуж за графа Альфреда Нейперга. Младшая дочь София Фредерика Матильда (1818–1877), выйдя замуж за своего двоюродного брата, принца Александра Павла Фридриха Людвига Оранского, сына Анны Павловны, королевы Нидерландов, родной сестры Екатерины Павловны, стала королевой Нидерландов.

Память о великой русской княгине Екатерине Павловне продолжает жить и в Германии, и в России. Ее незаурядная личность и ее деяния всегда вызывали и вызывают до сих пор восхищение и признательность у сограждан. Недаром А. С. Пушкин назвал ее «женщиной с умом необыкновенно возвышенным»¹⁵.

Примечания

1. Церемония крещения великой княжны Екатерины Павловны. 2 мая 1788 г./Санкт-Петербургские ведомости. 1788, 23 мая, № 41.

2. *Божерянов И. Н.* Великая княгиня Екатерина Павловна, четвертая дочь императора Павла I, герцогиня Ольденбургская, королева Вюртембергская. — СПб., 1888. — С. 97.
3. *Муханова В. Д.* Записки // Рус. архив. — СПб., 1878. — Т. 1. — С. 307.
4. *Маркова-Виноградова А. П.* Воспоминания. // Рус. архив. — СПб., 1884. — Т. 2. — С. 344.
5. Камер-фурьерский журнал императора Александра I. — СПб., 1809.
6. Там же.
7. Там же.
8. *Richard Tantzen.* Das Schicksal des Hauses Oldenburg in Russland // Oldenburger Forschungen. В. 11. — Oldenburg. 2000.
9. Цит. по: Орест Кипренский. Переписка. Документы. Свидетельства современников / сост. Я. В. Брук, Е. Н. Петрова — СПб., 1994. — С. 370.
10. *Михайловский-Данилевский А. И.* Записки 1814 и 1815 годов. — СПб., 1841.
11. Письма великой княгини Екатерины Павловны / сост. Е. А. Пушкин. — Тверь, 1888.
12. Столетие со дня рождения Е. И. В. Принца Петра Георгиевича Ольденбургского. — СПб., 1913. — С. 6.
13. Письма великой княгини Екатерины Павловны / сост. Е. А. Пушкин. — Тверь, 1888.
14. *Тютчев Ф. И.* Стихотворения. — М., 1972. — С. 113.
15. *Пушкин А. С.* Собр. соч. в 6 т. — М., 1950. — Т. 5. — С. 285.

Н. Е. Волкова

Принц Георг Ольденбургский — генерал-губернатор Тверской, Новгородской и Ярославской губерний

Принц — человек долга и чести,
Чистой и возвышенной души.
Ф. П. Лубяновский

В 1809 году 18 апреля Александр I подписал Манифест «*О бракосочетании Великой Княжны Екатерины Павловны с Принцем Георгием Голштейн-Ольденбургским и о даровании ему лично титула Императорского Высочества. Объявляем всем верным Нашим подданным: в 18 день сего месяца, промыслом Всемогущего по обряду Православной Нашей церкви совершилось бракосочетание любезной Сестры Нашей, Великой Княжны Екатерины Павловны с Его Светлостью Принцем Георгием Голштейн-Ольденбургским, по совершению сего союза вознамерились Мы утвердить пребывание Ее Императорского Высочества с супругом Ее в России по взаимному их к тому расположению и во утешение чадо — любимой любезной Родительницы Нашей, Государыни Императрицы Марии Федоровны*»¹.

Великая княжна Екатерина Павловна (10 мая 1788–28 декабря 1818) — шестой ребенок в семье, четвертая дочь великого князя Павла Петровича и великой княгини Марии Федоровны.

Принц Петр Фридрих Георг Голштейн-Ольденбургский (1784–1812) — сын герцога Петра Фридриха Людвиг (1755–1829) и герцогини Фредерики Амалии Элизабет (1765–1785), урожденной принцессы Вюртембергской, родной сестры императрицы Марии Федоровны. Герцог Петр Фридрих Людвиг принадлежал к младшей ветви владетельного Ольденбургского рода на северо-западе Германии, чьи предки были королями Дании, Норвегии, Швеции. Он был двоюродным братом российской императрицы Екатерины Великой (сын родного брата ее матери Георга Людвиг, 1719–1763).

Принц Георг получил блестящее домашнее образование под руководством ученого Христиана Крузе, окончил курс Лейпцигского университета вместе с братом принцем Августом (1783–1853), по завершении образования братья путешествовали по Европе и Англии. Знаток древних языков и немецкой литературы, принц Георг любил поэзию Шиллера, сам писал стихи.

Императрица Мария Федоровна опекала своих племянников, рано потерявших мать. Весной 1808 года Мария Федоровна пригласила младшего принца в Санкт-Петербург, надеясь женить его на своей строптивой, честолюбивой дочери Екатерине (в связи со слухами о «сватовстве Наполеона» к русской царевне). Посол Франции в России граф Арман Коленкур (1772–1827) сообщал Наполеону: «...младший из сыновей находящегося в Париже герцога Ольденбургского приехал сюда 26 марта... Он родственник царскому семейству и по матери, и по отцу, и его оставили при Дворе»².

По приезде в столицу принц Георг стал брать уроки русского языка у преподавателя Главного училища св. Петра Ивана Мартыновича Борна — поэта, публициста, одного из организаторов и первого президента Вольного общества любителей словесности, науки, художеств (ВОЛСНХ), с 1809 года личного секретаря принца. Георг был определен на русскую службу в звании генерал-лейтенанта; в августе, назначенный генерал-губернатором Эстляндии, он прибыл в Ревель. Георг Ольденбургский с рвением исполнял свои многочисленные непростые обязанности, даже сумел убедить местных дворян дать свободу крестьянам, за что был отмечен орденом Св. Владимира. Благодаря своему уму, уступчивому и ровному характеру принц быстро заслужил расположение императорской семьи, а главное — влюбился в двоюродную сестру великую княжну Екатерину Павловну — «красу Императорского Дома».

Тонкий ценитель искусства, принц, по замечанию графа А. Коленкура, «сумел найти путь к сердцу Екатерины Павловны».

Сардинский посол в России граф Жозеф де Местр (1753–1821) информировал приятеля в Италии в письме от 10 ноября 1808 года:

«Происхождение жениха самое почетное, ибо он, как и император, принадлежит к Голштинскому роду. В прочих отношениях брак неравный, но, тем не менее, благоразумный и достойный великой Княжны... что касается до принца, он показался мне исполненным здравого смысла и познаний. Он уже обратил на себя внимание

в качестве Ревельского генерал-губернатора, он всеми силами старается усвоить русский язык... главная его забота снискать благо расположение своей новой Родины»³.

Из письма императрицы Елизаветы Алексеевны, супруги Александра I, к матери в Баден: «...его внешность мало привлекательна и даже неприятна, хотя русский мундир его несколько приукрасил, зато все хвалят его характер. Он образован, имеет собственное мнение... великая княжна Екатерина уверяет, что ей нужен именно такой муж, а внешности она значения не придает. Между ними — явная симпатия, что является решающим в браке»⁴.

18 апреля 1809 года появился указ императора: «Именной, данный Сенату — Об установлении в губерниях Новгородской, Тверской и Ярославской генерал-губернатора и о возложении как сего звания, так и Главного Управления Департаментом водяных коммуникаций на Его Императорское Высочество Принца Георгия Ольденбургского. Мы желаем отличным способностям его... трудом и деятельностью доказать известную нам ревность и любовь Его к новому Отечеству... пребывание Главного Директора в Твери, яко пункте важнейшем в отношении столицы»⁵.

Тверь. С гравюры Лактионова. 1804 год

После венчания супруги Ольденбургские поселились на лето в Павловске, а затем отбыли к месту службы принца Георга в Тверь. Георг получил право самостоятельно подбирать и назначать чиновников во вверенное ему генерал-губернаторство и Департамент водяных коммуникаций. Принцу полагалось десять адъютантов, которые при формировании Малого двора великой княгини Екатерины Павловны были назначены и ее камер-юнкерами.

16 июля 1809 года указом Александра I Департамент водяных коммуникаций был реорганизован в Экспедицию водяных сообщений. По просьбе принца с 30 августа того же года, кроме Экспедиции водяных сообщений, под управление принца перейдет Экспедиция по устройству дорог в империи. С 20 ноября 1809 года по распоряжению императора будет образовано Главное управление водяных и сухопутных сообщений (с 25 июня 1810 года будет называться Главным управлением путей сообщения), которое оказалось единственным общероссийским ведомством вне столицы, то есть управление всеми путями сообщения в империи отныне велось из Твери. По этому поводу Ф. Ф. Вигель писал: *«Тверь, некогда не один раз великокняжеская столица, некогда соперница Москвы, еще раз на некоторое время блеснула между русскими городами»*⁶.

Помощником в управление путей сообщения Георг пригласил талантливого инженера Франца Павловича де Воллана (1752–1818), который предложил ему план реорганизации работы нового ведомства, разделив территорию России на десять округов.

В первый округ вместе с Петербургской губернией вошли Новгородская и Тверская губернии, Петербургская и Ярославская дороги. Россия получила четкую централизованную систему управления путями сообщения.

Пока шло формирование новых штатов под началом принца Георга Ольденбургского и Малого двора великой княгини, в Тверь, ставшую административным центром нового, уникального генерал-губернаторства, министр внутренних дел князь Алексей Борисович Куракин сообщает вице-губернатору «о назначении Дворца для особого употребления» — от 11 апреля 1809 года⁷. 15 апреля 1809 года прибыли из столицы архитекторы Осип Иванович Бове (1784–1834) и Захар Федорович Дильдин (1785–1849) с секретарем великой княгини Федором Кар-

ловичем Тимротом для осмотра здания императорского дворца. Тверской дворец был построен в 1763–1778 годах (после пожара в Твери 12 мая 1763 года) по проекту Петра Романовича Никитина (1726–1790) как архиерейский (на месте сгоревшего архиерейского дома), а в ноябре 1778 года указом Екатерины Великой дворец переведен на бюджет Придворной конторы, то есть получил статус императорского дворца. К 1809 году дворец в Твери пришел в запустение, особенно после бури в городе 10 июня 1808 года, разворотившей железную крышу здания. Министр финансов и уделов граф Д. А. Гурьев получил предписание императора: *«В губернском городе Твери дворец привести в исправное состояние для жительства в оном любезной моей сестры Ее Императорского Высочества государыни Екатерины Павловны. Повелеваю: потребные на строение и на обмелбирование дворца деньги отпускать из сумм Кабинета, по окончании представить отчет. Александр»*⁸. Административное руководство «переделкой» дворца стал осуществлять главноначальствующий Кремлевской экспедиции строений граф Петр Степанович Валуев, по распоряжению которого 19 апреля 1809 года в Тверь прибыл архитектор Карл Иванович Росси (1775–1849).

«Тверь, как добрая старушка, жила себе неподвижно... без затей, в невоздушной тишине и спокойствии... Но вот в 1809 году Тверь назначается резиденцией... генерал-губернатора принца Ольденбургского Георга и его супруги великой княгини Екатерины Павловны. Вследствие сего город вдруг встрепенулся будто от сна: всюду появилось движение; с необыкновенной деятельностью начали отделять запустевший дворец, перед которым кишели, как муравьи, до 500 человек, заравнивая капустные огороды, и вскоре на диком, глухом месте, обросшем крапивою и репейником, открылась ровная, гладкая, широкая площадь; земляной вал и три соборные дома срыты до основания; глубокий ров с мостом засыпан так, что не осталось и признаков его существования», — вспоминал полвека спустя бывший тверской семинарист Г. Соколов⁹.

Параллельно с реставрацией дворца К. И. Росси обустроил дворцовый сад и всю дворцовую усадьбу. За апрель — август 1809 года *«устроили в Твери дворец, столь огромный и во многих частях столь великолепнейший из дворцов Москвы и Петербурга»,* — писал граф П. С. Валуев из Твери графу Д. А. Гурьеву¹⁰.

Получив известие от графа П. С. Валуева о готовности Тверского дворца, Ольденбургские 14 августа 1809 года выехали по тракту в Тверь в карете, их сопровождали экипажи с придворными. Принца и великую княгиню провожала до Шлиссельбурга императрица Мария Федоровна, а дальше путешественники отправились по воде на яхтах, чтобы по пути осмотреть гидротехнические сооружения. В Шлиссельбурге принца ждали с 12 августа его помощник Ф. П. де Воллан и приглашенный на службу крупный испанский инженер, уроженец Нормандии Август Францевич Бетанкур (1758–1824), чтобы сопровождать Георга Ольденбургского как консультанты. Во время прохождения по Ладожскому каналу главному директору представили местного инженера генерал-майора А. И. Герарда, получившего от принца нарекание за обветшавшие и прогнившие затворы и ворота. Присутствовавший при разговоре А. Ф. Бетанкур, «скептически относившийся к русским проектам», при прохождении по Свирскому каналу выразил-таки свое восхищение сооружениями, оценив всю сложность работ в скальной возвышенности. После прохождения по реке Свирь двинулись по Мариинской системе, где прошли через все 26 камерных шлюзов до реки Ковжи (в пути делали остановки). Принц был в восхищении «от гигантских размеров шлюзов», о чем позднее напишет в письме к императору: «...*Мариинский канал — гигантское сооружение, единственное в своем роде в Европе...*»¹¹.

По прибытии в Тверь Георг Ольденбургский учреждает Канцелярию генерал-губернаторства, единую для трех губерний, в помещении дворца (в восточном флигеле второго этажа), состоящую из трех отделений: уголовное, гражданское и полицейское. В губерниях сохранялись, естественно, свои канцелярии при гражданских губернаторах. По рекомендации графа Д. А. Гурьева бывший секретарь министра внутренних дел графа В. П. Кочубея (в 1802–1807 годах) Федор Петрович Лубяновский (1777–1869) «*получил приглашение от принца Георга Ольденбургского принять на себя управление письмоводством по двум канцеляриям: генерал-губернатора и Главного Управления водяных и сухопутных сообщений*»¹². Особым секретарем принца стал И. М. Борн, сопровождавший принца во всех его служебных и личных поездках.

Принц Ольденбургский привлекал на службу талантливых профессионалов, просвещенных чиновников и способную молодежь.

Воспоминания графа А. В. Кочубея дают возможность познакомиться с окружением Ольденбургских в Твери: «*Прежде других в Твери я и брат Демьян познакомились с Огаревым. Николай Иванович был тогда чиновником особых поручений при Принце. Человек просвещенный и деловой, истинный философ, воспитанный на идеалах Вольтера и Ж.-Ж. Руссо, он был человек честнейших правил и ему всегда давались наиболее важные поручения. Впоследствии Огарев стал одним из первых сенаторов. Жена его Елизавета Сергеевна, урожденная Новосильцева, родная племянница известного государственного деятеля Николая Николаевича Новосильцева, была очень умная женщина и имела приятную наружность. Если я приобрел любовь к литературе, в особенности французской, то я обязан этим Елизавете Сергеевне... воодушевляла во мне любовь к поэзии, и я сочинял для нее стихи в форме мадригалов, которые тогда были в моде*»¹³.

Георга Ольденбургского в Твери окружали не просто просвещенные люди, а талантливые личности, с помощью которых он успел многое сделать за три года своей жизни на посту генерал-губернатора. Всех обитателей Тверского дворца, независимо от ранга и положения, объединяли общие и интеллектуальные, и духовные интересы, хотя, как вспоминал А. М. Бакунин об этом времени, «*в Твери был двор, а значит, были и интриги*», но это, видимо, не мешало профессионалам заниматься своим делом.

По инициативе принца Ольденбургского уже через месяц после приезда в Тверь — 29 сентября 1809 года — появилось «*оригинальное, единственное в своем роде учреждение — Комитет о благоустройстве города Твери*» — с целью «уравнения между жителями Твери повинностей натуральных и денежных, содействия к увеличению натуральных доходов и изысканию средств к улучшению благоденствия города» (существовал до 26 апреля 1842 г.).

Просуществовав наравне с городской думой, Комитет как высшая инстанция принес городу немало пользы за счет новых источников доходов в бюджет города¹⁴. Образованию Комитета предшествовала записка «О способах к благоустройству города Твери», составленная Ф. П. Лубяновским, в которой описывалось состояние города осенью 1809 года: «*...запущены не только частные дома, но и площади, улицы; нет чистоты и опрятности в домах частных... в самой полиции окна остаются разбитыми, ограда*

у губернаторского дома в развалинах. На мосту ко Дворцу... всегда лужа; в канале, через который поставлен мост, вода стоячая и воющая... На каждом дворе куча гноя и всякого сора, картина города, как будто жителями оставленного... одетые чучелами будочники и сонные драгуны»¹⁵. Начальник канцелярий принца Ф. П. Лубяновский отметил и отсутствие отчетности в расстроенном городском хозяйстве. В конце записки даются предложения предписать гражданскому губернатору А. А. Ушакову «исправить ограду около своего дома, в окнах... домов и полиции вставить стекла, чтоб казенные здания были прибраны и очищены; обязать полицию следить за чистотой города и его украшением». Принц Ольденбургский наложил на записку Лубяновского резолюцию: «...из всего явствует необходимость учредить Комитет, представление о сем Его Императорскому Величеству изготовить». Уже 24 сентября 1809 года генерал-губернатор предписал тверскому губернатору учредить Комитет о благоустройстве Твери «из депутатов дворян и имеющих здесь дома, из городского головы и сверх того — два, три обывателя из числа домовладельцев, по выбору общества». Комитету предстояло «исчислить все городские повинности натурой и деньгами, все городские доходы, в том числе — неопределенные, с показанием, каким образом они взимаются, какие правила бывают при раскладке их..., определить все нужды города, а для изыскания средств провести оценку домов и квартир... распорядки в гостинном дворе, в торговых банях, на перевозах».

Принц требовал от городской думы точную цифру годовых расходов по 9 статьям, в том числе на содержание полиции, съезжих дворов, пожарных инструментов и драгун с лошадьми, на ночных сторожей из инвалидов, на содержание и ремонт мостов, перевозов через Волгу, Тверцу, Тьмаку, приходских училищ, богаделен, на отопление лазарета, покоев караульных постов... Принц Георг Ольденбургский стал требовать точных сведений о каждом объекте без проволочек и «письменной канители».

Генерал-губернатор принял предложение купца Е. Зубчанинова сдавать отдельные объекты на содержание с публичных торгов, ставших постоянным источником доходов городской казны, и требовал отчеты о проведенных торгах. Из Москвы пригласили землемера для обследования незастроенных и выгонных участков земли, которыми раньше пользовались «по справедливости», не оформ-

ля никаких документов, а значит — не платили налоги в городской бюджет. Составили новые сметы для налогоплательщиков, все дома поделили на четыре класса — «по положению и доходам». С 1810 года городская дума начала собирать налоги за пастьбу скота на городских выгонах.

Выяснилось также бесконтрольное производство («варка») пива. Городская дума ввела регистрацию пивоваренных заводов, каждому владельцу выдавали талон на оплату налога «за каждую варку» (с учетом количества ведер и величины котлов). За подпольную варку установили штраф; причем после третьего штрафа завод подлежал уничтожению¹⁶. Уже в мае 1810 года для сбора поземельного налога с частных домов и дворов Тверь разделили на четыре класса с тем, чтобы с выгодных земель платить больше (вместо старого правила — полпроцента с каждого строения). Этим стала заниматься специальная квартирная комиссия.

Принц как генерал-губернатор предложил «в 1811–1815 годах завести в Твери четыре кофейных дома, четыре кухмистерских или рестораций и простые харчевни». В доход города с каждой кофейни налог в 150 руб., с каждой кухмистерской — 100 руб. И с каждой харчевни — 25 руб. (за год вперед).

С города сняли обязанность содержать мосты в Твери через Волгу и Тверцу (введено новгородским и тверским генерал-губернатором Н. П. Архаровым (1784–1787)), так как через Волжский мост идет «государева дорога», а Тверца — судоходная река из «варяг в греки».

Стремясь навести порядок в делопроизводстве местных учреждений, покончить с волокитой чиновников и безответственностью уездных судей, у которых стремительно росло число нерешенных дел, принц Ольденбургский 2 ноября 1809 года подал государю свой проект «О мерах к успешному окончанию дел в уездных и земских судах», предложив обновить кадры; но прежде — до окончания всех старых дел в уездных судах — оставить на своих местах прежних судей. Обещал лично контролировать их работу, предложил вопрос о выплате судьям жалования передать на усмотрение дворян; составить временные нижние земские суды. Император уже 14 ноября 1809 года утвердил предложение принца с замечанием: «меры справедливые»¹⁷. На Государственном совете 14 мая 1810 года была рассмотрена записка Ольденбургского о чрезвычайной строгости

наказания крестьян за порубку, когда крестьян ссылали в Сибирь на поселение, что приносило вред экономике губернии, лишая помещиков рабочих рук. По предложению принца Госсовет заменил ссылку в Сибирь штрафом. Пытался принц защитить и юридические права крестьян, стараясь смягчить телесные наказания.

С сентября 1809 по январь 1810 года по распоряжению принца Ольденбургского в Тверском дворце архитектор К. И. Росси со своими помощниками Н. Ткачевым, З. Дильдиным, О. Бове занимался проектом реконструкции города.

В начале декабря в Твери у великой княгини и принца гостил император, с ним обсуждали проекты манежа, кавалерского корпуса, будущее Твери, которая, по мысли Александра I, должна стать как бы третьей столицей империи.

Все проекты были отправлены в Государственный совет, утвердивший их уже 21 февраля 1810 года. Правительствующий Сенат утвердил 18 марта 1810 года решение его императорского величества о награждении чиновников Кремлевской экспедиции строений, «отличившихся при строении Тверского дворца»: архитектор К. И. Росси получил чин надворного советника, Н. Ткачев и З. Дильдин были переведены в титулярные советники, четыре канцеляриста — в коллежские регистраторы. Князь М. Д. Цицианов получил табакерку с вензелем имени императора, обсыпанную бриллиантами; остальные чиновники повышены были в чинах¹⁸.

С июня 1810 года началось благоустройство кремля (крепости) под руководством камергера П. Н. Приклонского. Проведенные земляные работы облагородили валы, вдоль которых разбили бульвары; ров между Волгой и Владимирским мостом превратили в английский сад по проекту генерал-инженера Генриха Голле. Напротив дворца соорудили гранитную набережную, перед губернаторским домом (1778–1780) выравнивали площадку.

По инициативе принца началось строительство канала от реки Тьмаки с целью зимовки судов и предотвращения наводнения. Созданный Комитет о построении канала заключил контракт с ведомством путей сообщения на земляные работы. По ходатайству принца Тверская казенная палата выдала Комитету ссуду в 70 000 рублей на 20 лет. Государственный совет утвердил 5 января 1811 года предложение принца о превращении реки Тьмаки в канал, названный Екатерининским в честь Екатерины Великой

и ее внучки. В устье Тьмаки должны построить дамбу, на ней разбить бульвар.

Ниже моста через Тьмаку (у подошвы крепостного вала) инспектор врачебной управы врач Карл Готлиб Шнабель (1774–1845) устроил бассейн минерального источника. В том же 1810 году в селе Андреаполе после проведенного исследования химиком Василием Михайловичем Севергиным (1765–1826) врач Гюбенталь открыл в присутствии принца минеральный источник, построив павильон из 13 комнат (с ваннами, с горячей и холодной водой)¹⁹.

Энергичный генерал-губернатор Георг Ольденбургский «любил входить лично во все детали дел». Он интересовался, «как и кем проверяются весы в соляных казенных магазинах, почему допускают обвес при покупке соли»; требовал наказывать виновных, обязал Тверскую казенную палату осуществлять необходимый контроль. По просьбе Новоторжского городского общества принц Ольденбургский ходатайствовал перед государем о выдаче пособия на строительство Преображенского собора, приложив к просьбе план фасада храма, — Александр I распорядился о выдаче Торжку 14 000 руб.²⁰

1 июня 1810 года Ольденбургские вместе с императором, гостившим у любимой сестры великой княгини Екатерины Павловны, присутствовали при закладке нового храма Рождества Христова в женском монастыре г. Твери по проекту К. И. Росси; государь пожертвовал на строительство храма 3 000 руб., принц — 500, от императрицы Марии Федоровны — 1000 и императрицы (супруги Александра I) Елизаветы Алексеевны — 500 руб.

В апреле 1810 года принц предложил гражданским губернаторам Твери (А. А. Ушакову), Новгорода (П. И. Сумарокову) и Ярославля (князю М. Н. Голицыну) «представить планы строений по своим губерниям и уездным городам» для финансирования, поскольку по сообщению Тверской Казенной Палаты с 5 февраля 1810 года государственное казначейство ассигновало на год (1810) на генерал-губернаторскую канцелярию принца 18 000 рублей и на Экспедицию путей сообщения 57 500 руб. Были выданы деньги тверским чиновникам по указу Александра I от 4 декабря 1809 г. «О повышении чинами»²¹. По воспоминаниям современников, «твердая рука принца могла снять проблемы с рабочей силой и материалами», поэтому уже в 1810 году удалось отремонтировать дворянское училище в Твери²². В государственном архиве Тверской области

хранится любопытный документ — обращение к его императорскому высочеству генерал-губернатору принцу Георгу Ольденбургскому от Алексея Лукича де Венсена с изложением подробной программы открытия «двух институтов в Твери»: для 16 благородных девиц и 16 благородных юношей «для службы по части внутренних сообщений государства». На полях этого документа — подробная резолюция, в частности, «предлагаемые заведения в г. Твери мною утверждаются и весьма охотно оным вспомоществовать буду» с подписью принца.

В 1811 году в Царском Селе откроется Императорский лицей по желанию императрицы Марии Федоровны, решившей дать младшим сыновьям классическое образование. Ее идею поддержал племянник принц Георг Ольденбургский, предложив место для этого лицея — Царское Село²³.

Генерал-губернатор Ольденбургский оказывал свое покровительство промышленникам, в частности владельцу фарфорового завода в селе Кузнецово Корчевского уезда А.Я. Ауэрбаху. Открыв производство в 1809 году, Ауэрбах в 1811 году обратился в правительство с просьбой о ссуде в 25 000 руб., принц поддержал его просьбу. Великая княгиня Екатерина Павловна заказала сервиз для Тверского дворца; не без ее участия Ауэрбах получает заказ на изготовление кобальтового сервиза для Императорского двора.

По примеру столицы по распоряжению генерал-губернатора в Твери впервые закрепили за улицами города их официальные названия на жестяных дощечках, прибитых к стенам или на отдельных столбах.

Все возникающие вопросы принц оперативно решал с Александром I, особенно это касалось развития водяных сообщений на территории генерал-губернаторства, что отметил император: «...точность и поспешность исполнения сочетаются в нем со зрым уважением всех дел в Совете под непосредственным начальством Главного Директора»²⁴. Главное управление путей сообщения в 1810 году включили в состав Комитета министров. Экспедиция путей сообщения была разделена на три разряда: 1) водяные сообщения, 2) сухопутные сообщения, 3) торговые порты. «Учреждаются мастерские бригады» для земляных и прочих работ, полицейские команды для надзора за безопасностью судоходства. Были утверждены устав судоходства, новые правила о нагрузке и размерах судов.

К 1809 году Вышневолоцкая водная система настолько обветшала, что уже не справлялась с доставкой грузов в столицу. В Вышнем Волочке застряли 2 600 барок, на Боровицких порогах перевернулись 43 барки. Принц писал Александру I после осмотра Тверецкого бечевника: «...я не нашел почти следов его существования при самоличном первом обозрении моем берегов Тверцы, я видел, сколь великие усилия надобны, чтобы бечевник сей безотлагательно был устроен»²⁵. Осенью 1809 года начались работы по улучшению Тверецкого бечевника и на строительстве канала между реками Вытегрою и Ковжею для второго водного пути от Волги до Санкт-Петербурга, который назовут Мариинским (в честь императрицы Марии Федоровны, давшей на стадии изысканий ссуду на пять лет).

Параллельно принц навел порядок в отчетности и документации дорожных дел. В конце 1809 года он утвердил новые дорожные правила, по которым дороги в Российской империи отныне делились на пять категорий:

- 1) дорога главного сообщения Санкт-Петербург — Москва, обслуживаемая казной через учреждения Главного управления путей сообщения;
- 2) дороги больших сообщений, соединяющие столицу с границей. Эти дороги были под наблюдением губернаторов (финансировали те территории, через которые шли эти большие дороги), Министерства внутренних дел и Главного управления путей сообщения, чиновники которого осуществляли надзор за их состоянием;
- 3) дороги обыкновенных почтовых сообщений между обычными губернскими городами;
- 4) уездные дороги почтовых и торговых сообщений;
- 5) сельские почтовые дороги.

Принц Ольденбургский требовал, чтобы «точно знать, кто отвечает за дорогу, на какие средства и кто осуществляет ремонт». За 1810 год приведено в порядок около 14 000 верст новых и устроенных старых дорог в том числе Московское шоссе (путь из Твери в Москву сократился до одного дня), на котором появились новые почтовые дома (путевые дворцы) — в Бронницах, Подсолнечном и на почтовой станции Черная грязь, построенные по проекту инженера Александра Яковлевича Фабра (1782–1844).

Екатерина Павловна старалась облегчить мужу выполнение многочисленных служебных обязанностей, создавая определенный моральный климат среди обитателей дворца, где находились не только канцелярии принца (с их штатом сотрудников), но и квартиры некоторых придворных. Она, по словам современников, любила изысканное в умственном отношении общество. И в Тверь отныне стремились вельможи, дипломаты, там начались приемы, балы, маскарады.

В редкие часы, свободные от служебных забот, Ольденбургские, по словам князя И. М. Долгорукого, *«стихи прекрасные читали, не занимались ерундой»*. Принц любил и живопись; переписывался с немецким художником И.-Ф. Тишбейном, который присылал ему акварельные рисунки на классические сюжеты, служившие Георгу темами его стихотворений. Как вспоминал Лубяновский: *«Принц обычно работал в кабинете дворца рядом с кабинетом великой княгини, в который была постоянно полуоткрыта дверь; если принц уставал, он звал ее. И часы досуга они проводили вместе, в душевной беседе, прогуливаясь под руку по большому дворцовому саду»*. Любовь и привязанность к жене часто служила темой его стихотворений, например «Настоящее»:

*Меня не тянет к лучшим временам,
Меня манит любви святое чувство,
О, если б мог его я удержать,
Хотя на миг в его полёте быстром!
О коих нам твердят в старинных сказках;
И без того блаженен как дитя,
Когда передо мной моя жена
Со светлым взором, с чистою душой²⁶.*

Стараниями Екатерины Павловны в 1810 и в 1812 годах были изданы в Москве сборники стихотворений принца «Поэтические попытки» (для семьи), графически оформленные великой княгиней. Ее императорское высочество с детства брала уроки у знаменитого академика живописи А. Е. Егорова (1776–1851). Учитель рисования Екатерины Павловны С. С. Федоров (1788–1857), окончивший Академию художеств (вместе с О. А. Кипренским), прибыл в Тверь в свите великой княгини осенью 1809 года.

Александр I в начале декабря гостил у любимой сестры (с 30 ноября 1809 года); целую неделю в городе царил праздничное настроение. По приглашению вельмож, живущих в отставке в Москве, 5 декабря вечером «государь с сестрой и зятем выехал в Москву», остановились на даче князя Барятинского близ Петровского дворца, откуда отправились в Слободской дворец, где собралась «вся Москва». Великая княгиня ехала в парадной придворной карете, мужчины — верхом. Под колокольный звон и пальбу пушек прошли в Успенский собор в Кремле, где их встречал митрополит Платон, бывший в 1770–1775 годах тверским архиереем.

Во время пребывания в Москве государь и Ольденбургские присутствовали на балу у графа Ф. В. Ростопчина, где *«великая княгиня Екатерина Павловна встретила Н. М. Карамзина, осыпала милостями и пригласила в Тверь»²⁷*. И в начале 1810 года историограф поехал к великой княгине. Его «История государства Российского» впервые читалась в Твери у великой княгини, и по случаю этих чтений давались особые вечера. С момента первого приезда в Тверь между Н. М. Карамзиным и великой княгиней началась переписка, продолжавшаяся до самой ее кончины (28 декабря 1818 года в Штутгарте). Историограф занимался с Екатериной Павловной русским языком, проверяя заданные ей переводы сочинений иностранных авторов на русский язык.

А между тем, в ожидании пополнения семьи, Екатерина Павловна решила рожать в столице, куда для великой княгини предпочтительно было плыть по воде, для чего специально построили барку и судно для кухни. 10 июня «чета принца поднялась на барку», стоящую в устье Тверцы, руководил их путешествием Франц Павлович де Воллан.

13 июня путешественники были в Вышнем Волочке, где из-за служебных обязанностей принца пробыли (на якоре) восемь дней. Принц Ольденбургский со своими специалистами выезжал на места работ на канале. Когда шли по реке Мсте, Георг Ольденбургский по пути осмотрел все пристани; на Боровицких порогах решили установить телеграф и плавучие мосты. Дальше их путь шел по Сви́рскому обводному каналу в Волхов-реку у Новгорода, где пробыли два дня: принц устроил совещание с инженерами, решили строить большой мост, не забывая о ремонте нужных объектов. По Волхову — в Ладожский канал, в пути пробыли двадцать два

дня — и 1 июля 1810 года прибыли по Неве в Таврическую гавань, где принца и великую княгиню встречал граф Н. А. Толстой, доверенное лицо государя. Тверским гостям отвели покои в Таврическом дворце.

Кроме своих непосредственных по службе дел в столице, принц с Александром I участвовал в военных учениях на Смоленском поле. Позднее Ольденбургские переехали в Павловск, где 18 августа 1810 года Екатерина Павловна родила первого ребенка — сына. Крестил новорожденного по лютеранскому обряду пастор Фальбург, дав ему имя Фридрих Павел Александр, «восприемницей стала императрица Мария Федоровна». По случаю крещения сына великая княгиня Екатерина Павловна получила подарок от брата-императора — цепь бриллиантовую с топазами в 19011 руб. 30 декабря Ольденбургские вернулись в Тверь.

После нового 1811 года Ольденбургские поехали знакомиться с Ярославлем. Прибыли в Ярославль в 11 часов вечера 6 января 1811 года. К сожалению, подробных воспоминаний об этом пребывании Ольденбургских в Ярославле пока не обнаружено.

По возвращении из Ярославля принц собрал в Твери всех глав округов путей сообщения страны, обсуждали вопросы финансового обеспечения работ, потом два месяца совет Главного управления путей сообщения занимался их замечаниями по регламенту.

Весной 1811 года принц Георг собрал совет из крупных помещиков и именитых купцов генерал-губернаторства для представления проектов новых правил судоходства. Для контроля за продвижением грузов организовали коммерческий совет.

В 1811 году Георг Ольденбургский предложил собирать деньги на нужды города, и 115 состоятельных граждан Твери стали вносить от 5 до 500 руб. Сам принц первым внес свой пай с конкретным назначением: на замощение Екатерининской улицы от реки Тьмаки — гостиного двора до Фонтанной площади. 4 марта 1811 года дано предписание принца тверскому гражданскому губернатору А. А. Ушакову о привозе камня в Тверь «мостить улицы»: каждое судно должно было привозить от 10 до 30 камней определенной величины, а за каждый отсутствующий камень брали по гривне. И это решение распространили на все губернии генерал-губернаторства, например летом «каменную повинность» по примеру Твери ввели в Кашине, Рыбинске²⁸.

Большим событием в 1811 году (не только для Твери) стал очередной приезд императора, пожелавшего послушать «Историю государства Российского» Н. М. Карамзина с супругой. Карамзины прибыли в Тверь из Остафьева 12 марта и поселились, как обычно, у Оболенских. 17 марта 1811 года в 8 часов вечера в кабинете великой княгини Карамзин читал главы своей «Истории» государю.

В насыщенную жизнь Ольденбургских вносят свои поправки события международного характера. В связи с экспансией Наполеона в Европе герцог Петр Фридрих Людвиг, отец принца Георга, вынужден был со старшим сыном принцем Павлом Фридрихом Августом покинуть родные земли под ударами наполеоновской армии. Георг и Екатерина Павловна выехали из Твери 22 марта 1811 года встречать родных, которые прибыли в Петербург (через Нарву) 2 апреля, в Пасху.

Орест Адамович Кипренский, проживший в Твери почти год (с апреля 1811 года), был принят при Малом дворе великой княгини (по рекомендации камергера графа Ф. В. Ростопчина), хотя и не был зачислен в его штат. Кипренский много работал в Твери; в сентябре он подал в совет Академии художеств шесть своих работ, из них — за четыре тверских, получил звание академика.

К весне 1812 года «починили» губернаторский дом в Твери, возобновили земляные работы на Екатерининском канале. Современные исследователи считают, что «в 1809–1812 гг. генерал-губернаторство под эгидой принца Ольденбургского стало одним из лучших в России»²⁹. Получив сведения о продвижении французской армии к Кенигсбергу, император Александр Павлович 9 апреля 1812 года выехал в Главную квартиру русской армии — Вильно, в императорской свите были также принцы Георг и Август Ольденбургские. Армия Наполеона 12 (24) июня перешла Неман без объявления войны. Русская армия, сдерживая наступление противника, организованно отступала.

В ночь с 6 на 7 июля Александр I покидает армию и через Смоленск прибывает ночью с 11 на 12 июля 1812 года в Москву, отдав перед отъездом распоряжение принцу Георгу Ольденбургскому возвращаться в генерал-губернаторство для организации ополчений. Принц выехал из Вильно в Новгород, предупредив великую княгиню письмом.

Экземпляр Манифеста о войне Ольденбургский получил 13 июля и по прибытии в Тверь приказал рассылать его по уездам. Все инженеры Экспедиции путей сообщения были призваны в армию, прекратилось строительство гражданских объектов, Главное управление с начала года получило денег в два раза больше, но с началом войны принц большую часть этих средств отдал на военные нужды. В Твери дворяне собрались по призыву принца 18 июля по вопросу организации ополчения.

В ночь с 18 на 19 июля 1812 года в Тверской дворец прибыл из Москвы Александр I со свитой, «полтора дня пробыл в Твери, посетив Екатерину Павловну и принца». 19 июля во дворце император подписал рескрипт графу Ф. В. Ростопчину «о правилах и порядке народного ополчения». Георгу Ольденбургскому предписывалось «образовать военные силы из губерний Тверской и Ярославской»³⁰. Георг сформировал из народного ополчения трех губерний, в которых он был губернатором, ополченский корпус численностью в 35 тыс. человек. В Ярославле и в Твери устроил госпитали.

На средства Екатерины Павловны был сформирован «Егерский Великой Княгини Екатерины Павловны батальон» народного ополчения из 712 ратников (по одному человеку от каждой сотни ее крестьян), командовать которым был назначен полковник князь А. П. Оболенский. Содержание батальона Екатерина Павловна приняла на свой счет и обязалась выплачивать за своих ополченцев все подати и оброки до конца их жизни. Кроме этого, также за ее счет был создан «3-й Украинский казачий полк».

После 24 июля Ольденбургские обустроиваются в Ярославле, где в это время проходило собрание местных дворян. Перед дворянами выступил принц со словами: «Если на короткое время оставлено мною поле чести и славы, то, конечно, важная причина должна побудить предстать ныне среди вас. Его Императорскому Величеству благоугодно было поручить мне принять во вверенных мне губерниях все меры, склоняющие к защите Отечества». В частном письме Александру I от 18 августа принц писал о личном осмотре Ярославской военной силы, когда обратил внимание на очень старых ратников и подростков, не пригодных к службе: «...неспособные люди ныне же были помещиками их переменены на совершенно годных»³¹. Принц внес своих 5000 руб. на организацию Ярославского ополчения, охранявшего дорогу на Москву на Дмитриевском направлении.

В день Бородинской битвы 14 (26 августа) 1812 года «Ярославль обрадован был благополучным разрешением Ее Императорского Высочества Екатерины Павловны от бремени Петром, принцем Ольденбургским»³².

Принц стремился в действующую армию, но на многочисленные обращения своего двоюродного брата император ответил обстоятельным письмом: «...в данный момент вы несравненно полезнее мне, стоя во главе вверенных вам трех губерний и заведя путями сообщения... Никогда еще занимаемое вами место не имело столь важного значения. Единственные, остающиеся еще в наших руках сообщения с остальными частями империи... идут через Ярославль, часть Москвы находится в Ярославле, прибавьте к этому еще бездну других соображений... поддержав порядок и спокойствие в своих трех губерниях, Вы окажете этим мне и государству величайшую услугу... Александр»³³.

После оставления Наполеоном Москвы угроза для Твери миновала, а последующие события позволили принца Георга вернуться в Тверь 19 ноября.

«После Бородинского сражения тысячи раненых были привезены в Тверь и устроены попечением принца. Но чрезмерное сосредоточение раненых и борьба с госпитальным ведомством одолели великодушные усилия принца: по человеколюбию своему, проводя целые дни, а иногда и ночи, во временных лазаретах, он подвергнулся заразительному влиянию госпитальной горячки, от которой и умер»³⁴.

Принц Георг Ольденбургский скоропостижно скончался в Твери 15 (27) декабря 1812 года. 30 декабря 1812 года по случаю кончины принца в Твери состоялось траурное собрание дворян губернии. Положили «и в знак признательности своей к высоким добродетелям принца поставить портрет Его Императорского Высочества в зале дворянского собрания да прибудет он вечным памятником приверженной ему Тверской губернии дворянством, на что спросить позволения государя-императора».

Император, получив известие о кончине принца, 25 декабря возложил на Ф. П. де Воллана управление всеми делами по путям сообщения и почетную обязанность достойно проводить останки принца в Санкт-Петербург. Был разработан церемониал перевозки и погребения принца. В Твери 31 декабря — последний день, когда открыт был доступ к телу покойного принца.

Ольденбург. Мавзолей семьи герцогов Ольденбургских

Принц Георг Ольденбургский похоронен был в Санкт-Петербурге в церкви Св. Петра и Павла, а в 1826 году перезахоронен в Ольденбурге его отцом герцогом Петром Фридрихом Людвигом и братом великим герцогом Павлом Фридрихом Августом Ольденбургскими в фамильном мавзолее.

20 февраля 1813 года Екатерина Павловна писала Н. М. Карамзину: *«Признаюсь, что горе мое чрезмерно... смею сказать, что всякий, кто знал принца, не мог не любить его. Мое счастье было хотя и непродолжительно, но велико, и я только могу благодарить Бога, что Он дал мне им насладиться. Я не смею жаловаться: тот, кого я любила и кого всегда любить буду больше всего на свете, получил в настоящее время истинное блаженство, которое будет продолжаться вечно. Что значит испытываемые мною страдания... через восемь дней я уезжаю за границу... Доктора советуют мне лечение водами... Мой старший сын едет со мной, младший остается у матушки...»*³⁵.

До 1816 года Главное управление путей сообщений продолжало работать под управлением Ф. П. де Воллана в Твери, затем было переведено в Петербург.

После кончины принца и отъезда из Твери великой княгини, по словам Ф. Ф. Вигеля, *«Тверь без нее опустела и поднесь живет одним ее воспоминанием»*³⁶.

Примечания

1. Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. Т. XXX (1808–1809). — СПб., 1830. — С. 915–916.
2. Коленкур А. Мемуары. — М., 1943.
3. Письма графа Жозефа де Местра. — СПб., 1992.
4. Троицкий Н. А. Александр I и Наполеон. — М., 1994.
5. Полное собрание законов Российской империи. Т. XXV. — СПб., 1830. — С. 1308, 1032.
6. Вигель Ф. Ф. Воспоминания. — М., 1864. — С. 74.
7. Архив ТОГМ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 40. С. 69.
8. Камер-фурьерский журнал 1809 года. — СПб., 1908.
9. Газета «День». М., 1866. — № 20.
10. Архив ТОКГ. Горбатенко и тверской дворец [рукопись]. — 1989.
11. Павлов В. Е., Уржанов В. М. От голландского капитана до министра. Ф. П. Деволант. — СПб., 2005.
12. Лубяновский Ф. П. Воспоминания. — СПб., 1872.
13. Кочубей А. В. Семейная хроника. — СПб., 1890. — С. 38–40.
14. Архив ТГОМ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 67.
15. Архив ТГОМ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 118.
16. ГАТО. Ф. 117. Оп. 1. Д. 33, 34.
17. Середонин С. М. Исторический обзор деятельности Комитета министров. Том I. — СПб., 1902.
18. РГИА. Ф. 468. Оп. 33. Д. 146. Л. 21.
19. Календарь памятных дат на 2005 год. — Тверь. — С. 67.
20. Тверские епархиальные ведомости. — 1909. — № 41. — 19 сентября.
21. ГАТО. Ф. 312. Оп. 4. Д. 9166. Л. 128.
22. ГАТО. Ф. 59. Оп. 1. Д. 106. Л. 23.

23. *Шумигорский И.Е.* Императрица Мария Федоровна. Т. I. — СПб., 1892.
24. Полное собрание законов Российской империи. Т. XXX. — СПб., 1830. — С. 1305.
25. *Павлов В.Е., Уржанов В.М.* От голландского капитана до Российского министра. Ф. П. де Воллант — СПб., 2003.
26. Цит. по: *Анненкова Э.А., Голиков Ю.П.* Принцы Ольденбургские в Петербурге. — СПб., 2004.
27. *Божерянов И.Н.* Великая княгиня Екатерина Павловна. — СПб., 1888.
28. *Середонин С.М.* Исторический очерк деятельности Комитета министров». Т. I. — СПб., 1902.
29. *Лысенко Л.М.* «Губернаторы и генерал-губернаторы Российской империи». — М., 2001.
30. *Князь П.А. Вяземский.* Москва в 1812 году // Русский архив. Кн. I. — 1875.
31. Сборник документов «Ярославский край». — Ярославль, 1972.
32. *Троицкий И.* История Ярославля. — Ярославль, 1853.
33. Русская старина. — 1911. — Январь. — С. 139.
34. *Кропотов Д.А.* Жизнь графа М. Н. Муравьева. — СПб., 1874.
35. *Пушкин Е.А.* Письма великой княгини Екатерины Павловны. — Тверь. 1888.
36. *Вигель Ф.Ф.* Воспоминания. — М., 1964. — С. 171.

Ю.А. Мазинг

Военная карьера принца Александра Петровича Ольденбургского

Принц Александр Петрович, сын принца П.Г. Ольденбургского и принцессы Терезии Вильгельмины, получил прекрасное, традиционное для семьи домашнее образование. В послужном списке так и написано: «VII. Где воспитывался — Под надзором родителей». Воинственный дух детских игр стал частью мировоззрения принца, что неудивительно, поскольку всем мальчикам царской семьи предстояла военная служба. Александр прослушал также полный курс Императорского училища правоведения, основанного его отцом в 1835 году.

Принц Петр Георгиевич, нежно любивший своих детей, под гнетом своих многочисленных обязанностей не имел возможности уделять их воспитанию должного внимания. Поэтому организацией образования и воспитания детей занималась принцесса Терезия. Главное педагогическое наблюдение она доверила директору 2-й Санкт-Петербургской гимназии Александру Филипповичу Постельсу (1801–1871), который, в соответствии с ее требованиями, старался организовать для детей «прусское образование». Выдающийся российский минералог и естествоиспытатель А.Ф. Постельс, участник кругосветного путешествия Федора Петровича Литке (1797–1882) на военном шлюпе «Сенявин», исследователь Камчатки, с 1845 года действительный член Русского географического общества, к этому моменту стал профессором Санкт-Петербургского университета. Одновременно он давал уроки великим княжнам Марии и Екатерине Николаевнам. Впоследствии этот талантливый ученый занимал профессорские должности в Императорском училище правоведения и Главном педагогическом институте, был членом различных образовательных комиссий, дослужился до чина тайного советника и стал членом Совета министров народного просвещения. В 1866 году Императорская Санкт-Петербургская академия наук избрала его своим почетным членом.

Военным наукам мальчиков обучал поручик (впоследствии генерал) артиллерии Михаил Викторович Половцов, к тому же великолепный музыкант. Граф Сергей Дмитриевич Шереметев (1844–1918) вспоминал, что все должны были слушать команду и выстраиваться в большой зале по правилам артиллерийского учения, а когда поручик кричал: «Батарея, стой, с передков отъезжай!», то все стремительно выстраивались, чтобы заслужить его одобрение. Михаил Викторович был незаурядной личностью. Большой поклонник Н. В. Гоголя, он был прекрасным чтецом и приохотил всех детей к произведениям этого дивного писателя. Как музыкант и пианист поручик был лучшим учеником известного пианиста-виртуоза Адольфа Гензельта, близкого друга супругов Ольденбургских, особенно принца Петра Георгиевича. Помимо обязанностей воспитателя мальчиков, он всех детей обучал музыке. Однако впоследствии М. В. Половцова, по какой-то причине потерявшего расположение принцессы Терезии, сменил морской офицер Г. Т. фон Бок.

Из других учителей и воспитателей влияние на детей Ольденбургских оказал живший долгое время в доме принца преподаватель Кронбергер, человек в высшей степени образованный, полиглот, но эгоистичный и легкомысленный, как подмечал граф С. Д. Шереметев. Более добродушным и близким детям был молодой учитель русского языка и литературы Николай Петрович Лыжин, автор нескольких исторических работ. Он познакомил детей с произведениями А. И. Герцена, Н. Г. Чернышевского, Н. А. Некрасова, с работами историка Н. И. Костомарова, а позднее с романами И. С. Тургенева. Кстати, его брат Павел Петрович послужил Ф. М. Достоевскому прототипом Петра Петровича Лужина в романе «Преступление и наказание». Принц Петр Георгиевич относился к Николаю Петровичу с большим уважением и поручил ему опубликовать доставшийся в наследство от матери великой княгини Екатерины Павловны рукописный альбом — подарок ей от Н. М. Карамзина, снабдив его предисловием. Как девочки, так и мальчики обучались танцам под руководством госпожи Цейль, уроки ее нравились всем, особенно девочкам.

С. Д. Шереметев, свидетель семейной жизни Ольденбургских, вспоминал, что прочное место в их доме занял в 1860-е годы адъютант принца Петра Георгиевича и воспитатель мальчиков Кон-

стантин Францевич фон Шульц. Благодаря расположению к нему принцессы Терезии, он обеспечил себе исключительное положение. Ему позволялось многое, даже насмешки над главой семьи, не говоря уже о слегка презрительном отношении к мальчикам, особенно Александру. Принц Александр, отличавшийся с юных лет горячим, порывистым характером, не примирился с насмешливым к нему отношением воспитателя и однажды поставил Шульца на место, повысив голос на любимца матери. На воспитание принца Александра довольно сильное влияние оказывал пастор Герценберг, к которому благоволила мать-принцесса. Проповеди пастора возымели противоположный результат — породили полное равнодушие к протестантизму и на долгое время ко всякой другой религии, о чем отмечал в своих мемуарах граф С. Д. Шереметев, с которым у Александра сложились дружеские отношения, продолжавшиеся всю жизнь. Александр Петрович бывал постоянным гостем в имениях и дворцах Шереметевых в Петербурге, Москве и Подмоскowie.

Воскресные дни принцы Александр и его старший брат Николай, а также граф С. Шереметев, как правило, проводили в компании великих князей, их сверстников. Эти вечера были заведены в годы Крымской войны 1854–1855 годов и долгое время оставались традиционными, пока великие князья не повзрослели.

Принц Александр, зачисленный при рождении согласно традиции семьи Романовых прапорщиком в Лейб-гвардии Преображенский полк, быстро продвигался по служебной лестнице. Когда ему исполнилось 20 лет, он прибыл в полк поручиком, три месяца спустя он уже штабс-капитан и командир роты. Александр всецело отдавался служебным обязанностям, добросовестно вникая во все подробности армейской жизни, живя интересами своей роты, стоявшей в деревне Славянка.

В августе 1866 года принц Александр Петрович был пожалован первым своим орденом Св. Анны III степени — «За отличную усердную и ревностную службу».

*Т. Везер
Портрет принца
А. П. Ольденбургского.
1870 год*

7 января 1868 года, накануне женитьбы, император награждает его орденами Св. апостола Андрея Первозванного, Св. Александра Невского, Белого Орла, Св. Анны I степени и Св. Станислава I степени, а также жалует чин полковника с отчислением от должности ротного командира. С марта этого года, в возрасте 23 лет, принц назначен командиром стрелков Лейб-гвардии Преображенского полка.

В 1868 году Александр Петрович Ольденбургский сочетался браком с Евгенией Максимилиановной, княжной Романовской, герцогиней Лейхтенбергской, принцессой Богарне (1845–1925), дочерью герцога Максимилиана Лейхтенбергского (1817–1852) и великой княгини Марии Николаевны (1819–1876). С детства вращаясь в кругу великих князей — своих сверстников, принц Александр всегда выделял ее среди великих княжон и их подруг. Все любили Евгению за легкий веселый нрав, за любознательность, умение мило и умно пошутить, а то и подшутить.

Детские годы Евгении прошли в Старом Петергофе, в имении герцога М. Лейхтенбергского Сергеевка. После национализации здесь с 1920 года расположен Биологический НИИ Санкт-Петербургского государственного университета (БиНИИ СПбГУ). В ноябре 1868 года у Евгении Максимилиановны и Александра Петровича родился единственный сын принц Петр Александрович (1868–1924).

Служба Александра Петровича успешно продолжалась: 12 сентября 1870 года высочайшим приказом принц был назначен командиром Лейб-гвардии Преображенского полка, а 28 марта следующего года произведен в генерал-майоры и зачислен в свиту его величества императора Александра II. К этому времени отчетливо проявились противоречивые черты характера Александра Петровича, которые впоследствии отмечали все близко знавшие его люди. Современники считали эти черты характера наследием императора Павла I. Он был чрезвычайно строг, а зачастую мелочно требователен к подчиненным, правда, не менее требователен и к себе. Принц был чрезвычайно эмоционален, упрям, вспыльчив, любую неточность в выполнении своего распоряжения воспринимал как личную обиду, но не злопамятен. Он вникал во все мелочи военной подготовки, службы и быта офицеров и солдат и полагал, что любое доверенное ему дело должно быть непременно выполнено наилучшим способом, а его подчиненные

всегда должны быть первыми, будь то маневры, плац-парад или императорский смотр.

По мнению графа Сергея Юльевича Витте (1849–1915), судя по тому, как описывают современники характер и натуру императора Павла I, нужно сказать, что никто из царской семьи не унаследовал качеств Павла I в такой полноте и неприкосновенности, в какой унаследовал их принц Александр Петрович Ольденбургский.

В сущности говоря, он был не дурной, хороший человек, но именно вследствие своей, мягко выражаясь, «необыкновенности» характера и темперамента он мог совершать поступки самые невозможные, которые сходили ему с рук только потому, что он принц Ольденбургский.

В первый день ноября 1876 года принц А. П. Ольденбургский высочайшим приказом назначен командиром 1-й бригады (Петровской) 1-й Гвардейской пехотной дивизии.

В 1875 году население Боснии и Герцеговины восстало против Османской империи, год спустя выступило против поработителей население Болгарии, но их восстание было подавлено с невероятной жестокостью, погибло более 30 тысяч человек. На защиту братьев-славян поднялись княжества Сербии и Черногории. Сербскую армию возглавил отставной генерал-лейтенант Михаил Григорьевич Черняев (1828–1898), в недавнем прошлом военный губернатор Туркестанской области, покоритель Ташкента. В России возникло широкое общественное движение в поддержку славянских народов, около пяти тысяч добровольцев отправились воевать. Сербам и болгарам посылались денежные средства и медикаменты, предметы первой необходимости, закупленные на добровольные пожертвования.

Попытка России дипломатическим путем решить проблему натолкнулась на активное противодействие Великобритании, Германии и Австро-Венгрии. В результате на международной конференции в Константинополе Турция категорически отказалась предоставить автономию Боснии, Герцеговине и Болгарии.

12 апреля Россия объявила войну Турции, которая стала шестой в нашей совместной с Турцией истории. На Черном море полностью доминировал турецкий флот, поскольку только в 1871 году Россия добилась права начать восстанавливать Черноморский флот, уничтоженный после поражения в Крымской войне. Поэтому

снабжение русской армии могло осуществляться исключительно по суше.

Двадцать шестого апреля 1877 года в шесть вечера турецкая армия открыла артиллерийский огонь с правого берега Дуная по румынской крепости Калафат. Румынские батареи открыли ответный огонь и сожгли предместье города Видин, несколько мелких судов в его гавани. 15 июня 1877 года русские войска под командованием генерал-майора Михаила Ивановича Драгомирова (1830–1905)¹ форсировали Дунай.

Великий князь Николай Николаевич Старший был вызван с Кавказа и назначен главнокомандующим русской армией. Наследник-цесаревич Александр Александрович получил под свое начало 12-й и 13-й армейские корпуса, общей численностью около 45 тысяч человек, с задачей сковать семидесятипяти тысячную турецкую группировку в четырехугольнике крепостей Руцук, Шумла, Варна, Силистрия и прикрыть действия передового отряда генерал-лейтенанта Иосифа Владимировича Гурко (1828–1901). Вскоре эта группировка под командованием цесаревича, созданная 22 июня, получила имя собственное — Руцукский отряд.

Командир Руцукского отряда писал жене: «28 июня 1877 года. Павло. Моя милая душка Минни! Третьего дня было блестящее дело кавалерии под началом генерал-лейтенанта Гурко. Участвовали гвардейский сводный эскадрон, драгунская бригада, 16-я конная батарея и две сотни 21-го Донского полка. Все эти части взяли с бою Тырново... Нами взят почти весь обоз. Недурно! С одной кавалерией, да еще столь незначительной, немногим больше бригады!»

Взяв Тырново, русским войскам удалось занять Шипкинский перевал чрез Балканские горы. Путь на Константинополь был открыт, однако воинских подразделений для продолжения наступления не было. В боях за Тырново и Шипку активное участие принимал полковник герцог Евгений Максимилианович Лейхтенбергский (1847–1901), родной брат супруги принца Евгении Максимилиановны. С началом войны он был назначен в распоряжение главнокомандующего, как писал генерал И. В. Гурко: «...действовал всегда решительно, с умом, старался обойти неприятеля и ударить его по флангам, подавал пример храбрости и большой выносливости, особенно при переходе через Балканы». Герцог Е. М. Лейхтенбергский был произведен в генерал-майоры, за бои под Плевной

награжден орденом Св. Владимира III степени с мечами. В последующих сражениях командовал 22-м драгунским Астраханским полком.

Третий штурм Плевны, назначенный на 30 августа — к царевым именинам, провалился. Только убитыми потери русской армии составили: два генерала, 285 офицеров и 12 471 нижний чин, плюс потери румынской армии — три тысячи человек.

*...Именинный пирог из начинки людской
Брат подносит державному брату...
(из песни о третьей Плевне)*

Наследник-цесаревич писал К. П. Победоносцеву: «Что касается моего отряда, то ничего нового, к сожалению, не могу Вам сообщить: стоим мы вот уже шестой месяц и ничего не можем предпринять до окончания дела под Плевной, и все наши резервы пошли в дело под Плевну, где теперь сосредоточена армия до 130 тысяч вместе с румынами.

Большую часть мой отряд выстроил себе землянки, в которых и тепло, и сухо, и устроены печки, так как разместить по деревням нет никакой возможности: так мало помещений в здешних селах и дома очень малы. Больных, слава Богу, значительно уменьшилось, и вообще санитарное состояние армии еще относительно в очень хорошем виде и жаловаться нельзя... Николай Николаевич положительно потерял популярность в армии и всякое доверие к нему. Пора бы, очень пора, переменить главнокомандующего, а не то опять попадем впросак».

Вопреки мнению главнокомандующего император затребовал к армии знаменитого по Севастопольской обороне инженер-генерала Эдуарда Ивановича Тотлебена (1818–1884) и настоятельно порекомендовал великому князю Николаю Николаевичу вызвать из Санкт-Петербурга гвардию. Под началом Э. И. Тотлебена² был сформирован отряд обложения, который создал шесть участков осады, пояса укреплений, дороги для маневрирования, проложил линии телеграфа. Осада Плевны русскими войсками завершилась капитуляцией турецкого гарнизона только 28 ноября 1877 года. За взятие Плевны великий князь Николай Николаевич Старший был награжден орденом Св. Георгия I степени. Только на Пасху, 16 апреля

1878 года, он был уволен с должности главнокомандующего... с назначением генерал-фельдмаршалом — член императорской фамилии не мог не получить компенсацию за свою бездарность. Впрочем, он вновь занял свою прежнюю должность — командующего гвардией и войск Санкт-Петербургского военного округа.

Подошедшие вскоре гвардейские части были подчинены генерал-лейтенанту И. В. Гурко. Пехотный гвардейский корпус России состоял из трех пехотных дивизий. Кроме того, в его состав входили гвардейский морской экипаж (сегодня в его казармах Военно-морской музей), Лейб-гвардии конная артиллерия и три гвардейские артиллерийские бригады. Организационно в корпус также входили находившиеся в ведении Императорской Главной квартиры Лейб-гвардии Жандармский и Лейб-гвардии Кавказско-горский полуэскадроны, и Собственный Его Императорского Величества конвой, состоявший из команды Кавказского линейного казачьего войска, команды лезгин и команды мусульман.

Каждая дивизия включала две бригады по два полка (3-я дивизия дополнительно включала еще два гвардейских гренадерских полка). Петровская бригада, которой командовал принц А. П. Ольденбургский, состояла из двух гвардейских полков — Преображенского и Семеновского и входила в состав I Гвардейской пехотной дивизии, командиром которой вскоре после начала войны стал генерал-майор Оттон Егорович Раух (1834–1890).

Служивший в Петровской бригаде капитан Николай Алексеевич Епанчин (1857–1941)³ вспоминал: «Принц А. П. Ольденбургский в течение всего похода вел себя по-спартански; он не имел экипажа, а всегда был верхом, не имел повара и прочих удобств жизни, питался при одном из полков его бригады наравне с офицерами».

В середине осени 1877 года войска под командованием принца, входившие в состав Западного передового отряда генерал-лейтенанта И. В. Гурко, отличились при взятии Этрополя. К вечеру 3 декабря 1877 года император Александр II, отбывавший с театра военных действий, прибыл в село Берестовец, где располагался штаб Рущукского отряда. Здесь был устроен торжественный парад, на церемонию были приглашены доверенные лица и особо отличившиеся герои последнего сражения. В описываемых событиях принц А. П. Ольденбургский, вне сомнения, принимал самое непосредственное участие.

Петровская бригада отличилась также во время труднейшего перехода 13–19 декабря через заснеженные Балканские перевалы. 23 декабря войска Западного отряда заняли Софию. Восьмого января 1878 года передовой отряд авангардного корпуса Западного отряда русской армии под командованием генерал-лейтенанта Павла Андреевича Шувалова (1830–1908) овладел Адрианополем (Эдирне). А 17 января авангардный корпус под командованием генерал-лейтенанта Михаила Дмитриевича Скобелева (1843–1882)³ ворвался в Чорду. Путь на Константинополь, до которого оставалось 80 километров, был открыт. Русские войска под общим командованием генерала И. В. Гурко заняли западный пригород Константинополя — местечко Сан-Стефано (ныне Ешилькей).

В ночь на 26 января 1878 года два катера с вооруженного парохода «Великий князь Константин» под командованием лейтенанта Степана Иосифовича Макарова (1849–1904) произвели первую в истории мирового флота успешную торпедную атаку, потопив на Батумском рейде турецкий сторожевой пароход.

Казалось, Турция должна немедленно и безоговорочно капитулировать. Однако враждебная позиция Англии и Австрии, появление английской эскадры в Мраморном море вынудили императора воздержаться от штурма Константинополя. 19 февраля в Сан-Стефано был подписан мирный договор, положивший конец 500-летнему турецкому игу Болгарии.

Принцесса Евгения Максимилиановна во время Русско-турецкой войны организовала курьерскую доставку почты, поставлявшуюся прямо в палатку принца. Особые курьеры работали, минуя услуги военной почты и цензуры. Они приносили корреспонденцию к принцессе во дворец, и Евгения Максимилиановна рассылала ее по адресам. «Это была ценная помощь для всех лиц, пользовавшихся любезностью принцессы, в чем так отзывчиво выразилось ее доброе сердце. Понятно, что все, кто пользовался этой почтой, с сердечной благодарностью ценили труды и внимание принцессы, почта эта доставляла письма скорее, чем государственная». Конечно, этой почтой пользовались в основном воины Петровской бригады, которой командовал принц А. П. Ольденбургский. Однако подобная деятельность принцессы вызвала крайнее неприятие со стороны генерал-лейтенанта И. В. Гурко.

Война лишила принцессу Евгению брата Сергея Максимилиановича, князя Романовского, герцога Лейхтенбергского (1849–1877), погибшего близ местечка Руцук во время рекогносцировки по всей линии реки Лома. Он шел во главе отряда, когда вражеская пуля попала в околыш фуражки и пробила череп. Извлеченную хирургом пулю передали брату Евгению, которому досталась печальная миссия — перевезти тело погибшего брата в Петербург. Его похоронили в Петропавловском соборе рядом с могилой матери.

Другой проблемой, с которой пришлось столкнуться принцу Александру, стало медицинское обеспечение армии. В мирное время лечение воинских чинов осуществляли полковые лазареты и военные госпитали, а если они в данной местности отсутствовали, то градские больницы. Постоянные (тогда их именовали «непременные») военные госпитали в зависимости от числа мест в них делились на шесть классов: при наличии 10 офицерских и 150 солдатских коек присваивался 1-й класс, высшему, 6-му классу соответствовал госпиталь с 50 офицерскими и 2500 солдатскими кой-

*Отправление из Санкт-Петербурга первого санитарного поезда России 8 (20) мая 1877 года.
Гравюра К. Вейермана по рисунку С. Шамоты*

ками. Управление госпиталями было жестко централизовано и находилось в столице, но при этом осуществлялось двумя ведомствами — комиссариатским и медицинским. Полковые лазареты существовали только в мирное время.

Во время боевых действий разворачивались временные полевые госпитали и формировались подвижные госпитали на 600 кроватей, по одному на каждый корпус. После крупных сражений обычно устраивались еще и этапные госпитали, главной задачей которых было оказание первой помощи и эвакуация раненых. Большой масштаб потерь и невозможность использования морского пути привели к тому, что зачастую наступающие части русской армии не могли продвигаться вперед, поскольку немногочисленные дороги были плотно закупорены санитарными двуколками. Новым словом в оказании помощи раненым стало создание санитарных поездов и массовое появление сестер милосердия. Этот опыт принц А. П. Ольденбургский в полной мере использует в годы Первой мировой войны как Верховный начальник санитарной и эвакуационной части России, придав ему повсеместное распространение.

Петровская бригада с честью прошла все перипетии войны. Как писал позднее журнал «Русская старина»: «Неся наравне с армейскими полками все трудности похода, преображенцы и семеновцы перешли считавшиеся дотоле непроходимыми вершины и трущобы балканских гор, и памятью их доблестного участия в освобождении Болгарии останутся пожалованные покойным государем на каски их надписи: преображенцам — “За Ташкиеть”, семеновцам — “за Праведь”».

На основании приказа по военному ведомству № 116 от 1881 года и приказа по войскам гвардии Петербургского военного округа время службы, проведенное в походах и сражениях в минувшую войну с Турцией, то есть с 2 сентября 1877 года по 19 февраля 1878 года, засчитывалось вдвое.

Командир бригады генерал-майор принц А. П. Ольденбургский был награжден орденом Св. Георгия IV степени «за мужество и храбрость, оказанные в разновременных делах с Турками в 1877 году», золотой саблей за переход через Балканы и орденом Св. Владимира II степени с мечами «за отличие против турок под Филипполем⁴ 3–5 января 1878 года». Правда, современники отмечали, что особенных военных талантов он не проявил. Впрочем, на должности

командира бригады проявить их было достаточно проблематично, поскольку самостоятельные задачи, даже тактического плана, в описываемое время появлялись на уровне корпуса либо передового отряда в наступлении или арьергарде при отступлении.

По окончании войны принц продолжал командовать 1-й Гвардейской бригадой, а в 1880 году был назначен командующим расквартированной в Петербурге 1-й Гвардейской пехотной дивизией, вскоре получил чин генерал-лейтенанта и звание генерал-адъютанта Его Императорского Величества.

2 (14) мая 1881 года скончался принц Петр Георгиевич Ольденбургский. Александр III назначил его сына Александра Петровича попечителем Императорского училища правоведения уже 16 мая. 10 июня — попечителем Детского приюта принца Ольденбургского. 7 июля — попечителем Свято-Троицкой общины сестер милосердия.

Первого апреля 1886 года принц А. П. Ольденбургский был назначен командиром Гвардейского корпуса. Высочайшая благодарность за смотр войск гвардии в 1886–1887 годах объявлялась принцу пять раз. Тем не менее противоречивость его характера в полной мере отразилась в воспоминаниях близко знавших его людей. Н. А. Епанчин вспоминал: «Гвардейским корпусом командовал принц Александр Петрович Ольденбургский; добрый, благородный человек, он отличался порывистым характером, был весьма вспыльчив, но и отходчив. После вспышки, иногда наговорив весьма неприятные и неуместные вещи, принц имел гражданское мужество сознаться в этом и извиниться». Но совсем по-иному звучат слова великого князя Александра Михайловича (1866–1933): «Его строгость граничила с сумасбродством. Весть о его приближении во время инспекторских смотров вызывала среди офицерского состава нервные припадки, а на солдат наводила панику. С этой маниакальной строгостью в видимом противоречии находилась его благоговейная преданность наукам. Он оказывал щедрую материальную поддержку всевозможным просветительным и благотворительным начинаниям, а также научным экспедициям и изысканиям. Он покровительствовал молодым, подающим надежду ученым, а они относились снисходительно к его неуравновешенности и чуждачествам».

В 1886 году отзвуки Русско-турецкой войны еще раз коснулись, правда, лишь мимолетно, судьбы принца, чуть было не изменив ее кардинально. После окончания Русско-турецкой войны Болгария

стала самостоятельным княжеством, державой-покровительницей которого была Россия. Первым правителем независимой от османского господства Болгарии стал племянник супруги Александра II Марии Александровны князь Болгарский (Александр I фон Баттенберг, 1857–1893). Однако 9 августа 1886 года князь был низложен и учреждено временное правительство. По отношению к России оно повело себя недостойно, даже враждебно. Именно в этот период рассматривались разные варианты выхода из кризиса. Признавалось целесообразным назначить регентом принца А. П. Ольденбургского. Граф Владимир Николаевич Ламздорф (1837–1907) записал в своем дневнике 30 декабря 1886 года: «Я, между прочим, говорю об уже высказанной мысли послать принца Ал. П. Ольденбургского в качестве временного регента. Говорят, он бы согласился и, может быть, это дало возможность избавиться от регентства. Сначала министру эта мысль нравится, но потом он не решается повергать ее на усмотрение государя». Так Александру Петровичу не довелось стать во главе Болгарского княжества в качестве представителя Российской императорской власти, как в свое время его деду принцу Георгу Ольденбургскому — шведским королем, а отцу принцу Петру — королем Греции. Русским принцам Ольденбургским, видимо, не дано было подняться выше предназначенной им черты власти. Судьба повела их иными путями, приведшими к их предназначению свыше.

Александр Петрович в эти годы уже вставал на новую стезю, проявляя себя как выдающийся организатор и благотворитель.

Великий князь Сергей Александрович (1857–1905)⁵ сетовал в разговоре с великим князем Михаилом Николаевичем на грубость своего корпусного командира — принца Ольденбургского — в обращении с офицерами Гвардейского корпуса, которые более и более против него ожесточаются, относя неудовольствие это, конечно, и на государя, назначившего и сохраняющего на месте подобного командира. По всей видимости точка зрения великих князей Сергея и Михаила Николаевичей имела достаточно оснований, и в августе 1899 года принц А. П. Ольденбургский был отставлен от должности командира гвардейского корпуса. В возрасте 45 лет военная карьера принца завершилась. В августе 1889 года вместо него был назначен генерал-адъютант, генерал от кавалерии Константин Николаевич Манзей (1821–1905)⁶, по отзыву Н. А. Епанчина: «совершенное ничтожество в военном отношении».

Начался новый этап деятельности, во время которого Александр Петрович проявил себя как незаурядный государственный деятель, сыгравший заметную роль в развитии научного потенциала и совершенствовании образовательной деятельности в России.

Источники

1. Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб). Ф. 355. Императорское училище правоведения. Оп. 1. Ед. хр. 5492. Полный послужной список Его высочества Генерал-Адъютанта Генерал-Лейтенанта Принца Александра Петровича Ольденбургского. Составлен 13 августа 1890 г. на 10 листах.

Литература

Александр Михайлович, Великий князь. Книга воспоминаний. — М.: 2004. — 528 с.

Андрюшкевич Т. В., Мазинг Ю. А. Санкт-Петербургская пастеровская станция // Медицинский академический журнал. — 2011. — Т. 11. — № 3. — С. 112–121.

Анненкова Э. А. Принцессы Ольденбургские. — М.: Изд. Дом ТОНЧУ, 2014. — 784 с.

Анненкова Э. А., Голиков Ю. П. Принцы Ольденбургские в Петербурге. — СПб.: Росток, 2004. — 480 с.

Боханов А. Н. Император Александр III. 5 изд. — М.: ООО «ТИД «Русское слово — РС», 2009. — 512 с.

Военная элита Российской империи. 1700–1917 / Р. М. Португальский, В. А. Рунов. — М.: Вече, 2009. — 640 с.

Витте С. Ю. Воспоминания. Детство. Царствование Александра II и Александра III. — Берлин, 1923.

Витте С. Ю. Воспоминания в 3 т. Т. 2. Царствование Николая Второго. — М.; Таллинн: АО «Скиф Алекс», 1994. — 573 с.

Воронежцы: знаменитые биографии в истории края. — Воронеж: Кварта, 2007. — 520 с.

Епанчин Н. А. На службе трех императоров. Воспоминания. — М.: 1996. — 576 с.

Ламздорф Р. Н. Дневник (1886–1890). — М.; Л., 1926.

Мазинг Ю. А., Андрюшкевич Т. В. Принцы Ольденбургские и образование в России [Электронный ресурс] // Электронное научное издание альманах «Пространство и Время». 2015. Т. 8. Вып. 1: Пространство и время образования. — Стационарный сетевой адрес: 2227–9490e-aprovgt_e-ast8–1.2015.33.

Михайлов О. Н. Забытый император. — М.: АСТ; Астрель; Полиграфиздат, 2010. — 502 с.

Петровская бригада. Полки Лейб-Гвардии Преображенский и Семеновский. 30 мая 1883 г. Отгиск из исторического журнала «Русская старина». 1883. Т. 38, май. — СПб.: Тип. В. С. Балашева, 1883. — 34 с.

Примечания

1. После тяжелого ранения, с весны 1878 года начальник Николаевской академии Генерального штаба. С 1891 года генерал от инфантерии, генерал-адъютант. Основной разработчик Полевого устава русской армии, введенного в 1903 году.

2. Заслуги генерала в этой войне были оценены очень высоко. Он был награжден орденами Св. Георгия II степени и Св. апостола Андрея Первозванного, возведен в графское достоинство.

3. Генерал от инфантерии, внук адъютанта генерал-фельдмаршала М. И. Кутузова, сын генерал-лейтенанта Д. И. Скобелева (1821–1880), командира Сводной казачьей дивизии. На народные средства в Москве на Тверской площади генералу в 1912 году был установлен памятник. Снесен в 1918 году.

4. Ныне г. Пловдив, второй по величине город Болгарии.

5. 4-й сын императора Александра II. С 1891 года генерал-губернатор Москвы. Убит И. П. Каляевым.

6. Манзей Константин Николаевич в 1850 году написал «Историю лейб-гвардии Гусарского Его величества полка 1775–1857». Во время войны с Турцией 1877–1878 годов командовал 7-й кавалерийской дивизией, за боевые отличия был награжден орденом Белого Орла с мечами и золотой саблей с бриллиантами «За храбрость». В 1878 году командир 13-го армейского корпуса, генерал от кавалерии (1885). Командир Гренадерского корпуса (1889).

Матушка София (Коцаренко Наталия)

Матушка Великая — преподобная великая княгиня Анастасия Киевская

Как бы я желала весь мир обнять любовью...
*Великая княгиня Александра Петровна,
во инокинях Анастасия*

В благословенной киевской земле, третьем земном уделе Божией Матери, в 1889 году расцвела новая женская обитель, возникновение которой почти за полвека было предсказано блаженным Феофилом, подвижником Киево-Печерской лавры.

Он часто любил приходить для уединенной молитвы в тенистые сады, на месте которых расположен теперь Покровский монастырь. Беседуя однажды с хозяином усадьбы, старец произнес вдохновенное пророчество о том, что здесь возникнет женская обитель и царственная особа будет ее строительницей и правительницей.

А в это время в далеком Санкт-Петербурге в семье принцев Ольденбургских только появился на свет первый ребенок — принцесса Александра Фредерика Вильгельмина, и никто из родственников и друзей семейства не мог предположить, что этой августейшей малышке уготовано будущее православной подвижницы, создательницы обители.

Принцесса Александра Петровна родилась 21 мая 1838 года. Ее добрейшие отец и мать заботились, чтобы их дочь получила прекрасное воспитание и образование. Александра замечательно рисовала, прилежно занималась историей, музыкой, литературой. Уже в юные годы, следуя примеру родителей, она отдавала свои «карманные» деньги больным и бедным детям.

В возрасте семнадцати лет принцесса вступила в брак с великим князем Николаем Николаевичем, третьим сыном императора Николая I. Незадолго до венчания Александра, родившаяся в протестантской семье, перешла в православие. Эту веру она возлюбила всей своей пылкой душой и преданность ей доказала всей своей жизнью.

Великая княгиня Александра Петровна. 1860-е годы

Великий князь Николай Николаевич Старший

Для молодой супружеской четы был построен великолепный дворец, получивший название Николаевского, а также им дан был во владение летний дворец в Знаменке, в окрестностях Петергофа. Супруги жили в любви и согласии, наслаждаясь семейным счастьем. У них родилось двое сыновей — Николай (1856–1929) и Петр (1864–1931).

Однако блестящая придворная жизнь не привлекала юную княгиню. Истинную душевную отраду ей доставляла возможность исполнить на деле заповедь Христову о любви к ближним.

Вскоре после замужества Александра Петровна при финансовой поддержке супруга открыла в Знаменке медпункт для крестьян, где сама вела прием, выдавала бесплатно лекарства, делала перевязки, посещала больных на дому.

В ноябре 1858 года великая княгиня основала в Петербурге Покровскую общину сестер милосердия и стала ее попечительницей.

Община представляла собой целый городок. В тридцати ее постройках размещались отделения сестер милосердия, родильный приют, больница, амбулатория, аптека, училище фельдшерниц. Община подавала не только бесплатную медицинскую помощь беднякам, но и заботилась об обучении и о дальнейшем трудоустройстве их детей, а также детей-сирот.

Александра Петровна долгое время состояла председателем Совета детских приютов ведомства учреждений императрицы Марии. Благодаря ее заботам был составлен большой капитал, позволявший содержать 23 обширных благоустроенных детских приюта, в которых призревалось до 5 тысяч сирот.

Казавшийся поначалу счастливым, великокняжеский брак не выдержал испытания временем. После рождения второго сына, появление на свет которого едва не стоило жизни для матери, чувства супруга охладели, сменились равнодушием, а затем и неприязнью. Можно лишь представить, сколько душевных страданий и сердечных терзаний испытала великая княгиня...

Во время Русско-турецкой войны 1877–1878 годов Александра Петровна на собственные средства сформировала санитарный отряд и в Николаевском дворце организовала активную работу представителей всех сословий для помощи фронту.

Вскоре случилось непредвиденное. Однажды, когда великая княгиня проезжала по городу, испуганные лошади понеслись и опрокинули карету. Александра Петровна, будучи выброшена из экипажа, при падении на брусчатку сильно ушибла позвоночник. Травму усугубил нервный шок, и наступила тяжелая продолжительная болезнь. Великую княгиню парализовало. Она могла двигать лишь одной левой рукой. Медицина оказалась бессильна. Врачи настаивали на перемене климата.

В конце 1880 года Александра Петровна оставила Северную столицу России и отправилась из Севастополя морем в Италию. Она лечилась на южных водах, жила некоторое время в Неаполе и на о. Корфу, но не получила облегчения. Усилия врачей были тщетны, выздоровление не наступало. Ее сердце рвалось на милую Родину.

Благочестивая великая княгиня пожелала на обратном пути в Россию посетить побережье святой Афонской горы. 18 июня 1881 года пароход «Эриклик», на котором она находилась, оста-

новился у пристани Русского Свято-Пантелеимонова монастыря. В течение недели Александра Петровна общалась с игуменом обители архимандритом Макарием и сопровождавшими его иноками, которые в походной церкви на корабле служили для нее литургии и молебны. Насельники монастыря, встречавшиеся с великой княгиней, отмечали ее глубокое смиренномудрие, благочестие, высокую христианскую любовь, грациозную простоту и радушие. Во время пребывания Александры Петровны у берегов Афона братия Русского Ильинского скита на Святой горе обратилась к ней с просьбой положить первый камень в основание нового соборного храма, который они желали построить вместо старого, пострадавшего от землетрясения. Великая княгиня с радостью изъявила готовность участвовать в этом святом деле и 22 июня прислала камень с соответствующей надписью, поручив сопровождавшему ее контр-адмиралу Головачеву положить его в основание собора. Храм был заложен двухпрестольный: главный престол — во имя пророка Илии, придельный — во имя святой мученицы царицы Александры, небесной покровительницы великой княгини. Вспоминая о пребывании у берегов Афона, Александра Петровна называла это время лучшими днями своей жизни. Она до самой кончины сохраняла дорогую для ее души связь с подвижниками Святой горы.

По возвращении из дальнего плавания великая княгиня избрала местом своего пребывания и жительства святой град Киев. Семейные нестроения, неблагоприятный климат, серьезная болезнь препятствовали ее возвращению в столицу. Возможность пожить вблизи прославленных святых представлялась страдальце душевной отрадой. Первоначально Александра Петровна поселилась в Мариинском царском дворце, а затем в арендованном для нее доме в аристократическом районе Липки. Через некоторое время она устроила здесь небольшой скит.

Несмотря на тяжелую болезнь, великая княгиня старалась посещать киевские святыни, храмы и монастыри. Присутствовавшие при этом богомольцы отмечали ее удивительную скромность и простоту.

В тиши молитвенного уединения она не переставала думать о создании женской обители в Киеве. В 1888 году великая княгиня приобрела в Лукьяновской части города усадьбу площадью около 6 десятин земли, принадлежавшую ранее Г. И. Диковскому

и П. Я. Алпатовой. Так исполнились пророческие слова преподобного Феофила Киевского, сказанные им почти полвека назад, о появлении на этом месте монастыря, которым управлять будет царственная особа. Узнав о предречении блаженного подвижника лишь после покупки усадьбы, Александра Петровна тотчас же распорядилась отслужить в Китаевской пустыни на могиле старца Феофила панихиду и с тех пор неизменно и благоговейно чтит его память.

11 (24) января 1889 года было освящено место постройки будущей обители, а также состоялась закладка покоев и домового церкви великой княгини. Этот день принято считать датой основания Киево-Покровского женского монастыря.

Строительство велось быстрыми темпами. Господь благословил благие намерения ее высочества. Она самым деятельным образом участвовала в созидании и налаживании жизни своей обители, вкладывая в это все свои силы и средства. Ее сын великий князь Петр Николаевич, известный незаурядными художественными дарованиями, выполнял эскизные проекты практически всех монастырских зданий и храмов. Их детальную разработку осуществлял епархиальный архитектор Владимир Николаевич Николаев.

В течение года стремительно вырос целый монастырский городок. 14 мая 1889 года Александра Петровна обратилась к митрополиту Платону с прошением об учреждении монастыря.

Панорама Свято-Покровского монастыря в Киеве. 1912 год

В то время монастырский ансамбль включал в себя корпус монашеских келий, к которому примыкал чудный Покровский храм, и кроме этого, двенадцать других зданий. В них располагались больница с домовою церковью, церковно-приходская школа для девочек, приют для сирот и бедных детей, приют для слепых и неизлечимых больных, бесплатная амбулаторная лечебница, аптека с бесплатной выдачей лекарств, странноприимная, различные мастерские и многое другое.

Благословение Святейшего Синода на устройство монастыря было получено 20 июля 1889 года.

Незадолго до этого, 1 (14) июля 1889 года, сопровождаемая первыми послушницами, глубокой ночью великая княгиня в преднесении фамильных святых икон переехала из Липок в строящуюся обитель, сменив обычную мирскую обстановку на монастырскую. Вскоре после переселения в обитель произошло чудесное исцеление от неизлечимой болезни, которая приковывала ее к одру около десяти лет.

Вот как описывает Александра Петровна это чудо в письме к митрополиту Киевскому Платону:

«Несколько лет тому назад Преосвященнейший Палладий, Архиепископ Волынский и Житомирский благословил меня святою иконою Почаевской Божией Матери и, благословив меня, прорек эти слова: “Молись этой святой иконе — получишь исцеление”.

В начале июля рано утром я дерзнула помолиться Всемощной нашей Заступнице и просила: “Если Тебе угодно, Мать Божия, Царица неба и земли, воздвигни меня на служение Тебе, прими мои грешные труды и усердие, сподоби меня до последнего издыхания служить Тебе и святой обители, созданной во имя Твое, хранящая Твоим всеильным Покровом!”

Помолившись, я взяла в руки костыли, заранее освященные на мощах святого преподобного отца нашего Агапита, безмездного врача Печерского, — но костыли, не сделанные по моей мерке, оказались короткими, я на них опереться не могла, я еще раз вздохнула молитвенно ко Пречистой Преблагословенной Матери Господа нашего и сказала: “Помоги Ты мне!”, встала и перешагнула несколько шагов.

Это великое чудо, которое совершилось надо мною, многогрешной рабе Александре, я много дней хранила в тайне, даже в нашей святой обители никто об этом не знал. Постепенно Царица Небесная

укрепляла мои силы, и все узнали о совершившейся великой милости Божией. Профессор Владимир Афанасьевич Караваев, говоривший всегда, что никакая медицинская помощь не в состоянии воздвигнуть меня от одра болезни, услышавши о том, что Господь дал мне возможность двигаться, лично приезжал удостовериться и знаменательно сказал: «Не думайте, что мы Вам помогли — это Божия помощь!»»

Узрев в своем выздоровлении крепкую руку Божию, указующую ей долгожданный и возлюбленный монашеский путь, Александра Петровна всей душой стремилась послужить Господу в иноческом чине. Ее супруг, великий князь Николай Николаевич, не возражал против этого решения; было получено согласие и императора Александра III.

Осенью 1889 года Александра Петровна приняла постриг от афонского иеромонаха, бывшего проездом в Киеве. Это оставалось глубокой тайной до ее кончины. Лишь после смерти, вскрыв духовное завещание, узнали, что в инокинях она — Анастасия (греч. «воскресение»). Сама же великая княгиня до конца своих дней именовала себя послушницей Александрой.

Воскреснув к новой подвижнической жизни, царственная инокиня всю свою любовь отдала обители и страждущим людям.

Монастырский городок разрастался с каждым днем. Содержать такое большое хозяйство в финансовом отношении было непросто. Великая княгиня продавала свои драгоценности и вырученные деньги употребляла для нужд обители. Она хотела продать и самый дорогой ей предмет — изумруд — подарок императора Александра II к ее свадьбе. Покупателя долго не могли найти, поскольку цена камня была очень высока. Император Александр III, с большой теплотой относившийся к богоугодному делу своей тети, узнав о ее намерении, выкупил изумруд. Уже позднее невестка великой княгини вспоминала, как, показывая монастырь, свекровь поясняла ей: «Это здание — мои серьги, здесь — мое ожерелье, а сюда ушли все мои кольца».

Порядок в обители был организован по строгому Студийскому уставу. Вся жизнь сестер нового общежительного монастыря проходила в молитвах и трудах. Звон колоколов извещал насельниц обители и киевлян о начале богослужения. Княгиня-инокиня была постоянной молитвенницей при всех ежедневных службах, нередко сама читала шестопсалмие, часы или канон. Часто после службы из рук самой великой княгини богомольцы получали прекрас-

но подобранные листки религиозно-нравственного чтения, многие беседовали с ней, излагая свои нужды и скорби, и всегда находили слово утешения. Здесь, в этой тихой обители, прозванной в народе «Княгининым» монастырем, всякий приходящий, обремененный скорбями, обретал покой, радость и мир душе своей.

При обители был устроен приют для сирот и бедных детей, а при приюте — школа, и сама августейшая инокиня с большим вниманием следила за жизнью и успехами воспитанниц. Учитывая, что девочкам, помимо получения образования, важно научиться еще и ручному труду, их обучали рукоделию: вязанию, шитью, вышивке. Искусство — живопись и пение — преподавалось послушницами монастыря под руководством великой княгини, которая еще в юности своей прекрасно рисовала.

Весной 1892 года в своей монастырской больнице княгиня-инокиня перенесла тяжелую операцию по поводу рака груди. И хотя она могла быть прооперирована в известнейших отечественных и зарубежных клиниках, но ее выбор больницы был принципиальным. Она была убеждена в том, что если монастырские клиники подходят для лечения других людей, то должны подходить и для лечения ее самой.

В благодарность Богу за благополучный исход операции великая княгиня распорядилась расширить существующую больницу и преобразовать ее в большую, прекрасно оборудованную хирургическую лечебницу для неимущих больных. Для работы в больнице были приглашены лучшие медики города.

Матушка Великая (так все с любовью называли великую княгиню), прошедшая через жизненное горнило страданий и бесконечно сочувствовавшая больным, избрала местом своего «послушания» и особенных забот именно больничные учреждения монастыря. Полная энергии и сострадания к больным, Матушка Великая помогала хирургам и выстаивала 3–4 операции подряд на своих больных ногах. Осенив себя крестным знаменем, она спокойно, с твердостью духа и редким умением ассистировала врачам, ответственно исполняя свое «послушание». Царственная инокиня следила за больничным распорядком и за питанием больных, за подготовкой их к операциям, за уборкой операционных. Она же присутствовала на обходе больных, регистрировала вновь поступивших, мыла их, делала перевязки, готовила к операции, дежурила

ночами у постелей оперированных. Великая княгиня приходила в больницу в 6 часов утра, а выходила из нее в 12 часов ночи.

С горячей верой и спокойствием шли на операцию самые робкие и трусливые больные, зная о присутствии матушки. Простые люди и особенно дети очень ценили доброту и ласковость княгини-инокини и так верили в помощь, подаваемую ею, что непременно хотели принимать лекарство только из ее рук. И она всегда с радостью выполняла эти просьбы.

«Труды — это живые четки, Евангельские четки... Трудись с любовью, — обращалась Матушка к юной послушнице, — трудись мужественно, Господь воздаст тебе сторицей. Все принимай с горячей любовью как от руки Господа, тогда на душе будет присное радование. Будешь себя забывать, жить для страждущих».

«Сколько счастья и блага в нашем деле служения Церкви, народу и страждущей братии... Нужно уметь жить, носить в себе счастье, чтобы других делать счастливыми», — говорила великая княгиня.

Относясь к немощным людям с искренним участием, княгиня-инокиня стремилась применять и развивать их способности, чтобы они не чувствовали себя ненужными обществу. Так, призваемые слепые женщины (20 человек) ежедневно пели за богослужением в больничном храме, славословя Господа. Матушка не раз умилялась душой, слушая их: «Мои милые слепые, как они улаживают меня. По-настоящему, они — духовнозрячие, а мы — слепые».

В августе 1894 года княгине-инокине успешно сделали вторую операцию. После этого ее заботами монастырские лечебницы еще более усовершенствовались. Расширенные и улучшенные в оснащении, они теперь могли принимать многих самых бедных больных со всей страны. Здесь страждущие получали бесплатную квалифицированную медицинскую помощь.

Вскоре Матушка Великая оставила свои великокняжеские покои и поселилась в одной из больничных палат, желая находиться как можно ближе к своим дорогим больным, неустанно служить им, облегчать их страдания. Одна из послушниц писала в своем дневнике о царственной инокине: «Она учила сестер уходу за больными, Сама первая, показывая пример не брезговать никакими зловонными, гнойными ранами больных, их испражнениями и рвотой, самых грязных первая мыла в ванной собственноручно. Сестры, видя, как трудится Матушка, и сами охотно исполняли больничное

послушание. Матушка учила всякое дело исполнять тщательно, искренно от души, особенно приказания и назначения врачей относительно больных, исполнять без рассуждения, свято».

Княгине-инокине хотелось украсить свою любимую обитель монументальным храмом в честь святителя Николая Чудотворца, поскольку Покровский храм был сравнительно малым. Проект и чертежи собора были разработаны великим князем Петром Николаевичем, который глубоко почитал свою мать-подвижницу и поддерживал ее идеи и начинания. Заведывание технической стороной постройки, детальную разработку планов и чертежей поручили архитектору В. Н. Николаеву.

Закладка собора в честь святителя Николая Чудотворца состоялась 21 августа 1896 года в необычайно торжественной обстановке. Сама царская чета принимала в этом участие. Царь Николай Александрович укрепил первый камень в основание собора, второй положила царица Александра Федоровна, а третий камень — великая княгиня Александра Петровна.

В Покровском монастыре их величества посетили больницу, и император Николай II сделал щедрое пожертвование на ее расширение. На эти средства в 1897–1898 годах были выстроены новое здание терапевтической больницы с церковью во имя иконы Божией Матери «Всех Скорбящих Радость» и новая большая лечебница для приходящих больных, ежедневно принимавшая более 500 человек. Эти больничные учреждения стали называться именем императора Николая II. Они были одними из наилучших в Европе.

Отзывчивость великой княгини, всех монашествующих обители к людскому горю проявилась со всей полнотой во время тифозной эпидемии 1897 года. Пренебрегая опасностью, царственная подвижница первая в Киеве открыла в монастыре временную больницу для ста тифозных женщин. Вскоре ее великодушному примеру последовали Киево-Печерская лавра, Мариинская община Красного Креста. А затем восторженно весь город, благотворители спешили помочь несчастным. Эпидемия очень быстро ослабела и вскоре совсем прекратилась.

Для всех Матушка Великая была милосердной матерью и печальницей горя людского. Ее сердце изливало благовонный елей милости и сострадания на всех обращавшихся к ней. Перед кончиной она говорила: «Как бы я желала весь мир обнять любовью.

Желала бы, чтобы моя обитель, которую я так люблю, поняла меня и была бы внутренне еще более красива, чем наружно!» Этой великой душе, преисполненной любовью Божией, уже была уготована светлая небесная обитель. И хотя княгиня-инокиня хотела привести в исполнение еще многие свои планы и предназначения, Господь судил иначе и призвал к Себе Свою неутомимую труженицу.

Царственная подвижница скончалась в четверг Светлой Седмицы 13 апреля 1900 года. Смерть пришла к ней лишь для того, чтобы исполнить закон естества и засвидетельствовать всему миру бессмертие праведницы. Она, как искусный скульптор, своим резцом завершила сотворение духовного облика угодницы Божией, красота которого отныне светит всем.

Память о самоотверженных подвигах княгини-инокини передавалась из поколения в поколение, удивляя современников высотой добродетелей, глубиной самоотречения, широтой христианской любви, облакая образ ее носительницы в ризы нетленной, вечной славы.

Будучи августейшей родственницей императора, имея титул императорского высочества, великая княгиня отказалась от мирской роскоши и славы во имя любви к Богу и страждущим людям. И Господь прославил ее как яркий образец радостотворной любви. Потому что любящий человек отдает и, жертвуя собой, пребывает живым.

Жива и невидимо пребывает в обители до сих пор Матушка Великая. И не только потому, что она принадлежала высочайшей царской фамилии. Она принадлежала к особому духовному сословию, которое живет с верой и по вере до бессмертия.

Определением Священного Синода Украинской Православной Церкви (УПЦ) от 24 ноября 2009 года, рассмотревшего труды, подвиги и народное почитание основательницы Киево-Покровского женского монастыря, великая княгиня Александра Петровна, во инокинях Анастасия, была причислена к лику месточтимых святых Киевской епархии.

24 января 2010 года, в день ежегодного празднования основания Киево-Покровского монастыря, за Божественной литургией состоялось торжественное прославление в лике святых царственной инокини Анастасии. Богослужение и чин канонизации возглавил Блаженнейший митрополит Владимир, которому сослужили многие архипастыри и священнослужители.

Несмотря на сильный мороз, храм был переполнен людьми. Чувство близости святой угодницы было явственным для всех. Когда архиерей с амвона зачитал житие княгини-инокини, у многих на глазах навернулись слезы. Неземное величие смиренной

*Никольский собор в Свято-Покровском монастыре.
Рака с мощами преподобной великой княгини Анастасии Киевской*

праведницы, красота ее подвига, воистину царское ее благородство как наследницы непоколебимого Царства, были теми небесными ароматами, которые в изобилии ощущали присутствовавшие.

Рака со святыми мощами царственной подвижницы установлена в Никольском соборе монастыря. Угодники Господни — это нерукотворные храмы Духа Святого, в которых Он любит обитать, освящая всего человека: и его душу, и его тело. Поэтому и святые мощи праведников источают целебные струи благодати Божьей.

С крепкой верой и теплой мольбой притекают люди к новой молитвеннице за них перед престолом Господним, изливая ей свои печали и горести, прося помощи в скорбях и болезнях. И молитвенный покров Матушки Великой распространяется над всеми ими, и даруется благодатная сила исцеления и подкрепления для дальнейшего несения жизненного креста.

«Святые живут в ином мире, и там Духом Святым видят славу Божию и красоту лица Господня. Но в том же Духе Святом они видят нашу жизнь и наши дела. Они знают наши скорби и слышат наши горячие молитвы. Живя на земле, они научились любви Божией от Духа Святого; а кто имеет любовь на земле, тот с нею переходит в вечную жизнь в Царстве Небесном, где любовь возрастает и будет совершенною. И если здесь любовь не может забыть брата, то тем более святые не забывают нас и молятся за нас.

...Господь дал им столь великую благодать, что они любовью обнимают весь мир».

(Преподобный Силуан Афонский)

Источники и литература

- Архив Свято-Покровского женского монастыря в г. Киеве.
ГАРФ. Ф. 680. Оп. 1. Д. 2, 3, 29, 62.
ГАРФ. Ф. 646. Оп. 1. Д. 141.
Обитель Матушки Великой. — Киев, 2011.
Преподобная Великая Княгиня Анастасия Киевская. — Киев, 2010.
ЦГИА Украины. Ф. 179. Оп. 1. Д. 22, 23, 24, 33, 47, 76, 106.

Вклад семьи Ольденбургских в народное образование и призрение детей-сирот

Э.А. Анненкова

Императорское училище правоведения

Училище правоведения имеет целью образование благородного юношества по части судебной.
(Из устава училища)

В России в 1830-х годах многими общественными деятелями и передовыми юристами сознавалась необходимость принятия мер для улучшения личного состава в судебных местах, не соответствовавшего ни по образованию, ни по нравственным качествам высокому призванию судьи и исполнителя законов. Знал о плачевном состоянии судебного ведомства и Николай I. На заседании Государственного совета 19 (31) января 1833 года в своей речи он сказал: *«При моем вступлении на престол я счел своим долгом обратить внимание на разные предметы управления, о коих я не имел почти никакого сведения. Главным, занявшим меня делом, было, конечно, правосудие. Я еще смолоду слышал о недостатках у нас по этой части, о ябеде и лихоимстве, о неимении полных на все законов, или о смешении их от чрезвычайного множества указов, нередко между собой противоречивых».*

Принц П.Г. Ольденбургский.
Худ. Н.А. Тихобразов.
1852 год

*Здание Императорского училища правоведения.
Наб. р. Фонтанки, 6*

Со времени издания в 1649 году при царе Алексее Михайловиче Соборного уложения (кодекса государственных законов) иного в России не существовало. Все попытки создания нормативного уголовного и гражданского законодательства в последующее время не имели успеха. Поэтому когда в 1825 году на престол вступил Николай I, организация работы по систематизации законов стала одной из его главных забот. Указом царя от 31 января 1826 года эта работа была поручена II отделению Собственной Его Императорского Величества канцелярии, которое в то время возглавлял бывший учитель Николая I М. А. Балугьянский. Однако главные усилия по выполнению поставленной задачи принадлежали М. М. Сперанскому (1772–1839), выдающемуся государственному деятелю первой половины XIX века.

В 1830 году вышло «Полное собрание законов Российской империи» (ПСЗ), которое включало в хронологическом порядке все нормативные акты от Соборного уложения 1649 года до конца царствования Александра I. Николай I высоко оценил эту работу, наградив М. М. Сперанского орденом Св. Андрея Первозванного, а в 1839 году возвел его в графское достоинство.

Введение в практику судебной деятельности Свода законов выявило очень острую, быстро не разрешимую проблему — пополнение судебного ведомства образованными юристами-практиками, для чего необходимо было дать правовое образование и воспитание новому поколению юридических кадров с высокими моральными принципами.

Принц Петр Георгиевич Ольденбургский, назначенный Николаем I к присутствию на заседаниях Правительствующего Сената, имел возможность лично убедиться в необходимости коренных изменений в деятельности судебного ведомства. Для подготовки новых кадров юристов-практиков он решил основать Училище правоведения (далее Училище. — *Авт.*).

Петр Георгиевич обратился с письмом к Николаю I, в котором изложил причины, побудившие его заняться такой сложной и ответственной проблемой, а также планы по устройству и содержанию учебного заведения. Он досконально продумал систему и обучения будущих юристов, и совершенствования их знаний и практических навыков после окончания курса. В Училище планировалось принимать мальчиков только дворянского сословия. Это соответствовало стремлению правительства привлечь к гражданской служебной деятельности лиц первого сословия, основанному на том соображении, что дворяне как люди обеспеченные не будут нуждаться в незаконных средствах обогащения.

Его письмо Николай I передал Сперанскому со следующей резолюцией: *«Благородные чувства принца достойны уважения. Прошу, прочитав, поговорить с ним и мне сообщить как Ваши замечания, так и то, что Вами с ним обусловлено будет».*

Сперанский поддержал столь важное начинание принца. В течение 6 месяцев они вместе работали над проектом устава и штатов Училища, которые затем были рассмотрены в Департаменте законов Государственного совета с участием приглашенных министров юстиции и просвещения. Предложение принца признали полезным, а его готовность пожертвовать нужную сумму на начальное устройство Училища восприняли как поступок, заслуживающий признательности и уважения. Государственный совет вынес решение приравнять в правах и привилегиях будущее Училище к Царскосельскому лицей.

29 мая в Сенат поступило высочайшее утверждение и указ о приведении устава и штатов Училища в исполнение.

Петр Георгиевич, получив одобрение царя и Сената, энергично принялся за осуществление своего проекта. В сентябре 1835 года он купил у наследников Неплюева дом на набережной реки Фонтанки, 6, за 700 тысяч руб. Здание требовало перестройки и внутренней отделки, чтобы приспособить к занятиям и пребыванию в нем воспитанников. Эти работы поручили архитекторам В. В. Стасову и А. И. Мельникову. Дом для Училища с покупкой и всеми работами по обустройству обошелся принцу в 1 миллион руб. По дарственной записи от 21 июля 1837 года П. Г. Ольденбургский передал его в собственность Императорскому Училищу правоведения.

Для учебного процесса и проживания воспитанников были оборудованы классные комнаты, рекреационные залы, столовая, дортуары для воспитанников.

Здание, в котором расположилось Училище правоведения, к моменту его открытия уже успело обрасти легендами в духе *«страшных историй»*, которые возбуждали воображение юных правоведов и давали повод к разного рода шуткам и розыгрышам. Бывший воспитанник Училища М. М. Молчанов вспоминал: *«Мы слышали легендарное сказание, что когда-то на месте Неплюевского дома были конюшни Бирона, и что русские люди в тех зданиях терпели великое горе и выносили тяжкие наказания и муки по воле строптивого деспота. Если это сказание справедливо, то как не подивиться, что те самые стены, которые когда-то были свидетелями, как жертвы злобы временица обращаемы были в ледяные глыбы, впоследствии приютили молодых людей, назначенных к искоренению зла во всех его видах и насаждению правды на земле Русской...»*

Затем, кажется, в этом же доме одно время помещалось персидское посольство, и кто-то пустил слух, что одному из рабов персидских была отрублена голова, и что тень этого несчастного бродила ночью по классным комнатам, ища покоя»

24 ноября 1835 года московский митрополит Филарет освятил однопрестольную церковь во имя св. Екатерины в память матери принца великой княгини Екатерины Павловны. Для церкви приобрели великолепные иконы работ знаменитых художников-иконописцев В. К. Шебуева, И. Е. Яковлева, М. И. Скотти и др. Петр Георгиевич пожертвовал золоченую церковную утварь из серебра. 24 ноября — день освящения церкви — стал ежегодным храмовым праздником в жизни воспитанников. В церкви хранились

русские исторические реликвии времен Отечественной войны 1812–1813 годов — хоругви, служившие знаменами Тверского, Новгородского и Ярославского ополчений, сформированных родителями принца П. Г. Ольденбургского. Здесь хранился также венок с золотыми лепестками — дань памяти основателю Училища принцу П. Г. Ольденбургскому от правоведов каждого выпуска.

5 декабря 1835 года Училище правоведения приняло своих первых воспитанников. Эта дата, ставшая днем основания Училища, была отмечена на мемориальной мраморной доске в актовом зале. Николай I пожаловал П. Г. Ольденбургского звездой и крестом Св. Владимира 2-й степени и званием шефа Стародубского драгунского полка.

Училище правоведения было закрытым учебным заведением. В него принимались мальчики не моложе 12 и не старше 17 лет. Ежегодный набор составлял не более ста человек. В первый год приняли 54 человека, хотя заявлений подали 292.

Первым директором Училища стал статский советник С. А. Пошман, служивший ранее в Межевом департаменте Правительствующего Сената при обер-прокуроре; инспектором — профессор Царскосельского лицея (с 1843 года — Александровского) барон Е. В. Врангель.

За 83 года существования Училища пост директора занимали последовательно восемь человек: С. Ф. Пошман, князь Н. С. Голицын, А. П. Языков, И. С. Алопеус, А. И. Пантелеев, А. И. Роговской, В. А. Ольдерогге, З. В. Мицкевич.

Устав Училища правоведения, утвержденный 29 мая 1835 года, был временным, но основные его положения вошли в переработанный и дополненный устав от 27 мая 1838 года. Училище получило статус Императорского и считалось элитарным учебным заведением. В него имели право поступать только дети потомственного российского дворянства, внесенного в шестую часть родословной книги, а также дети военных чинов не ниже полковника, гражданских — 5-го класса или статского советника. Позднее стали принимать детей чиновников Войска Донского, детей дворян-кавказцев, детей судей, делались исключения и для других сословных групп.

Управлялось Училище советом, в который входили: попечитель, директор, три профессора и воспитатель. Совет руководил всей учебной и воспитательной работой, но его решения были дей-

ствительны только после утверждения попечителем. Директор, будучи членом совета, председательствовал в нем в отсутствие попечителя и был также председателем хозяйственного управления. Директору подчинялись все, кто работал и учился. Он наблюдал за состоянием учебы, поведением воспитанников, за порядком в хозяйстве и каждую неделю представлял попечителю сводку о состоянии Училища, а каждые полгода — подробную ведомость. Для общего руководства учебным заведением назначался попечитель. Он являлся главным непосредственным начальником учебного заведения, ему подчинялись директор и все работники. Попечитель должен был следить за выполнением устава во всех его частях. Через него осуществлялась связь с Министерством юстиции. Попечитель разрешал прием воспитанников и исключение их за проступки или увольнение по другим случаям. Роль попечителя была чрезвычайно велика и ответственна, состояние того или иного учебного заведения зависело от его отношения к своим обязанностям.

Воспитанники, согласно уставу, имели форменную одежду: парадный мундир был темно-зеленый со светло-зеленым суконным воротником и обшлагом и с черной выпушкой на воротнике. Пуговицы золоченые, с изображением сенатского чекана. Панталоны по цвету мундира, шляпа треугольная. Воспитанники окончательного курса имели на воротнике мундира по одной золотой петлице, а начального курса по одной серебряной. Воспитанникам старшего (первого) класса предоставлялось право носить пехотные шпаги без темляка. В обычные дни носили куртки такого же цвета, как и мундир, с разрезным воротником без петлиц. Панталоны при куртках в зимнее время полагались суконные серые, а в летнее время нанковые такого же цвета. Все воспитанники имели темно-зеленые шинели со светло-зеленым суконным воротником. Такая форма — темно-зеленый мундир и головной убор с желтым околышем — послужила причиной сравнения правоведов с птичкой чижиком, что нашло отражение в популярной петербургской песенке «Чижик-пыжик, где ты был?».

Обучение было платным, но не для всех. Воспитанники в этом смысле делились на своекоштных — они вносили регулярно плату за учебу — и казеннокоштных, которые содержались за счет казны. Позднее появились экстерны и пансионеры. Полный курс обучения составлял сначала шесть лет: два класса начальных (пятый

и шестой) и четыре класса окончательных (четвертый, третий, второй и первый). В 1847 году в связи с недостаточной подготовкой поступающих в Училище мальчиков были учреждены подготовительные классы, для устройства которых за 50 тысяч руб. куплен двухэтажный каменный дом на Сергиевской ул., 12. Подготовительные классы были сначала двухгодичными, а позднее — трехгодичными. В них принимались дети с восьми лет. В конечном итоге курс обучения, который шел по двум направлениям — общеобразовательному и практическому, — составил 10 лет.

После окончания Училища воспитанники обязаны были служить не менее шести лет по ведомству Министерства юстиции. Учебные программы предусматривали подготовку воспитанников с гимназического возраста до уровня университетского образования с практическим уклоном для государственной службы.

Помимо обязательных уроков проводились также внеклассные занятия: уроки музыки, рисования, ваяния, драматического искусства. Попечитель Училища правоведения П. Г. Ольденбургский, человек разносторонне образованный и творческий, поощрял увлечение воспитанников искусством.

Кругозор правоведов расширялся и за счет проведения лекций по различным отраслям знаний, которые читались преподавателями Училища или приглашенными лекторами. Воспитанников водили на экскурсии в музеи, на заводы и фабрики не менее 7 раз в году. Обязательным было посещение Пулковской обсерватории, музея Горного института, Этнографического музея, Технического музея, Фарфорового завода, Публичной библиотеки. В первые годы воспитанники обязательно обучались танцам. Для желающих научиться ручному труду с 1905 года оборудовали специальную мастерскую со столярным станком.

Процессу обучения с самого начала стремились дать практическое направление. Для этого Училище получало все указы Сената, решения гражданских и уголовных дел. Под руководством профессоров воспитанники разыгрывали судебные заседания с участием представителей обвинения и защиты. Воспитанникам старших курсов полагалось посещать тюрьмы. Занятия по судебной медицине предполагали не только лекции и семинары, но и посещение морга Мариинской больницы, присутствие при вскрытии трупов.

Переходные экзамены сдавали все. Причем при оценке ответа на экзамене учитывались отметки за репетиции и за письменные работы. Оценивались ответы по 12-балльной системе. Для перехода из класса в класс требовалось не менее 8 баллов, что соответствовало оценке «удовлетворительно». Отличников переводили без экзаменов, если они имели при 12-балльной системе: 11 — баллов за нравственность, 11 — за исполнительность, 10 — за внешний порядок.

Основными экзаменами были выпускные. В экзаменационную комиссию входили: преподаватель экзаменуемого предмета и его ассистент, директор, часто присутствовал попечитель. От оценки, полученной на выпускных экзаменах, зависело, по какому классу Табели о рангах начнет служебную деятельность выпускник. 11,5 баллов требовалось для получения чина 9 класса, 10,5 — 10 класса, 8,5 — 12 класса. Большинство выпускников удаивалось чина 9 класса. Училище, выпуская своих питомцев на государственную службу, внимательно следило за их профессиональными успехами и еще в течение нескольких лет опекало, предписывая в обязательном порядке ежегодно проходить испытания по основным предметам курса, для чего являться каждый год в само Училище, или в университеты по месту службы, или, где таковых не имеется, в гимназии — для испытания в тех предметах, какие будут назначены училищным советом и утверждены попечителем.

В Училище существовала система мер наказаний, среди которых и общепринятое в учебных заведениях того времени — наказание розгами. Эта мера применялась с разрешения директора для трех младших классов, но практически почти не использовалась благодаря гуманному направлению в воспитании, проводимому попечителем принцем Ольденбургским. Другие наказания: лишение последнего обеденного блюда или полностью обеда, выставление к «столбу» (стене), лишение отпуска на выходные. Самым тяжким наказанием было исключение из Училища.

Свободное от занятий время воспитанники проводили по-разному в зависимости от времени года и склонностей. Летом прогуливались по училищному саду, катались на качелях, играли в футбол.

Зимой два раза в день разрешалось кататься на коньках по льду Фонтанки, на санях и лыжах. В саду строили ледяные крепости и разыгрывали их штурм и защиту. Многие посещали танцклассы, занимались музыкой, живописью.

Николай I за время своего царствования не упускал из виду Училище правоведения, периодически посещая его, иногда без предупреждения, контролируя его деятельность, ведь судебное ведомство, в котором должны были служить правоведы, основа существования государства и благоденствия престола. В 1848 году в связи с делом кружка Петрашевского, в который входил один из правоведов, Николай I решил даже закрыть Училище, не оправдавшее его доверие. Попечитель принц П. Г. Ольденбургский заступился за своих подопечных, поручился за их верноподданнические чувства. Царь сменил гнев на милость. Во время первого посещения Училища после 1848 года он, протянув руку директору Училища Языкову, сказал: *«Спасибо тебе, ты мне вернул правоведов и порадовал Нашего доброго Принца»*.

Особым почетом во все годы существования Училища пользовалась музыка. По воспоминаниям В. В. Стасова, во время рекреаций все Училище было наполнено музыкальными звуками. В первые годы во главе музыкального кружка стоял будущий известный композитор Александр Серов. Он выделялся незаурядными способностями, начитанностью и блестяще успевал по всем предметам.

П. Г. Ольденбургский часто приглашал воспитанников в свой дворец, где наиболее одаренные из них устраивали концерт.

Увлечение музыкой с годами усиливалось, правоведы учились играть на самых различных инструментах — фортепиано, скрипках, виолончели, контрабасах, флейтах. Не обходилось и без анекдотических случаев. Николай I, приехав однажды в Училище без предупреждения, увидел воспитанника Бенкендорфа, разыгрывающего гаммы на флейте. Заметив входящего императора, тот сделал вид, что не видит его, и тут же заиграл гимн «Боже, царя храни», чем растрогал Николая I. Этот российский государственный гимн был сочинен в 1833 году сенатором, гофмейстером, дирижером и композитором П. Ф. Львовым на слова В. А. Жуковского по заказу самого императора, получил его высочайшее одобрение и только недавно был введен в жизнь. Ловкий воспитанник удостоился внимания и похвалы Николая I.

Нередко в Училище давали концерты известные русские и зарубежные музыканты. Особенно памятными стали концерты австрийского пианиста Тальберга, супругов Роберта и Клары Шуман. Петр Георгиевич присылал каждый месяц в Училище билеты в свою ложу, и ученики, по одному из класса, по очереди посещали концерты и спектакли.

Воспитанник Училища правоведения в форменном мундире

Многолетние занятия в училищном хоре наверняка сыграли свою роль в развитии музыкального дарования будущего великого композитора П. И. Чайковского. И хотя годы его обучения пришлось на не очень благоприятный период в истории Училища правоведения, тем не менее Петр Ильич сохранил теплые воспоминания о своих товарищах и учителях, особенно о попечителе принце Петре Георгиевиче. К празднованию 50-летнего юбилея

своей alma mater он сочинил «Правоведскую песнь» и написал к ней музыку.

Разумеется, музыкальное образование в Училище не могло воспитать настоящих профессионалов, оно лишь идеально отвечало потребностям просвещенного дилетантизма: образованность любителя, умеющего употребить свой талант для приобретения престижа в свете, для обеспечения удачной служебной карьеры. Но те, кто почувствовал, что музыка — их жизненное призвание, шли своим путем, добываясь настоящего профессионализма, поднимаясь на высоты всемирного признания.

В 1850-х годах в среде воспитанников наряду с увлечением музыкой возникает серьезный интерес к литературе, по-видимому, благодаря талантливому преподавателю словесности профессору Н. А. Вышнеградскому. В 1855–1856-х годах воспитанники даже выпускали рукописный журнал «Училищный вестник». Активными авторами были П. Чайковский, М. Эртель, Ф. Маслов, В. Герард, А. Апухтин. В журнале публиковались повести, стихи, критические статьи, написанные правоведами. Стихи писали многие, в том числе Чайковский и Апухтин, правда, будущий композитор предпочитал писать критические заметки и обзоры.

К увлечению музыкой и литературой добавился в 1880-х годах повышенный интерес к драматическому искусству. В Петербурге в этот период было немало действующих театров. Наиболее посещаемы были Михайловский и Александринский, на балконах которых среди прочих зрителей выделялись своими зелеными мундирами правоведы. В самом Училище был организован драматический кружок, его участники разыгрывали пьесы как русских, так и зарубежных писателей. В 1886 году состоялся первый официальный спектакль.

Со временем спектакли в Училище стали восприниматься как профессиональные постановки, приобрели популярность у петербургских театралов и становились событием театральных сезонов столицы.

Большое внимание уделялось занятиям спортом. Уроки верховой езды считались обязательными и проводились в манеже, где устраивались также соревнования. Для занятий теннисом были оборудованы корты под навесом, что давало возможность играть круглый год. Со временем популярным стал лыжный спорт. С 1896 года ввели уроки бокса, для чего оборудовали зал

и пригласили тренером чемпиона мира по боксу Э. Лусталло. Некоторые воспитанники увлекались шахматной игрой. Среди юных шахматистов выделялся выдающимися способностями А. А. Алехин (75 выпуск), завоевавший в 1927 году титул чемпиона мира, который он удерживал до своей смерти в 1946 году.

Поведение правоведов как в стенах Училища, так и за его пределами регулировалось «Правилами для воспитанников Императорского Училища правоведения», которые были выработаны в 1840 году при участии попечителя и им одобрены.

Учебный день строился по следующему расписанию: в 6 часов подъем по звонку, в 6.30 все собирались в отведенные для каждого класса помещения для утренней молитвы, затем шли завтракать. После завтрака — учебные занятия, продолжавшиеся с 11 до 13 часов. На обед в столовую шли по звонку, строем. В столовой воспитанники пели молитву, по окончании которой занимали места. После обеда и непродолжительного отдыха занятия продолжались с 15 до 18 часов. Время с 19 до 21 часа отводилось на приготовление уроков. Ужин был в 21 час, в 22 часа после вечерней молитвы — отбой. После ужина воспитанников не вели тотчас спать в дортуары. Это считалось вредным, еще с полчаса они прогуливались по залам или в саду. «Правила» подробно инструктировали воспитанников, как вести себя и во время перемен в Училище, и во время прогулок в саду, и во время летних каникул, на уроках танцев, гимнастики и т. д. Между уроками во время рекреаций все должны выходить из классов и прогуливаться в предназначенном для каждого курса зале. На время каникул воспитанники получали отпускной билет, к которому прилагались правила поведения вне Училища. Согласно этим правилам запрещалось посещать рестораны, кафе, в театре можно было находиться только в ложе, не разрешалось аплодировать и кричать «браво!». В учебное время воспитанники получали увольнение к родственникам и знакомым по субботам и накануне праздников. За младшими учащимися должны приходиться провожатые, без которых они не имели права уходить. Из увольнения воспитанникам предписывалось прибыть в Училище ровно в 21 час, подойти к дежурному воспитателю, отдать свой отпускной билет с отметкой родителей о времени их прихода домой и возвращения в Училище и сказать официальным тоном: *«Честь имею явиться! Из отпуска прибыл благополучно!»*

Учителя в Училище правоведения подразделялись на четыре категории: профессора ординарные и экстраординарные, преподаватели и учителя искусств. Подбор преподавательских кадров был прерогативой попечителя. В разные годы в училище читали лекции и вели практические занятия выдающиеся российские юристы: профессор Санкт-Петербургского университета, преподаватель гражданского права Дмитрий Иванович Мейер (1819–1857), римское право читали профессор Шнейдер Василий Васильевич (1793–1872) и Константин Алексеевич Неволин. Практические занятия по гражданскому и уголовному судопроизводству вел Николай Иванович Стояновский (1820–1900), кафедрой русской словесности заведовал Н. А. Вышнеградский (1821–1872), сыгравший большую роль в становлении женского образования в России. Судебную медицину в разные годы вели профессор судебной медицины, приват-доцент в Академии наук Василий Константинович фон Анреп (1852–1927) и доктор медицины, профессор кафедры судебной медицины Сергей Михайлович Лукьянов (1855–1935). Большая роль в нравственном воспитании юношей отводилась учителям Закона Божия, которые по традиции были настоятелями церкви Училища правоведения: М. И. Богословский (1835–1865), профессор А. И. Парвов (1865–1883), профессор В. Г. Певцов (1883–1909) и протоиерей К. П. Виноградов (1909–1918).

«За ученьем следил наш попечитель, всеми тогда чтимый и искренне любимый принц Петр Георгиевич Ольденбургский, часто приезжавший к нам на лекции», — писал в мемуарах правовед А. В. Михайлов. «Принц считал Училище чем-то своим, родным и близким себе, все свое время, все заботы и помышления отдавал ему, — вспоминал В. В. Стасов. — В Училище он приезжал почти каждый день, иногда по несколько раз в день, присутствовал на лекциях в классе, бывал во время рекреаций, навещал Училище при обедах и ужинах. Иногда приезжал даже ночью, возвращаясь из дворца или с какого-нибудь неизбежного собрания, бала, театра. Тут он проходил по всем этажам и залам. Вообще говоря, навряд ли была такая подробность училищной жизни, которую от него можно было бы спрятать и исказить. Все это имело чрезвычайно важные последствия: Училище стало на такую ногу, на которой не стояло никоторое из тогдашних русских училищ, и во многом получило особенный характер. В нем несравненно менее было казенного, формального,

рутинного и зато было что-то напоминавшее семейство и домашнее житье». Поэт А. Жемчужников утверждал: «Дух Училища в мое время был превосходный благодаря принцу, способствовавшему развитию в нас чувства собственного достоинства, человечности и уважения к законности, справедливости и просвещению».

С первого года существования Училища в нем стали складываться свои традиции, которые ревностно соблюдались всеми поколениями правоведов. К традициям нравственного характера относились: запрет игры в карты в стенах Училища, обращение в старших классах друг к другу на «Вы», соблюдение дружеских отношений между собой, порицание проявления сословного и материального неравенства.

Самыми главными праздниками считались: день освящения училищной церкви 24 ноября и день основания Училища — 5 декабря. Другим важным праздником в жизни правоведов был выпуск в июне. Первый выпуск состоялся 15 июня 1840 года. Выпускников было всего 14. Их привели к присяге на верность службы царю и отечеству. Попечитель Петр Георгиевич Ольденбургский подарил всем выпускникам на память золотые перстни, на которых был выгравирован девиз правоведов: *respice finem* — сокращение от стиха Горация: «*Quidquid agis prudenter agas et respice finem*» («*Что бы ты ни делал, делай благоразумно, не упуская из виду цели*»).

Петр Георгиевич собственноручно вручил выпускникам дипломы, медали, а переведенным в старший класс — шпаги. В этот же день он устроил для выпускников в своем Летнем дворце на Каменном острове прощальный вечер, куда они с учителями и воспитателями отправились от здания Училища на шлюпках. Все последующие выпуски проводились по заведенному принцем П. Г. Ольденбургским порядку, правда, время вносило в него порой некоторые коррективы.

Деятельность принца как попечителя Училища правоведения одобрялась и поощрялась императором Александром II.

С 1881 года, после кончины Петра Георгиевича, выпускники стали в полном составе ездить в Свято-Троицкую Сергиеву пустынь на могилу принца. На мраморное надгробие возлагали золотой венки, хранившийся в церкви Училища. Венки состояли из золотых лепестков по количеству выпусков, на каждом лепестке стояла дата окончания Училища тем или иным курсом. Каждый новый выпуск добавлял к венку свой лепесток. После посещения пусты-

ни все возвращались в Училище, где проходил торжественный акт принятия выпускниками присяги. От попечителя весь курс получал памятную медаль с девизом Училища. В честь выпускников во дворце попечителя устраивался бал.

Различные ответственные моменты училищной жизни отмечались праздниками, свойственными только данному учебному заведению. Так называемый «перелом» происходил, когда воспитанники вступали во вторую половину всей учебы, то есть во второе полугодие 4-го класса. К этому моменту изготавливали специальный жетон, дизайн которого разрабатывался самими воспитанниками, лицевая сторона жетона каждый год менялась. На оборотной же стороне, разделенной пополам на золотое и серебряное поле, обозначались класс, дата праздника и фамилия владельца. Ежегодным праздником было «слияние» — переход учеников 4-го класса в старший — 3-й. Они как бы вступали в совсем другой мир — мир взрослых людей, вливались в их общность. В этот день учащиеся теперь уже 3-го класса приглашали старших на товарищеский обед, на котором присутствовали также директор, инспектор, воспитатели. Переход в самый старший класс и получение в связи с этим шпага отмечался «шпажным ужином». «Вынос» — обычай, связанный с окончанием Училища, когда младшие воспитанники чествовали своих старших товарищей-выпускников, вынося их на руках из классов и неся до подъезда, выражая им тем самым свою симпатию и сожаление об их уходе. Этот обычай распространялся и на некоторых профессоров, особо любимых воспитанниками. Соблюдение училищных традиций способствовало созданию в правоведской семье здорового нравственного климата, развивало чувство товарищества, ответственности не только за себя, но и за своих друзей.

При принце Александре Петровиче Ольденбургском (1844–1932), назначенном Александром III попечителем Училища после смерти его отца в 1881 году, был принят новый Устав (1894) и новые правила относительно контрольных работ, начата капитальная перестройка училищных зданий. В 1894 году провели электрификацию зданий Училища. В доме на Сергиевской, 12, открыли лазарет для больных инфекционными болезнями.

Политические события XIX — начала XX века коснулись и этого закрытого элитарного учебного заведения: в октябре 1906 года воспитанники старшего курса выдвинули требования демократизации

училищных порядков. В результате 17 учащихся исключили, а еще 16 в знак протеста ушли добровольно, к ним присоединились пять профессоров.

Празднования больших юбилеев проводились широко и имели всегда полезные последствия. После каждого большого торжества возникало какое-нибудь важное начинание. Так, день 40-летия Училища воспитанники решили ознаменовать установкой бюста своего попечителя принца П. Г. Ольденбургского.

В 50-летний юбилей Училища в 1885 году была основана Правоведская касса — постоянный фонд, образуемый из добровольных взносов бывших правоведов, чтобы на проценты с них можно было оказывать материальную помощь выпускникам Училища, которые по тем или иным причинам оказывались не в состоянии содержать себя на собственные средства. Правоведская касса помогала также малообеспеченным воспитанникам уплатой за их обучение и содержание. Касса состояла в ведении Министерства юстиции, а делами кассы заведовал комитет.

Со дня открытия Училища в нем существовала фундаментальная библиотека. Основой библиотечного фонда стали купленные у книготорговца Смирдина 364 тома, содержащие 148 отдельных произведений. В 1836 году из II отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии поступили в библиотеку Свод законов и полное собрание законов в 80 томах. В дальнейшем в библиотеку, кроме покупаемых книг, поступали дары от разных высших учебных заведений в виде профессорских записок, диссертаций, речей и т. п. К 1885 году в фонде имелось 5806, а к 1900—6349 томов. Для руководства работой библиотеки и ее пополнения в 1891 году избрали особую комиссию. На содержание библиотеки и покупку книг ежегодно отпускалось до 3000 руб. Со временем возникла правоведская библиотека, которая состояла исключительно из произведений правоведов и всего, что было написано об Училище, его воспитанниках, учителях, воспитателях.

В год 75-летия Училища (1910) в нем был создан Правоведский музей. Его основу составили собранные в правоведской библиотеке материалы, содержавшие данные об официальной и бытовой жизни Училища в разные годы, а также о деятельности его выпускников на государственном, общественном и научном поприще.

В 1912 году торжественно отметили 100-летие основателя Училища правоведения принца П. Г. Ольденбургского.

В годы Первой мировой войны (1914—1918) в здании Училища правоведения принц А. П. Ольденбургский устроил мастерскую по производству противогазов, открыл лазарет для раненых.

За более чем 80-летнее существование Училище воспитало и образовало 2317 юристов, из них 46 стали членами Государственного совета, 168 — сенаторами, 64 правоведа были губернаторами. В среднем каждый год количество выпускников составляло 25—27 человек. Наименьшее число пришлось на первый выпуск в 1840 году — 14 человек, наибольшее — в 1883 году — 39. Среди его выпускников много выдающихся юристов и государственных деятелей, сыгравших важную роль в крестьянской и судебной реформах, в проведении в жизнь судебных уставов: Н. И. Стояновский, Д. А. Ровинский, В. А. Арцимович, А. Г. Бульгин, И. Г. Щегловитов, В. Н. Герард, К. П. Победоносцев, Д. Н. Набоков, Н. Б. Якоби и многие другие.

Училище правоведения благодаря своим питомцам очистило и подняло судебное ведомство. Воспитанные в духе правды и законности, выпускники явились достойными представителями правосудия и по мере сил боролись с привычками и нравами дореформенного суда.

Разностороннее образование, которое получали воспитанники в Училище — уроки музыки и композиции, участие в хоре, в музыкальных и драматических кружках, в издании рукописного журнала, посещение концертов и спектаклей, — раздвигало рамки узкоспециального образования, приобщало правоведов к интеллектуальной жизни общества, способствовало развитию их природных дарований и художественных увлечений. Училище правоведения способствовало формированию в России традиции просвещенного чиновничества, следовавшего дворянскому кодексу поведения.

Училище правоведения оставило яркий след также в культуре, искусстве и науке. Его воспитанниками были поэты А. М. Жемчужников, А. Н. Апухтин, писатель, художественный критик В. В. Стасов, писатель И. С. Аксаков, либреттист М. И. Чайковский, композиторы А. Н. Серов, П. И. Чайковский, доктор медицины Н. Я. Кетчер, палеонтолог, доктор философии, переводчик знаменитой книги Брема «Жизнь животных» В. О. Ковалевский, старший научный сотрудник Государственного Эрмитажа М. В. Добросклонский и др.

Решением Комиссариата народного просвещения правительства большевиков от 18 июня 1918 года Училище правоведения было ликвидировано, а его здание передано Агрономическому институту.

Судьба училищной церкви после революции 1917 года сложилась печально. По декрету Совнаркома от 23 января (5 февраля) 1918 года было осуществлено отделение церкви от государства, школы от церкви. Это означало, что в учебных заведениях церкви упразднились.

После революционных событий в России правоведов, которым удалось избежать большевистского террора, судьба разбросала по многим странам мира. Но чувство правоведской семьи было удивительно сильным, а на чужбине еще более обострилось. Оторванные от родины, от России, превращенные по большей части в бесправных изгнанников, бывшие питомцы Училища и в эмиграции установили между собой связи, создав Зарубежное объединение правоведов, почетным председателем которого стал внук основателя Императорского Училища правоведения (50-й выпуск) принца П. Г. Ольденбургского, бывший воспитанник Училища Александр Георгиевич, князь Романовский, герцог Лейхтенбергский (1881–1942). Во многих странах Европы возникли отделения: во Франции, Германии, Англии, Бельгии, Финляндии, Югославии, Польши, Латвии, Эстонии, а также в США. В год 100-летия Училища в 1935 году А. Г. Лейхтенбергский обратился к местным отделениям Зарубежного объединения правоведов с предложением отметить этот юбилей.

Центром русской эмиграции в Европе являлся Париж, где и проходили основные юбилейные торжества. В одном из парижских залов на торжественный акт собралось более 400 бывших правоведов с семьями. Сцена была украшена изображением российского государственного герба, портретами российских государей, основателя Императорского Училища правоведения принца Петра Георгиевича и попечителя принца Александра Петровича Ольденбургских.

5 декабря в Александро-Невском кафедральном соборе был отслужен молебен в присутствии правоведов и их семей. Затем на традиционный обед собрались в одном из парижских ресторанов 100 человек, а 9 декабря состоялся благотворительный бал. Подобные торжественные юбилейные вечера прошли и в столицах других стран — Белграде, Берлине, Варшаве, Хельсинки, Софии и т. д.

Эти события во многих зарубежных странах, связанные с памятью об Училище, показали духовное единство правоведской семьи, которое не смогли разрушить никакие исторические катаклизмы.

Связь между бывшими правоведами, а затем и их потомками прослеживалась еще долгие годы. Как доказательство этой необыкновенной преданности своей alma mater, а точнее идеям преданности царю и отечеству, честного служения закону и верности дружбы, является памятная икона св. Екатерины в соборе св. Александра Невского в Париже с надписью: *«Сей образ небесной покровительницы Императорского Училища правоведения сооружен в 1964 году в вечную память императоров Николая I, Александра II, Александра III и Николая II, августейших попечителей Училища принцев Петра и Александра Ольденбургских, начальствовавших и учившихся в Училище, и всех правоведов за Веру, Царя и Отечество живот свой положивших, в смуте умученных и в мире скончавшихся».*

Фигура правоведа навсегда останется неотъемлемой от облика державного Петербурга, сохранившись и в графике «Петербургских строф» О. Мандельштама, и в курьезном памятнике — бронзовой фигурке чижика работы Резо Габриадзе, установленной на откосе набережной Фонтанки в 1994 году во время фестиваля юмора «Золотой Остап».

Литература

- Анненкова Э. А. Императорское училище правоведения. — СПб., 2006.
Анненкова Э. А., Голиков Ю. П. Принц Петр Георгиевич Ольденбургский. — СПб., 2012.
Анненкова Э. А. Принцессы Ольденбургские. — СПб., 2014.

Э. А. Анненкова

Правоведческая песнь П. И. Чайковского

Жалеть прошедшее, надеется на будущее
и никогда не удовлетворяться настоящим —
вот моя жизнь.
П. И. Чайковский

Набережная реки Фонтанки, 6... Огромное импозантное здание Императорского Училища правоведения. Перед его главным входом вот уже с полчаса стоят двое: довольно полная миловидная, со вкусом одетая дама и мальчик лет десяти с заплаканным лицом и испуганными глазами. Дама в чем-то горячо убеждает мальчика, а он отворачивается, глотая слезы, и все крепче сжимает ее руку. Наконец, дама твердо говорит: «Все, Петя, пойдем... так нужно», — и решительно открывает массивную дверь знаменитого учебного заведения... Так, или возможно так, будущий великий композитор впервые переступил порог Императорского Училища правоведения, ставшего для него на долгие почти 10 лет вторым домом, порой ненавистным, порой любимым, порой непонятым, наложившим роковой отпечаток на всю его жизнь. Здесь познал он многое: детское горе от разлуки с любимыми родными, непереносимое отчаяние от потери горячо любимой матери, первые радости музыкального творчества, радости и горести дружбы и любви.

Училище правоведения (далее Училище. — *Авт.*), основанное принцем П. Г. Ольденбургским в 1835 году, было привилегированным учебным заведением для дворянских детей. Курс обучения составлял вместе с подготовительными классами 10 лет, из которых три последних курса соответствовали программе университета. Цель создания этого учебного заведения заключалась в подготовке высокообразованных юридических кадров для работы в судебных ведомствах и в Министерстве юстиции. В первое десятилетие своего существования Училище, в сравнении с дру-

гими подобными учебными заведениями, отличалось мягким режимом. Воспитанники жили и учились здесь в почти домашней обстановке. В. В. Стасов, известный литературный критик, писатель и общественный деятель, вспоминая свои годы ученичества, отмечал, что *«училище стало на такую ногу, на которой не стояло ни которое из тогдашних училищ и во многом получило особенный характер. В нем несравненно менее было казенного, формального, рутинного и зато было что-то, напоминавшее семейство и домашнее житье»*¹. С первого года существования Училища в нем стали складываться свои традиции, которые ревностно соблюдались всеми поколениями правоведов. К традициям нравственного характера относились: запрет игры в карты в стенах Училища, обращение в старших классах друг к другу на «Вы», соблюдение дружеских отношений между собой, порицание проявления словесного и материального неравенства. Самыми главными праздниками считались день освящения училищной церкви 24 ноября и день основания Училища — 5 декабря. Другим важным праздником в жизни правоведов был выпуск в июне. Первый выпуск состоялся 15 июня 1840 года. Выпускников было всего 14. Их привели к присяге на верность службы царю и отечеству. Попечитель Петр Георгиевич Ольденбургский подарил всем выпускникам на память золотые перстни, на которых был выгравирован девиз правоведов: *respice finem*.

Но спокойной жизни Училища пришел конец, когда в 1849 году был раскрыт революционный кружок М. В. Петрашевского, а его участники арестованы. Среди 123 арестованных, попавших под следствие военного суда, был молодой правовед (так называли воспитанников Училища) В. А. Головинский. В собрания Петрашевского Головинский был введен Ф. М. Достоевским. Как и уже известный в ту пору Достоевский, он был приговорен к смертной казни, замененной солдатчиной в Оренбургском линейном батальоне сроком на 25 лет. Эти события повлекли за собой ужесточение режима во всех учебных заведениях, в том числе и в Училище. По приказу Николая I в этом невоенном учреждении были введены казарменная дисциплина, военная муштра и телесные наказания. Князь В. П. Мещерский, бывший правовед, вспоминал: *«Дисциплина у нас была почти военная. На улице мы обязаны были отдавать честь всем военным, а Царской фамилии*

и генералам становились во фронт. После завтрака нас обучали офицеры военному строю и маршировке, и от времени до времени Принц приезжал делать нам смотры»². Вот в такой сложный период и поступил Петр Чайковский в Училище правоведения. Его мать, Александра Андреевна, определяя сына в элитное училище по рекомендации друга семьи Модеста Алексеевича Вакара, считала, что выбрала учебное заведение, наиболее отвечающее мягкому характеру Петра. К тому же имелся положительный пример обучения в Училище: брат Модеста Алексеевича, Платон Алексеевич, бывший правовед 5-го выпуска, окончил Училище до описываемых выше событий и был предан своей alma mater, давшей ему прекрасное образование, добрых друзей, путевку в праведную жизнь.

Петра Чайковского по возрасту приняли на два года в подготовительный класс в сентябре 1850 года. Как и воспитанники основного Училища, учащиеся подготовительных классов носили форму, жили и обучались в специально оборудованном здании на ул. Сергиевской, 12. Казеннокоштных учеников не было, вся обстановка носила оттенок частного пансиона, состоявшего из младшего и старшего отделений. Начальником был назначен француз Берар, которого воспитанники называли Папá Берар. Как вспоминал поступивший в это же время в подготовительный класс князь В. П. Мещерский: *«В руках нашего доброго Папá Берара мы чувствовали себя как будто в своем доме, в своей семье; каждый из нас сознавал свою детскую личность не только существующую для наших воспитателей, но до известной степени им близкою: между ими и нами был постоянный обмен впечатлений, и самая строгость никогда не теряла характера семейного, дружеского или отцовского обращения...»³.*

Первое время пребывания Петра Чайковского в подготовительном отделении протекало относительно спокойно, так как его часто навещала мать, и отпускные и праздничные дни он проводил с ней. Но вот пришло время, когда Александра Андреевна должна была уехать в Алапаевск к месту службы супруга. День отъезда матери и прощание с ней в жизни будущего композитора стали самым ужасным моментом, подробно описанным его братом Модестом Ильичом: *«Дело происходило на Средней Рогатке, куда по обычаю тех времен ездили провожать отъезжающих*

по Московской дороге... Пока ехали туда, Петя поплакивал, но конец путешествия представлялся отдаленным и, ценя каждую секунду возможности смотреть на мать, он сравнительно казался спокоен. С приезда же к месту разлуки он потерял всяческое самообладание. Припав к матери, он не мог оторваться от нее. Ни ласки, ни утешения, ни обещания скорого возвращения не могли действовать. Он ничего не слышал, не видел и как бы слился с обожаемым существом. Пришлось прибегнуть к насилью, и бедного ребенка должны были оторвать от Александры Андреевны. Он цеплялся, за что мог, не желая отпускать ее от себя. Наконец, это удалось. Она с дочерьми села в экипаж. Лошади тронули, и тогда, собрав последние силы, мальчик вырвался из рук и бросился с криком безумного отчаяния бежать за тарантасом, стараясь схватиться за подножку, за крылья, за что попало, в тщетной надежде остановить его...»⁴. Тоска по матери преследовала Петра все два года учебы в подготовительных классах и тяжело отзывалась на настроении и учебе десятилетнего ребенка.

В Петербурге Петра и его брата Николая, который учился в Горном корпусе, опекал друг их отца Модест Алексеевич Вакар. Когда в подготовительных классах возникла эпидемия скарлатины, учеников разобрали по семьям, и Петра взял в свою семью Модест Алексеевич. Но от Петра заразился его пятилетний сын Коленька, вскоре скончавшийся. После этого трагического события жизнь Петра Чайковского в Училище стала еще тоскливее. Он часто плакал втихомолку, считая себя виноватым в смерти ребенка, был грустен, неразговорчив. Воспитатели старались приласкать мальчика, на выходные дни брали его в семью. О воспитателях Василии Мартыновиче Гоббе, Шильдер-Шульдере и начальнике Бераре Петр Ильич сохранил самые светлые воспоминания. После отъезда из Петербурга опекуна Петра М. А. Вакара заботу о нем и его брате Николае до переезда их родителей в Петербург взяли на себя Платон Алексеевич Вакар и его супруга Мария Петровна Маркова. После окончания младшего отделения подготовительных классов, которое Чайковский окончил по всем предметам, кроме латыни и Закона Божьего, на «полный балл», Мария Петровна увезла его с собой в деревню неподалеку от Петербурга. Петр был счастлив, матери он писал: «Вы не можете себе представить, как я весело провожу время. Эта деревня

очень красива! Окрестности восхитительны. Расположена она на холме, против нее аллея, ведущая к озеру, в котором много рыбы, налево от аллеи — птичья. С другой стороны дома сад, за этим садом большая аллея, ведущая в рощу. С другой стороны дома маленькое село Надино. Вдали видна церковь...»⁵

У Петра в его нелегком состоянии было два утешения: музыка и переписка с родителями. Из писем первых двух лет ясно, что в учебе он пока «на своем месте, третий ученик. За поведение получил 10» (при 12-балльной системе). Ожидая приезда родителей, Петр все чаще обращался к музыке, находя в ней выражение своего настроения, своих надежд, своих мечтаний. Фортепиано стало для него лучшим и верным другом. И это неудивительно, ведь в семье Чайковских большое внимание уделялось музыкальному образованию детей. Отец семейства, Илья Петрович, всю жизнь увлекался театром и музыкой, любовь к которым он вынес из стен своей alma mater Горного корпуса, воспитанники которого обучались музыке, устраивали любительские ученические спектакли. Когда Александра Андреевна повезла сына в Петербург для поступления в Училище, Илья Петрович напоминал ей в письме, чтобы она не забыла о продолжении Петром занятиями музыкой.

Мать Петра, Александра Андреевна, музыкально одаренная личность, была певица-любительница, играла на фортепиано и арфе, именно она первая подвела маленького Петю к фортепиано. Ее пение, особенно исполнение «Соловья» Алябьева, трогало душу и сердце мальчика до слез. В январе 1852 года он пишет матери: «Недавно я играл в училище на рояле. Я начал играть “Соловья” и вдруг вспомнил, как играл эту пьесу раньше. Ужасная грусть овладела мною, я вспоминал, как играл ее в Алапаеве по вечерам, а вы слушали то, как играл ее четыре года назад в С.-Петербурге с моим учителем г-ном Филипповым, то вспомнил, как вы пели эту вещь со мной вместе, одним словом вспомнил, что это всегда была ваша любимая пьеса»⁶. Несмотря на подавленное моральное состояние, Петр считался одним из лучших учеников своего отделения. Постепенно он осваивается с жизнью вдали от родителей, привыкает к окружающей обстановке, начинает шалить на занятиях, небрежно относиться к урокам. Его поведением стал порой недоволен начальник Берар. Об одном из таких случаев сам Петр рассказы-

вает в письме к матери: «Однажды, когда я играл на фортепиано, прошли через зал несколько воспитанников. Я играл польку, и некоторые из них начали танцевать, затем подошли другие и стали делать то же. Господин Берар, живущий внизу, услышав шум над собой, поспешил пойти остановить его. Так как мои товарищи услышали шум открывающейся двери, то успели разбежаться. Я остался один, и г. Берар спросил меня, кто танцевал. Но танцевавших было так много, что я в моем смущении забыл их имена. Тогда дежурный воспитанник назвал ему всех, кто танцевал, а г. Берар с недовольством посмотрел на меня и сказал, что это с моей стороны ложь»⁷.

Но вот в начале 1852 года родители Петра наконец-то переехали на постоянное жительство в Санкт-Петербург, и в мае 1852 года семья поселилась на ул. Сергиевская, дом 41, — лучшего подарка к своему дню рождения Петр и не мог желать.

В этот год воспитанники приговорительного класса старшего отделения, сдав экзамены, поступали в VII (младший) класс Училища. Вступительные экзамены Петр сдал успешно по всем восьми предметам (Закону Божию, немецкому и французскому языкам, латыни, географии, истории, русскому языку, арифметике), набрав 84 балла из 100. Но на казенную вакансию он не попал и был принят своекоштным. Воскресные и праздничные дни, каникулы и летнее время Петр мог теперь проводить дома со своей семьей, рядом с горячо любимой матерью. Мать Александра Андреевна была для впечатлительного мальчика осуществлением высокого идеала, о котором ему мечталось и в который хотелось верить. Но счастье наслаждения близостью с родным и любимым человеком — матерью — очень быстро оборвалось. В июне 1854 года Александра Андреевна скончалась от холеры. Казалось, для Петра со смертью матери остановилась жизнь. Четверть века спустя он писал, что смерть матери «имела громадное влияние на весь оборот судьбы моей и всего моего семейства. Каждая минута этого ужасного дня памятна мне, как будто это было вчера...».

В Училище правоведения Чайковский обучался около девяти лет. Занимался он прилежно, переходил без труда из класса в класс. Трудно давалась ему только математика. Дни в Училище проходили в занятиях, в подготовках к экзаменам. Свободное от занятий время воспитанники проводили по-разному

в зависимости от времени года и склонностей. В 1840–1850-х годах среди воспитанников усилился интерес к литературе. В Училище со дня его основания имелась библиотека, располагавшая учеными трудами, учебными пособиями, произведениями художественной литературы. Для библиотеки выписывались русские и иностранные журналы. Петр Чайковский особенно был увлечен поэзией Пушкина, которая околдовала сердце будущего великого композитора на всю жизнь. Очаровала Чайковского в юные годы и поэзия Афанасия Фета.

В Училище силами воспитанников издавался журнал «Училищный вестник», главными авторами которого были В. Н. Герард, Ф. И. Маслов, А. Н. Апухтин и сам П. И. Чайковский. В журнале печатались повести, стихотворения, критические статьи, написанные правоведами. Стихи, как правило, сочинял Алексей Апухтин, иногда Петр Чайковский, он же написал критический обзор «История литературы нашего класса», показав себя остроумным, объективным критиком, пишущим легко, доходчиво, весело.

Самыми закадычными друзьями Петра Чайковского в Училище были Ф. И. Маслов, И. Н. Турчанинов, В. С. Адамов, Л. К. Шадурский, В. Н. Герард. С Масловым в седьмом классе они были неразлучны, сидели во время уроков за одним столом, часто вместе готовились к экзаменам. На старшем курсе юноши занимались в Летнем саду, а учебники и записи, чтобы не носить их с собой каждый раз, оставляли в дупле дерева, потом, конечно, забирали, но Петр часто забывал это делать. Вообще, по воспоминаниям Маслова, «в будничной жизни Чайковский отличался беспорядочностью. Он перетаскал товарищам чуть ли не всю библиотеку отца, но зато и сам, пользуясь чужими книгами, не заботился об их возвращении»⁸. «Чайковский был любимцем не только товарищей, но и начальства. Более широко распространенною симпатией никто не пользовался. Начиная с изящной внешности, все в нем было привлекательно и ставило его в совершенно исключительное положение»⁹.

Другой приятель Чайковского, В. Н. Герард, отмечал, что «приятливость и деликатность в отношениях со всеми товарищами делали Чайковского всеобщим любимцем. Я не помню ни одной крупной ссоры его, никакой вражды с кем-либо». И. Н. Турчанинов утверждал: «Несомненно, в Чайковском было что-то особенное, выделявшее его из ряда других мальчиков и привлекавшее к нему сердца: доброта,

мягкость, отзывчивость и какая-то беззаботность по отношению к себе были с ранней поры отличительными чертами его характера. Даже строгий и свирепый Рутенберг (воспитатель. — Авт.) выказывал к нему особенную симпатию». В. И. Танеев, на два выпуска моложе Петра Чайковского, заявлял, что это был «всеобщий баловень Училища». У Чайковского был «врожденный дар при всех обстоятельствах, в какой угодно обстановке устраивать вокруг себя атмосферу любви и дружбы, нужную как воздух его чувствительной и нежной натуре»¹⁰.

В шестой класс Училища, минуя седьмой, пришел Алексей Апухтин и оказался в одном классе с Петром Чайковским. С этого времени между ними завязалась тесная душевная дружба, длившаяся долгие годы. Внешне Апухтин был противоположностью Чайковскому: тщедушный, физически слабый, невзрачный. Учился он блестяще и вскоре занял особое место среди правоведа: «Он стал первенствовать в училище. Впечатление, производимое его личностью, доходит до того, что августейший попечитель училища принц Петр Георгиевич Ольденбургский удостоивает юношу, не в пример прочим, личным беседам и даже собственноручными письмами»¹¹. «Около него, — вспоминал В. П. Мещерский, — группировались любители словесности. При этом все мы знали тогда Апухтина как талантливого юмориста. Смешные стороны того или другого товарища были предметом его неисчерпаемой музыки смеха. В этом смехе были три черты: остроумие, добродушие и порядочность. Они никогда его не покидали потом во всю жизнь. Об Апухтине-лирике тогда мы не имели понятия»¹². Лирические стихи Апухтин начал писать после успеха его первого опубликованного стихотворения «Эпаминонд» (1854), посвященного памяти героя Севастополя вице-адмирала В. А. Корнилова. Умный и талантливый, саркастичный и язвительный, сверстник Чайковского, его сотоварищ по Училищу и сосед по парте, Апухтин очаровал впечатлительного подростка и стал на какое-то время его кумиром. Их дружба с каждым годом становилась крепче, а в старших классах Апухтин был введен в дом Чайковских, где также всех покорила своей исключительностью, остроумием и поэтическим талантом. Апухтин познакомил своих друзей в Училище с русской литературой начала и середины XIX века. Ведь тогда в училищный курс литературы творчество Грибоедова, Пушкина, Лермонтова

не входило. Он часто болел и отлеживался в лазарете, окруженный книгами, журналами, и декламировал навещавшим его друзьям отрывки из «Онегина», «Мцыри», стихи Огарева, Некрасова. Апухтин сроднил Чайковского с литературой, Чайковский же приобщил друга к музыке. В Училище в музыкальной комнате стоял рояль, и воспитанникам в свободное время разрешалось на нем музицировать, чаще всего инструментом пользовался Чайковский, играя, импровизируя. В нелегкой училищной жизни музыка помогала Чайковскому хоть ненадолго уйти от повседневности в мир мечтаний и грез. Его настроения были понятны самому близкому другу в Училище — Леле Апухтину, посвятившему этим сокровенным минутам в музыкальной комнате уже спустя много лет (1877) стихотворение:

II. Чайковскому

*Ты помнишь, как, забившись в «музыкальной»,
Забыв училище и мир,
Мечтали мы о славе идеальной...
Искусство было наш кумир,
И жизнь для нас была обвеяна мечтами.
Увы, прошли года, и с ужасом в груди
Мы сознаём, что все уже за нами,
Что холод смерти впереди.
Мечты твои сбылись. Презрев тропой избитой,
Ты новый путь себе настойчиво пробил,
Ты с бою славу взял и жадно тил
Из этой чаши ядовитой.
О, знаю, знаю я, как жёстко и давно
Тебе за это мстил какой-то рок суровый,
И сколько в твой венец лавровый
Колючих терний вплетено.
Но туча разошлась. Душе твоей послушны,
Воскресли звуки дней былых,
И злобы лепет малодушный
Пред ними замер и затих.
А я, кончая путь «непризнанным» поэтом,*

*Горжусь, что угадал я искру божества
В тебе, тогда мерцавшую едва,
Горящую теперь таким могучим светом*¹³.

Творческие порывы юных лет нашли выражение не только в поэзии А. Апухтина, но и в музыке П. Чайковского к шести романсам на стихи близкого друга: «Кто идет» (1860, не сохранился), «Забывать так скоро» (1870), «Он так меня любил» (1875), «Ни отзывает ни слова, ни привета» (1875), «День ли царит» (1880), «Ночи безумные» (1886). Учеба в Училище связала двух талантливых юношей тесной дружбой, которую они не переставали ценить даже тогда, когда их жизненные пути разошлись:

*Мы увертюру жизни бурной
Сыграли вместе до конца,
Грядущей славы марш бравурный
Нам рано волновал сердца.
В свои мы верили таланты,
Делились массой чувств, идей...
И был ты вроде доминанты
В аккордах юности моей.*

Во все годы в Училище особым почетом пользовалась музыка. По словам бывшего воспитанника Владимира Стасова, во время рекреаций все Училище было наполнено музыкальными звуками. «Наверяд ли в каком-нибудь другом русском учебном заведении музыка процветала в такой степени, как в Училище правоведения... Лучшим нашим пианистам стал давать уроки на фортепиано Гензельт (с 1838 года), и учиться у Гензельта, тогдашнего первого пианиста в Петербурге, считалось у нас чем-то вроде университетских музыкальных классов — почетно и возвышенно... Виолончелист стал учить Кнехт, первый виолончелист оперного театра, артист с очень изящной и даже поэтической игрой... его место занял в Петербурге и в училище — Карл Шуберт, впоследствии дирижер концертов. На прочих струнных и духовых инструментах учили разные музыканты из театрального оркестра. У нас были воспитанники, ревностно учившиеся играть на флейте, на арфе, на валторне и даже на контрабасе»¹⁴.

Нередко в Училище давали концерты известные русские и зарубежные музыканты. Попечитель Училища принц П. Г. Ольденбургский, сам блестящий пианист и композитор, поощрял занятия правоведов музыкой. Воспитанники посещали концерты, организовывали собственные. Принц приглашал в свой дворец известных исполнителей-музыкантов, послушать игру которых могли воспитанники Училища и других подопечных ему учебных заведений. Особенно памятными стали концерты австрийского пианиста С. Тальберга, супругов Роберта и Клары Шуман. Петр Георгиевич присылал каждый месяц в Училище билеты в свою ложу, и ученики, по одному из класса, по очереди посещали концерты и спектакли. Во дворце П. Г. Ольденбургского наиболее одаренные воспитанники нередко устраивали концерты своими силами. Об одном из таких музыкальных вечеров вспоминал бывший правовед М. Молчанов: *«В высоких, ярко освещенных залах дворца было так тепло, так весело, так уютно. Было много цветов, пахло гиацинтами. Все правоведы разбрелись по комнатам. Принц, довольный, молодой и счастливый, ходил между нами с С. А. Пошманом (директором Училища. — Авт.) под руку. Супруга принца, окруженная семейством, с какою-то маленькой дамской работою в руках, сидела тут же. Кто-то из лучших училищных пианистов, если не ошибаюсь, Платон Вакар, играл на рояле»*¹⁵. Один из воспитанников первого выпуска Училища, Александр Серов, стал известным композитором, автором широко известных опер «Юдифь», «Рогнеда», «Вражья сила» и критических работ о творчестве М. Глинки, Даргомыжского, Моцарта.

Много лет в Училище существовал сводный хор, регентом которого был знаменитый хоровой капельмейстер Г. Я. Ломакин. Это ему сказал М. Глинка после одного из концертов хора его подопечных в Училище правоведения: *«Нигде я не слыхал такой стройности... Вы первый человек, Гавриил Якимович, который довел детей до такой верности и твердости»*. Ломакин был человек выдающегося дарования, удивительный мастер своего дела. Он не только обучал своих учеников нотной грамотности и пению с листа, но и развивал в них музыкальность, понимание музыки, любовь к ней. Петр Чайковский в течение всей учебы в Училище был участником хора, ведущим в дискантной партии голосов, солистом. Многолетние занятия в хоре сыграли определенную роль в развитии дарования

будущего композитора. Петр много музицировал, особенно после концертов и музыкальных вечеров, когда свои впечатления от услышанного или увиденного ему требовалось выразить в звуках. Его импровизации нередко превращались в маленькие концерты, собиравшие благодарных слушателей. *«Уже тогда музыка резко отделяла его от остальных. Всегда задумчивый, чем-то озабоченный, с легкой, но обворожительной улыбкой, женственно красивый, появлялся он среди нас, в курточке с засученными рукавами, и целые часы проводил за роялем в музыкальной комнате. Играл он превосходно... виден был серьезный музыкант»*¹⁶. Училищный товарищ Чайковского В. Н. Герард отмечал: *«Талантливость Петра Ильича обращала на себя внимание, но серьезно никто из товарищей не думал о славе будущего композитора. Его знаменитость меркла перед знаменитостью Апухтина; настоящую звезду видели в нем, а не в Чайковском. Я отлично помню, как после спевок в Белом зале, по уходе Ломакина, Петр Ильич садился за фисгармонию и фантазировал на задаваемые ему темы (конечно, большей частью из модных опер). Нас это забавляло, но не внушало никаких надежд на его славу в будущем»*¹⁷. По воспоминаниям Ф. И. Маслова, Чайковский *«в музыкальном отношении, конечно, занимал первое место, но серьезного участия к своему призванию ни в ком из товарищей не находил. Их забавляли только музыкальные фокусы, которые он показывал, угадывая тональности и играя на фортепиано с закрытой полотенцем клавиатурой»*. Сам Петр Ильич часто вспоминал, что в Училище правоведения мысль о композиторской деятельности не давала ему покоя, но вместе с тем он чувствовал, что из окружающих никто не верит его таланту, и поэтому проговаривался о своих мечтах редко. Из ближайших приятелей только Турчанинов сохранил в памяти, как Петр Ильич говорил ему, что непременно напишет оперу, а Турчанинов дал слово присутствовать на ее первом представлении, но сдержать обещание ему удалось только в день представления третьей оперы Чайковского «Вакулы». И. Н. Турчанинов пошел за сцену и напомнил старому товарищу ребяческие мечты их, и приятели горячо обнялись. В Училище Чайковский сочинил свои первые произведения: романс «Мой гений, мой ангел, мой друг», посвященный матери, «Старый муж, грозный муж» — фрагмент из поэмы Пушкина «Цыганы», «Кто идет» — романс на стихи Апухтина.

Заниматься музыкой Петр Чайковский продолжал наравне со всеми воспитанниками. Сначала его учителем был немец К. Я. Карель. Князь В. П. Мещерский вспоминал, что в 1854 году «наш учитель музыки, белый как лунь старик немец Карель, просиживал уже часы со своим любимым учеником Петром Чайковским, любуясь зачатками его таланта и его страстным прилежанием к фортепианной игре»¹⁸. Кареля сменил Ф. Д. Беккер — знаменитый рояльный фабрикант, но уроки с ним, как показывало время, не приносили пользы. Отец Петра, Илья Петрович, помня детскую склонность сына к музыке, веря в его призвание музыканта и в его неординарные музыкальные способности, проявившиеся в детстве, взял ему специального учителя для занятий по воскресным дням, чтобы Петр мог развивать и совершенствовать свой талант. С 1855 по 1858 год Чайковский занимался с пианистом Р. В. Кюндингером. Однако учитель не смог разглядеть в своем ученике будущего гениального композитора, хотя признавал, что «способности его были выдающиеся: поразительная тонкость слуха, память, отличная рука, но все это не давало повода предвидеть в нем не только композитора, но даже

блестящего исполнителя». Поэтому на вопрос Ильи Петровича, стоит ли его сыну посвящать себя окончательно музыкальной карьере, Кюндингер ответил отрицательно. В 1858 году, вследствие изменившихся обстоятельств, отец Чайковского не в состоянии был платить за уроки, и их пришлось прекратить. Сам П. И. Чайковский высоко оценил свои занятия с Кюндингером: «...я пробыл в Училище правоведения 9 лет, не занимаясь серьезно музыкой, хотя в конце этого периода мой отец устроил мне уроки с одним превосходным пианистом, жившим в Петербурге, 2-ном Рудольфом Кюндингером. Этому

П. И. Чайковский в год окончания Училища правоведения. Май, 1859 год

выдающемуся артисту я обязан тем, что понял, что мое подлинное призвание — музыка; это он сблизил меня с классиками и открыл мне новые горизонты моего искусства»¹⁹.

В мае 1859 года Петр Чайковский окончил курс Императорского Училища правоведения по I разряду с чином титулярного советника и поступил на службу в I (распорядительное) отделение департамента Министерства юстиции.

Группа правоведов 20-го выпуска. П. Чайковский в первом ряду, 6-й слева. Май, 1859 год

Несмотря на то, что учеба и жизнь в Училище в течение девяти с лишним лет не была сладкой и безоблачной, тем не менее у Чайковского сохранились теплые воспоминания не только о близких друзьях, но и о некоторых учителях и воспитателях. Классным воспитателем его выпуска был капитан артиллерии Иван Самойлович Алопеус — из всех воспитателей самый любимый и уважаемый воспитанниками за все его долгое время служения. Строгость и требовательность к подопечным он разумно сочетал с мягкостью и теплотой в общении с ними. Воспитатель Е. Ф. Герцог, добродушный, но в то же время строгий, выделял среди всех Петра Чайковского, называя его ласково «Чайнька». Любимцем всех воспитанников

был воспитатель В. М. Лермонтов, который уважал личность юношей и обращался с ними, как с товарищами. Не такое теплое, но яркое воспоминание осталось у Чайковского об отце протоиерее М. И. Богословском. Человек по существу выдающийся, доктор богословия, составитель «Священной Истории Ветхого и Нового Завета», он служил законоучителем в младших классах и профессором церковного права, логики и психологии — в старших классах. Чайковскому запомнилось его напутствие, даваемое вновь поступившим воспитанникам: «Не старайся, чтобы тебя любили, а старайся, чтобы тебя уважали».

К 50-летию Училища правоведения (5 декабря 1835 года — день основания Императорского Училища правоведения) П. И. Чайковский написал «Правоведский марш» для симфонического оркестра и «Правоведческую песню» для хора на собственные стихи. Об этом он упоминает в письме к Н. Ф. Мекк 27 сентября 1885 года: «Я написал для училищного юбилея не кантату, а просто хор, который на празднике должны петь воспитанники. Текст для этого хора пришлось также написать самому»²⁰.

Правоведческая песнь

Правды светлой чистый пламень
До конца в душе хранил
Человек, кто первый камень
Школе нашей положил.
Он о нас в заботах нежных
Не щадил труда и сил,
Он из нас сынов надежных
Для отчизны возрастил.
Правовед! Как он, высоко
Знамя истины держи.
Предан будь царю глубоко,
Будь врагом ты всякой лжи.
И, стремясь ко благу смело,
Помни школьных дней завет,
Что стоять за правды дело
Твёрдо должен правовед.

ПРАВОВЕДЧЕСКАЯ ПЕСНЬ

В честь 50-летия Училища правоведения

(«Правды светлой чистый пламень...»)

Слова П. ЧАЙКОВСКОГО

Правды светлой чистый пламень до конца в душе хранил
че-ло-век, что пер-вый ка-мень шко-лы на-шей по-ло-жил.
Он о нас в за-бо-тах неж-ных не ща-дил тру-да и
сил, он из нас сы-нов на-деж-ных для от-чиз-ны воз-ра-
-стил, для от-чиз-ны, для от-чиз-ны воз-ра-
-стил, для от-чиз-ны для от-чиз-ны воз-ра-стил, для от-чиз-
воз-ра-стил, воз-ра-стил, для от-чиз-ны воз-ра-
для от-чиз-ны, для от-чиз-ны воз-ра-

18 - Чайковский, т. 63 1444

Ноты Правоведческой песни

Нетрудно догадаться, что первая часть стихотворения посвящена основателю Училища принцу Петру Георгиевичу Ольденбургскому, память о котором передавалась из поколения в поколение правоведов, благодарных принцу за его отеческую заботу, за стремление воспитать их достойными сынами отечества, справедливыми и честными служителями Закону. Более 80 лет (до 1918 года) выпускники Училища правоведения выполняли завет основателя своей alma mater: служить добру, чтить закон и право человека.

К 50-летию Училища написал свое приветствие и А. Апухтин:

5 декабря 1885 года

*И светел и грустен наш праздник, друзья!
Спеша в эти стены родные,
Отвсюду стеклась правоведов семья
Поминки свершать дорогие.*

*Помянем же первого — принца Петра,
Для нас это имя священо:
Он был нам примером, он жил для добра,
Он другом нам был неизменно.*

*Помянем наставников наших былых,
Завет свой исполнивших строго;
Помянем товарищей дней молодых...
В полвека ушло их так много!*

*И чудится: в этот торжественный час
Разверзлась их сень гробовая,
Их милые тени приветствуют нас,
Незримо над нами витая.*

*Покой отошедшим, и счастье живым,
И слава им вечная вместе!
Пусть будет союз наш навек нерушим
Во имя отчизны и чести!*

*Пусть будет училища кров дорогой
Рассадником правды и света,
Пусть светит он нам путеводной звездой
На многие, многие Лета!*

Строгий режим в Училище имел и свои положительные стороны. Он воспитывал людей дисциплинированных, вырабатывал внутреннюю собранность, закалял волю. Несмотря на суровость воспитания, из Училища выходили люди, тесно связанные узами товарищества. Поэтому на ежегодные собрания выпускников приезжали многие бывшие воспитанники — и совсем молодые, и убеленные сединами. П. И. Чайковский до последних лет своей жизни поддерживал связь с Училищем, где обучались также его младшие братья Модест и Анатолий и племянник Владимир Давыдов. Будучи уже всемирно известным композитором, Петр Ильич не раз присутствовал в Училище на музыкальных вечерах и концертах, выступал и сам. На одном из концертов он дирижировал оркестром правоведов, исполнявшим его «Песню без слов» и вальс из балета «Спящая красавица». Один из последних концертов в Училище, в котором приняли участие П. И. Чайковский и бывшие воспитанники князь М. Н. Волконский, В. И. Герард и другие, состоялся за год до кончины композитора 3 марта 1892 года.

После окончания Училища пройдет еще немало лет, пока титулярный советник Петр Ильич Чайковский осознает свое истинное жизненное предназначение — постижение тайны музыкального искусства, в чем определенную роль сыграло его пребывание и обучение в Императорском Училище правоведения. В конце своего триумфального пути всемирно признанного гениального композитора, дирижера и пианиста, он вправе был сказать о себе: «*Мне кажется, что я действительно одарен свойством правдиво, искренно и просто выражать музыкой чувства, настроения и образы, на которые наводит текст. В этом смысле я реалист и коренной русский человек*».

Примечания

1. *Стасов В. В.* Училище правоведения сорок лет тому назад. // Избр. соч. в 3 т. Т. 2. С. 304–305— М., 1952.
2. *Князь Мещерский.* Воспоминания. — М., 2001. — С. 13.
3. Там же. С. 12.
4. *Чайковский М.* Жизнь Петра Ильича Чайковского. В 3-х т. Т. 1. — М.; Лейпциг, 1900. — С. 61.
5. Там же. — С. 83.
6. Там же. — С. 72.
7. Там же. — С. 71–72.
8. Там же. — С. 104.
9. Там же.
10. Там же.
11. *Чайковский М.* Алексей Николаевич Апухтин // Апухтин А. Соч. — 3-е посм., доп. изд. — СПб., 1898. — С. 7.
12. *Князь Мещерский.* Воспоминания. — М., 2001.
13. *Апухтин А. Н.* Стихотворения. — М., 1991. — С. 279.
14. *Стасов В. В.* Училище правоведения сорок лет тому назад // Избр. соч. В 3-х т. М., 1952. Т. 2. — С. 356
15. *Молчанов М. М.* Полвека назад. — СПб., 1893. — С. 8.
16. *Михайлов А. В.* Из прошлого (Воспоминания правоведа) // Русская школа. — СПб., 1900, январь.
17. *Герард В. Н.* Чайковский в Училище правоведения. — Л., 1980. — С. 28.
18. Новое время. — 1893. — 27 октября / 8 ноября.
19. *Чайковский П. И.* Полн. собр. соч. М. 1981. Т. 13. — С. 244.
20. *Чайковский П. И.* Переписка с Н. Ф. фон Мекк. В 3-х т. Т. 3. — М., 1934–1936.

Э. А. Анненкова

Приют принца П. Г. Ольденбургского

Принц П. Г. Ольденбургский особое внимание уделял устройству детских приютов. Будучи сам сиротой, он, как никто другой, чувствовал и понимал отсутствие родительской ласки и заботы, хотя, конечно, его чувство сиротства несравнимо с бездомностью, голодом и безнадежностью детей-сирот из простого народа. Став во главе Санкт-Петербургского опекунского совета и будучи председателем Главного совета женских учебных заведений, Петр Георгиевич всемерно способствовал развитию старых и созданию новых сиротских приютов, вкладывая при этом немало личных сил и финансовых затрат.

Созданию детских приютов уделяли достаточное внимание и российские монархи. 30 апреля 1840 года на основании Высочайшего рескрипта Николая I от 7 ноября 1838 года был создан Санкт-Петербургский совет детских приютов. Совет детских приютов — благотворительная организация, имевшая целью координацию деятельности детских приютов согласно Положению о приютах, утвержденному 27 декабря 1839 года.

Ко времени создания Совета детских приютов в Петербурге уже существовало несколько подобных заведений. 16 мая 1837 года в столице был основан первый в России дневной детский приют при Демидовском доме призрения трудящихся (позже — Образцовый приют барона Штиглица) и взят под покровительство императрицей Александрой Федоровной. По его примеру в 1838 году открылся Василеостровский приют (Приют св. Андрея), Жуковский приют, основанный В. Г. Жуковым (позже — Приют И. О. Утина, затем Приют в память 19 февраля 1861 года), Лавальский приют, основанный графиней А. Г. Лаваль, Приют Петербургской части (Александринский), Александро-Невский (Детский приют князя Олега Константиновича), Приют княгини Е. П. Белосельской-Белозерской.

К концу 1839 года в Петербурге насчитывалось восемь приютов, а число опекаемых в них детей доходило до 925. Созданные

на частные средства, они соединяли в себе черты воспитательных и учебных заведений, давали временное призрение детям, во время отсутствия родителей оставленным в дневное время без присмотра; призревали на полном содержании круглых сирот, полусирот и тех, чьи родители не имели средств для их воспитания и обучения; призревали бесприютных младенцев обоего пола.

В январе 1845 года по высочайшему указу был учрежден Главный совет учебных заведений, его председателем назначен принц П. Г. Ольденбургский¹.

В 1854 году все учебные заведения, находившиеся под покровительством государя и государыни, объединили под общим названием Ведомство учреждений императрицы Марии, состоявших под непосредственным покровительством императора и императрицы. Все учреждения были разделены на 15 групп, из них к 5-й группе относились детские приюты, деятельностью которых руководил Комитет главного попечительства детских приютов с 81 приютом.

В «Положении о детских приютах» (1840) подчеркивалось, что детские приюты «состоят под особенным покровительством Ее Императорского Величества Государыни Императрицы». Общий надзор возлагался на Комитет главного попечительства детских приютов, а заведование ими — на Совет детских приютов. Непосредственным управлением деятельностью приютов руководили особые попечители или попечительницы, директор и почетный старшина. В «Положении» указывалось, что *«детские приюты предназначаются не столько для обучения, сколько для того, чтобы служить пристанищем для детей, остающихся во время занятий их домашних без призора. Поэтому приют должен, в некотором смысле, заменять для дитяти его семейство... Дитя должен найти в нем не роскошь, но нежную заботливость, обыкновенную во всяком, хотя и бедном, но хорошем семействе»*².

Совет детских приютов находился первоначально в ведении Комитета главного попечительства о детских приютах, а с 1869 года — в ведении главноуправляющего Ведомства учреждений императрицы Марии (Казанская ул., 7), должность которого исполнял (1860–1881) принц П. Г. Ольденбургский.

Создание Совета детских приютов диктовалось необходимостью выработки единой политики в отношении уже существующих подобных заведений, установления в них единого внутренне-

го регламента, а также для учреждения новых не только в столицах, но и в других городах империи. Инициатива создания Совета принадлежала графине Ю. П. Строгановой и получила поддержку императорской четы, которая стала покровительствовать приютам. Ю. П. Строганова была первой председательницей Совета, в 1865–1883 годах этот пост занимала дочь принца П. Г. Ольденбургского великая княгиня Александра Петровна, в 1883–1906 — великая княгиня Александра Иосифовна, последней председательницей была великая княгиня Елизавета Маврикиевна.

В обязанности Совета входило заведование всеми приютами Ведомства учреждений императрицы Марии в Санкт-Петербурге, Москве и в губерниях; распоряжение денежными суммами и имуществом приютов. Совет регулировал правила приема и содержания детей в приютах, занимался составлением учебных программ. Действительными членами Совета были попечители и попечительницы приютов, директора приютов и инспекторы по учебной части, председатели и члены постоянных комиссий³.

К концу 1847 года в ведении Совета было 18 приютов, в 1858 году — 19 приютов и шесть сиротских отделений при них. К 1870 году — 23 заведения. Основными источниками средств служили специально устраиваемые ежегодные лотереи, кружечный сбор, поступления из казны, пожертвования частных лиц, доход с имевшегося капитала. Существовал специальный Комитет для сбора пожертвований в пользу заведений Петербургского совета детских приютов, располагался он в здании на 5-й Рождественской ул., дом 42. К 1863 году в собственности Совета находилось шесть зданий, дача, населенное имение и капитал в 300 тысяч руб., ежегодный расход составлял 60 тысяч руб. В 1870 году — 23 заведения, капитал превысил 1 миллион руб., к концу XIX века — 1 764 754 руб.⁴ Все дети были одеты в форменную одежду. Гигиенический и медицинский контроль был достаточно строг, и смертность составляла 1,2%.

В 1917 году Совет детских приютов был передан со всем имуществом и капиталом в состав Министерства государственного призрения. Сам Совет и все подчиненные ему структуры были упразднены.

П. Г. Ольденбургский, возглавляя Главный совет учебных заведений и Ведомство учреждений императрицы Марии, имел возможность оказывать непосредственное влияние на деятельность

сиротских приютов, содействовать учреждению новых. Особое внимание Петр Георгиевич уделял вопросу образования и воспитания детей-сирот и детей в беднейших семьях. Благодаря его усилиям существенно улучшились в приютах условия жизни воспитанников, а для приобщения их к началам образования по инициативе принца была открыта специальная Учительская семинария, готовившая учителей для Воспитательного дома и для 20 начальных школ, в том числе и в приютах.

Петр Георгиевич, будучи человеком высокогуманным и справедливым, на опыте собственной жизни познавший горестную долю сиротства, не мог равнодушно видеть беспорядки в заведениях, предназначенных для призрения детей-сирот.

В 1841 году на Песках на 5-й улице с платой от благотворителей по 36 руб. за ребенка в год был открыт детский ночлежный приют, в котором дети могли получить самое необходимое — пищу и пристанище. Петр Георгиевич, ознакомившись с организацией дела в этом приюте, убедившись в его плачевном состоянии, решил взять дело в свои руки. Свое желание стать соучастником в жизни этого ночного приюта П. Г. Ольденбургский выразил в письме Петербургскому генерал-губернатору графу П. К. Эссену от 19 ноября 1842 года⁵. Естественно, подобное желание известного своей просветительской и благотворительной деятельностью члена императорской семьи было встречено с воодушевлением. В 1842 году Петр Георгиевич становится попечителем этого приюта, а в 1845 году открывает при нем отделение для 30 престарелых женщин по Глухому переулку во 2-й Адмиралтейской части.

С 1842 по 1845 год приют успешно развивался, в нем призревало 210 детей в доме в Рождественской части на 5-й улице. С увеличением числа призреваемых сирот существование приюта в этом здании становилось неприемлемым. Для его дальнейшего развития требовалось здание с большим количеством помещений и более подходящими условиями для жизни детей.

В июне 1846 года П. Г. Ольденбургский обратился к Николаю I с просьбой выделить из средств Опекунского совета ссуду в 60 тысяч руб. для расширения приюта. При этом Петр Георгиевич подробно описал положение в приюте, в котором к этому времени находилось до 278 детей: 176 пансионеров и 102, содержащихся на подаяния. Он сообщил царю, что все эти дети были найдены

в ужасных условиях: в кабаках, подвалах, чердаках или у плохих родителей, что они нашли в приюте кров и пищу, одежду и обучение грамоте и что для дальнейшего существования приюта необходимо купить еще два дома в Глухом переулке. На этом документе стояла пометка: «Высочайшее Его Императорского Величества соизволение последовало из Петергофа 30 июня 1846 г.»⁶. Николай I препровождает свое высочайшее повеление об отпуске определенной суммы указанием, чтобы «ссуда сия определялась на дело богоугодное, преимущественно на призрение и воспитание незаконно-рожденных детей» На ходатайстве принца царь написал «Спасибо тебе, что ты не забыл и несчастнейших из смертных»⁷.

На ссуду были куплены два смежных здания, в дальнейшем соединенные вместе, с двором и садом. В этом же году начались капитальные перестройки и переделки в купленных домах, которые проводились за счет благотворителей — почетных граждан В. М. Кулагина, В. А. Пивоварова, П. И. Кудряшова и П. А. Тимофеева, они же приобрели для детей одежду и белье.

21 ноября 1847 года принц П. Г. Ольденбургский сообщил министру внутренних дел графу Л. А. Перовскому, что приют размещен в двух новых домах, в нем призревается около 300 детей, содержащихся на полном обеспечении приюта. Однако для такого количества детей проживание в небольшом здании являлось нежелательным, и Николай I повелел ограничить контингент воспитанников до 200. В 1848 году в приюте содержалось 120 девочек и 80 мальчиков.

Первый устав приюта, разработанный Петром Георгиевичем, был утвержден императором 16 марта 1848 года. Согласно уставу приют предназначался для призрения бедных детей с 6–12 лет обоего пола и всех свободных сословий. Они содержались за счет заведения и за оплату за них как пансионеров в размере 60 руб. серебром.

Воспитанники обучались Закону Божию, русскому и немецкому языкам, арифметике, чистописанию, девочки — рукоделию. По достижении 16-летнего возраста их определяли или на службу, или в учебные заведения, что согласовывалось с их родителями или благотворителями⁸. Администрация приюта состояла из попечителя, назначаемого императором из старшего представителя семьи принцев Ольденбургских, смотрителя, смотрительницы, назначаемых попечителем, их помощников. Эти лица считались

на государственной службе и имели право носить мундиры Министерства внутренних дел. Хозяйственной частью управлял Комитет, членов которого назначал попечитель. Это были, как правило, купцы, жертвовавшие на развитие приюта различные суммы. В зависимости от их финансового участия в жизни заведения им предоставлялись определенные почетные права: ношение мундира 7-го (не менее 300 руб. в год), 6-го (3000 руб. единовременно) и 4-го (от 8000 руб.) разрядов, одновременно они становились Почетными членами Комитета⁹.

В декабре 1857 года был введен новый устав, расширивший права председателя Комитета, которому вменялось заведовать учебно-воспитательной частью. Обучение мальчиков велось в объеме реальной четырехклассной прогимназии, что облегчало переход лучших учеников в средние учебные заведения. Девочек в женском отделении обучали по программам учебных заведений 3-го разряда Ведомства учреждений императрицы Марии, то есть семь лет. Плата за пребывание в приюте согласно новому уставу составляла 75 руб. в год. Результаты обучения и воспитания были настолько впечатляющи, что число желающих поступить в него быстро возросло, поэтому возникла необходимость в расширении приюта.

В летнее время детей из беднейших семей за невозможностью родителей организовать им отдых отправляли на дачу. Когда приют размещался в Глухом переулке, все воспитанники жили на съемной даче по Петергофскому шоссе. Потом снимали помещение в селении Лигово или в деревне Погорелово для мальчиков, а в предместье Гатчины — для девочек. С 1875 года председатель Комитета Ф. И. Базилевский нанимал для девочек дачу за свой счет на Пильной улице в Гатчине. С 1880 года при его финансовом участии правление Балтийской железной дороги построило дебаркадер (платформу) напротив дачи для детей приюта, где останавливался паровоз для высадки прибывающих на дачу воспитанников приюта и других пассажиров¹⁰.

В 1857–1858 годах городское общественное управление выделило участок земли (4000 кв. саженей) в 12-й роте Измайловского полка для нового здания этого приюта. Принц Петр Георгиевич пожертвовал 40 тысяч руб. на его строительство, что стимулировало другие пожертвования, и в 1861 году было построено четырехэтажное здание по проекту архитектора Г. Х. Штегемана.

5 декабря 1861 года на третьем этаже здания освятили храм в честь иконы Божией матери «Утоли мои печали». Все расходы по устройству церкви принял на себя безвозмездно благотворитель купец С. Д. Воронин.

В 1862 году Н. А. Вышнеградский, бывший начальник петербургских женских гимназий, составил новые учебные программы. В мужском отделении воспитанники, помимо учебных занятий, должны были работать 2–3 часа в день в мастерских, обучаясь столярному, токарному и слесарному делу, приучались к уходу за паровой машиной. В конце 1870-х годов жизнь приюта складывалась не совсем благоприятно: часто менялись руководители, больше внимания уделялось обучению, чем воспитанию, и дисциплина учащихся снизилась.

После смерти Петра Георгиевича попечительство перешло к его сыну принцу Александру Петровичу, который обратил внимание на неудовлетворительную деятельность приюта. После долгих рассмотрений и уточнений, в 1890 году был, наконец, высочайше утвержден новый устав приюта.

Мужское отделение разделялось на реальное, низшее механико-техническое и ремесленное училища с правами соответствующих училищ. Женское отделение приюта получило статус женских гимназий Министерства народного просвещения. После 7-го класса юноши имели право поступать в технические вузы. В мужском

Здание Приюта принца П. Г. Ольденбургского

Группа воспитанников Приюта принца П.Г. Ольденбургского

отделении ввели уроки музыки, живописи, переплетного, слесарного, картонажного и часового дел. В женском отделении открыли 8-й педагогический класс для подготовки учительниц и воспитательниц. Девочки, окончившие полный курс, получали право на звание домашней учительницы. С 1898 года они могли поступать в Санкт-Петербургский женский медицинский институт. Были введены занятия беложивого шитья, рукоделия, изготовления искусственных цветов, выжигания по дереву, тиснения на коже, живописи на фарфоре, по кулинарии и музыке. На Всемирной выставке в Париже в 1889 году приют был удостоен серебряной медали за слесарное производство. В то же время увеличилась плата до 250 руб. в год, и была взята ссуда 150 000 руб. в банке на шесть лет по ходатайству принца на развитие заведения. В декабре 1895 года Попечительский совет постановил дать приюту имя принца П. Г. Ольденбургского, а в актовом зале установить его мраморный бюст, выполненный за счет средств членов Попечительского совета приюта, а также установить портреты Николая II, Петра Георгиевича и Александра Петровича с надписью «От благодарных детей». Название приюта стало «Приют принца Ольденбургского» (далее Приют. — *Авт.*).

морный бюст, выполненный за счет средств членов Попечительского совета приюта, а также установить портреты Николая II, Петра Георгиевича и Александра Петровича с надписью «От благодарных детей». Название приюта стало «Приют принца Ольденбургского» (далее Приют. — *Авт.*).

В 1896 году по проекту архитектора В. В. Шауба над зданием надстроили 5-й этаж и возвели на северном фронте звонницу.

В результате маленький ночной приют превратился в учебно-воспитательный центр, в котором было три реальных училища — в Петербурге, Луге и в Гагре; две женские гимназии — в Петербурге и в поселке Лесное севернее столичной окраины; техническое и ремесленное отделение в Петербурге; женское рукодельное отделение малолетних и народная школа в Гагре. Всего в этом центре обучалось до 1700 мальчиков и девочек.

Воспитанники Приюта принца П.Г. Ольденбургского на новогоднем празднике в актовом зале Приюта

В 1880 году председатель Попечительского совета Приюта Ф. И. Базилевский, тайный советник и миллионер, приобрел участок для летнего отдыха приютских детей в Лесном и на свои средства выстроил деревянные двухэтажные дома, а затем деревянную часовню с почитаемым образом Божьей Матери «Утоли мои печали». В 1893 году часовню перестроили в церковь великомученика Феодора Стратилата. Базилевский, умирая, завещал участок с постройками Приюту. Так возникло его летнее отделение. Для расширения этого отделения под Лугой приобрели участок и выстроили деревянные дома-дачи для приютских детей¹¹.

Деятельность Приюта принца П. Г. Ольденбургского не могла бы протекать успешно без того весомого вклада сил, знаний и любви к детям, которые внесли в разные годы учителя, воспитатели, попечители и благотворители в развитие и процветание этого учебно-воспитательного заведения, среди них члены Попечи-

Преподаватели, попечители, священники Приюта у портрета принца П. Г. Ольденбургского

тельского совета, которые относились к своим обязанностям как к одному из главных занятий своей жизни, не жалея ни моральных сил, ни финансовых затрат. Генрих Егорович Стуккей, служивший старшим врачом Приюта в течение 35 лет, привлек к работе и сына Льва Генриховича, врача Покровской больницы при Свято-Покровской общине сестер милосердия, созданной дочерью принца П. Г. Ольденбургского великой княгиней Александрой Петровной Романовой. Среди попечителей приюта — предприниматели Карл Федорович Сименс и его сын Вернер-Герман, Рудольф Федорович Фридерикс — инженер Металлического завода, Владимир Андреевич Реннекамф — директор Фарфорового завода, Вильгельм-Иоганн-Христиан Штауб — академик архитектуры и многие другие замечательные представители русской интеллигенции и предпринимательства.

В июне 1917 года согласно распоряжению Временного правительства «Приют принца Петра Георгиевича Ольденбургского и все входящие в его состав учебные заведения со всем имуществом, капиталами, а равно и лежащими на них обязательствами передан в Министерство народного просвещения...»¹². Позднее отделения Приюта были преобразованы в самостоятельные заведения этого министерства.

Трагические события — смерть детей — не один раз вторгались в жизнь супругов Ольденбургских. После кончины дочери Екатерины они основали на собственные средства в марте 1867 года в Петербурге «Приют в память Екатерины и Марии» на 100 детей. Открытие приюта совпало с днем бракосочетания невестки Петра Георгиевича принцессы Евгении Максимилиановны. Она и приняла на себя обязанности попечительницы этого приюта, каковой и являлась с 1869 по 1917 год. В 1900-х годах из-за болезни принцессы приютом руководили ее помощницы А. Д. Шипова, княжна А. Н. Грузинская и З. С. Тиздель под началом его директора доктора К. Раухфуса. Приют был принят в ведомство Петербургского совета детских приютов, и императрица назначила попечительство над ним лицам из рода принцев Ольденбургских.

Приют размещался сначала в наемной квартире на Казанской площади. 9 мая 1870 года в присутствии П. Г. Ольденбургского было заложено новое здание приюта на ул. Гороховой, 20, строительство которого закончили уже в октябре 1871 года. В нем располагались:

непосредственно сам Приют в память Екатерины и Марии, Александровская женская гимназия с женскими педагогическими курсами и шесть магазинов, доход от которых шел на содержание перечисленных заведений. После смерти принца Георгия, сына Петра Георгиевича, в марте 1871 года к названию приюта присоединили и его имя¹³.

В день праздника Георгиевского ордена, который был особым днем в приюте, его непременно посещали супруги Терезия и Петр Георгиевич Ольденбургские. Дети получали подарки, общались с строителями их дома. После смерти супругов Ольденбургских традицию продолжили другие члены их семьи. 23 ноября 1901 года, как отметила газета «Правительственный вестник», *«принцесса Евгения Максимилиановна Ольденбургская посетила Приют Екатерины, Марии и Георгия, присутствовала на панихиде по принцу Петру Георгиевичу и его детям. Детям приюта были розданы лакомства»*.

20 сентября 1878 года в здании Александровской гимназии произошло знаковое событие: после торжественного молебна было открыто первое высшее учебное заведение для женщин в России — Высшие женские курсы. Первым директором курсов стал профессор К. Н. Бестужев-Рюмин. На их открытии Санкт-Петербургский университет представлял его ректор, профессор А. Н. Бекетов, Министерство народного просвещения — помощник попечителя Петербургского учебного округа К. П. Яновский.

С августа 1897 года «Приют в память Екатерины, Марии и Георгия» на 150 приходящих девочек разместили в съемном помещении на Казначейской ул., 5.

В 1920-х годах Александровскую женскую гимназию реорганизовали в трудовую школу № 11, а в конце 1920-х ее переквалифицировали в 38-ю фабрично-заводскую девятилетнюю школу. С 1945 года в этом здании располагалась мужская школа № 211, с 1953 года — средняя общеобразовательная школа № 211. В 1990 году она получила статус средней общеобразовательной школы с углубленным изучением французского языка. С 1998 года школа стала ассоциированным членом Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена, а в 2000 году ей присвоено имя Пьера де Кубертена, французского гуманиста, основателя современного олимпийского движения.

Принц Петр Георгиевич Ольденбургский принимал деятельное участие в жизни Московского воспитательного дома. Благодаря его усилиям и инициативе в Лефортово открыли в бывшей немецкой слободе ремесленное училище, преобразованное в 1868 году в Императорское техническое училище (недавно еще оно называлось МВТУ им. Н. Баумана). Обучение и воспитание сирот в этом училище было организовано столь хорошо, что перенимать опыт приезжали специалисты из других стран.

В 1877 году П. Г. Ольденбургский на собственные средства учредил в Москве приют для призрения детей, отцы которых сражались в действующей армии в ходе Русско-турецкой войны 1877–1878 годов. Приют разместили в Петровском парке на территории, принадлежавшей мужскому Высоко-Петровскому монастырю на нынешней 2-й Хуторской ул. Приют был рассчитан на 25 детей от одного года до семи лет.

В 1893 году к зданию Приюта имени принца П. Г. Ольденбургского пристроили двухэтажные помещения для воспитанников нового приюта, учрежденного для 20 законнорожденных детей обоего пола 1–5 лет и освященного 4 мая в присутствии великой княгини Елизаветы Федоровны. В честь великой княгини Елизаветы Федоровны, принявшей участие в основании этого приюта, он получил название Елизаветинского. Оба приюта имели общий вход.

В 1894 году казначей Московского совета детских приютов М. С. Грачев, известный благотворитель, принялся за строительство храма для приютов. Осенью 1895 года храм был освящен в честь святителя Митрофана Воронежского. Грачев снабдил также храм необходимой церковной утварью. Деятельность Грачева была достойно оценена — его пожаловали орденом Св. Анны III степени.

В 1901 году в связи с рождением в царской семье великой княжны Анастасии в Петровском парке открыли новый приют на 20 девочек в имеющемся свободном здании — «Приют имени великой княжны Анастасии Николаевны». В этот приют переводили из приютов имени принца П. Г. Ольденбургского и Елизаветинского девочек, достигших восьми лет.

Основанные и патронированные принцем П. Г. Ольденбургским приюты составили лишь малую часть его обширной деятельности на ниве народного образования, просвещения, призрения и здравоохранения, получившей признание у всех сословий русского общества.

Примечания

1. РГИА. Ф. 1106. Оп. 1. Д. 18.
2. Положение о детских приютах. — СПб., 1840. — С. 60–61.
3. Там же.
4. Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА). Ф. 394. Оп. 1. Д. 1. Л. 2.
5. ЦГИА. Ф. 394. Оп. 1. Д. 1. Л. 8.
6. Приют принца Ольденбургского. — СПб., 1913. — С. 24.
7. ЦГИА. Ф. 394. Оп. 1. Д. 218. Л. 9.
8. Цит. по: *Аниенкова Э.А.* Детский приют принца П. Г. Ольденбургского / Немцы в России. Немецкий мир Санкт-Петербурга. Сборник статей. Отв. редакторы Г. И. Смагина, Д. Дальман — СПб., 2015. — С. 29.
9. Краткая историческая записка 50-летней жизни приюта принца П. Г. Ольденбургского, 1846–1896. — СПб., 1898. — С. 2.
10. ЦГИА Ф. 394. Оп. 1. Д. 9303. Л. 39.
11. Санкт-Петербургские и Московские приюты Ведомства учреждений императрицы Марии. — СПб., 1911.
12. Там же.
13. Там же.

М. Н. Еськина, С. Н. Хохлова

Лицей № 344 (бывшая Школа принца П. Г. Ольденбургского). История. Традиции. Современность

У лицея № 344 богатая история, неразрывно связанная с жизнью Невского района, с историей народного образования в России. Уже более 130 лет это учебное заведение открывает двери для детей Санкт-Петербурга — Петрограда — Ленинграда — Санкт-Петербурга.

В созданном в 1974 году музее «История школы» разделы экспозиции составлены с учетом основных направлений учебной и воспитательной работы школы в разные исторические периоды:

Музей «История школы» лицея № 344. 2016 г.

школа для девочек из бедных семей, единая трудовая, фабрично-заводская, средняя общеобразовательная женская, школа с углубленным изучением физики и математики, гимназия, лицей. За каждым разделом целая эпоха: система образования в царской России, послереволюционное становление советской школы, школа в годы Великой Отечественной войны, послевоенное время, формирование новых методов и форм обучения, современная школа.

Один из стендов посвящен жизни и деятельности принца Петра Георгиевича Ольденбургского, которого называли просвещенным благотворителем. С 1860 года П. Г. Ольденбургский управлял всеми учреждениями Ведомства императрицы Марии и IV Отделением собственной Его Величества канцелярии. На свои средства он строил дома для училищ и покупал для них оборудование, выделял значительные суммы для строительства больниц, гимназий, общин сестер милосердия, детских приютов и финансирования их деятельности.

28 ноября 1880 года по указу императора Александра II в память 50-летия службы принца Петра Георгиевича Ольденбургского Советом Санкт-Петербургского женского патриотического общества, входившего в Ведомство учреждений императрицы Марии, была учреждена двухклассная женская школа с присвоением ей наименования «Школа принца Петра Георгиевича Ольденбургского» (далее Ольденбургская школа. — *Авт.*).

Главное общество Российских железных дорог уступило для этой цели дом на территории Александровского завода и приняло на себя содержание этого учебного заведения¹.

Императорское женское патриотическое общество главной целью своей деятельности провозгласило воспитание девушек, преимущественно беднейшего состояния, в правилах веры и нравственности, получение ими начального общего и профессионального образования и содействие бывшим воспитанницам в приискании им места работы².

21 февраля 1882 года на рабочей окраине за Невской заставой открылась школа для девочек из бедных семей, дававшая общее и ремесленное образование. Школа располагалась в двухэтажном деревянном здании, которое до наших дней не сохранилось.

В нашем музее сохранились фотографии учениц Ольденбургской школы, документы об окончании этого учебного заведения,

Учителя и ученицы Ольденбургской школы. 1910 г.

работы по рукоделию. А фотография 1910 года, на которой мы видим учениц и учителей школы, была подарена музею в 2002 году на 120-летие школы внуком Ольги Пивковой, ученицы школы принца Петра Георгиевича Ольденбургского (на фотографии крайняя слева в нижнем ряду).

В школе за Невской заставой обучались приходящие ученицы. В Справочной книжке об учреждениях Императорского женского патриотического общества были записаны правила поведения в школе и за ее пределами. Например, ученицам строго воспрещалось посещать публичные танцевальные вечера, сады и гулянья, в случае нарушения этого правила они исключались из школы³.

Среди первых директоров Ольденбургской школы были Михаил Францевич Ледерле в 1882–1885 годах, статский советник Карл Эдуардович Лангенбахер с 1885 года, статский советник Василий Осипович Михайлов с 1895 года. Попечительницами школы в разное время состояли: Александра Петровна Голохвастова с 1882 года, герцогиня Елена Георгиевна Мекленбург-Стрелицкая, внучка великого князя Михаила Павловича, правнучка императора Павла I (в замужестве принцесса Саксен-Альтенбургская,

в 1885–1891 годах), Мария Алексеевна Варгунина с 1893 года, ее императорское высочество великая княгиня Анастасия Николаевна, герцогиня Лейхтенбергская с 1897 года. Помощницами попечителей были: Каролина Осиповна Торнтон с 1882 по 1886 год, Софья Александровна Демидова с 1898 года, баронесса Анна Платоновна фон Вольф с 1903 года, княгиня Елена Ивановна Кугушева с 1913 года. Воспитательницами назначались обычно выпускницы Смольного института. Почетными церковными старшинами на протяжении нескольких лет являлись Павел Павлович Варгунин в 1885–1900 годах, Леопольд Германович Берниц с 1900 года, Фридрих Борисович Бернштейн с 1901 года, Генрих Карлович Вейс с 1901 года.

Интересные сведения содержатся в отчетах попечительства Ольденбургской школы за 1885 год. К январю этого года в школе обучались 111 воспитанниц, а во второй половине года число их увеличилось до 133 человек. За год 15 воспитанниц выбыли по окончании курса, 27 поступили на фабрики, в услужение, в мастерские, и вновь поступили 64 воспитанницы. В школе учились девочки разного вероисповедания (православного, римско-католического, евангелическо-лютеранского, иудейского), это были дети рабочих, ремесленников, торговцев, священнослужителей, дворников и лакеев, управляющих фабрикой. В школу принимались девочки с 7 до 13 лет. Оплачивающих свое обучение было 85 человек, а бесплатно обучались 48 (из них 12 — по бедности и 36 — присылаемые Главным обществом Российских железных дорог согласно договору)⁴.

В отчетах Совета Императорского женского патриотического общества за разные годы указывается, какие суммы каждый год были израсходованы на жалованье воспитательному и учительскому персоналу, сколько было потрачено на отопление, водоснабжение, питание, какие суммы были получены от попечительства, личные пожертвования, сколько поступило в кассу школы денег, заработанных воспитанницами. Например, в 1913 году на устройство елки и на расходы в день школьного праздника было потрачено 248 руб. 80 коп.⁵

Интересна инструкция надзирательницам школ Санкт-Петербургского женского патриотического общества от 5 апреля 1888 года. В обязанности надзирательницы, как заведующей школой, входило:

- наблюдение за порядком и благоустройством помещения школы;
- наблюдение за приемом воспитанниц;
- наблюдение за внешностью, опрятностью воспитанниц и их здоровьем;
- наблюдение за распределением времени в школе;
- наблюдение за учебными занятиями воспитанниц;
- наблюдение за поведением воспитанниц;
- наблюдение за хозяйством школы;
- разрешение отпусков воспитанницам;
- обязанности по выпуску воспитанниц из школы⁶.

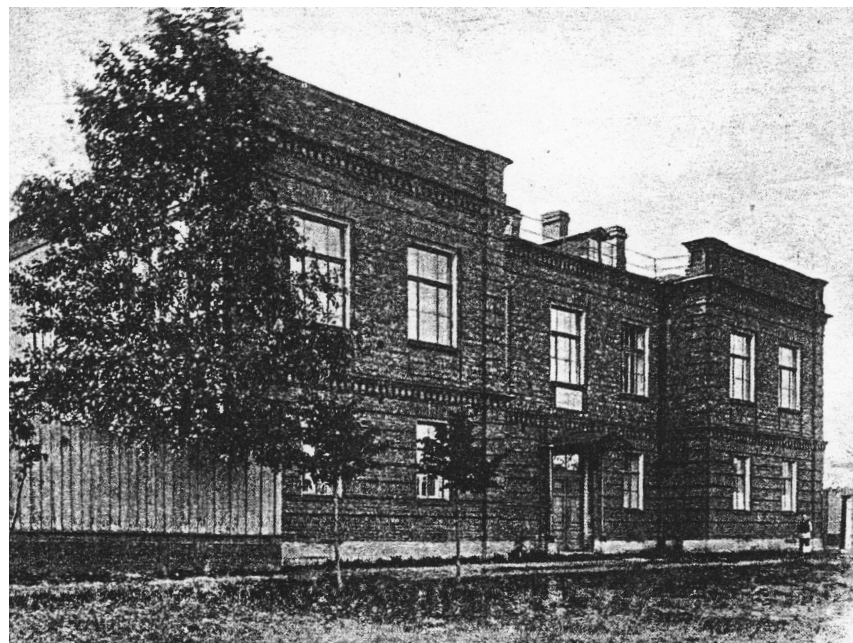
С 1885 года попечительницей Ольденбургской школы была избрана Советом Императорского женского патриотического общества и утверждена императрицей принцесса Е. Г. Мекленбург-Стрелицкая. Елена Георгиевна большое внимание уделяла преподаванию рисования в школе. В нашем музее есть текст письма императрицы Марии Федоровны от 16 января 1892 года, в котором она выражает благодарность и душевную признательность принцессе Елене Георгиевне Саксен-Альтенбургской, урожденной принцессе Мекленбург-Стрелицкой, за ее деятельность на поприще попечительницы Ольденбургской школы: «Личные пожертвования и привлеченная Вашими неутомимыми стараниями частная благотворительность дали возможность открыть при школе ремесленный класс, в котором воспитанницы обучаются рисованию настолько основательно, что лучшие из них, по окончании курса в школе, могли бы быть приняты на Императорский фарфоровый завод рисовальщицами по фарфору, получив, таким образом, обеспечивающий их заработок... Я вмняю Себе в приятную обязанность выразить Вам за минувшие любвеобильные труды Ваши Мою искреннюю душевную признательность»⁷.

Вероятно, не случайно после окончания срока контракта учебного заведения с управлением Николаевской железной дороги собственное здание школы было решено построить на территории Императорского фарфорового завода.

Кабинет Его Императорского Величества предоставил школе «свободный участок земли, находящийся в селении фарфорового завода», за символическую плату — «3 копейки с квадратной сажени в год на все время, доколе школа эта будет существовать»⁸.

Архитекторами нового здания были В. В. Виндельбандт и Ю. Ю. Бенуа. На «постройку дома Ольденбургской школы» было потрачено в 1899 году 21 377 руб. 63 коп. и в 1900 году 15 235 руб. 32 коп.⁹ Это было двухэтажное кирпичное здание, в перестроенном виде оно сохранилось до наших дней. В нем школа находилась с 1901 по 1969 год. В течение этого периода неоднократно менялся статус школы.

В начале 1901 года в новом здании школы начались занятия. Обучение продолжалось 7 лет. В нашем музее хранятся воспоминания Александры Ивановой, переданные в школу ее внучкой в 1947 году: «В Ольденбургской школе я стала учиться с 12 лет. В ней учили только девочек. Я училась бесплатно на казенный счет, так как семья у отца была большая (6 человек детей), а за учебу надо было платить 12 рублей в год. В школе дисциплина была образцовая, носили форму — коричневые платья и белые передники. Окончившие школу были вполне подготовлены к самостоятельной жизни и могли помогать своим родителям. Это здание было построено в 1901 году, в нем я уже училась последний год, то есть

Здание Ольденбургской школы. 1912 г.

с 1901 по 1902. Раньше эта школа была на Александровском проспекте около Пролетарского завода. В школе училось человек 100. Было 7 классов, из них 3 последние назывались ремесленными, но рукоделию обучали с первых классов»¹⁰.

И в начале XX века попечители школы заботились о ее развитии. Баронесса Анна Платоновна фон Вольф за несколько лет с помощью благотворительных балов и ярмарок смогла составить недвижимый капитал Ольденбургской школы¹¹. Например, в 1907 году было внесено 2 700 руб. и 8 408 руб. 60 коп.¹² Помогал школе и супруг Анны Платоновны, директор Императорского фарфорового завода барон Николай Борисович фон Вольф. На его пожертвования была учреждена стипендия для приходящих учениц¹³. Не забывала школу принцесса Е. Г. Саксен-Альтенбургская. На развитие преподавания рисования она пожертвовала 5 446 руб.¹⁴

Школа оставалась учебным заведением для девочек из бедных семей до Октябрьской социалистической революции. С 1917 года для бывшей школы принца Ольденбургского начинается новая история.

Уже с первых дней установления Советской власти началась работа по созданию новой системы народного образования. Перед советской школой ставилась основная задача — воспитание и обучение молодого поколения в духе коммунизма, для чего принимались новые декреты и постановления, разрабатывались новые учебные программы.

В 1918 году бывшая Школа принца Ольденбургского была передана в ведение Наркомпроса. А с 1922 года она стала называться 121-й единой трудовой школой.

К 1922 году сложилась новая школьная система: начальная школа (4 года обучения), основная семилетняя общеобразовательная школа и старшая ступень общеобразовательной школы, всего 9–10 лет обучения.

Заведующим 121-й единой трудовой школой был назначен Федор Адамович Кийс — энергичный, требовательный, профессионально подготовленный специалист, добрый и чуткий человек, заботившийся о создании условий для нормального протекания учебно-воспитательного процесса. Он добился возможности надстроить третий этаж и пристроить физкультурный зал. В это время школу иначе как «школой Кийса» не называли. По воспоминаниям учителей и выпускников, она была одной из лучших в районе.

Страна нуждалась в квалифицированных рабочих. Поэтому с 1925 года создаются фабрично-заводские семилетки, в которых наряду с общеобразовательными предметами большое внимание уделялось трудовому и производственному обучению. В 1931 году наша школа тоже была преобразована в фабрично-заводскую семилетку № 121. Заведующей школой выдвигают работницу мыловаренного завода Алексееву Зинаиду Алексеевну. К сожалению, в это время значительно снизилась успеваемость учащихся. В 1932 году школа получает статус средней общеобразовательной школы № 121.

В 1933 году директором назначается Михаил Илларионович Башенков, профессиональный учитель. Достижение этого периода — создание дружного, сплоченного коллектива учителей. В 1939 году Ленгорисполком наградил коллектив школы переходящим красным знаменем «Лучшей школе». В этот период большое внимание уделялось не только русскому языку, математике, литературе, истории и географии, но и таким предметам, как физкультура, военная подготовка, трудовое обучение.

В 1939 году директором становится завуч Апполинария Николаевна Егорова, работавшая в школе с 1923 года учителем начальных классов. А в 1941 году школе присваивается № 344.

В начале Великой Отечественной войны здание школы было передано войскам МПВО, младшие классы закрыты, а старшие переведены в здание соседней школы № 331. Иногда уроки проводились в бомбоубежище, а то и в траншеях парка им. Бабушкина. В феврале 1942 года занятия прекратились: в классах холод, нет света, чернила замерзают, у детей голодные обмороки.

Школьное имущество было перенесено в физкультурный зал и в два кабинета (физики и химии). В этот же период началась массовая эвакуация детей, в которой Апполинария Николаевна принимала самое активное участие. До 1943 года А. Н. Егорова работала в РОНО и одновременно несла ответственность за законсервированное в школе имущество.

Многие учителя уходили на фронт. В педагогическом коллективе нашей школы было много участников Великой Отечественной войны. Учительница начальных классов Нина Афанасьевна Авдучевская была отважной разведчицей, на Ленинградском фронте сражался завуч школы Илья Михайлович Клебанов. В составе

209-го Керченского полка воевал Иван Яковлевич Старорусский, учитель военного дела. Дорогой войны с сумкой медсанбата прошла Анна Ильинична Брасова, с оружием в руках защищали Родину Лариса Михайловна Львова, выпускница 1936 года, и другие.

Те учителя, которые остались в осажденном городе, всегда были рядом с детьми. В нашем музее хранятся воспоминания Марии Романовны Белошеевой, которая много лет проработала учителем математики в нашей школе, а в годы войны и блокады Ленинграда жила в Володарском районе (это название наш район носил с 1920 по 1948 год) и училась в 344-й школе. Она писала: «Очень хорошо помню учительницу Лилию Константиновну Кийс. Ее мы видели чаще, чем родителей, и она стала для нас самым дорогим, самым родным человеком»¹⁵. Через всю многолетнюю эпопею героической обороны города дети прошли как соратники взрослых! В госпитале раненые всегда были рады детям, их незатейливым песням, стихам, танцам. Были дежурства на крыше школы во время артобстрелов и налетов, дети боролись с «зажигалками». А весной 1942 года начались работы на полях совхоза «Красный октябрь» по выращиванию овощей для нужд фронта. В нашем музее сохранилась грамота, полученная Марией Марченковой в 1943 году за работу на полях совхоза.

27 января 1944 года Ленинград был полностью освобожден от вражеской блокады. А летом этого года, когда еще шла война, наша школа возобновила работу. Школе присвоили новый статус — средняя общеобразовательная женская школа № 344. Директором была назначена Любовь Петровна Нефедьева, педагог с 20-летним стажем. Предстояла большая работа, чтобы подготовить здание для нового учебного года. 22 июня 1944 года начались работы, а к июлю части МПВО освободили помещение, и было принято решение расконсервировать школу.

С фронта возвращались учителя, постепенно стали возвращаться дети, пережившие блокаду и реэвакуированные. Началась запись детей в первый класс. Микрорайон женской школы № 344 Володарского района охватывал бывшую Щемилровку (Ивановскую улицу и часть улицы Седова) и проспект Обуховской Обороны от Куракиной дачи до Московской улицы (ныне улица Крупской). В первый послевоенный учебный год было набрано мало классов — всего 12. В последнем, восьмом, обучалось всего 15 учениц. Все они в 1947 году сдали экзамены на аттестат зрелости и поступили

в вузы. В школу пришли девочки, пережившие блокаду, реэвакуированные, некоторые приехали с оккупированных территорий. У многих были большие пробелы в знаниях, так как не все имели возможность продолжать обучение в других местах. Нужны были опытные учителя. Такими и были те, кто возвратился с фронта, кто во время блокады жил и работал в Ленинграде, и совсем новые молодые учителя. Среди них: учителя начальных классов Андрейшина Т. Н. и Алексеева Е. А., учитель физики Ларионова К. А., учитель математики Латышева А. П., завуч школы Никольская Н. Е. и многие другие. Они делали все, чтобы ликвидировать отставание путем индивидуальной работы с каждой ученицей. К концу 1945 года школа занимала одно из первых мест в районе по учебно-воспитательной работе.

В школе проходили конференции, работал лекторий, выпускалась стенгазета. Работали кружки: библиотечный, исторический, краеведческий, красных следопытов, кружок юных ботаников, своими силами под руководством А. И. Ильиной была создана теплица при школе, вокруг школы разбит яблоневый сад.

В 1954–1955 учебном году произошло слияние мужской и женской школ. В нашу школу были направлены мальчики из школ № 331 и 458.

В 1950-е годы значительно пополнился коллектив учителей. Многие из них оставили яркий след в истории нашей школы. Это Лебедева Г. М., Антонова К. В., Ухорская М. М., Аксенова А. М., Клебанов И. М.

Сложился крепкий, знающий и умелый коллектив. Авторитет школы и учителей рос с каждым годом. Об этом говорит тот факт, что многие выпускники 50-х годов поступили в Педагогический институт. 8 директоров школ нашего района были выпускниками школы № 344.

В 1961 году директором школы назначили Чирицу Леонида Францевича, с именем которого связаны значительные достижения школы в системе народного просвещения. В эти годы здесь работали учителя математики Белошеева М. Р., Баранова М. Н., учитель химии Махова Л. В., учитель физики Найдис М. Д., учитель биологии Юркевич В. М., учитель литературы Дружинин И. А. С 1961 по 1969 год в школе были только 9–11 классы, в которые учащиеся принимались по конкурсу. В 1960-е годы школа перехо-

дит на кабинетную систему и одной из первых в Ленинграде становится школой с физическим уклоном. В 1967 году школа провела 12 семинаров по распространению передового опыта (метод программированного обучения) для учителей СССР.

В 1969 году школа переехала в новое здание на Народную улицу, 63, началась новая веха в жизни коллектива в связи с расширением контингента учащихся, принимавшихся теперь с 1 по 10 классы. В 1986 году учреждению был присвоен статус школы с углубленным изучением математики. Неоднократно ученики школы становились призерами и победителями районных, городских и всероссийских олимпиад по физике и математике. Были открыты школьные музеи: музей истории школы (рук. Лебедева Г. М.) и музей им. Д. И. Менделеева (рук. Махова Л. В.). В 1985 году кабинет химии, созданный Л. В. Маховой, был представлен на Выставке достижений народного хозяйства в Москве. В школе функционировал кабинет, оснащенный персональными компьютерами, в 1984 году открыт педагогический класс. Успехи и высокие достижения школы появились благодаря добросовестной работе всего педагогического коллектива и особенно таких выдающихся учителей, как Лоскутова Н. А., Гозман Н. Н., Рутман И. Г., Кронберг С. И., Рыженский И. Б., Зелкина А. М., Кузнецова Э. И., Вечерский П. Я., Угорец М. М. и других.

В 1987 году школа получает последнюю прописку по адресу: ул. Тельмана, дом 47. С 1990 по 2010 год школу возглавляла Заслуженный учитель Российской Федерации, лауреат премии им. А. Г. Неболсина Елисеева Ирина Герасимовна. Это было время экспериментальной работы, результатом которой в 1994 года нашему учебному заведению был присвоен статус гимназии. Программа дополняется предметами гуманитарного цикла: культура мышления, история и культура Санкт-Петербурга, культура речи, вводятся дополнительные часы на изучение английского и немецкого языков. В этот период осуществлял постановки школьный театр «Лира», которым руководила Г. И. Николаева. Продолжался набор в классы с углубленным изучением физики и математики. Большой вклад в работу школы внесли Антонова В. И., Иванова М. И., Шишилина С. М., Яковлева В. П., Смирнова Т. П., Мельникова А. В., Кондратьева В. М., Ильина Л. Е., Куликов Д. Д., Чесноковская Л. М., Белова С. С., Щедрцов А. Е. и др.

В 2004 году учебное заведение получает статус лицея.

С 2010 года по настоящее время директором школы является Шелюховская Майя Николаевна, Почетный работник общего образования РФ.

Ольденбургская школа (в настоящее время ГБОУ лицей № 344 Невского района Санкт-Петербурга), пройдя сложный путь революционных потрясений, войн, попыток воплотить в жизнь коммунистические идеи, пережив взлеты и неудачи советской системы образования, сумела сохранить лучшие свои традиции.

В наставлении для образования воспитанниц женских учебных заведений принц П. Г. Ольденбургский указывал на главную цель воспитания: «Прививать правила благочестья, добродетели и непоколебимой преданности отечеству»¹⁶.

Патриотическому воспитанию школьников всегда уделялось большое внимание. И сейчас это направление является актуальным. В лицее на базе музея «История школы» существует историко-краеведческий культурно-патриотический клуб «У Володарского моста» (руководители Еськина М. Н. и Хохлова С. Н.). Ребята принимают участие в ежегодном школьном историко-краеведческом конкурсе «Страницы жизни нашего края», в краеведческих и музееведческих проектах районной программы гражданского патриотического воспитания «Юные патриоты Невского заставы», городских конкурсах, конференциях комплексной краеведческой программы патриотической направленности «Наследники великого города». В рамках этой программы мы принимаем участие в трудовых десантах к памятникам Зеленого пояса славы, в днях благоустройства города «Творите добро» (территория Брестского парка). Объектом заботы членов клуба «У Володарского моста» на протяжении многих лет является Невский мемориал «Журавли», который воздвигнут на месте братских захоронений жителей блокадного Ленинграда и воинов, защищавших город. Ежегодно ребята принимают участие в городской акции «Посылка солдату-земляку».

За последние годы получили новое развитие традиции милосердия. Здесь особо хотелось бы сказать о выпускнике нашей школы протоиерее Русской Православной церкви, директоре Санкт-Петербургского детского хосписа отце Александре Ткаченко. В 1989 году он окончил наше учебное заведение, которое в то время имело статус школы с углубленным изучением физики и математики, затем Духовную семинарию и Духовную академию.

Наверное, не случайно идея создания в Санкт-Петербурге первого в нашей стране детского хосписа принадлежит Александру Ткаченко, ведь тема его диплома — деятельность священника в больнице.

В 2003 году был создан благотворительный фонд «Детский хоспис», который финансировал лечение и уход за тридцатью детьми, оказывал психологическую и духовную поддержку им и их родителям. Затем в 2010 году открыли Детский хоспис в Невском районе Санкт-Петербурга, на территории бывшей Куракиной дачи, где с 1847 по 1918 год размещалось Малолетнее отделение Сиротского института императора Николая I. На освящении храма благоверного князя Александра Невского, который находился в здании Малолетнего отделения, присутствовал принц Петр Георгиевич Ольденбургский¹⁷, который являлся попечителем данного учреждения.

В 2012 году, когда лицей отмечал свой 130-летний юбилей, нам удалось встретиться с Александром Ткаченко и пригласить его на праздник. Так завязалось наше сотрудничество.

Накануне Дня защиты детей Детский хоспис проводит ежегодную акцию «Белый цветок», цель которой — не только сбор средств для больных детей, но и возрождение традиций российской благотворительности.

День «Белого цветка» появился в Европе в начале XX века. Это были белые бумажные ромашки, плата за которые не была фиксированной — кто сколько сможет пожертвовать для больных туберкулезом. В России белые цветы впервые появились в апреле 1911 года. После Октябрьской революции эта традиция прекратилась. В наше время возрождение акции началось в конце 1990-х годов. Сегодня акция «Белый цветок» устраивается в поддержку людей, страдающих различными заболеваниями.

В Санкт-Петербурге благотворительная акция «Белый цветок» впервые состоялась по инициативе Детского хосписа 1 июня 2012 года.

Учащиеся лицея № 344 принимали участие в этой акции. На Уроках доброты ребята делали белые бумажные цветы и передавали волонтерам, которые распространяли их желающим в разных точках Санкт-Петербурга.

Каждый человек, равнодушный к чужому несчастью, может пожертвовать любую сумму в пользу тяжело и неизлечимо больных детей, а в знак благодарности получить символ акции — белый цветок.

В нашей школе также осуществляется сбор макулатуры, а вырученные средства направляются в благотворительный фонд. Осенние ярмарки, на которых учащиеся продают изделия, созданные своими руками, выращенные летом фрукты и овощи, стали традиционными в лицее. Осенью 2016 года родилось новое начинание: деньги, вырученные от продажи на ярмарке, были переданы в Детский хоспис. Хоспис, созданный отцом Александром, послужил примером для создания подобных учреждений по всей России.

31 июля 2014 года на церемонии вручения государственных наград выдающимся россиянам отец Александр Ткаченко был удостоен знака отличия «За благодеяние»¹⁸. Его деятельность служит примером для подрастающего поколения и говорит о том, что традиции благотворительности, патриотизма и милосердия, которым следовал принц Петр Георгиевич Ольденбургский, продолжают.

В 1996 году в нашей школе началась исследовательская работа с целью сбора материалов о жизни и деятельности принца П. Г. Ольденбургского и об Ольденбургской школе. В этом же году произошла встреча с историком, преподавателем Института права им. принца П. Г. Ольденбургского Эммой Александровной Анненковой. А с 1997 года наша школа является членом международного общества «Друзья Дома Ольденбургских» (председатель Э. А. Анненкова), в которое входят различные заведения, основанные или опекаемые членами семьи Ольденбургских. Цель Общества — восстановление исторической справедливости по отношению к членам семьи принца П. Г. Ольденбургского и изучение материалов об их благотворительной деятельности. Мы принимаем активное участие в жизни Общества, тесно сотрудничаем с организациями, входящими в него. Это гимназия № 157 г. Санкт-Петербурга имени принцессы Е. М. Ольденбургской, Институт права им. принца П. Г. Ольденбургского, Санкт-Петербургский государственный институт культуры, Дворец детского творчества Петроградского района и др. 20 лет продолжается сотрудничество с Ольденбургско-русским благотворительным фондом, председателем которого является герцог Гуно фон Ольденбург. Ежегодно проходят Ольденбургские чтения, а XII Ольденбургские чтения проводились в нашем учебном заведении, они были приурочены к 120-летию со дня основания нашего учебного заведения — бывшей школы им. принца П. Г. Ольденбургского. В рамках празднования в шко-

ле прошла выставка картин известных петербургских художников Сергея и Натальи Катониных «Петербург — Ольденбург». Неоднократно в учебных заведениях, входящих в Общество, проводились поэтические конкурсы, на которых учащиеся читали стихотворения, написанные принцем, и свои сочинения. II поэтический конкурс, посвященный 190-летию со дня рождения Петра Георгиевича Ольденбургского, на котором присутствовал принц Константин фон Ольденбург, проходил в гимназии № 344. Герцог Гуно фон Ольденбург с супругой Фелицитас неоднократно посещал нашу школу. Последний визит состоялся осенью 2012 года и был приурочен к 200-летию со дня рождения принца П. Г. Ольденбургского.

В это время в лицее проходила фотовыставка «И к ближнему любовью вдохновенный...» работ руководителей музея «История школы», посвященная памятным местам Петербурга, связанным с деятельностью принца и членов его семьи.

Учителем рисования М. Д. Казанцевым был создан бюст П. Г. Ольденбургского, который сейчас находится в музее «История школы».

Герцог Гуно фон Ольденбург с супругой, г-н Лемкуль, директор лицея М. Н. Шелуховская, зав. музеем «История школы» С. Н. Хохлова и М. Н. Еськина, актив музея. 2012 г.

Более 20 лет музейеды лицея выезжают в Свято-Троицкую Сергиеву приморскую мужскую пустынь, где находится захоронение принца П. Г. Ольденбургского и членов его семьи, и ухаживают за их могилой. В 1999 году мы принимали участие в открытии мемориальной плиты на месте усыпальницы, а в 2012 году — в открытии бюста П. Г. Ольденбургского (ск. С. В. Иванов).

Как было сказано выше, в музее «История школы» один раздел посвящен жизни и деятельности принца П. Г. Ольденбургского, а второй — Ольденбургской школе. Собран большой исторический материал, на основе которого учащиеся лицея проводят экскурсии на русском и английском языке.

На районных и городских конкурсах юных экскурсоводов школьных музеев неоднократно были представлены экскурсии «Просвещенный благотворитель» и «Ольденбургская школа», «Последний приют принца» и другие. Многие выступления отмечены дипломами призеров и победителей.

Деятельность музея «История школы» неоднократно отражалась в средствах массовой информации, на радио и телевидении. В 2002 году на «Радио России» в рамках цикла передач В. Бузинова «Прогулки по Петербургу» была записана передача «Школа принца Ольденбургского». В 2012 году на «Радио Марии» мы принимали участие в цикле передач «Просвещенный благотворитель».

В апреле 2016 года вышел документальный фильм «Русский дом семьи Ольденбургских», созданный по заказу парламентского телеканала «Вместе-РФ» в рубрике «Люди РФ» (автор сценария Наталия Ирина, режиссер и оператор Сергей Максимков), съемки которого проходили и в лицее № 344.

В результате нашей поездки в Ранталинну, бывший замок Ольденбургских (Финляндия), в августе 2015 года была достигнута договоренность о сотрудничестве. За последнее время состоялось несколько визитов членов Общества «Друзья Дома Ольденбургских», в программу которых входили Ольденбургские чтения, круглые столы и концертные выступления.

Музей «История школы» не только бережно хранит память о прошлом, продолжается поиск новых исторических фактов.

Примечания

1. *Шумигорский С. Е.* Императорское Женское Патриотическое Общество (1812–1912). — СПб.: Гос. Типография, 1912. — С. 144.
2. Справочная книжка об учреждениях Императорского Женского Патриотического Общества. — П-г., 1915. — С. 1.
3. Там же. — С. 16–18.
4. Отчеты Попечительств школ Санкт-Петербурга Женского Патриотического общества за 1885–86 гг. — СПб., 1887. — С. 39–42.
5. Отчет Совета Императорского Женского Патриотического Общества за 1913 г. — СПб., 1913. — С. 109.
6. *Шумигорский С. Е.* Императорское Женское Патриотическое Общество (1812–1912). — СПб.: Гос. Типография, 1912. — С. 83.
7. Там же. — С. 161.
8. ЦГА СПб. Ф. 468. Оп. 26. Д. 113.
9. *Шумигорский С. Е.* Императорское Женское Патриотическое Общество (1812–1912). — СПб.: Гос. Типография, 1912. — С. 187.
10. Архив музея «История школы» ГБОУ лицея № 344. Осн. ф. № 1106.
11. *Исмангулова Т. Д.* Благотворительная деятельность герцогов Мекленбург-Стрелицких и графов Зубовых в Императорском Женском патриотическом обществе // Русская ветвь Мекленбург-Стрелицкого Дома: Сборник трудов международной научной конференции. — СПб., 2005. — С. 179.
12. Там же. — С. 182.
13. Там же. — С. 180.
14. *Шумигорский С. Е.* Императорское Женское Патриотическое Общество (1812–1912). — СПб.: Гос. Типография, 1912. — С. 175.
15. Архив музея «История школы» ГБОУ лицея № 344. Осн. ф. № 393.
16. *Ольденбургский П. Г.* Наставление для образования воспитанниц женских учебных заведений. — СПб.: Типография Опекунского Совета, 1852. — С. 9.
17. *Антонов В. В., Кобак А. В.* Святыни Санкт-Петербурга. Т. II. — СПб.: Изд. Чернышева, 1996. — С. 9.
18. *Алексеева М.* Спешите делать добро! // Петербургский дневник. — 2014. — 8 августа. — С. 24.

Т. М. Замалева

Женское училище (институт) принцессы Терезии Ольденбургской

Она была добродетель олицетворенная...

П. А. Плетнев

В 1841 году принц П. Г. Ольденбургский решил на Петербургской стороне учредить училище для «бедных девиц всех свободных сословий от 6 до 13 лет». Цель этого начинания — «*образование девиц недостаточного состояния, которых будущность должна быть обеспечена трудом честным и благородным*»¹. Принц купил участок с двухэтажным каменным зданием на углу Каменноостровского (дом 36) и Большого (дом 73) проспектов. Это старейшее здание на площади Л. Толстого было построено по проекту архитектора Л. Тиблина в 1838 году для чиновника Департамента горных и соляных дел А. Качки. Купчая на дом, приобретенный уже от другого владельца полковника Шмидта за 12857 руб., была совершена 2 мая 1841 года. По просьбе супруги принцессы Терезии Петр Георгиевич передал организацию училища в ее ведение, и Терезия с воодушевлением принялась за устройство училища, вложив в оборудование здания для учебного процесса свои «туалетные» деньги. Так в Санкт-Петербурге появилось новое частное учебное заведение, названное впоследствии Женское училище принцессы Терезии Ольденбургской (далее Училище. — *Авт.*).

Для проживания девочек и учебных занятий Терезия предназначила второй этаж здания, где разместили дортуары, классы, здесь же находились приемная, учительская, столовая, зал и церковь. На первом этаже — комнаты для классных дам, помещения для прислуги, кухня, бельевая, швейцарская, прихожая.

Позднее, из-за постоянно увеличивавшегося числа поступающих в Училище девочек, появилась потребность в новых помещениях для классов и дортуаров. Поэтому было решено построить новое здание рядом с купленным в 1841 году. Его строительство

(архитектор Л. Тиблин) было завершено в 1853 году. Четырехэтажный каменный дом фасадом на Каменноостровский проспект соединялся переходом с первым зданием Училища. На его верхних трех этажах размещались дортуары воспитанниц и несколько комнат для классных дам. Нижний этаж предназначался полностью для классных комнат. В первом здании остались: приемная, учительская, столовая, церковь и актовый зал, квартира начальницы, комнаты классных дам, кухня и помещение для прислуги.

В 1876 году попечитель Училища П. Г. Ольденбургский попросил высочайшего позволения на передачу владения землей

Принцесса Терезия
Ольденбургская

Здание Женского училища принцессы Терезии Ольденбургской

и зданиями в собственность этого учебного заведения. По высочайшему повелению 11 марта 1876 года вышло определение Правительствующего Сената за № 9938 об утверждении владельцем указанного имущества Женского училища принцессы Терезии Ольденбургской. Ввод во владение имуществом состоялся 10 февраля 1878 года. К этому времени Училищу принадлежали еще два построенных дома: одноэтажный дом сыпного лазарета (во дворе) и двухэтажный деревянный дом по Большому проспекту для лазарета и квартир начальницы и классных дам. Сыпной лазарет был капитально перестроен в 1885 году на собственные средства попечителя принца А. П. Ольденбургского соответственно правилам гигиены.

В 1897 году было решено построить стационарный лазарет. 1 августа 1897 года начальница Женского училища (института) принцессы Терезии Ольденбургской Назимова обратилась в Городскую управу за разрешением на строительство двухэтажного здания для лазарета во дворе Института². В постановлении Городской управы от 25 октября 1897 года указано «одобрить и представить на утверждение градоначальнику»³. В новом здании лазарета по распоряжению принца А. П. Ольденбургского были оборудованы медицинские кабинеты и больничные палаты по последнему слову медицины и гигиены. Здесь заболевшие воспитанницы получали медицинскую помощь в полном объеме, о чем заботились работавшие в лазарете врачи и медсестры.

Содержание в должном порядке и состоянии такого большого хозяйства требовало, несомненно, больших затрат, которые не перекрывали вносимые за обучение средства. Вероятно, поэтому начальницы Училища обращались в правление Городского кредитного общества с просьбой о ссуде под залог Женского училища принцессы Терезии Ольденбургской, о чем свидетельствуют архивные материалы. Так, в марте 1879 года в правление Городского кредитного общества от начальницы Училища В. П. Зиберт поступил документ: «Начальница Женского училища принцессы Терезии Ольденбургской, вдова статского советника Варвара Павловна Зиберт просит о выдаче ссуды из Санкт-Петербургского Городского кредитного общества под залог принадлежащего Училищу каменного дома со всеми строениями и землей»⁴. Причем она получила доверенность от принца П. Г. Ольденбургского в том, что вправе заниматься делами ссуды и т. п. с личной подписью Петра Георгиевича

от 5 декабря 1878 года⁵. Ссуда была выделена на 25 лет, но из-за неплатежа долга здание Училища даже было назначено на продажу в 1889 году. Дело по поводу возврата ссуды затянулось надолго и лишь в 1900-х годах благодаря попечителю Училища принцу А. П. Ольденбургскому было закрыто.

К началу открытия Училища домовая церковь в нем не предусматривалось, поэтому воспитанницы посещали церковь при Александринском Сиротском доме, располагавшемся неподалеку от Училища (Каменноостровский проспект, 21), позднее это здание передали Императорскому Александровскому лицезу.

В конце 1841 года была устроена, а 16 января 1842 года освящена домовая училищная церковь во имя Воскресения Христова. Службу совершали по очереди священники Петропавловского собора. Постоянный штат при церкви появился лишь в 1879 году.

22 марта 1841 года было получено высочайшее соизволение на открытие Женского училища принцессы Терезии Ольденбургской, о чем сообщил министр народного просвещения граф С. С. Уваров.

Для всех частных учебных заведений Петербурга назначались особые инспекторы, которые избирались ежегодно из академиков Академии наук или из профессоров университета. По желанию принцессы наблюдение за учебной частью было поручено ректору Санкт-Петербургского университета действительному статскому советнику Петру Александровичу Плетневу. Министр просвещения граф Уваров специальным предписанием дал разрешение на открытие Училища и утвердил необходимые для этого документы. Училище приняли в ведение Петербургского учебного округа, о чем попечитель Петербургского учебного округа М. А. Дондуков-Корсаков доложил принцу П. Г. Ольденбургскому:

«7 апреля 1841 г.

Имея честь получить почтеннейшее письмо Вашей светлости от 3-го сего апреля, считаю долгом довести до Вашего сведения, что я счастливым почитаю себя исполнить желание светлейшей принцессы супруги Вашей и с полной готовностью принимаю в ведение Петербургского учебного округа учреждаемое ее светлостью учебное заведение, поручая вместе с тем нынешнему ректору университета, действительному статскому советнику П. А. Плетневу постоянное наблюдение за учебной частью в этом училище...»⁶.

Петр Александрович Плетнев — известный русский поэт, литератор, друг А. С. Пушкина (ему поэт посвятил свой роман в стихах «Евгений Онегин»), его творчество пользовалось большой популярностью в столичных кругах русской интеллигенции. Под его руководством воспитанницам прививалась любовь к русской литературе, к поэзии Пушкина, Жуковского, Дельвига.

Впоследствии должность заведующего учебной частью Училища осуществляли: Г. Ремгильд, директор Императорского Александровского лицея Н. И. Миллер, директор Введенской прогимназии А. М. Груздев, Н. Н. Гераков.

Торжественное открытие Училища состоялось в день именин принцессы Терезии 5 апреля 1841 года.

В разработке программы учебного курса и правил поведения для учениц приняла участие сама принцесса. Согласно уставу в Училище принимали девочек из бедных семей всех свободных сословий и вероисповеданий с 8 до 13 лет и распределяли по классам соответственно их возрасту и знаниям. Приемные экзамены проводились в августе. Желаящие определить своих дочерей или родственниц подавали прошение с необходимыми документами к 1 августа на имя начальницы Училища⁷.

Так как Училище являлось частным учебным заведением, то казеннокоштных воспитанниц в нем не полагалось. Установленная плата вносилась начальнице Училища за полгода вперед: в июле и в январе. С вновь поступающих взималась единовременная плата на первоначальное обзаведение в размере 30 руб. Первые годы Училище существовало на средства принцессы, в дальнейшем содержание воспитанниц возлагалось на родителей, но были и такие воспитанницы, которые находились «на пансионе» частных лиц; назывались они «пансионерками». Такие «пансионерки» имелись и у принцессы Терезии, и у принца Петра Георгиевича. Их число в разное время достигало более 40. Плата за пансионерок составляла в разное время 200–400 руб. ассигнациями в год, за входящих девочек — 70 руб., за обучение музыке — 50 руб. Кроме пансионерок супругов Ольденбургских имелись пансионерки и некоторых других частных лиц. Количество учениц в первый год достигло 35 человек. Всего со временем П. Г. Ольденбургский оплачивал обучение 30 девочкам. Все члены семьи принца П. Г. Ольденбургского имели в Училище пансионерок, выплачивая на их содержание

и обучение стипендии⁸. Всеми стипендиями имени Ольденбургских заведовала принцесса Е. М. Ольденбургская.

Во второй год обучения число воспитанниц возросло уже до 63 человек, несмотря на то, что плату увеличили до 400 руб. ассигнациями в год. Многие родители считали за благо отдать своих дочерей на воспитание принцессе Терезии Ольденбургской. В дальнейшем обучалось в Училище до 200 воспитанниц.

Основными предметами соответственно поставленной задаче обучения были следующие: Закон Божий, русский язык, арифметика, домоводство, иностранные языки (французский и немецкий), рукоделие, танцы.

В «Наставлении для образования воспитанниц женских учебных заведений», разработанном принцем П. Г. Ольденбургским, особенно особое внимание уделялось русскому языку и литературе. Иностранные языки, по его мнению, должны были уступить первенство языку отечественному: *«Воспитанницам надлежит не только правильно говорить и писать по-русски, но изучить также историческое развитие языка и ознакомиться с лучшими произведениями родной словесности. Каждый русский должен владеть им в совершенстве!»*⁹

В программе по русскому языку отдельно был выделен курс чистописания. Воспитанницы учились писать аккуратно и грамотно разные шрифты — обыкновенной, средней и малой величины. На практических занятиях занимались чинкой перьев, изготовлением конвертов, подписыванием адресов, составлением прошений. Принцесса Терезия обязывала, чтобы все расчетные счета и отчеты, которые представлялись ей ежедневно, были поочередно «писаны воспитанницами», *«дабы можно было судить об успехах детей в чистописании»*. Воспитанницы с красивым почерком, тетради которых отличались чистотой и порядком, обязательно поощрялись. Предполагалось, что некоторые выпускницы Училища могут найти место работы в различных частных учреждениях и торговых конторах «по письменной части».

Позднее объем курса увеличился за счет введения новых предметов — истории, географии, для желающих — английский язык и музыка. Большое внимание уделялось изучению иностранных языков. Владение иностранными языками давало возможность выпускницам Училища получить место работы домашней учительницы намного быстрее, чем другим, не имеющим таких знаний.

Большое значение придавалось занятиям по рукоделию, на которых девочек учили шить, вязать, вышивать, изготавливать искусственные цветы. Следует отметить, что рукоделие было введено во всех классах, и программа постепенно усложнялась от низшего класса к высшему. Так, в начальном классе девочек обучали вязанию, шитью, умению метить белье, подрубать ткань. В следующем классе они уже могли сшить заранее скроенное платье, вышивать. В старшем классе — снимать мерки и кроить одежду, вышивать бисером и шнурками.

Домашнее хозяйство осваивали, дежуря по очереди на кухне, где их учили готовить, сервировать стол; объясняли, как правильно сохранять продукты.

Обучались воспитанницы и умению ухаживать за маленькими детьми, и оказывать первую медицинскую помощь.

При таком методе обучения вполне достигалась цель, поставленная при открытии Училища принцессой Терезией, и выпускницы покидали его стены, вполне подготовленные к самостоятельной жизни благодаря приобретенным знаниям и навыкам в разного рода занятиях.

Первоначально обучение в Училище длилось 6 лет — всего было три класса с двухгодичным курсом в каждом. Позднее был открыт и 4-й класс.

Понимая всю важность женского образования, принц П. Г. Ольденбургский в своей работе «Наставления...» отмечал: *«В числе отечественных наших учреждений для образования юношества, женские учебные заведения занимают место весьма важное: в них воспитываются будущие матери семейств, от направления умов которых зависит нравственное и умственное направление будущего поколения... Хорошие жены и добрые матери семейств суть твердые опоры престола и благоденствия государства»*¹⁰. Именно поэтому Терезия придавала особое значение воспитательному процессу, созданию высоконравственной атмосферы, которая призвана определять весь порядок жизни в Училище. По ее мнению, учебное заведение должно представлять собой «как бы одну семью».

Несмотря на принадлежность Училища к городскому учебному округу, все нормативные документы принцесса писала сама. Одним из таких основных документов стала составленная ею «Инструкция» для управления Училищем. Содержание инструкции

раскрывает светлый ум и прекрасные душевные качества Терезии, выражает ее верный взгляд на женское воспитание и воспитание вообще, в основе которого, по мнению принцессы, лежит, прежде всего, любовь к детям и ласковое с ними обращение.

Управление училищем и обеспечение воспитательного и обучающего процесса, согласно «Инструкции», построено следующим образом.

Во главе учебного заведения стоит **начальница**, которая назначается лично принцессой. Начальница осуществляет общий надзор и за учебно-воспитательным процессом, и за хозяйством. Начальницами Училища с 1841 года до его закрытия в 1918 году состояли: Якоби, Никольская (1842–1847), фон Гессе (1847–1859), А. В. Беренс (1859–1865), А. И. Вельтнер (1865–1867), В. П. фон-дер Вельт (Зиберт) (1867–1879), Л. П. Климова (в замужестве Груздева, 1879–1883), С. И. Фон-Бушен, Бунина, Л. Буссе, О. Я. Назимова.

Контроль за всем учебно-воспитательным процессом был возложен на **инспектора классов**. От классных дам Терезия требовала: *«Прошу дам стараться исправлять каждую нравственную ошибку детей лаской и дружеским увещанием»*¹¹.

Такое обращение с детьми было особенно важно, поскольку в первые годы Училище было закрытым учебным заведением: для свидания с родителями назначались воскресные и праздничные дни, а также дни рождения и именины, воспитанниц не отпускали домой даже на каникулы. Лучшие воспитанницы назначались старшими по Училищу, которые вместе с классными дамами следили за порядком в классе.

Летом основных занятий не было, девочки могли заниматься рукоделием, музыкой и практическими упражнениями в иностранных языках. В хорошую погоду ежедневно ходили купаться на Каменный остров на дачу семьи Ольденбургских. Здесь часто устраивались торжественные приемы, праздники, на которых присутствовало много гостей; приглашались и воспитанницы принцессы Терезии. П. А. Плетнев вспоминал, как его дочь Оля вместе с Александрой Осиповной Ишимовой ездили на Каменный остров к Ольденбургским поздравлять их маленькую дочь (Александрю. — Авт.) с днем рождения. *«Я приглашен был через нарочного обедать у принца. Мы все осматривали собранных в саду у принца девочек из их школы, числом уже 50. После ездили все в школу»*¹².

Режим жизни воспитанниц также определялся соответствующей инструкцией. Вставали рано, в 6 часов утра. Через полчаса шли на молитву. В 7 часов пили чай или молоко. А в 8 часов уже начинались занятия. Первый урок, как правило, рукоделие; с 9 до 12 часов шли обычные занятия. В 12 часов дети обедали, а затем два часа отдыхали. После обеда с 14 до 18 часов продолжались учебные занятия и рукоделие — обычно в это время воспитанницы готовили уроки к следующему дню, занимались музыкой и пением. В 18 часов был чай, до 20 часов — отдыхали. В 20 часов — ужин и вечерняя молитва. В 21 час воспитанницы ложились спать. По субботам учебных занятий не было, только рукоделие и музыка.

В воспитанницах Училища постоянно поддерживалась любовь к музыке. Этот предмет, хотя и являлся дополнительным, занимал особое место в учебном процессе благодаря принцу Петру Георгиевичу, который сам был блестящим пианистом и сочинял музыкальные произведения самых разных жанров — от фортепианных пьес до оперы и симфонии. Инспектором музыки (1838–1888) П. Г. Ольденбургский пригласил в 1845 году Адольфа Львовича Гензельта. Должность инспектора по музыкальным занятиям после смерти Гензельта с 1889 года исполнял профессор Санкт-Петербургской консерватории Н. С. Лавров.

Воспитанницы имели форменную одежду, которую на уроках рукоделия кроили и шили сами, а также занимались их перекройкой и починкой. К форме полагались белые пелерины или передники, а также белые воротники и белые манжеты.

Урокам танцев в Училище уделялось значительное внимание, судя даже по тому, что учителями приглашались артисты Мариинского театра.

Принцесса Терезия Ольденбургская, создавая Училище, прекрасно понимала особенности такого учебного заведения, его учебно-воспитательного процесса. Вот почему она так тщательно относилась к подбору классных дам и учителей, старалась привлечь к работе опытных и знающих педагогов. В результате успешное направление физического и нравственного воспитания в Училище стало возможным благодаря добросовестной и заботливой работе всего педагогического коллектива: классных дам, инспекторов классов, преподавателей, врачей и других служащих — и дало импульс для дальнейшего развития и процветания Училища на почти 75 лет!

Группа воспитанниц в парадной форме

Процесс обучения и воспитания в Училище принцессы Терезии протекал успешно, поэтому министр просвещения А. С. Норов по просьбе его основательницы ходатайствовал о предоставлении выпускницам Училища некоторых прав наравне с другими учебными заведениями такого же типа. С 1855 года по окончании полного курса обучения воспитанницам, получившим «одобрительный аттестат», учебный округ выдавал свидетельство на звание домашней учительницы. Тем самым они были приравнены к воспитанницам казенных училищ второго разряда, хотя учебное заведение принцессы Терезии по-прежнему оставалось частным и не принадлежало ни Министерству народного просвещения, ни Ведомству учреждений императрицы Марии. Стабильность ситуации в этом отношении демонстрируется аттестатами 1910 и 1917 годов.

В последующие годы в программе появились новые предметы: геометрия, естественная история, физика. В правилах для воспитанниц в начале 1860-х годов появились новшества: их стали отпускать домой на Рождество, Пасху и летние каникулы. В 1879 году по инициативе дочери принцессы Терезии великой княгини Александры Петровны в курс обучения ввели алгебру и краткий курс педагогики, дидактики и методики обучения и воспитания с целью сообщить воспитанницам основные педагогические приемы обучения.

Принцесса Терезия до самой своей кончины заботилась об Училище, по нескольку раз в неделю заезжала проведать воспитанниц во время обеда, рекреаций, иногда даже поздно вечером, когда дети уже спали, часто присутствовала на уроках.

Попечение об Училище после своей смерти Терезия завещала членам семьи. Сначала заботу о нем взяли на себя Петр Георгиевич и его дочь Александра Петровна. Петр Георгиевич оформил юридическое право на владение землей и зданием самому Училищу, что подтверждено определением № 9338 от 11 марта 1876 года Департамента Правительствующего Сената. После смерти Петра Георгиевича Училище опекали его дочери Александра Петровна и Терезия Петровна, а впоследствии сын Александр Петрович с супругой Евгенией Максимилиановной.

Наибольшие изменения происходят в Училище после 1880-х годов. В декабре 1879 года состоялся последний выпуск из шестиклассного учебного заведения. Училище было преобразовано в семиклассное с годичным курсом в каждом, а его учебная программа по объему преподаваемых предметов была приравнена к другим женским институтам и гимназиям. В декабре 1880 года, в день 50-летнего юбилея службы П. Г. Ольденбургского, Александр II подписал распоряжение о предоставлении всем работникам Женского училища принцессы Терезии Ольденбургской тех же прав по службе и пенсии, которыми пользуются служащие в женских гимназиях Министерства народного просвещения.

В 1883 году, после смерти Терезии Петровны, попечителем Училища остался принц Александр Петрович, заботы которого разделяла его супруга принцесса Евгения Максимилиановна. В 1884 году открыли особый «приготовительный класс»; дети в него принимались без экзамена, их готовили для поступления в 1-й класс. В этом же году классные дамы были освобождены от уроков, которые они давали в младших классах училища. Для обучения по каждому предмету стали приглашать преподавателей-специалистов. С 1887 года со слабыми в учебе воспитанницами в вечернее время для выполнения домашних заданий занимались два репетитора. Появилась в Училище и своя библиотека: первые 160 томов книг подарил князь Г. М. Романовский, герцог Лейхтенбергский, супруг младшей дочери принцессы Терезии — Терезии Петровны, которая была попечительницей Училища с 1881 по 1883 год. В юбилейном

1891 году библиотека насчитывала 450 томов и несколько периодических изданий для детского и юношеского возраста.

Появился в Училище и особый физический кабинет, в котором имелись все приборы, необходимые при прохождении курса. И, наконец, произошло еще одно важнейшее событие: по ходатайству принца А. П. Ольденбургского в 1885 году было получено разрешение выдавать лучшим ученицам серебряные и золотые медали, до этого «отличнейшие из воспитанниц» награждались особыми «золотыми» дипломами. В этом же году последовало и еще одно разрешение: в Училище стали доставляться билеты на спектакли, которые устраивались для воспитанников и воспитанниц столичных учебных заведений.

Александр Петрович добился погашения долга Института конторе Двора в размере 5000 руб. С января 1884 года были увеличены оклады служащим почти вдвое, учреждена ссудо-сберегательная касса для оказания помощи нуждающимся сотрудникам. Устав кассы был утвержден принцем А. П. Ольденбургским 9 февраля 1885 года.

В память о скончавшейся в 1883 году попечительнице Училища княгине Терезии Петровне Романовской, герцогине Лейхтенбергской, было учреждено «Общество вспомоществования нуждающимся ученицам Женского училища Ее Императорского высочества Принцессы Терезии Ольденбургской». Цель создания Общества определена в его Уставе: «Общество имеет целью выдавать единовременное пособие: а) беднейшим из оканчивающих курс в Училище; б) окончившим курс для продолжения учения; в) воспитанницам, находящимся в заведении»¹³. В Общество принимались совершеннолетние лица всех званий и состояний, ежегодный взнос составлял не менее одного рубля. Единовременный взнос в размере 50 руб. давал право жертвователю считаться почетным членом Общества. Средства Общества составлялись из взносов и пожертвований, а также из сбора литературно-музыкальных вечеров, лекций, базаров, устраиваемых в его пользу. Полученные финансы причислялись к основному капиталу имени Е. И. В. Терезии Петровны, княгини Романовской, герцогини Лейхтенбергской, обращались в государственные бумаги и хранились в Государственном банке. Делами Общества ведало правление, состоявшее из трех непременных членов: начальницы, инспектора и одного лица из педагогического персонала.

В 1891 году Училище было преобразовано в институт, который стал называться Институтом принцессы Терезии Ольденбургской (далее Институт. — *Авт.*) Но еще долгое время за учебным заведением сохранялось двойное название: Училище (Институт), о чем свидетельствуют печатные штампы на документах того периода. В 1897 году, благодаря хлопотам попечителя принца А. П. Ольденбургского, на территории, принадлежавшей Училищу, построили новое каменное здание лазарета с просторными светлыми палатами, медицинскими кабинетами, оснащенными новейшим медицинским оборудованием. В лазарете имелся и зубо-врачебный кабинет. В 1906 году при Училище учредили должности врача и смотрителя.

В 1914–1917 годах принц А. П. Ольденбургский, занимавшийся как начальник эвакуационной и санитарной частей русской армии организацией госпиталей, разместил в помещениях Института лазарет для раненых воинов.

В настоящее время в здании бывшего лазарета располагается Центральная районная библиотека имени А. С. Пушкина.

Учебная программа в 1900-е годы составлялась в соответствии с объемом предметов в женских институтах и гимназиях. Девушки, проучившись в институте 6–8 лет, получали не только общее образование, но и навыки во многих полезных делах: они могли печатать на машинке, шить, оказывать медицинскую помощь, ухаживать за младенцами. Их учили скромно и со вкусом одеваться, достойно держаться в обществе. Выпускницы Женского института принцессы Терезии Ольденбургской в течение более 70 лет существования этого учебного заведения своей деятельностью отстаивали право женщины на труд во благо самих себя и как домашние учительницы пополняли ряды русской интеллигенции, занимаясь образованием и просвещением юношества.

После революции Институт принцессы Терезии Ольденбургской был закрыт, его здание в разное время занимали различные учебные заведения: курсы коммерческих знаний, землеустроительный техникум, курсы иностранных языков; затем школы № 6, 182, 5, 71. С 1965 года здесь располагался Дом пионеров и школьников, сегодня это Дворец детского творчества Петроградского района Санкт-Петербурга.

Источники и литература

Замалева Т. М. Листая страницы истории... Женское училище (институт) принцессы Терезии Ольденбургской // Вече. — СПб., 2012.

Инструкция для классных дам закрытых учебных заведений. XIX век. — СПб., 1995.

Ольденбургский П. Г. Наставление для образования воспитанниц женских учебных заведений. — СПб., 1852.

Пятидесятилетие Женского училища Ее Императорского Высочества принцессы Терезии Ольденбургской. 1841–1891. — СПб., 1891.

Правила приема и программы вступительных экзаменов в Училище Ее Императорского высочества принцессы Терезии Ольденбургской. — СПб., 1880.

ЦГИА СПб. Ф. 515. Оп. 1. Д. 4839.

ЦГИА СПб. Ф. 467. Оп. 1. Д. 69, 129.

Примечания

1. Пятидесятилетие Женского училища Ее Императорского Высочества принцессы Терезии Ольденбургской. 1841–1891. — СПб., 1891.

2. ЦГИА СПб. Ф. 515. Оп. 1. Д. 4839. Л. 13.

3. Там же. Л. 18, 19 об.

4. ЦГИА СПб. Ф. 467. Оп. 1. Д. 1.

5. Там же.

6. Правила приема и программы вступительных экзаменов в Училище Ее Императорского высочества принцессы Терезии Ольденбургской. — СПб., 1880.

7. Там же.

8. ЦГИА СПб. Ф. 467. Оп. 1. Д. 69, 129. Дело о стипендиях Ольденбургских.

9. *Ольденбургский П. Г.* Наставление для образования воспитанниц женских учебных заведений. — СПб., 1952.

10. Там же.

11. Пятидесятилетие Женского училища Ее Императорского Высочества принцессы Терезии Ольденбургской. 1841–1891. — СПб., 1891.

12. Переписка Плетнева П. А. с Гротом Я. Т. 3. — СПб., 1896.

13. Устав Общества вспомоществования нуждающимся ученицам женского училища Императорского высочества принцессы Терезии Ольденбургской. — СПб., 1891.

Л. П. Максименко

П. Г. Ольденбургский — попечитель Александровского лицея

С именем Петра Георгиевича Ольденбургского связана значительная страница истории одного из самых известных учебных заведений царской России — Императорского Александровского (бывшего Царскосельского) лицея (далее Лицей. — *Авт.*). С 1843 года до своей кончины в 1881 году принц П. Г. Ольденбургский был попечителем этого элитарного учебного заведения.

Родиной Императорского Александровского лицея является Царское Село. Здесь в любимой летней резиденции российских монархов, с великолепными садами и парками, в 1811 году во флигеле Екатерининского дворца разместился Лицей, получивший название Царскосельский. Торжественное открытие Лицея состоялось 19 октября 1811 года. С тех пор для всех поколений лицеистов празднование дня Лицейской годовщины стало доброй традицией.

Создание Царскосельского лицея было неразрывно связано с широкими планами государственного преобразования России в начале царствования императора Александра I. Основной целью его создания являлась подготовка юношей для государственной службы.

У Лицея был свой герб — сова, сидящая на лире в обрамлении дубового и лаврового венков. Венки олицетворяли Силу и Славу, сова символизировала мудрость, а лира указывала на любовь к поэзии. Цель и смысл лицейского образования и воспитания были выражены в девизе «Для общей пользы». Жить и трудиться для общей пользы учил своих питомцев Лицей. Первые лицеисты прониклись этими гуманными идеями. Они заложили традиции, которые сохранялись в учебном заведении и передавались из поколения в поколение.

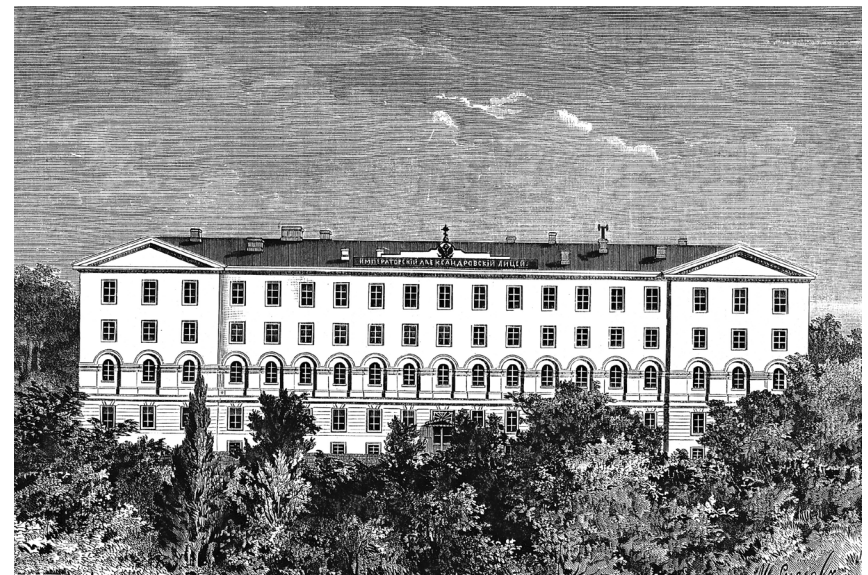
Царскосельский период в истории Лицея закончился в 1843 году.

В сентябре 1843 года принц П. Г. Ольденбургский, в то время попечитель многих учебных заведений, в том числе и Император-

ского училища правоведения, получил от Николая I рескрипт, где говорилось: «Находя нужным ввести ныне Царскосельский лицей по-прежнему в общее устройство гражданских учебных заведений, я признал за благо переименовать это высшее учебное заведение в Императорский Александровский лицей, поместив его с 1 января наступающего года в зданиях, которые были доселе занимаемы Александровским сиротским домом».

Таким образом, в 1843 году Лицей был причислен к IV Отделению Собственной Его Императорского Величества Канцелярии и переведен в Петербург, в здание, занимаемое ранее Александровским сиротским домом на Каменноостровском проспекте. Царскосельский лицей переименовали в Александровский в честь августейшего основателя — императора Александра Благословенного.

Лицей оставался под особым покровительством его императорского величества, входил в разряд гражданских воспитательных учебных заведений, но не подчинялся Министерству народного просвещения, а находился под управлением особого попечителя. 6 ноября 1843 года первым попечителем Императорского Александровского лицея Николай I назначил принца Петра Георгиевича

Здание Александровского лицея. Каменноостровский пр., 21

Ольденбургского, который немало труда положил на сохранение и развитие лучших традиций этого уникального учебного заведения.

2 января 1844 года в здании на Каменноостровском проспекте, 21 начались занятия. Так была открыта новая страница истории Лицея — его петербургский период.

С переездом были связаны многие преобразования, коснувшиеся всех сторон лицейской жизни, в том числе и преподавания. В 1848 году принц ввел новый высочайше утвержденный устав Лицея, который со многими изменениями и дополнениями действовал достаточно долго. Новый Устав отражал изменения в содержании и назначении лицейского образования. В нем говорилось: «Учреждение Лицея имеет целью воспитание благородного юношества для гражданской службы по всем частям, требующим высшего образования, преимущественно же для служения по Министерству внутренних дел». Повысили возраст поступающих: от 11 до 16 лет, уточнили, что «все воспитанники должны быть из сословия древнего потомственного российского дворянства... или детьми военных чинов не ниже полковника и гражданских — статского советника». Прием и выпуск воспитанников стал ежегодным (в Царскосельском лицее он происходил раз в 3 года).

Были введены новые учебные дисциплины и открыты новые кафедры, соответствующие требованиям времени. По новому уставу Лицей во всем сравнивался с российскими университетами, и курс преподавания в нем был сильно расширен.

Учебные программы Лицея все больше приближались к курсу университета. Но лицейская программа по-прежнему оставалась более обширной и разнообразной, прежде всего за счет дисциплин гуманитарного цикла: истории, истории литературы, логики, психологии, римских древностей и т. д.

В 1851 году выпускникам Лицея было вновь разрешено избирать гражданскую службу вне Министерства внутренних дел, а с 1856 года — поступать на службу в Министерство иностранных дел.

В годы попечительства над Лицеом П. Г. Ольденбургского изменялись и условия обучения и проживания воспитанников. Так, в 1860 году в Лицеом появился водопровод, доставлявший воду из Невы.

В 1861 году со стороны сада к основному зданию был пристроен двухэтажный дом с жилым подвалом, кроме того, в новом здании

был открыт актовый зал, в котором отмечали все торжественные мероприятия, праздники лицейских годовщин, проводили балы.

В 1878 году архитектор Р. Я. Оссоланус надстроил здание четвертым этажом и создал проект двухэтажного флигеля на Большой Монетной, постройка которого завершилась к 1881 году. Во флигеле разместился подготовительный класс.

Императорский Александровский (бывший Царскосельский) лицей всегда имел собственное, отличавшее его от других учебных заведений лицо, которое он сумел сохранить вопреки всем «новшества» и обстоятельствам.

Покидая Царское Село, воспитанники Лицея взяли с собой камень из фундамента родного заведения и мраморную плиту с надписью «Genio loci», чтобы связь лицеистов со своей alma mater не прерывалась.

П. Г. Ольденбургский сыграл большую роль в сохранении преемственности поколений и традиций Лицея. Лицеист А. Л. Соколовский вспоминал: «...принц превосходно исполнил роль именно защитника или, вернее сказать, оплота, который не допустил дальнейшего вторжения в ход лицейских дел и жизни того, противоречившего лицейскому духу, направления, под которое подвелось все дело воспитания тогдашнего юношества... Такая гуманность и такое доброжелательство крайне благотворно содействовали сохранению того духа лицейской жизни, какой прочно установился в нем с самого основания».

Воспитанники Александровского лицея продолжали традиции своих предшественников, гордились, что учатся в том самом учебном заведении, в котором учился Пушкин, и считали себя настоящими лицеистами. Одна из самых известных лицейских традиций — увлеченность воспитанников чтением и литературным творчеством. Но не только высокой степенью культуры отличались воспитанники. Из пушкинского лицея идет представление о лицеисте как о человеке порядочном — человеке чести, долга, слова, человеке гуманном. Воспитание порядочности начиналось с развития чувства собственного достоинства и уважения к личности другого человека. Все старались поддерживать добрые отношения, товарищескую связь, «стоять за честь курса».

Так, однажды воспитанники 35-го курса обратили внимание, что один из лицеистов полностью подчинил своей воле другого.

И хотя пострадавший не жаловался на своего притеснителя, лицеисты признали такие отношения между товарищами недопустимыми. Собрание приговорило «эксплуататора» к отлучению от товарищества: до выпуска с ним никто не разговаривал.

Лицей в сознании его воспитанников прочно связывался с именем А. С. Пушкина. В год 50-летия открытия Лицея возникла идея начать подписку на сбор средств по сооружению памятника поэту, горячо поддержанная П. Г. Ольденбургским. Принц как попечитель Лицея обратился с ходатайством к Александру II для получения высочайшего разрешения на начало этой работы и получил одобрение. В силу разных причин памятник поэту был открыт только в июне 1880 года в Москве на Тверском бульваре, при этом «Акт передачи памятника А. С. Пушкину в ведение Московского городского управления» подписал принц П. Г. Ольденбургский.

В 1867 году отмечали 50 лет первого выпуска Лицея, и рядом с актовым залом по инициативе принца были установлены

Воспитанники Александровского лицея. 1869 год

бюсты А. С. Пушкина и князя А. М. Горчакова, что положило начало созданию Пушкинского зала, в котором впоследствии разместился Пушкинский музей. Днем его основания считается 19 октября 1879 года.

В 1868 году Лицей праздновал 25-летний юбилей попечительства принца П. Г. Ольденбургского. В одном из залов Лицея установили портрет принца и отчеканили особую юбилейную бронзовую медаль с его изображением на одной стороне и лицейским гербом на другой.

И. И. Бабин — лицеист XXIII курса (выпуск 1859 года) писал: «Не могло тогда лицейское начальство быть иным, как добрым и справедливым, имея во главе своей высокого покровителя Лицея, принца Петра Георгиевича Ольденбургского, этого чудного, золотой души человека, истинного отца лицеистов».

В воспоминаниях лицеиста XXVIII курса (1861–1866) И. С. Денисова есть такой эпизод: проезжая однажды в каникулярный период мимо Лицея, Петр Георгиевич увидел в саду воспитанника и, узнав, что тот не мог отправиться на каникулы к родным за отсутствием средств, был крайне недоволен, что ему об этом своевременно не доложили. Из своих средств он снабдил воспитанника деньгами, чтобы он мог проехать к родным.

П. Ф. Кауфман, лицеист XXXV курса (1871–1877) вспоминал: «Принц был очень любим. Мы знали о его безграничной доброте, великодушии и щедрости на всякое благотворение. Мы знали, что, обладая крупным родовым состоянием, он тратил свои богатства на благо России и русских в России, отзывчиво откликаясь на всякую нужду».

Лицейсты у памятника А. Пушкину

Время показало, что не оправдались опасения тех, кто считал, будто переезд Лицея из Царского Села в Санкт-Петербург означает утрату его самобытности. Среди выпускников Императорского Александровского лицея — государственные и общественные деятели, ученые, писатели и поэты, музыканты и художники, вписавшие славные страницы в историю России.

Императорский Александровский (бывший Царскосельский) лицей был высококлассной «кузницей кадров» для государственных учреждений Российской империи, из его стен вышли известные государственные деятели и руководители высших правительственных учреждений: светлейший князь А. М. Горчаков — известнейший дипломат, министр иностранных дел, получивший в 1867 году чин канцлера иностранных дел; председатель Комитета министров М. Х. Рейтерн; руководитель Второго отделения и председатель Департамента законов Государственного совета М. А. Корф; руководители императорской канцелярии по учреждениям императрицы Марии Д. П. Голицын-Муравьев, К. К. Грот, П. М. Кауфман; министры иностранных дел Н. К. Гирс, А. П. Извольский, А. Б. Лобанов-Ростовский и С. Д. Сазонов; министр путей сообщения А. П. Бобринский; министр государственных имуществ А. С. Ермолов; министры юстиции Д. Н. Замятин и А. А. Хвостов; министры финансов В. Н. Коковцев и Э. Д. Плеске; министры народного просвещения А. П. Николаи и А. А. Сабуров, Д. А. Толстой; министры торговли и промышленности С. И. Тимашев и И. П. Шипов; министр внутренних дел А. Н. Хвостов; государственные контролеры А. Г. Кушелев-Безбородко, Д. М. Сокольский и С. Г. Феодосьев.

На известной картине И. Е. Репина «Торжественное заседание Государственного совета» среди участников заседания изображены девять выпускников Императорского Александровского лицея и его попечитель Н. А. Протасов-Бахметьев.

В числе выпускников Лицея также представители творческой элиты — поэты, художники, музыканты, ученые, в том числе один из основателей исторической живописи в России В. Г. Шварц, историк А. Б. Лобанов-Ростовский, писатель М. Е. Салтыков-Щедрин, дирижер, пианист, педагог, директор московской консерватории В. И. Сафонов, поэт Сергей Бехтеев.

Лицей всегда жил вместе со страной. Все события, происходившие в стране, не смогли обойти его стороной, в том числе и Первая

мировая война. На фронте оказались многие выпускники. В самом здании лицея был оборудован офицерский лазарет. Помогали ухаживать за ранеными лицеисты, преподаватели, воспитатели и члены их семей. Среди участников Первой мировой войны потомки А. С. Пушкина: внук Григорий Александрович Пушкин и правнук Владимир Николаевич Быков.

37 лицеистов пали смертью храбрых на полях сражений. Среди них — князь Олег Константинович, тяжело раненый в самом начале войны и умерший от ран в госпитале. 9 выпускников лицея стали георгиевскими кавалерами.

Однако после февральской революции Императорский Александровский лицей был упразднен Временным правительством, хотя занятия еще продолжались. Официально Лицей был закрыт в мае 1918 года по постановлению Совета народных комиссаров.

И все же с закрытием Лицея история его не закончилась. В трудные революционные годы воспитанники Лицея старались держаться вместе, помогать друг другу. И, конечно, собирались вместе в памятный день — 19 октября. Как велось когда-то в Лицее, заказывали панихиды по умершим товарищам, членам императорского дома, поддерживали и помогали друг другу.

Молодое советское государство очень боялось сборов, собраний «бывших», видя в этом угрозу новому строю. В 1925 году было сфабриковано так называемое «дело лицеистов». На выпускников Императорского Александровского лицея обрушились репрессии. Их обвинили в заговоре, во враждебном отношении к советской власти, в шпионаже, в служении Романовым, бежавшим за границу. В результате — расстрел одних, ссылка на Урал, на Соловки — других. Всего по «делу лицеистов» был осужден 81 человек. Так пытались стереть память о Лицее.

Прошло время. На дворе XXI век. Однако и сегодня в Санкт-Петербурге, на Петроградской стороне, на здании, расположенном по историческому адресу: Каменноостровский пр., 21, размещена вывеска: Санкт-Петербургское государственное бюджетное профессиональное образовательное учреждение «Колледж “Императорский Александровский лицей”».

Открыв массивные двери и поднявшись по старинной лестнице, мы попадаем в просторные коридоры, куда, как и прежде, выходят двери учебных кабинетов и аудиторий, в которых кипит жизнь.

Внутри здания колледжа и теперь многое напоминает об Императорском Александровском лицее — на исторической лестнице отбивают время старинные часы, чудом сохранились даже зеркала: их случайно обнаружили в 1990-х годах и вернули на прежнее место. В своем историческом помещении возрождается лицейская церковь, освященная во имя св. царицы Александры.

Здесь учатся юноши и девушки, получающие профессиональное образование по семи востребованным на современном рынке труда специальностям. Сегодня СПб ГБ ПОУ «Колледж «Императорский Александровский лицей»» — одно из ведущих средних профессиональных учебных заведений Санкт-Петербурга.

В 2011 году колледж признан лауреатом конкурса «100 лучших образовательных учреждений России» в номинации среди учреждений среднего профессионального образования и награжден Золотой медалью «Европейское качество «100 лучших вузов России»».

Довольно часто задают вопрос: «Что общего у вас с тем прежним Императорским Александровским (бывшим Царскосельским) лицеем?» Ответ и прост, и сложен одновременно. Конечно, задачи, стоящие перед профессиональным образованием в XXI веке, условия обучения и многое другое несопоставимы с канувшими в лету формами и методами обучения XIX и XX веков. Их сравнивать некорректно. В то же время сегодня перед нашим обществом и образованием как никогда остро стоят вопросы формирования системы ценностей, нравственных ориентиров тех, в чьих руках будущее нашей страны. Современный колледж «Императорский Александровский лицей» для себя нашел ответ на этот вопрос — в учебно-воспитательном процессе бережно сохраняются и приумножаются лучшие традиции Лицея, девиз «Для общей пользы» является руководством к действию для студентов и выпускников колледжа.

Студенты колледжа участвуют в различных международных, Всероссийских и городских научно-практических конференциях, ежегодно становятся победителями в городских олимпиадах и профессиональных конкурсах. Участники творческих студий являются победителями и призерами городских конкурсов.

18 октября 2011 года, накануне 200-летнего юбилея Императорского Александровского (бывшего Царскосельского) лицея, в колледже была открыта историческая экспозиция, посвященная истории этого уникального учебного заведения России, полу-

чившая название «Лицеана» в память о музее, который существовал в Лицее до 1918 года (в 2013 году экспозиции присвоен статус музея образовательного учреждения). В фойе помещены портреты первого попечителя Императорского Александровского лицея принца Петра Георгиевича Ольденбургского и императрицы Марии Федоровны, директоров и преподавателей лицея. В центре экспозиции — редкая репринтная копия устава Лицея. Почетное место занимает бюст основателя Лицея Александра Первого в военном мундире.

Исторические документы и материалы, экспонаты в витринах музея дают представление об истории создания и основных периодах существования Лицея, его выпускниках, ставших гордостью Российского государства, культуры, искусства. Об этих людях экскурсоводы рассказывают первокурсникам, школьникам и всем гостям колледжа, приходящим в музей.

Среди экспонатов — книга И. Я. Селезнева, библиотекаря Лицея, «Исторический очерк бывшего Царскосельского, ныне Александровского лицея за первое его пятидесятилетие с 1811 по 1861 год», изданная в 1861 году.

В музее имеется портрет поэта-эмигранта Сергея Сергеевича Бехтеева, который стал даром Лицею от петербургского отдела Российского императорского союза-ордена.

Особое место в экспозиции занимает лицейский фотоальбом выпускника Императорского Александровского лицея 1910 года Алексея Алексеевича Литвинова, после революции эмигрировавшего из России. Этот альбом передан в дар музею его внуком Борисом Федоровским, проживающим ныне во Франции. Старинные фотографии отражают разные стороны жизни лицеистов в начале XX века — учебу, быт, увлечения.

Непросто сложилась жизнь лицеистов после 1917 года. В разделе музея, который так и называется «Лицей после Лицея», рассказывается о судьбе выпускников, как оказавшихся вне России, так и оставшихся на Родине.

Жизнь Лицея продолжается. Как и прежде, в очередную лицейскую годовщину на праздник соберутся студенты, преподаватели, выпускники Санкт-Петербургского колледжа «Императорский Александровский лицей», чтобы подвести итоги, наметить вершины, которых надо достигнуть. И будет разбит лицейский колокол,

его осколки, как символ связи времен и преемственности поколений, унесут с собой лучшие выпускники — лауреаты Пушкинской премии Законодательного собрания Санкт-Петербурга.

Ушла эпоха, но дух лица жив, как живы его традиции и ценности.

Литература и источники

Анненкова Э.А., Голиков Ю.П. Принц Петр Георгиевич Ольденбургский. — СПб., 2012.

Анненкова Э.А., Смагина Г.И. Просвещенный благотворитель принц П. Г. Ольденбургский. — СПб., 2012.

Беленкова А. Лицейский час. — Таллинн, 2006.

Императорский Лицей в памяти его питомцев: Александровский лицей (1844–1918) / сост., вступ. статья, прим. С. В. Павловой. — СПб.: Наука, 2011.

Павлова С.В. Лицей и лицеисты. — М.: Гелиос АРВ, 2015.

Павлова С.В. Императорский Александровский (бывший Царско-сельский) лицей. — СПб., 2002.

Селезнев Н. Исторический очерк Императорского Лицея. 1811–1861. — СПб., 1861.

И.А. Персианов

Гимназия принцессы Евгении Максимилиановны Ольденбургской (к 150-летию со дня основания)

В 2018 году гимназии № 157 им. принцессы Е. М. Ольденбургской исполняется 150 лет. В представленной работе ставится задача по возможности подробно описать самый ранний период ее существования — с 1868 по 1917 год. После революции гимназическое здание по-прежнему служило целям образования. Педагогические эксперименты 1920-х годов; формирование советской школьной системы в 1930-е годы; трудное военное время; яркие послевоенные десятилетия, когда школу возглавлял А. П. Исаев; работа школы в качестве экспериментальной площадки АПН СССР; непростой период трансформации на рубеже XX–XXI веков — все это важные страницы истории, безусловно, достойные внимания. Но в данной статье мы ограничились кратким описанием послереволюционной истории школы, стараясь показать то, что связывало новое и новейшее время с дореволюционным прошлым. Наряду с частностями, главное, в чем можно увидеть преемственность, это неизменная миссия школы-гимназии: воспитание и обучение достойных людей, достойных граждан своей страны, вне зависимости от ее названия.

История образовательного учреждения началась в 1868 году, когда по ходатайству Ведомства учреждений императрицы Марии при Свято-Троицкой общине сестер милосердия была открыта Рождественская женская прогимназия¹. Рождественской ее назвали, поскольку первоначально она размещалась на 3-й Рождественской (ныне Советской) улице в доме № 13, а затем в другом здании, по адресу 6-я Рождественская, 21.

Первые годы она существовала как четырехклассное учебное заведение. В полном собрании законов Российской империи за 1868 год именованным указом от 20 апреля, объявленным министром юстиции Сенату, записано: «Открыть в Песках Рождественскую прогимназию на 100 учениц»².

Женское гимназическое образование было в ту пору делом новым. Первая в России гимназия была открыта 19 апреля 1858 года и получила название Мариинской. Инициатива создания «училища для приходящих девиц» принадлежала выдающемуся педагогу Н. А. Вышнеградскому. Его горячо поддержал управлявший Ведомством учреждений императрицы Марии принц П. Г. Ольденбургский. Идея создания открытой женской школы была одобрена Александром II в знаменательный для его правления день — 19 февраля 1858 года (19 февраля 1861 года будет отменено крепостное право). Начальником первой в России женской гимназии стал Н. А. Вышнеградский, а попечителем — принц П. Г. Ольденбургский. Женское образование в эпоху «великих реформ» развивалось быстро: Рождественская прогимназия стала уже седьмой по счету «казенной» школой нового типа. В 1906 году в России будет уже 573 женские гимназии и прогимназии, их количество даже превзойдет число мужских гимназий³. Следует отметить, что женское образование в России развивалось быстрее и успешнее, чем в Европе. Во Франции доступ к среднему образованию для девочек был открыт в 1867 году, в Англии средние женские школы появились лишь в 1874 году. В Германии в начале XX века насчитывалось всего лишь восемь женских гимназий⁴.

Высочайшим рескриптом от 5 февраля 1869 года попечительницей Рождественской женской прогимназии была назначена принцесса Евгения Максимилиановна Ольденбургская (1845–1925). Решение было продиктовано главным образом тем, что принцесса являлась председателем комитета Свято-Троицкой общины сестер милосердия, в стенах которой прогимназия возникла. 9 марта 1868 года на юбилейном празднике общины принц П. Г. Ольденбургский представил Евгению Максимилиановне служащих прогимназии⁵.

Евгения Максимилиановна была дочерью герцога Максимилиана Лейхтенбергского (1817–1852) и великой княгини Марии Николаевны (1819–1876). Герцог — человек разносторонне образованный — увлекался физикой и минералогией. Вместе с известным ученым Б. С. Якоби, изобретателем гальванопластики, Максимилиан Лейхтенбергский разработал новый способ осаждения меди из ее раствора. По его инициативе недалеко от Петербурга был построен гальванопластический завод. Герцог возглавлял Горный институт и Академию художеств. Также он инициировал открытие

в столице круглосуточной бесплатной лечебницы для бедных, названной впоследствии его именем⁶. «Максимилиановская» больница действует и поныне — на углу Вознесенского проспекта и улицы Декабристов.

Мать Евгении Максимилиановны — великая княгиня Мария Николаевна — была старшей дочерью императора Николая I и, соответственно, сестрой императора Александра II. С детства Мария Николаевна проявила себя талантливой художницей, что впоследствии сыграло важную роль в ее деятельности на посту президента Академии художеств, который она заняла после смерти мужа. *«В роли президента Академии художеств она была полезна и не была декоративной куклой, в ней не было ничего узкого и щепетильного, большой ум, большой запас опытности, широкий кругозор и потребность к простору жизни...»*⁷. Мария Николаевна с уважением и вниманием относилась к талантливым художникам: поощряла уже известных, опекала молодых. Так, побывав на художественной выставке в Москве в 1854 году, она обратила внимание на работы никому тогда еще не известного художника А. К. Саврасова.

Дедом Евгении Максимилиановны (со стороны отца) был Евгений де Богарне (1781–1824), сын французской императрицы Жозефины от ее первого брака, пасынок императора Наполеона I. Бабушкой — дочь баварского короля Максимилиана I принцесса Амалия Августа.

После смерти герцога Максимилиана император Николай I присвоил его детям титул императорских высочеств князей Романовских⁸. Полное имя принцессы Евгении звучало на тот момент так: ее императорское высочество княжна Романовская, герцогиня Лейхтенбергская, принцесса Богарне.

Евгения Максимилиановна родилась 20 марта 1845 года в Мариинском дворце⁹. Образование она получила традиционное: история, география, иностранные языки, русский язык, литература,

Принцесса
Е. М. Ольденбургская

танцы, музыка, рисование. В юности принцесса часто проводила время в компании с великими князьями Николаем и Александром (будущим Александром III) и со своими подругами М. Перовской, А. Жуковской, а также с М. и Е. Мещерскими.

Женихом княжны Евгении стал принц Александр Петрович Ольденбургский, который рос вместе с великими князьями и дружил с ними. В их дружной компании он познакомился и сблизился с княжной Евгенией. Бракосочетание состоялось в Зимнем дворце 7 января 1868 года. Княжна Евгения, теперь уже и принцесса Ольденбургская, по мнению барона фон Белью-Маркони, произвела на своих новых немецких родственников благоприятное впечатление: *«Она была во всех отношениях привлекательна, очень естественна и без претензий, у нее было некрасивое, но очень приветливое лицо. Она не говорила по-немецки, но прилежно стремилась его выучить, чтобы владеть им достаточно при посещении Ольденбурга в мае»*¹⁰.

Евгения Максимилиановна, по воспоминаниям графа Шереметева, была *«женщиной благоразумной и хорошей хозяйкой, внимательной, заботливой матерью и добросовестной до педантизма при исполнении своих служебных обязанностей. Комитеты, заседания, благотворительные дела, бумажные отношения, подшиванье бумаг, представительность — это ее жизнь. Она общительна, гостеприимна, в обращении проста, она любит рассуждать, повествовать и казаться политической дамой. У нее свой особый кругозор и взгляд на людей, свои особые обороты речи... По-русски она пишет и выражается безукоризненно. Она любит чтение и следит за литературой»*¹¹.

Александр Петрович Ольденбургский (1844–1932), сын принца П. Г. Ольденбургского и принцессы Терезии, с момента рождения был зачислен в лейб-гвардии Преображенский полк прапорщиком. Получил прекрасное домашнее образование, прослушал полный курс в Училище правоведения.

Военные знания он приобрел на службе, где свою военную карьеру начал с 1860-х годов, служа в лейб-гвардии Преображенском полку. В 1877 году, получив чин генерал-майора, он принял участие в Русско-турецкой войне 1877–1878 годов. Во время военных действий Александр Петрович командовал «Петровской бригадой» гвардейской пехоты, состоявшей из Преображенского и Семеновского полков, а затем 1-й гвардейской пехотной дивизией, был награжден

ден орденами Св. Георгия 4-й степени, Св. Владимира 2-й степени с мечами и золотой саблей с надписью *«За храбрость!»*. За долгую службу в армии принц стал кавалером большинства российских и множества иностранных орденов. Окончив военную карьеру в чине генерала от инфантерии, Александр Петрович включился в традиционную для их семьи благотворительную деятельность, тем более что император поручил ему почти все попечительские обязанности скончавшегося в 1881 году отца принца П. Г. Ольденбургского: Императорского училища правоведения, Детского приюта принца П. Г. Ольденбургского, ряда больниц и школ.

На гражданской службе он был сенатором, членом Государственного совета, основателем Императорского института экспериментальной медицины, создателем лаборатории по производству противочумной сыворотки в форте «Александр I» в Финском заливе, основателем климатического курорта в Гаграх.

Деятельность Евгении Максимилиановны Ольденбургской была также удивительно активной и многогранной. Она возглавляла Императорское общество поощрения художеств, была президентом Императорского минералогического общества, попечительницей Императорского ботанического сада, возглавляла попечительский совет Общины сестер милосердия св. Евгении, опекала Санкт-Петербургский дом милосердия, была учредителем художественных школ, конкурсов, выставок, председательствовала в Обществе содействия женскому сельскохозяйственному образованию в Петербургском дамском тюремном комитете¹².

Евгения Максимилиановна поддерживала своего супруга во всех его общественных делах и начинаниях, а во время его отсутствия курировала подопечные ему учреждения: Императорское училище правоведения, Институт экспериментальной медицины, Приют принца П. Г. Ольденбургского и др.

После смерти матери в 1878 году Евгения Максимилиановна по распоряжению императора заняла пост председателя Общества поощрения художеств. В его залах проводились выставки художников-передвижников, «мирискусников», персональные выставки И. К. Айвазовского, В. В. Верещагина, А. И. Куинджи. При Обществе была также открыта Рисовальная школа, которую возглавлял Н. К. Рерих. Принцесса сама неплохо рисовала, увлекалась модным в то время видом художественного творчества — выжиганием

по дереву. Ее пейзажи изображались на художественных открытках, издаваемых Общиной св. Евгении. Сами открытки («открытые письма») были тогда новинкой, их стали выпускать для финансовой поддержки деятельности Общины. В художественном оформлении открыток и конвертов принимали участие известные художники: Л. Бакст, Ф. Беренштам, М. Добужинский, Е. Лансеро, Г. Нарбут, С. Чехонин, В. Щуко, С. Яремич и другие.

В высшем свете Евгению Максимилиановну считали экстравагантной дамой: она успешно занималась предпринимательством, предпочитала носить костюмы светлых тонов полумужского покроя¹³. Принцесса организовала сахарный завод и кондитерскую фабрику под Воронежем, рядом со своим именем Рамонь. «Паровая фабрика конфет и шоколада» приносила большой доход. Производство быстро расширялось. Шоколад «Спорт», «Детский», «Рябиновый», «Здоровье», мармелад «Империал», конфеты с названиями «Гренадинъ», «Гуайява», «Манго», «Шедевръ», а также «Русские герои», леденцы, молочная помадка и многие другие изделия составляли ассортимент кондитерской фабрики. По преискуртанту 1906 года фабрика выпускала свыше 400 наименований продукции. Эскизы для оберток конфет и шоколада рисовали известные художники, в частности Александр Бенуа и Леон Бакст¹⁴. На международных выставках в Париже, Брюсселе и Лондоне кондитерская продукция была отмечена призовыми местами.

Во время Русско-японской войны Евгения Максимилиановна возглавила созданный в Петербурге Порт-Артурский комитет по организации помощи раненым солдатам. Она же инициировала создание под Читой Голубевского санатория на 60 человек для реабилитации раненых.

Ольденбургские были отзывчивыми людьми. Зная это, к ним обращались многие, в том числе Лев Толстой. Писатель просил передать императрице прошение об облегчении участи одной из политических заключенных. Обращаясь к своей родственнице, Л. Н. Толстой писал: «1884. *Апреля 17. Москва... мне посоветовали обратиться к Евгении Максимилиановне. Эта мысль меня обрадовала. Впечатление, оставшееся об Евгении Максимилиановне, такое хорошее, милое, простое и человеческое, и все, что я слышал и слышу о ней, все так подтверждает это впечатление, что мы решили просить ее, чтобы она передала* (прошение. — Авт.) *императрице*»¹⁵.

Евгения Максимилиановна проявляла большой интерес к вопросам народного образования, особенно женского, подключившись к деятельности своего свекра П. Г. Ольденбургского. В 1869 году, как мы отмечали, принцесса становится попечительницей Рождественской прогимназии с четырехлетним курсом обучения. Это образовательное учреждение разместилось в двухэтажном флигеле Свято-Троицкой общины сестер милосердия на углу 3-й Рождественской и Дегтярной улиц. Здание в первоначальном виде не сохранилось, так как весь комплекс Общины был подвергнут реконструкции в 1880–1890-е годы¹⁶. Первыми ученицами прогимназии стали воспитанницы существовавшей ранее при Общине школы-пансиона для девочек. В первый год существования в прогимназии было 60 учениц. Программа обучения включала русский, французский и немецкий языки, математику, физику, историю. Практические навыки ученицы получали на уроках рукоделия. Интересной особенностью педагогического состава новой прогимназии было то, что девять из одиннадцати педагогов были моложе 30 лет¹⁷.

При прогимназии имелась бесплатная начальная школа для девочек 7–10 лет из беднейших семейств. В этой школе преподавали ученицы старших классов прогимназии, которым это давало право впоследствии работать учительницами в начальных народных школах.

В 1874 году Рождественская прогимназия из Свято-Троицкой общины сестер милосердия переехала в дом Христорождественского братства (6-я Рождественская, 21). До наших дней облик здания не сохранился, в советское время оно было перестроено в жилой дом.

В августе 1877 года прогимназию преобразовали в гимназию, открыли новые классы. Девочки могли теперь получить полное гимназическое образование.

Социальный состав учениц гимназии был весьма разнородным. За первые 25 лет существования школы более половины обучающихся (55%) являлись дочерьми дворян и служащих (чиновников, врачей, учителей, офицеров и т. д.). Дети купцов составляли 23%, из семей духовенства — 6% воспитанниц, 14% гимназисток — из мещанских семей и 2% — из крестьян¹⁸. Сопоставление этих данных с сословным составом учениц гимназии за 1915 год позволяет сделать выводы о тенденции к демократизации состава учащихся.

Дочерей дворян и служащих стало существенно меньше (36%), купеческие дочери составляли 18% от общего числа учениц, столько же гимназисток вышли из семей мещан и ремесленников. Значительно выросла доля тех, чьи родители числились в крестьянском сословии (21% от общего количества). Также не была однородной религиозная принадлежность гимназисток. Хотя большинство девушек определялись как православные, в гимназии обучались лютеранки и католички (вместе они составляли до 5% учениц), иудейки, мусульманки, караимки (!), девушка англиканского вероисповедания и представительницы старообрядчества. Для католичек и лютеранок специально приглашали ксендза и пастора для ведения уроков Закона Божьего.

Конечно, сословный состав обучающихся в гимназии не отражал пропорционально социальную структуру общества царской России. Но и элитарным его назвать нельзя. По замыслу Н. А. Вышнеградского, поддержанному принцем П. Г. Ольденбургским, женская школа в России должна была стать именно всеобщей. Несмотря на попытки ревизии реформы, практика женского образования отражала замысел его родоначальников «*дать дочерям родителей всех сословий основательное образование*»¹⁹. Заметим, что решение родителей из привилегированных сословий отправить дочерей учиться с детьми тех, кто к избранному обществу не принадлежал, разрушало стереотипы и было с позиции эпохи актом «*гражданской храбрости*»²⁰.

Преобладание в гимназии дочерей служащих («*среднего интеллигентного класса*»²¹) объясняется не только и не столько материальными возможностями (у купечества они были значительно выше), сколько высоким престижем образования в этой среде. Существенным препятствием для обучения в гимназии была высокая стоимость обучения. Плата за обучение периодически повышалась и с 1887 года составляла 100 руб. в год²². Заметим, что в семье могло быть несколько детей школьного возраста, что существенно увеличивало расходы семьи на образование.

В тот же период времени швейцар в гимназии получал 15 руб. жалованья в месяц, а «*женская прислуга*» — по 11 руб.²³ Зарплата рабочих на крупных столичных заводах на рубеже веков составляла от 25 до 35 руб. Рабочие высокой квалификации, мастера, бригадиры получали от 50 до 80 руб. в месяц. В сельской местности

«зарплата основной массы учителей начальной школы» держалась на уровне 36 руб. в месяц²⁴. Младшие офицеры в армии (после повышения в 1909 году) получали жалованье от 80 до 120 руб.²⁵ Соотносимым было жалованье учителей гимназии и чиновников среднего класса.

Как видим, для некоторых категорий трудящихся обучение детей в гимназии было практически недоступно, а для более обеспеченных составляло значительную часть расходов бюджета. Как отмечает И. В. Скворцов (инспектор гимназии с 1891 по 1911 год) «*расходы по обучению и воспитанию детей становятся прямо непосильными даже для человека среднего достатка, а тем более для бедноты*»²⁶. Соответственно, на разных уровнях предпринимались попытки облегчить доступ к образованию. Различными организациями учреждались стипендии. Например, существовали стипендии Городской думы, купеческого общества, стипендии в память принца П. Г. Ольденбургского и др. Были освобождены от платы за обучение дочери участников Русско-японской войны, также, как правило, от нее освобождались дети педагогов, служивших в гимназии²⁷.

В 1881 году начало действовать «Общество вспомоществования недостаточным девицам», которое помогало оплачивать обучение в гимназии. Учредителями этого общества стали купцы Громы, отец и сын. Средства поступали за счет уплаты членских взносов, доходов с процентных бумаг, приобретенных обществом, пожертвований, а также от проведения литературно-музыкальных вечеров, концертов, любительских спектаклей, танцевальных вечеров и т. д. Значительную часть членов «Общества» составляли преподаватели гимназии, бывшие ученицы и родители учениц. Объем и виды помощи могли быть различны. Согласно отчету общества за 1895–1896 годы, материальную помощь получили 59 учениц. За обучение каждой из нуждающихся гимназисток было уплачено от 15 до 50 руб. (плата за полугодие)²⁸. Ученицам также могли помочь купить пальто или заказать платье к выпускному балу, причем это преподносилось как поощрение за какие-либо успехи, чтобы не задевать самолюбие девушек.

Управлял гимназией инспектор, назначаемый попечителем женских гимназий учебного округа. Долгое время (с 1891 по 1911 год) гимназию возглавлял Иван Васильевич Скворцов. Он был незаурядной личностью: окончив курс Московской духовной академии,

он посвятил себя педагогической и литературной деятельности. И. В. Скворцов в разное время был редактором «Еженедельного обозрения», газет «День» и «Отголоски», редактором издательства журнала «Литературное обозрение». Его «Записки по педагогике» (в двух частях: «Общая педагогика» и «Дидактика») выдержали 20 (!) изданий. Причем в 1894 году этот труд был переведен на болгарский язык. И. В. Скворцов был автором публицистических статей на тему церковной жизни и педагогики, а также исторических работ: «Обзор истории крестьян на Руси» (Санкт-Петербург, 1886), пособия по истории Отечества «Русская история» (Санкт-Петербург, 1894), написал очерк по истории Рождественской гимназии к ее 25-летию²⁹. И. В. Скворцов успешно проявил себя и на административном поприще, став помощником начальника, а затем начальником Санкт-Петербургских и Царскосельской женских гимназий³⁰.

За здоровьем гимназисток, их дисциплиной и хорошими манерами следила главная надзирательница. На этой должности долгое время работала Е. М. Плотникова, которая отдала службе в гимназии более 40 лет, начав ее в качестве классной надзирательницы и учительницы прогимназии.

Также среди служащих гимназии были законоучители (православного, католического и лютеранского исповеданий), классные надзирательницы, преподаватели, преподавательницы и врач (с 1882 года). Классные надзирательницы, как правило, не вели уроки, а были в своем роде «освобожденными классными руководителями».

Учителем рисования в гимназии долгие годы (1886–1909) служил академик живописи Андрей Алексеевич Редковский (1831–1909). Как художник, он работал в разных техниках и жанрах живописи, но известность и признание ему принесли акварельные пейзажи. Его талант в рисовании был отмечен двумя серебряными и одной золотой медалями Императорской Академии художеств. Искусно выполненные работы А. А. Редковского высоко ценятся у современных коллекционеров живописи³¹.

Врачом и преподавателем гигиены в гимназии была Анна Николаевна Шабанова (1848–1932), первая в России женщина-педиатр. По окончании в 1878 году женских врачебных курсов при Медико-хирургической академии она работала врачом в детской больнице принца П. Г. Ольденбургского. А. Н. Шабанова была энергичным общественным деятелем, по ее инициативе в 1882 году была

открыта «Лечебница для хронических больных детей» в Гатчине; в 1887 году там же — «Дом попечения для хронических больных детей»; в 1892 году при ее содействии был создан первый женский медицинский институт. Анна Николаевна активно выступала за равноправие женщин в профессиональной и политической сферах, была сторонницей всеобщего избирательного права. В 1908 году она председательствовала на Первом всероссийском женском конгрессе. В 1998 году в честь 150-летия со дня рождения А. Н. Шабановой в актовом зале больницы имени К. А. Раухфуса была установлена мраморная мемориальная доска³².

Хозяйственными вопросами в гимназии ведал хозяйственный комитет в составе инспектора и главной надзирательницы, а также двух избираемых членов комитета из числа преподавателей. Расчеты вел штатный бухгалтер³³.

В первые годы существования Рождественской прогимназии ее хозяйственной частью заведовала Елизавета Алексеевна Кублицкая-Пиотух (в течение 28 лет она также возглавляла Свято-Троицкую общину сестер милосердия). О ней с большой теплотой пишет И. В. Скворцов: «*То была поистине святая личность. Бесконечно добрая, ласковая и обходительная с детьми, всей душой преданная своему делу, — она была добрым гением для вновь возникшей школы и ее деятелей*»; «*учительницы и дети называли ее не иначе как “матушкой”*»³⁴.

Учителя подолгу служили в гимназии, что свидетельствует о благоприятной обстановке, сложившейся в педагогическом коллективе. Более 25 лет, со дня основания прогимназии, в ней работал учитель чистописания Ф. Г. Калиушко-Кулага. С 1868 по 1894 год в гимназии служила учитель французского О. Д. Персиянинова, а с 1875 по 1891 год учителем арифметики работала ее сестра Е. Д. Персиянинова. Даже после ухода из гимназии сестры продолжали активно участвовать в работе Общества вспомоществования нуждающимся ученицам. П. Г. Куртц был учителем немецкого языка с 1882 по 1902 год, а затем его сменил в этой должности сын Павел. Историю с 1898 года преподавал Н. С. Бондырев, который после революции возглавил бывшую гимназию и работал в должности директора до 1930 года.

От гимназий требовалось представлять ежегодные отчеты о деятельности образовательных учреждений. Большой любви к составлению отчетов администрация гимназий не питала, что вызывало

закономерное недовольство начальства. Например, в циркуляре от 28 января 1893 года главноуправляющий Ведомством учреждений императрицы Марии отмечает, что *«некоторыми учреждениями отчеты совсем не представлены не только за 1891, но и за предшествовавшие годы, а из представленных отчетов многие оказываются неясными, неполными, с опущением важных сведений»*³⁵. Также в этом документе содержалось требование не ограничиваться в отчетах голыми цифрами и повторяющимися ежегодно общими сведениями, а сделать их более содержательными, приводить *«соображения о тех или иных особенностях учреждений, замеченных недостатках, о средствах к их устранению, о необходимых изменениях и улучшениях»*³⁶. Из канцелярии по учреждениям императрицы Марии поступали изысканно-бюрократические требования предоставления отчетов: *«Ввиду необходимости заполнения всеподданнейшего отчета по Ведомству учреждений императрицы Марии за 1898 год данными о деятельности Рождественской женской гимназии за сей год, имею честь вновь повторить свою просьбу о немедленном доставлении обзорного отчета по гимназии за названный год...»*³⁷.

В 1889 году Рождественская гимназия привлекла негативное внимание начальства *«наибольшим числом преподавательских манкировок»* среди женских гимназий города. Было отмечено, что преподаватели-мужчины пропускают больше занятий, чем женщины. Причинами пропусков называются исполнение обязанностей присяжных заседателей, болезни преподавателей и *«заразные болезни в их семействах»*. Однако отмечаются и случаи пропусков занятий без какой-либо уважительной причины. *«Такие случаи, — отмечается в документе, — весьма вредят воспитательному делу гимназии, приучают и учениц, по примеру наставников, не строго относиться к своим обязанностям и возбуждают недовольство и ропот родителей»*³⁸. Приятно отметить, что чиновник в этом же документе счел необходимым поименно перечислить тех преподавателей, которые показали *«примерное исполнение своих обязанностей в неупустительном посещении классов»*³⁹.

И. В. Скворцов, будучи помощником начальника женских гимназий, отмечает недостаточный уровень *«материальных условий учебной службы»*, что *«часто заставляло многих волей-неволей покидать любимое дело и искать применения своему труду и способностям на другом поприще»*⁴⁰. Также он называет преподавателей

«скромными тружениками», обозначая, казалось бы, не слишком высокий статус учителей. Однако необходимо отметить относительность такой оценки и наличие большой дифференциации в оплате и положении как в среде учительства в целом, так и среди учителей гимназии. Учителя гимназий зарабатывали значительно больше учителей начальной школы. Жалованье внутри гимназической системы варьировалось по регионам, зависело от нагрузки, от типа и ведомственной принадлежности гимназии, от стажа службы, от преподаваемого предмета, от занимаемой должности. Женщины-педагоги, как правило, зарабатывали заметно меньше учителей-мужчин. Кроме того, начиная с середины XIX века система оплаты труда несколько раз менялась в направлении улучшения материальной обеспеченности учителей.

Нормативной нагрузкой являлись на рубеже веков 12 уроков в неделю (по 60 минут). Начисления производились за *«годовой час»* и зависели от преподаваемого предмета. Более всего ценились *«научные предметы»* — основные учебные дисциплины (русский язык, естествознание, история, математика и др.). В 1915 году в гимназии принцессы Е. М. Ольденбургской такой *«годовой час»* оценивался в 95 руб., и, соответственно, ведущий эти предметы учитель получал базовый оклад 950 руб. в год за 12 часов недельной нагрузки. Ниже оценивались уроки *«новых языков»* (французского и немецкого), *«годовой час»* этих предметов *«стоил»* 80 руб. Уроки учителей пения оценивались в 60 руб. Меньше всего зарабатывали преподаватели танцев, гимнастики и рукоделия, их годовой оклад составлял 450 руб.⁴¹

В гимназии принцессы Е. М. Ольденбургской нагрузка преподавателей, как видно из годовых отчетов, была небольшой. Больше 12 уроков в неделю вели редко. Вероятно, учителя, имевшие совсем маленькую нагрузку (3–6 часов), были совмещителями. Как, например, учитель танцев П. Л. Леонов, работавший одновременно в Александровском институте и Литейной гимназии.

Помимо окладов существовали различные надбавки. Оплачивались уроки сверх нормы, исполнение должности классного наставника (160 руб. в год), проверка тетрадей учителями словесности (100 руб. в год), прием экзаменов у лиц, желавших подвергнуться экзамену на аттестат зрелости, и т. д. Администрация гимназии (инспектор и главная надзирательница) жили в казенных квартирах

в здании гимназии и получали дополнительно «столовые» деньги на питание⁴².

С принятием в 1912 году закона «Об улучшении материального положения служащих в средних общеобразовательных учебных заведениях и окружных инспекторов» материальные условия службы существенно улучшились. Например, была увеличена доплата за выслугу лет: теперь за каждые 5 лет службы учителю с высшим образованием начислялось дополнительно 400 руб. в год. Соответственно учитель, проработавший в гимназии 15 лет, получал дополнительно к окладу 1200 руб. (!)

Преподаватели-мужчины являлись чиновниками и продвигались по службе согласно «Табели о рангах». При наличии высшего образования они получали как минимум чин 10-го класса и могли дослужиться до статского советника (чин 5-го класса)⁴³.

Помимо этого, важной гарантией стабильности была возможность заслужить пенсию. При выходе на пенсию после 20 лет службы она составляла половину оклада, а после 25 лет службы — полный оклад⁴⁴. Доплата к пенсии полагалась, если служащий был награжден орденом. Обычно учителей награждали орденами Св. Станислава, Св. Анны, Св. Владимира. Например, И. В. Скворцов, награжденный орденом Св. Станислава I степени, должен был получать 143 руб. как доплату к пенсии⁴⁵.

Согласно подсчетам Е. А. Цзян, работая с большой нагрузкой, учитель мог обеспечить семью из жены и трех детей, наем квартиры, оплату прислуги, уроков французского для дочери и т. п.⁴⁶ Заметим, что стандарты жилья для среднего класса в то время были достаточно высокими. В рассказе А. П. Чехова «Учитель словесности» холостой преподаватель провинциальной гимназии Никитин жил «в квартире из восьми комнат, которую он нанимал за триста рублей в год, вместе со своим товарищем, учителем географии и истории Ипполитом Ипполитычем».

Таким образом, материальное положение учителей гимназии зависело от многих условий, но при полной нагрузке обеспечивало финансовую стабильность и ставило их в один ряд с другими государственными военными и гражданскими служащими.

Евгения Максимилиановна Ольденбургская ответственно относилась к своим обязанностям попечительницы гимназии. Годовые отчеты содержат записи о ее частых посещениях гимназии:

«Августейшая попечительница гимназии Ея Императорское Высочество Принцесса Евгения Максимилиановна Ольденбургская в 1898 году неоднократно изволили посещать гимназию, присутствовали на уроках у многих преподавателей, выслушивали ответы учениц»⁴⁷. Евгения Максимилиановна беседовала с ученицами и учителями, находила ободряющие слова, приезжала в гимназию в дни выпускных экзаменов. Появление попечительницы вызывало неизменное оживление среди воспитанниц. Выпускница 1880 года Н. А. Лабутина, обращаясь к принцессе в день 25-летия гимназии, вспоминала: «Самые слабые и робкие воодушевлялись в Вашем присутствии, ответы звучали увереннее, речь слагалась удачнее»⁴⁸. В семье потомков Н. А. Лабутиной хранят рассказ о том, как маленькую гимназистку обучали делать книксен во время приветствия принцессы. Е. М. Ольденбургская оказывала помощь семьям ушедших из жизни преподавателей, становилась крестной матерью детей выпускниц гимназии.

Чертой эпохи было особое внимание к представителям царствующего дома. Первым пунктом в содержательной части годового отчета значилось «Посещение Высочайших Особ». В речах считалось необходимым в цветистых фразах подчеркнуть роль представителей царствующей фамилии в процветании учебного заведения: «Не откажите, Ваше Императорское Высочество, в настоящий радостный для гимназии день, принять от нас хотя бы слабое выражение проникающей в душу нашу глубокой, искренней, горячей любви, преданности и благодарности за все Ваши заботы, внимание и попечение»⁴⁹.

С Евгенией Максимилиановной в гимназии часто бывал ее муж, принц Александр Петрович, а также ее свекор принц Петр Георгиевич, который присутствовал на экзаменах и на уроках фортепианной игры, введенных по его желанию. Кроме того, ученицы выпускного класса приглашались на различные торжества, проводившиеся во дворце Ольденбургских у Летнего сада. Дважды (в 1878 и 1879 годах) гимназию посетил император Александр II⁵⁰. Он присутствовал на занятиях, беседовал с ученицами. В честь первого посещения в актовом зале гимназии была установлена памятная доска, которая, увы, не сохранилась до наших дней.

Роль попечительницы не ограничивалась представительскими функциями. Е. М. Ольденбургская внесла важные изменения

в программу Рождественской гимназии, придав женскому гимназическому образованию более практическую направленность. Евгения Максимилиановна так представляла себе цели и задачи воспитания девочек: *«Помимо формально образовательных целей, преследуемых курсом средних учебных заведений вообще, женские гимназии могут и должны иметь в виду развитие духовных сил девиц сообщением именно того запаса знаний, который по практическому его применению в жизни необходим им как будущим матерям. Было бы, кажется, большой ошибкой и в образовании, и в воспитании женщины упускать из виду ее прямое назначение быть матерью в широком значении этого понятия»*⁵¹. Претворяя в жизнь свои воспитательные идеи, попечительница добилась введения в гимназии преподавания таких предметов, как гигиена, *«учение о подании первой помощи»*, домоведение. Е. М. Ольденбургская отмечала, что *«отсутствие сведений по гигиене у взрослых девушек часто губительно отзывается как на их собственном здоровье, так равно на здоровье и благосостоянии тех, кто в семье или школе поступает под их надзор»*⁵². Попечительница гимназии обосновывала необходимость преподавания этого предмета женщиной-врачом. Как мы знаем, им в гимназии стала А. Н. Шабанова. Правда, следует заметить, что программа по гигиене включала сведения по общей гигиене и гигиене детей, но обходила вниманием вопросы, касавшиеся гигиены женщин⁵³. Видимо, сказывалась мораль конца XIX века, табуировавшая «неудобные» темы, что снижало значение введенного курса. Гигиена (с 1890 года) и оказание первой помощи (с 1894 года) стали впервые преподаваться именно в Рождественской женской гимназии. В дальнейшем эти курсы были введены и в других гимназиях, а занятия по детской гигиене и домоведению составляли особенность гимназии принцессы Е. М. Ольденбургской⁵⁴.

Ежедневно гимназистки собирались в актовом зале на утреннюю молитву. Затем начинались занятия. Ученицы гимназии обучались Закону Божьему, русскому языку и словесности, французскому и немецкому языкам, истории, географии, математике, педагогике, естествоведению, рукоделию, рисованию, пению, танцам. Рисование считалось одним из важных предметов, развивающих вкус и воображение девочек. В здании гимназии, построенном в 1901 году, было целых пять рисовальных классов. Хранящиеся в музее гимназии рисунки учениц свидетельствуют о любви деву-

шек к рисованию. Уроки географии проходили не только в классе, у карты: гимназистки выезжали в пригороды Петербурга и даже в некоторые города России.

В гимназии с 1897 года для желающих преподавалась латынь, что сближало женскую гимназию с классической мужской гимназией. Как отмечают в своей книге Э. Д. Днепров и Р. Ф. Усачева, женское образование, *«вышедшее из горнила реформ 1860-х годов»*, было *«полноценным средним образованием, не уступающим мужскому образованию, за исключением некоторых частных»*⁵⁵.

Обучение длилось 7 лет, причем 1-й класс был выпускным, а 7-й — первым. Каждый день у гимназисток было от 4 до 5 уроков, все они длились по 60 минут. Между вторым и третьим уроком делался тридцатиминутный перерыв для отдыха и завтрака. На переменах ученицы чинно прогуливались парами по коридорам или во дворе. Суббота была учебным днем⁵⁶. В воскресные дни и церковные праздники гимназию не посещали. Это касалось и дней, когда отмечали именины императора и членов его семьи. В 1915–1916 учебном году в гимназии принцессы Е. М. Ольденбургской занятия начались 24 августа, а 22 мая состоялся выпуск после экзаменов. Также с 20 декабря по 7 января были рождественские каникулы⁵⁷. Хотя осенних и весенних каникул не было, выходных дней было больше, чем сейчас.

Прогулка во дворе гимназии

В XIX — начале XX века существовала 12-балльная система оценок. Баллам соответствовали словесные оценки: 12 баллов — отлично, 10 и 11 — очень хорошо, 9–8 — хорошо, 7 — удовлетворительно, 6 — посредственно, 5 — неудовлетворительно, 4–1 — слабо. В личном альбоме гимназистки 6-го класса Лидии Торгашевой подруга оставила такую немного наивную запись:

*Что в альбом тебе писать,
Право, я не знаю.
Но двенадцать получать
От души желаю!*

Переводные экзамены из класса в класс были сложными. В случае неудачи гимназистку оставляли на второй год, а это означало, что родителям нужно повторно платить за обучение. Не случайно, что перед экзаменами многие гимназистки с родителями отправлялись в домик Петра I, где в часовне находилась икона, которая, как считалось, приносит удачу на экзаменах. Популярность этого места была настолько велика, что накануне экзаменов с противоположного берега Невы ходил специальный паром. «*Пристань на перевозе у Летнего сада в народе так и называлась: “Пристань к Спасителю”, а призывные выкрики вахтенного матроса: “К Спасителю за две копейки!” были слышны задолго до подхода к набережной*»⁵⁸.

В гимназии оценивалась не только успеваемость, но и поведение гимназисток. Оценка за поведение выставлялась в дневники, ведомости и в аттестат. За поведением и внешним видом строго следили классные дамы. Ученицы всегда должны были вести себя сдержанно, показывая хорошие манеры. В качестве типичных дисциплинарных проступков гимназисток называются «манкировки (пропуски занятий. — Авт.), подсказывание во время уроков, излишняя резвость во время перемен между уроками, недостаток внимания в классе...»⁵⁹. Мерами дисциплинарного воздействия в данном случае были: снижение оценки за поведение, «различные формы увещаний и выговоров», назначение дополнительных заданий за пропуски занятий⁶⁰.

В целом же арсенал наказаний в дореволюционных гимназиях был очень широк: «одиночное сидение ученика в классе», «выговор классного наставника перед классом со внесением в штрафной жур-

нал», «оставление в гимназии на час по окончании уроков и оповещение о том родителей», «задержка в гимназии на время более трех часов в праздничные и воскресные дни», «назначение особых занятий на дом для пополнения упущений в праздничные или воскресные дни», «выговор инспектора перед классом, влекущий за собой понижение отметки за поведение» и, наконец, «удаление из учебного заведения»⁶¹.

Однако, по общему впечатлению, руководство Рождественской гимназии не склонно было проявлять излишнюю суровость: «*Мелкие отступления от установленного порядка, обусловленные исключительно свойственной школьному возрасту резвостью, были поводом незначительных взысканий, выразившихся в самых крупных случаях уменьшением недельного балла за поведение*»⁶².

Ученицы всегда должны были быть опрятно и аккуратно одеты и причесаны, обязательной была форма. В обычные дни носили черные фартуки, в праздничные — белые. Не допускалась косметика, платья могли быть не выше 35 см от пола, но носить очень длинные, как у взрослых, также не разрешалось. Фасоны фартуков и рисунки манжет и воротничков могли варьироваться, что видно на фотографиях той поры.

Фотографии гимназисток, выпускниц 1913 года

По-особому должны были одеваться и учителя гимназии. Преподаватели-мужчины, как чиновники, носили форму. Повседневная форма состояла из темно-синего двубортного сюртука, брюк в тон сюртуку и черного галстука произвольного фасона. К парадной форме добавлялся белый жилет, треугольная шляпа, белые замшевые перчатки, узкий черный шелковый галстук и шпага гражданского образца⁶³. Женщины-преподаватели и классные дамы носили строгие платья или костюмы.

Значимая роль отводилась религиозному воспитанию: помимо утренней молитвы и молитвы по окончании занятий, считались необходимыми «*внушения относительно посещения храма накануне праздничных дней, а затем проверка Законоучителями степени внимательности учениц к богослужению и, наконец, требования непрерывного исполнения долга исповеди и Св. Причастия*»⁶⁴.

Большое воспитательное значение придавалось торжественным актам по случаю каких-либо памятных дат. Например, в отчете за 1897 год отмечено следующее: «*5 февраля в присутствии Ея Высочества, а также главноуправляющего Ведомством гр. Протопова-Бахметева совершено было молебствие по случаю 28-й годовщины гимназии...*»⁶⁵. Сценарий проведения торжества по случаю 25-летия гимназии (1894) включал чтение высочайшего рескрипта, напутствие духовного наставника, молебен, исполнение гимна и стихов в честь попечительницы. Далее следовали многочисленные поздравления и приветствия. Обращаясь к сотрудникам гимназии, Е. М. Ольденбургская сказала следующее: «*Вы сплотились в дружную семью и работали, не жалея своих трудов и почерпая силы в преданности и любви к делу. Будем же продолжать дело воспитания детей в духе христианской нравственности, на радость семьи, для служения Царю и для пользы отечества*»⁶⁶. Инспектор гимназии И. В. Скворцов выступил с пространством обзором истории гимназии (в печатном виде он занял 18 страниц). Затем чествовали педагогов, которые работали в гимназии с момента ее основания. Торжественный акт завершился гимном «Боже, Царя храни», исполненным хором учениц. Отметим также, что почетные гости и бывшие служащие гимназии были приглашены к завтраку, а ученицам и выпускницам «*От Двора их Высочеств*» был предложен «*шоколад и гостиницы*»⁶⁷.

Особенно важные торжества проходили в Смольном Воскресенском соборе всех учебных заведений. В 1908 году там состоялось

молебствие по случаю 50-летия со дня основания первой женской гимназии. Из собора участники церемонии, включая главноуправляющего Ведомством учреждений императрицы Марии С. В. Олива и петербургского городского голову Н. А. Резцова, переместились в «*обширный и красивый в два света зал*» гимназии принцессы Е. М. Ольденбургской⁶⁸.

В 1880-х гг. в женских гимназиях проводились литературные беседы, их участниками становились И. А. Гончаров, Ф. М. Достоевский, И. С. Тургенев, А. Н. Островский. В гимназии принцессы Е. М. Ольденбургской на рубеже веков издавался школьный журнал «вне всякого воздействия на его содержание начальства гимназии»⁶⁹. Существовала традиция проведения в старших классах «прений» на различные темы, приглашались лекторы, освещавшие вопросы, имевшие отношение к международным политическим событиям (например, о бурах, о Дальнем Востоке и Японии). Эти лекции сопровождалась наглядной демонстрацией: «туманными картинками» (прообразом диапозитивов) и «живыми картинками» (фильмами)⁷⁰.

Ученицы любили вечера, балы и старательно готовились к ним. Интересно отметить, что творческие мероприятия, проходившие в первую половину дня, именовали «*утро*», а во вторую половину дня — «*вечер*». В «Обозрительном отчете» за 1897 год читаем: «*5 февраля... состоялось литературно-музыкальное утро, причем бывшими и настоящими ученицами исполнены были сцены из трилогии гр. А. Толстого...*»⁷¹. Слово «*утро*» в прежнем значении праздника в образовательном учреждении сегодня не употребляется, а вот «литературно-музыкальные вечера» проводятся и поныне. На балу гимназистки могли показать свое умение танцевать и хорошие манеры. Девушки приходили на бал со своими братьями или кузенами, так как считалось неприличным танцевать с незнакомым молодым человеком. Если же юноша хотел познакомиться, он писал девушке записку, которую передавал специальный секретарь.

Мир гимназистки начала XX века был чистым и возвышенным. Отражением этого ушедшего мира являются личные дневники и альбомы учениц. В альбомах подруги и учителя оставляли их владелицам свои советы, напутствия, пожелания, стихи популярных и любимых авторов. Альбомы гимназисток младших классов часто украшены переводными картинками, а учениц постарше —

очень искусными рисунками. Эти рисунки зачастую выполнены на уровне лучших учеников современных детских художественных школ, что служит, в свою очередь, доказательством большого внимания к рисованию в программе гимназий. В альбомах мы встречаем стихи и записи не только на русском, но и на французском, немецком и английском языках. Оформление альбомов говорит о том, что гимназистки ими очень дорожили. Их могли изготавливать на заказ, как, например, альбом выпускницы 1913 года Евгении Ивановой: на кожаной обложке золотыми буквами написано имя владелицы. В альбомах гимназисток младших классов мы встречаем немного наивные строки собственного сочинения:

*Так и быть, скажу не ложно,
Если требуешь того.
Без любви жить невозможно.
Я люблю, узнай кого?*

В альбомах нет места грубости, нет и того, что мы сегодня называем молодежным сленгом, встречаются назидательные высказывания:

«Не слушай никогда тех, кто говорит дурно о других и хорошо о тебе».

Девушек волновали и политические события, происходившие в стране. Вот, например, запись в альбоме Евгении Ивановой, сделанная в апреле сурового 1917 года: *«Да здравствует свободная женщина свободной России!»* И вот запись октября того же года: *«Я теперь ненавижу это слово — свобода...»* Между этими записями всего несколько месяцев и... революция.

Мир гимназистки наполняли ушедшие ныне в прошлое предметы: перьевые ручки, чернильницы и пресс-папье, счеты, гербарии, фотографии с дарственными надписями, граммофонные пластинки, кружевные воротнички и манжеты, лайковые перчатки. Личные вещи передавались из поколения в поколение, от старших сестер к младшим, от матерей к дочерям. Правнучки некогда учившихся в гимназии девушек помогли создать коллекцию музея гимназии, отдав на хранение семейные реликвии. Все эти вещи пережили революцию, Гражданскую войну, ленинградскую блокаду и сохранили для новых поколений атмосферу далекой эпохи.

С 1894 года в гимназии установилась традиция в день основания первой в России женской гимназии (19 апреля) проводить силами учениц музыкально-вокальные вечера для выпускниц и бывших учителей гимназии. Эта традиция вносила свою лепту в укрепление *«духа семейственности, дружелюбия и доброжелательства»*, который воспринимался как завет принца П. Г. Ольденбургского⁷².

В первые десятилетия существования гимназии сформировались семейные традиции обучения в ней: иногда гимназистками последовательно становились несколько сестер. Также известен пример преемственности, когда гимназию блестяще окончили мать и дочери. Н. А. Лабутина окончила гимназию в 1880 году с золотой медалью, в составе первого гимназического выпуска. Ей было доверено произнести речь от имени выпускниц на торжественном акте, посвященном 25-летию гимназии. Н. А. Лабутина вышла замуж за офицера Новочеркасского полка Н. Н. Шарыпова. У них родились дочери Евгения и Наталья. Обе они учились в гимназии принцессы Е. М. Ольденбургской и окончили ее с серебряными медалями. Сестры продолжили образование в Женском педагогическом институте и в дальнейшем долгие годы работали учителями⁷³.

Женские гимназии вносили значительный вклад в подготовку педагогических кадров. Окончившие семилетний курс гимназии имели право работать домашними учительницами, а окончившие курс четырех низших классов — начальными учительницами⁷⁴. С 1910 года в гимназии появился дополнительный педагогический класс: гуманитарный и математический. Девушкам предоставлялась возможность по окончании педагогического класса обучаться в Женском педагогическом институте (до 1903 года — на Педагогических курсах). Многие девушки возвращались преподавать в родную гимназию. Примером этому может служить упоминавшаяся выше Н. А. Лабутина, вернувшаяся служить в гимназию в качестве классной надзирательницы и преподавателя математики. Бывшими выпускницами были классные надзирательницы С. А. Данилова и М. П. Потираловская. Следует упомянуть и Е. А. Садову, проработавшую в гимназии, а в дальнейшем в советской трудовой школе учителем русского языка и литературы более 20 лет.

Дополнительные профессиональные возможности делали гимназии Мариинского ведомства более привлекательными в сравнении с женскими гимназиями Министерства народного просвещения⁷⁵.

Количество желающих учиться в гимназии превосходило возможности скромного здания на 6-й Рождественской улице. В первый год существования прогимназии в ней было всего 60 учениц, в 1876 году их было уже 170, в 1886 году в гимназии обучались 300 воспитанниц⁷⁶. В годовом отчете за 1897 год отмечалось, что помещения гимназии «не соответствуют ни гигиеническим требованиям, ни ежегодно увеличивающемуся числу учащихся», 40 ученицам было отказано в поступлении «за недостатком помещения»⁷⁷. С 1897 года в гимназии были организованы занятия в вечерних классах.

Вопрос о строительстве нового специального здания для Рождественской гимназии стал активно обсуждаться еще в начале 1890-х годов. По решению опекунского совета Ведомства учреждений императрицы Марии Федоровны и при активном участии попечительницы гимназии начались поиски места для строительства⁷⁸. Под здание гимназии отвели место на Песках, на Лафонской улице (с 1953 года улица Пролетарской диктатуры, с августа 2017 вновь улица Лафонская). Новое здание для гимназии было построено по проекту и под руководством гражданского инженера Александра Павловича Максимова (1857–1917). В разработке проекта также принимали непосредственное участие инспекторы по строительной части Ведомства учреждений императрицы Марии академик архитектуры Р. А. Гедике и его помощник П. Н. Волков.

А. П. Максимов был довольно известным архитектором своего времени. Здания по его проектам строились во Владимире, Нижнем Новгороде, Пензе, Ташкенте и других городах. Он участвовал в создании памятников Н. В. Гоголю и М. Ю. Лермонтову в Адмиралтейском саду. При участии архитектора Максимова было перестроено здание Технологического института, здание Института гражданских инженеров на 2-й Красноармейской улице⁷⁹.

В 1899 году журнал «Строитель» отмечал: «Ведомство учреждений императрицы Марии приступило к постройке колоссального здания, предназначенного для гимназии, главный фасад по Лафонской 35 сажень (1 сажень — 2,134 метра. — Авт.), боковые его стороны по 29 сажень. Первый этаж — квартиры для начальницы, помещения для классных дам, пять рисовальных классов с особым освещением; в двух других этажах: 16 классов, каждый 16 квадратных сажень, актовый зал имеет в длину 13 сажень, а в ширину 7 сажень, высота его — 11 аршин (1 аршин — 0,7 метра. — Авт.).

Внутренний двор выходит на Адлерберговский сад, где есть и площадка для детских игр. Здание будет закончено к июлю 1901 года. Руководит постройкой строительный комитет Ведомства, а непосредственно возглавил работы техник-строитель Александр Павлович Максимов»⁸⁰.

Строительные работы начались в сентябре 1899 года, к ноябрю были выложены фундамент и часть подвального этажа, а в мае 1900 года состоялась торжественная закладка здания. Зимой и весной 1901 года велись работы по внутренней отделке, а также по устройству парового отопления и вентиляции.

В сентябре 1901 года (несколько позднее обычного) в новом здании начались занятия. Есть сведения, что на торжественном открытии гимназии в новом помещении присутствовала вдовствующая императрица Мария Федоровна.

Современники по достоинству оценили новое здание: «*Это здание при простоте постройки и отсутствии роскоши, в отношении света, простора, воздуха и тепла не имеет себе конкурентов не только в Петербурге, но и в России. Замечательно, что в нем нет ни одного темного уголка, и не в переносном только, но и в буквальном смысле слова — это воистину храм просвещения, которым мы вправе гордиться»⁸¹. Помощник начальника Санкт-Петербургских и Царскосельской женских гимназий И. В. Скворцов считал новое помещение гимназии принцессы Е. М. Ольденбургской лучшим среди столичных женских гимназий⁸².*

Во флигеле, выходящем на Смольный проспект, разместилось четырехклассное Мариинское женское училище. То, что эта часть здания является пристройкой, заметно в наши дни по узким коридорам, ведущим в основную часть здания (другой флигель соединен с главной рекреацией гимназии широким просторным коридором). Лестница в этой части здания слишком широкая, чтобы изначально быть «черной». Скорее всего, в Мариинском училище она использовалась как основная. Также флигели имеют разную высоту и разную ширину коридоров.

Строительство нового здания позволило существенно увеличить количество учащихся: если на 1 января 1898 года в прежнем здании гимназии числились 359 учениц, то на 1 января 1915 года в гимназии было 640 учениц⁸³. Если принять во внимание, что треть здания занимало Мариинское женское училище, то можно

утверждать, что гимназия была полностью укомплектована и даже переполнена (изначально предполагалось, что в гимназии будут учиться 600 учениц)⁸⁴. Для сравнения отметим, что в 2016 году в гимназии обучалось 650 человек (больше, чем за все предшествующее десятилетие), и при этом ощущалась нехватка учебных кабинетов. Как же выходили из положения в дореволюционной гимназии? Во-первых, уроки у каждого класса проводились в одном и том же закреплённом за классом кабинете, за исключением уроков пения, рисования, танцев, рукоделия и гимнастики. Во-вторых, не было деления на группы на уроках иностранных языков. Кроме того, наполняемость классов была существенно больше, например, в 1915 году в каждом классе в среднем было 38 учениц⁸⁵. Так или иначе, быстрый рост числа учащихся в гимназии красноречиво свидетельствует о востребованности женского образования в целом и гимназии принцессы Е. М. Ольденбургской в частности. И. В. Скворцов называл это «незаурядным фактом», отмечая, что плата за обучение в женских гимназиях была даже выше, чем в мужских, а «служебные права», которые давало окончание женской гимназии, были сравнительно скромными⁸⁶.

Здание гимназии принцессы Е. М. Ольденбургской состоит на государственном учете, включено в список вновь выявленных объектов, представляющих историческую, научную, художественную или иную культурную ценность, и пользуется всеми правами памятника⁸⁷.

В высочайшем рескрипте на имя попечительницы гимназии от 5 декабря 1899 года Николай II отметил большую роль Е. М. Ольденбургской в развитии гимназии, в становлении ее как полноценного семиклассного учебного учреждения, в обеспечении преподавания *«практических предметов, важных в трудовой жизни женщины»*, а также в принятии решения о постройке нового здания и в разработке планов его устройства. *«Изъявляя Вашему Высочеству Мою душевную признательность, — продолжал далее государь, — за плодотворную деятельность в качестве попечительницы Рождественской женской гимназии и желая запечатлеть в самом наименовании этого заведения Ваши неустанные сердечные о нем заботы, Я повелею присвоить упомянутой гимназии наименование: “С.-Петербургская женская гимназия Принцессы Евгении Максимилиановны Ольденбургской”»*⁸⁸.

Деятельность принцессы в сфере образования не ограничивалась заботами о гимназии, она также была попечительницей школы Императорского женского патриотического общества и школы императора Александра II, готовившей мальчиков к поступлению в кадетские корпуса. По инициативе Е. М. Ольденбургской было построено новое здание приюта для дочерей женщин, находящихся в заключении. В имении Рамонь под Воронежем принцесса открыла трехклассную школу для детей жителей поселка и рабочих сахарного завода. Школа была оснащена современными учебными пособиями и в дальнейшем получила статус народного училища⁸⁹.

В 1900-е годы Евгения Максимилиановна тяжело болела, перенесла инсульт и накануне революционных событий 1917 года была прикована к инвалидному креслу. После Февральской революции 1917 года семья Ольденбургских навсегда покинула Петроград. Они переехали в Финляндию, в усадьбу Ранталинна, а затем, потеряв надежду на возвращение в Россию, поселились на юге Франции в Биаррице. Ольденбургские жили, постепенно распродавая драгоценности, которые смогли вывезти из России⁹⁰. Единственный сын четы Ольденбургских Петр тяжело болел и умер раньше родителей от туберкулеза. Сама Евгения Максимилиановна скончалась в 1925 году в возрасте 80 лет.

После Октябрьской революции 1917 года гимназия была преобразована в советскую единую трудовую школу № 14, а затем № 5. С 1931 до 1935 год школа называлась 5-й образцовой фабрично-заводской девятилеткой (ФЗД) имени Степана Халтурина. С 1935 по 1940 год она становится 5-й полной средней школой. А в 1940 году школе был присвоен номер 157.

Две трети преподавателей продолжили свою педагогическую деятельность в бывшей гимназии. С 1917 до 1930 года директором школы был бывший учитель истории гимназии Николай Степанович Бондырев, учебной частью заведовала Мария Ивановна Рубан, также бывший преподаватель гимназии. В школе изменился состав учащихся: здесь стали обучаться девочки и мальчики из рабочих

семей. Есть сведения, что именно в этот период на перилах лестниц установили специальные металлические шарики, чтобы мальчики не пытались лихо ездить по ним. Нравы в 20-е годы стали значительно проще: дети не вставали, когда учитель входил в класс, не поднимались, говоря со старшими. Новые учителя, не имевшие опыта преподавания в гимназии, по воспоминаниям выпускницы 1927 года, профессора химии Г. М. Саранчиной, не оставили доброй памяти: *«Их первые уроки с такими фразами, как “положите тетради”, “снимите с парт полты”, как-то сразу уничтожали их авторитет»*⁹¹. В то же время много внимания уделялось трудовому воспитанию. В школе существовали многочисленные кружки: переплетные, столярные, слесарные, швейные, бухгалтерские. В 1920–1930-е годы большое значение придавалось физическому воспитанию. В школе работали различные секции: гимнастики, футбола, волейбола. В актовом зале проводились спортивные праздники, воспитанники секций показывали упражнения, составляли популярные тогда «пирамиды».

Большой популярностью у школьников пользовались литературный и драматический кружки. Организовывались встречи с известными людьми. Неоднократно в школе бывал выдающийся российский юрист, к тому времени уже пожилой человек, А. Ф. Кони. Он рассказывал о прошлом, о встречах с выдающимися деятелями науки и культуры дореволюционной России. Школьники навещали его в квартире на Воскресенской улице (ныне ул. Восстания). Эти встречи организовывала Елизавета Александровна Садова, выпускница Женского училища (института) принцессы Терезии Ольденбургской, учитель русского языка и литературы. Г. М. Саранчина вспоминала о Е. А. Садовой как о человеке *«редкой душевной красоты, доброты, высокой интеллигентности и профессионализма»*⁹².

В 1928–1929 годах в школе издавался литературно-художественный журнал «Эхо». Мысль о создании журнала возникла под впечатлением тайно читаемых книг Л. Чарской и была поддержана М. И. Рубан. Журнал выходил несколько раз в месяц. Редколлегия была девичьей, ученицы писали повести, рассказы, стихи, придумывали шарады и ребусы. Встречались и публицистические заметки, например, одна из девушек сетовала, что культура населения остается очень низкой. Автор пишет: *«У нас считается обычным*

*войти в комнату, не постучавшись, и потом, прямо в грязной шинели, с грязными сапогами, броситься на чужую постель. Словом “мещанство” у нас неоднократно злоупотребляют. Иногда даже носовой платок иметь у нас считается мещанством, тогда как это правило гигиены. Наша молодежь еще не осознала слово “культура”»*⁹³. По своему духу и по стилистике оформления журнал был близок к девичьим альбомам гимназической поры. Девушки, объединенные когда-то работой над журналом, дружили всю жизнь.

В 1930 году директор школы Н. С. Бондырев и некоторые преподаватели были уволены с работы. Говорили, что причина в том, что они из «бывших». Возможно, это было отражением целенаправленной политики замены старых кадров новой советской интеллигенцией.

При этом в работе школ в 1930-е годы прослеживается возвращение к строгому расписанию занятий, классно-урочной системе, дифференцированной оценке знаний, ежегодным экзаменам, постоянным учебникам и т. д. Опираясь на иную идеологию, советская школа тем не менее станет воспроизводить многие черты дореволюционной гимназии.

В 1930-е годы наряду с изучением общеобразовательных дисциплин ученики получали основы рабочих профессий. Были созданы мастерские для работы по дереву и металлу. Вырос уровень преподавания точных и естественных предметов, таких как математика, физика, химия. Об этом свидетельствуют воспоминания выпускников тех лет.

В частности, выпускники вспоминают прекрасного учителя физики Василия Павловича Трифонова. Его судьба трагически оборвалась: он скончался от голода в годы блокады.

В довоенные годы активно работали пионерская и комсомольская организации (сборы, походы, игры, костры дружбы, молодежные лагеря, военно-спортивные игры). Большое внимание уделялось военно-патриотическому воспитанию.

В числе многих достойных выпускников школы предвоенной поры назовем Георгия Иринеевича Фатале, участника легендарного Парада Победы 1945 года на Красной площади. С 17 лет он, вчерашний школьник, принимал участие в боях на Ленинградском фронте, в годы войны командовал взводом разведки, был трижды ранен. После войны Георгий Иринеевич стал известным

спортсменом, мастером спорта СССР по фехтованию. Также он запомнился многим и в качестве спортивного комментатора.

В 1941 году директором школы № 157 был Петр Семенович Лесков. С начала войны он вместе со старшеклассниками принимал участие в оборонительных работах под Ленинградом.

Летом 1941 года в здании школы № 157 разместилась 8-я специальная артиллерийская школа (САШ), так как ее здание на Обводном канале было передано госпиталю. Интересно, что, помимо общеобразовательных и военных дисциплин, в спецшколе, как некогда в гимназиях, преподавали танцы. Спецшкольники находились в бывшем здании гимназии в самый тяжелый период блокады и были эвакуированы 8 февраля 1942 года. Ученики 8-й САШ были в составе Ленинградского ополчения, участвовали в обороне города. Многим было суждено умереть в первый год войны. Те, кто выжил и завершил образование, стали офицерами-артиллеристами и принимали участие в сражениях Великой Отечественной войны.

Во второй блокадный год возобновились занятия в средней школе № 157. Учителя и ученики принимали посильное участие в подготовке школы к учебному году, находили в себе силы работать и учиться в суровое военное время. За свой самоотверженный труд в годы блокады 39 учителей и сотрудников школы и 49 учащихся были награждены медалью «За оборону Ленинграда». Есть в истории школы и трагическая страница: 15 учителей и сотрудников школы умерли от голода в блокадный период.

В числе учителей школы послевоенной поры были фронтовики. В частности, учитель физкультуры Александр Дмитриевич Люлеев участвовал в боях под Москвой и Сталинградом, где был тяжело ранен в сентябре 1942 года, в войне с Японией, награжден орденом Красной Звезды и другими наградами.

С января 1944 по 1965 год работой коллектива учителей и сотрудников руководил директор школы Анатолий Павлович Исаев, заслуженный учитель школ РСФСР. Вся его жизнь была посвяще-

на школе. Квартира директора, как и во времена гимназии, находилась в школьном здании.

После снятия блокады Ленинграда жизнь в школе стала быстро входить в нормальное русло. 157-я мужская школа отличалась четким режимом работы, строгой дисциплиной, единством учебной и внеклассной деятельности, высокой требовательностью к ученикам и сотрудникам. Особое внимание уделялось преподаванию математики и физики.

С 1947 года проводилась работа по созданию учебных кабинетов. Гордостью школы стали кабинеты физики, химии, биологии, географии с современным учебным оборудованием. В каждом кабинете был киноаппарат, а в школе был создан радиоузел.

С 1957 года школа стала базовой площадкой Академии педагогических наук РСФСР. Учителя апробировали новые программы, учебники, методики. Это создавало творческую атмосферу в педагогическом коллективе.

С 1954 года было введено совместное обучение мальчиков и девочек. Девочки носили школьную форму, практически полностью воспроизводившую гимназическую: коричневые строгие платья, фартуки, воротнички и манжеты.

С 1963 года особое внимание стало уделяться преподаванию английского языка. Его стали изучать со 2-го класса.

В 1958 году в школе прошло мероприятие, неофициально посвященное 90-летию учебного заведения. На праздник были приглашены в том числе и выпускницы дореволюционной гимназии, что подтверждает хранящаяся в фондах музея пригласительная открытка⁹⁴.

По многим показателям «Исаевская» школа была образцовой, и ее авторитет в городе был очень велик.

После А. П. Исаева, с 1965 по 1992 год, школой последовательно руководили Л. И. Рожко и Р. П. Алексева.

С 1968 по 1973 год школа № 157 находилась в ведении АПН СССР. Экспериментальная работа способствовала методическому росту учителей. Вводились новые типы уроков: уроки-лекции, уроки-семинары, уроки-диспуты, обобщающие и зачетные уроки. Педагогический коллектив активно делился опытом работы: проводились Центральные педагогические чтения и семинары. В школе проходили практику студенты 4-х и 5-х курсов Педагогического института имени А. И. Герцена.

Ярким событием в истории школы было рождение в 1962 году Литературного клуба под руководством Т. Н. Бобровой. Важными направлениями деятельности клуба были просмотр и рецензирование театральных и кинопремьер, встречи с литераторами, журналистами, учеными-филологами, проведение литературных вечеров. Заметим, что эти сходные формы работы существовали еще в старой гимназии.

Интересной была работа клуба «Кругозор» (руководители Р. Г. Дегтяренко, Г. А. Колесова). Историю страны и города изучали во время походов и путешествий. Брест, Минск, Москва, Крым, Волгоград, Прибалтика, — такова была география поездок.

Популярностью у школьников пользовался КИД — Клуб интернациональной дружбы, созданный в школе в 1957 году. Руководителями его были учителя английского языка Р. Я. Экслер и С. В. Севрюгина. В КИДе занимались изучением истории США и Великобритании, вели переписку с английскими, американскими и шведскими школьниками. Проводились экскурсии по городу на английском языке для иностранных делегаций.

Близость к Смольному оказывала влияние на социальный состав учащихся. Партийные и советские работники предпочитали жить неподалеку и отдавали в школу своих детей. Поэтому школа № 157 должна была соответствовать своему статусу. По словам выпускника тех лет Б. А. Подопривога, школа на рубеже 60–70-х годов, *«возможно, и утратила некоторые черты “вальяжной академичности”, но приобрела предпочтительную в те годы “официальность”»*.

С 1992 по 2006 год школу возглавлял Анатолий Николаевич Карпов. Новая эпоха, наступившая после распада СССР, пробудила интерес к истории, стремление к поиску идентичности. По инициативе директора в 1993 году на педагогическом совете было принято решение о создании музея истории школы. Организатором и руководителем музея стала Роза Герцевна Дегтяренко, учитель истории, работавшая в школе с 1948 года, отличник народного образования, участница обороны города в дни блокады, награжденная медалью «За оборону Ленинграда». Благодаря ее энергии и энтузиазму был создан значительный фонд музея, насчитывающий на то время более 600 единиц хранения.

В 1995 году состоялось торжественное открытие музея, а в 1996 году ему был присвоен статус «школьного музея Санкт-

Петербурга». Среди экспонатов — подлинные аттестаты, фотографии, книги, личные альбомы гимназисток с посвящениями и пожеланиями подруг, письменные принадлежности и многое другое.

Уже в первые годы работы музея были налажены контакты с потомками Е. М. Ольденбургской и программа обмена с гимназией Цецилиеншуле в г. Ольденбурге. Герцог Гуно фон Ольденбург с супругой, его племянник Константин неоднократно посещали гимназию и ее музей. Также были установлены связи с учреждениями города, в создании которых принимали участие русские Ольденбургские.

Сегодня развиваются новые формы работы музея: «экскурсионные композиции», командные игры с использованием технологии «квест», интернет-викторины, выездные и интерактивные экскурсии, общешкольные праздники, основанные на материалах музея. Действует исторический клуб «Песочные часы».

В 1999 году нашему образовательному учреждению было возвращено историческое название *«Гимназия принцессы Е. М. Ольденбургской»*.

В 2006 году гимназия перешла в ведение Комитета по образованию Санкт-Петербурга, в этом же году гимназию возглавил Евгений Петрович Сидоров. Во многом благодаря директору в школе сохраняется особая атмосфера *«семейственности, дружелюбия и доброжелательства»*, заложенная Петром Георгиевичем и Евгенией Максимилиановной Ольденбургскими. Память о попечительнице зримо отражена в гимназии. Портрет принцессы встречает учеников в вестибюле школы, украшает актовый зал и даже обложки ученических дневников. Разработана эмблема гимназии, включающая в качестве элемента подлинный вензель принцессы.

Сегодня гимназия № 157 является одним из наиболее востребованных образовательных учреждений Центрального района. Коллектив учителей отличается стабильностью, профессионализмом, доброжелательным отношением к ученикам и коллегам. Традиционно на высоком уровне изучаются английский язык, предметы гуманитарного цикла, ведется международная деятельность. Более 20 лет на базе гимназии работает международная образовательная программа «Модель ООН», конференции которой собирают сотни старшеклассников из многих стран мира. Администрацией также прилагаются значительные усилия для того, чтобы поддер-

живать на должном уровне преподавание точных и естественнонаучных дисциплин. В гимназии ведется системная внеурочная деятельность, основанная на ее богатой истории и традициях, а также использующая специфику образовательного процесса. Концепция развития образовательного учреждения реализуется под девизом **«Верность традициям, открытость миру»**.

Примечания

1. Исторический очерк Свято-Троицкой общины сестер милосердия. — СПб., 1894. — С. 21.
2. ПСЗ. — 1868. — Т. 142. — С. 434.
3. См.: *Скворцов И.В.* Прошлое и настоящее Санкт-Петербургских женских гимназий Ведомства учреждений императрицы Марии 1858–1908. — СПб.: Типография Андерсона, 1908. — С. 5–12.
4. См.: Там же. — С. 13–14.
5. *Скворцов И.В.* Двадцатипятилетние Рождественской женской гимназии. 1868–1893. — С. 35.
6. Там же. — С. 1.
7. *Шереметев С.Д.* Мемуары. — СПб., 2001. — С. 176.
8. *Требельский П.Х., Мирвис А.Б.* Дом Романовых. — СПб., 1992. — С. 139.
9. *Анненкова Э.А., Голиков Ю.П.* Русские Ольденбургские и их дворцы. — СПб.: Алмаз, 1997. — С. 77.
10. *Tantzen R.* Das Schicksal des Hauses Oldenburg in Russland // Oldenburger Forschungen. Neue Folge. Band 11. — Oldenburg, 2000. — S. 117.
11. *Шереметев С.Д.* Там же. — С. 177.
12. См.: *Анненкова Э.А.* Принцессы Ольденбургские. — М.: Издательский дом ТОНЧУ, 2014. — С. 537–684.
13. См.: *Белякова З.И.* Герцоги Лейхтенбергские де Богарне. У троюна императоров. — СПб.: ООО «Метропресс», 2015. — С. 139.
14. См.: Там же. — С. 138.
15. *Толстой Л.Н.* Собр. соч. В 22 т. Т. 9. — М., 1984. — С. 35.
16. Свято-Троицкая община сестер милосердия — НИИ гематологии и трансфузиологии // CITY WALLS. Архитектурный сайт Санкт-Петербурга [Электронный ресурс]. URL: www.citywalls.ru/house3421 (дата обращения: 25.06.2016).

17. См.: *Скворцов И.В.* Двадцатипятилетние Рождественской женской гимназии. 1868–1893. — С. 26.
18. См.: Там же. — С. 30.
19. Юбилей женских гимназий (1858–1908). — СПб.: Типография Андерсона, 1908. — С. 5.
20. Там же. — С. 13.
21. *Скворцов И.В.* Двадцатипятилетние Рождественской женской гимназии. 1868–1893. — С. 31.
22. См.: Там же. — С. 29.
23. Обозрительный отчет за 1898 г. по Рождественской гимназии // Фонд музея гимназии. М-157–45/Д-31.ос.
24. *Логина О.А., Логинов О.Н.* Учебно-воспитательный процесс в гимназиях дореволюционной России (на примере гимназий Пензенской губернии). — Пенза: Издательство ПГУ, 2009. — С. 217.
25. См.: *Пядышев Д.* Цены и жалования в России в начале XX века // TALERS.RU [Электронный ресурс]. URL: www.talers.ru/index.php?id=81&Itemid=108&option=com_content&showall=1&view=article (дата обращения: 25.06.2016).
26. *Скворцов И.В.* Прошлое и настоящее Санкт-Петербургских женских гимназий Ведомства учреждений императрицы Марии. 1858–1908. — С. 27.
27. См.: Там же. — С. 29.
28. См.: Отчет Общества вспомоществования нуждающимся ученицам Рождественской женской гимназии за 1895 и 1896 годы. — СПб., 1896. — С. 2.
29. Скворцов Иван Васильевич // Русский Биографический Словарь [Электронный ресурс]. URL: www.rulex.ru/01181069.htm (дата обращения: 29.06.2016).
30. См.: Подпись И. В. Скворцова (начальника женских гимназий) на аттестате Ивановой Е., выпускницы 1913 г. // Фонд музея гимназии. М-157–27/Д-16.ос.
31. См.: Редковский Андрей Алексеевич // Антиквариат «Русские сезоны» [Электронный ресурс]. URL: ruseasons.ru/authors/redcovskiy (дата обращения: 12.07.2016).
32. См.: *Шабанова А.Н.* История женского движения в России [Электронный ресурс]. URL: 2.qq.z8.ru/encyclopedia/anna-nikolaevna-shabanova (дата обращения: 29.06.2016).
33. См.: Обозрительный отчет за 1898 г. по Рождественской гимназии // Фонд музея гимназии. М-157–45/Д-31.ос.

34. *Скворцов И.В.* Двадцатипятилетние Рождественской женской гимназии. 1868–1893. — С. 25–26.
35. Циркулярное письмо Главноуправляющего Ведомством учреждений императрицы Марии от 28 января 1893 г. // Фонд музея гимназии. М-157–46/Д-32.
36. Там же.
37. Обзорительный отчет за 1898 г. по Гимназии Принцессы Е. М. Ольденбургской // Фонд музея гимназии. М-157–45/Д-31.
38. Циркулярное письмо Ведомства учреждений императрицы Марии от 15 декабря 1889 г. // Фонд музея гимназии. М-157–45/Д-31.
39. Там же.
40. *Скворцов И.В.* Прошлое и настоящее Санкт-Петербургских женских гимназий Ведомства учреждений императрицы Марии. 1858–1908. — С. 19.
41. См.: Обзорительный отчет за 1915 г. по Гимназии Принцессы Е. М. Ольденбургской // Фонд музея гимназии. М-157–47/Д-33.ос.
42. См.: *Логина О.А., Логинов О.Н.* Учебно-воспитательный процесс в гимназиях дореволюционной России (на примере гимназий Пензенской губернии). — С. 216.
43. См.: *Цзян Е.А.* Педагогическая деятельность учителя русской гимназии второй половины XIX века: аксиологический аспект: монография. — Красноярск: Сибирский федеральный ун-т, 2011. — С. 58, 61.
44. См.: *Логина О.А., Логинов О.Н.* Учебно-воспитательный процесс в гимназиях дореволюционной России (на примере гимназий Пензенской губернии). — С. 218.
45. См.: *Цзян Е.А.* Педагогическая деятельность учителя русской гимназии второй половины XIX века: аксиологический аспект: монография. — Красноярск: Сибирский федеральный ун-т, 2011. — С. 58, 63.
46. См.: Там же. — С. 75–76.
47. Обзорительный отчет за 1898 г. по Рождественской гимназии // Фонд музея гимназии. М-157–45/Д-31.ос.
48. *Скворцов И.В.* Двадцатипятилетние Рождественской женской гимназии. 1868–1893. — С. 19.
49. Там же. — С. 15.
50. Там же. — С. 34.
51. Там же. — С. 3.
52. *Ольденбургская Е.М.* Записка по вопросу о предстоящем преобразовании учебного курса женских гимназий. — СПб.: Типография П. О. Яблонского, 1893. — С. 2.

53. См.: *Ольденбургская Е.М.* Записка по вопросу о предстоящем преобразовании учебного курса женских гимназий. — С. 13–14.
54. См.: *Скворцов И.В.* Прошлое и настоящее Санкт-Петербургских женских гимназий Ведомства учреждений императрицы Марии. 1858–1908. — С. 14.
55. *Днепров Э.Д., Усачева Р.Ф.* Женское образование в России. — М.: ДРОФА, 2010. — С. 219.
56. См.: Расписание уроков за 1915–1916 учебный год в документе: Обзорительный отчет за 1916 г. по Гимназии Принцессы Е. М. Ольденбургской // Фонд музея гимназии. М-157–46/Д-32.ос.
57. Обзорительный отчет за 1916 г. по Гимназии Принцессы Е. М. Ольденбургской // Фонд музея гимназии. М-157–46/Д-32.ос.
58. Часовня Христа Спасителя в Домике Петра Великого // Go Piter [Электронный ресурс]. URL: www.gopiter.ru/piter/helpinfo/dostopr/churches/chasovnyapetr (дата обращения: 06.07.2016).
59. Обзорительный отчет за 1897 г. по Рождественской гимназии // Фонд музея гимназии. М-157–44/Д-30.ос.
60. Там же.
61. См.: *Логина О.А., Логинов О.Н.* Учебно-воспитательный процесс в гимназиях дореволюционной России (на примере гимназий Пензенской губернии). — С. 168–169.
62. Обзорительный отчет за 1898 г. по Рождественской гимназии // Фонд музея гимназии. М-157–45/Д-31.ос.
63. См.: *Цзян Е.А.* Педагогическая деятельность учителя русской гимназии второй половины XIX века: аксиологический аспект. — С. 19.
64. Обзорительный отчет за 1898 г. по Рождественской гимназии // Фонд музея гимназии. М-157–45/Д-31.ос.
65. Обзорительный отчет за 1897 г. по Рождественской гимназии // Фонд музея гимназии. М-157–44/Д-30.ос.
66. *Скворцов И.В.* Двадцатипятилетние Рождественской женской гимназии. 1868–1893. — С. 16.
67. См.: Там же.
68. Юбилей женских гимназий (1858–1908). — С. 4.
69. *Скворцов И.В.* Прошлое и настоящее Санкт-Петербургских женских гимназий Ведомства учреждений императрицы Марии. 1858–1908. — С. 23.
70. Там же.
71. Обзорительный отчет за 1897 г. по Рождественской гимназии // Фонд музея гимназии. М-157–44/Д-30.ос.

72. *Скворцов И.В.* Прошлое и настоящее Санкт-Петербургских женских гимназий Ведомства учреждений императрицы Марии. 1858–1908. — С. 31.
73. См.: Документы Е. Н. Шарыповой // Фонд музея гимназии. М-157–356/Д-221/1.2.3.4.ос.
74. *Флит Н.В.* Школа в России в конце 19 — начале 20 веков. — Л.: Ленинградского предприятия «Экстерн», 1991. — С. 27.
75. См.: *Днепров Э.Д., Усачева Р.Ф.* Женское образование в России. — С. 145–146.
76. См.: *Скворцов И.В.* Двадцатипятилетние Рождественской женской гимназии. 1868–1893. — С. 63.
77. Обозрительный отчет за 1897 г. по Рождественской гимназии // Фонд музея гимназии. М-157–44/Д-30.ос.
78. См.: *Анненкова Э.А.* Принцессы Ольденбургские. — С. 595.
79. Архитекторы-строители Санкт-Петербурга середины XIX — начала XX века: справочник / сост. А. М. Гинзбург, Б. М. Кириков при участии С. Г. Федорова, Е. В. Филиппова; под. общ. ред. Б. М. Кирикова. — СПб.: Пилигрим, 1996. — С. 206.
80. Журнал «Строитель». — 1899. — № 17–18. — С. 696.
81. Журнал «Строитель». — 1901. — № 36. — С. 26.
82. См.: *Скворцов И.В.* Прошлое и настоящее Санкт-Петербургских женских гимназий Ведомства учреждений императрицы Марии. 1858–1908. — С. 25.
83. Обозрительный отчет за 1898 г. по Рождественской гимназии // Фонд музея гимназии. М-157–45/Д-31.ос.; Обозрительный отчет за 1916 г. по Гимназии Принцессы Е. М. Ольденбургской // Фонд музея гимназии. М-157–46/Д-32.ос.
84. Историческая справка Управления Гос. инспекции по охране памятников истории и культуры по зданию гимназии принцессы Е. М. Ольденбургской от 12.02.1993 // Фонд музея гимназии. М-157–51/Д-17.в.
85. Обозрительный отчет за 1915 г. по Гимназии Принцессы Е. М. Ольденбургской // Фонд музея гимназии. М-157–47/Д-33.ос.
86. См.: *Скворцов И.В.* Прошлое и настоящее Санкт-Петербургских женских гимназий Ведомства учреждений императрицы Марии. 1858–1908. — С. 27.
87. Управление государственной инспекции по охране памятников истории и культуры. Решение Президиума гор. Совета народных депутатов № 445 от 29.12.1991.
88. *Анненкова Э.А.* Принцессы Ольденбургские. — С. 596.

89. См.: Там же. — С. 604, 625–627, 634–635.
90. См.: *Белякова З.И.* Герцоги Лейхтенбергские де Богарне. У трона императоров. — С. 140.
91. Воспоминания М. С. Саранчиной // Фонд музея гимназии. М-157–370/Д-235.
92. Там же.
93. Журнал «Эхо» // Фонд музея гимназии. М-157–128/Д-73.ос.
94. Пригласительная открытка // Фонд музея гимназии. М-157–131/Г-76.

Вклад семьи Ольденбургских в здравоохранение, медицину, науку

Г. Н. Вениаминова, С. П. Инденбом

История Детской больницы имени К. А. Раухфуса и ее место в развитии детского здравоохранения России. Лиговский пр., 8

Детская городская больница № 19 им. К. А. Раухфуса — одна из крупнейших детских больниц Санкт-Петербурга. Она является многопрофильным стационаром и оказывает круглосуточно экстренную и плановую медицинскую помощь по многим специальностям хирургического и терапевтического профилей. По производственным показателям больница многократно занимала призовые места в городе и в стране. На базе больницы работают сотрудники педиатрического факультета Северо-Западного государственного медицинского университета имени И. И. Мечникова (СЗГМУ), которые вместе с персоналом больницы лечат, оперируют, консультируют больных и проводят циклы повышения квалификации врачей.

Несколько строк к истории создания медицинской помощи детям в России. В 1706 году Новгородский митрополит Иов организовал «Дом для незаконно рожденных и всяких подкидных младенцев», а в 1764 и 1771 годах по инициативе крупного государственного деятеля того времени И. И. Бецкого открыты крупные воспитательные дома «для несчастно рожденных» детей в Москве и Петербурге. В конце XVIII века было 25 воспитательных домов в разных городах России. В них выживало не более 20% детей. Многие известные педиатры того времени получали свой первый врачебный опыт в воспитательных домах. В их числе Карл Андреевич Раухфус, который работал в Воспитательном

доме в Петербурге первые 10 лет своей врачебной практики и хорошо знал об «исключительном неблагополучии в области детского здравоохранения».

К. А. Раухфус был создателем и первым главным врачом Детской больницы принца П. Ольденбургского. С именем К. А. Раухфуса связано многое в развитии клинической педиатрии, строительстве детских больниц и подготовке медицинских кадров.

Первая детская больница была открыта в Париже в 1802 году. Первые детские койки (палата на 6 кроватей) в России появились в 1806 году в 30-кочной терапевтической клинике Медико-хирургической академии (МХА) (ректор Иоганн Питер Франк). Но через 3 года по решению следующего ректора Я. В. Виллие детские койки были ликвидированы. Он писал: «Солдаты не беременеют и не родят».

Первая детская больница в Петербурге — Николаевская — была открыта в 1834 году. Позднее она стала носить имя Н. Ф. Филатова. Вторая больница, тоже впоследствии получившая имя Н. Ф. Филатова, открыта в Москве в 1842 году. В том же году 10-кочная детская клиника для детей до 3 лет была открыта в составе женской и акушерской клиники МХА. Третья детская больница — для малолетних детей (Елизаветинская) — была создана в Петербурге в 1844 году. В дальнейшем она получила имя Луи Пастера. Все больницы располагались в мало приспособленных для лечения помещениях и в дальнейшем неоднократно перемещались или закрывались. Кроме того, они существовали на благотворительные средства, которые поступали нерегулярно. Детская смертность в них составляла около 27%.

Первой детской больницей в России и Европе, построенной по специальной программе, составленной К. А. Раухфусом,

Карл Андреевич Раухфус

отвечающей всем требованиям науки и гигиены того времени, была Детская больница принца П. Г. Ольденбургского, открытая в Петербурге 30 сентября 1869 года. По его же проекту в 1876 году построена Детская больница св. Владимира в Москве (теперь больница имени Русакова). Именно этому проекту в 1878 году на Парижской выставке была присуждена Большая золотая медаль. Во второй половине XIX века это были лучшие детские больницы Европы.

К началу XX века в России было 25 детских больниц на 2646 коек. 77% из них были в Москве и Петербурге. Амбулаторную помощь детям оказывали при больницах и клиниках. В 1901 году Русское общество охранения народного здравия в Петербурге открыло первое в России учреждение «Капля молока», где выдавались простые молочные смеси.

Принц П. Г. Ольденбургский — руководитель благотворительного Ведомства учреждений императрицы Марии, хорошо знавший о бедственном положении в детском здравоохранении, стал инициатором создания в Петербурге новой современной детской больницы, призванной «обеспечить недостаточному населению столицы верный способ лечения его детей». Принц 20 лет стоял во главе этого ведомства, и его заслуги в развитии образования, здравоохранения и науки для России неопределимы. Он создал Императорское училище правоведения и был его попечителем, попечительствовал над Мариинской, Обуховской, Петропавловской больницами, создал первую в России Свято-Троицкую общину сестер милосердия, Женский институт принцессы Терезии Ольденбургской, приюты и воспитательные дома, многое другое. Его учреждения помогли выжить и выучиться тысячам обездоленных сирот, многие из которых позднее составили славу нашего отечества. На содержание этих учреждений принц тратил много и своих личных средств.

«По случаю исполнившегося 30 сентября 1864 года двадцатипятилетия служения Принца Петра Георгиевича Ольденбургского учреждениям Императрицы Марии, в бозе почивший Государь Император Александр II, в рескрипте на имя Его Императорского Высочества Высочайше повелеть соизволил: соорудить в С.-Петербурге новый дом врачевания для детей, с присвоением ему наименования: “Детская больница принца Петра Ольденбургского”», — читаем мы в «Очерке устройства и двадцатипятилетней

деятельности детской больницы принца Петра Ольденбургского». Для строительства были привлечены личные средства принца и средства благотворительного фонда Ведомства учреждений императрицы Марии. Составление программы больницы было поручено К. А. Раухфусу, которого хорошо знал по инспекциям и ценил принц. Больница была построена за два года по проекту архитектора академика Ц. А. Кавоса и при его личном попечительстве.

В статье, напечатанной в журнале «Зодчий» за 1873 год, Ц. А. Кавос пишет, что к 1870 году в Петербурге было 7 «правильно организованных общих» больниц, что было явно недостаточно. «Что же касается специально детских больниц, то их несколько лет тому назад почти вовсе не было». На втором конкурсе на постройку новой детской больницы из 9 проектов первая премия (и право на строительство) была присуждена Ц. А. Кавосу. Он считал главными задачами следующие: «1) разместить разнородные болезненные случаи таким образом, чтобы дети, одержимые заразительными болезнями... не могли заразить других детей» (размещать детей по роду заболеваний и в небольших палатах), 2) содержание детей должно «не слишком удаляться от привычных условий домашнего быта», «3) допустить прием в больницу вместе с детьми и матерей, кормящих грудью и желающих иметь уход за своими детьми, причем обеспечивать дитя и мать, по возможности, отдельным помещением». Все эти задачи при строительстве больницы им были выполнены. Большим инженерным достижением была совершенная приточно-вытяжная вентиляция, самостоятельная для каждой палаты. Предложенная Ц. А. Кавосом застройка по периметру для тесноватого участка оказалась наиболее экономичной. Окна палат были обращены во двор, коридоров — на улицу. На таком небольшом участке архитектор сумел выделить зеленую зону в центре. Фасад, выходящий на улицу, получился монументальным. Это удалось достичь тем, что трехэтажное здание с портиком в центре вытянуто вдоль всего фронта участка. В интерьерах были введены тогдашние новшества — остекленные двери палат, скругленные углы стен, гимнастический зал и помещение для водных процедур. Для обеспечения пожарной безопасности все коридоры перекрыты каменными сводами. Ход строительства контролировала специально назначенная комиссия, которая нанимала для выполнения работ только лиц, известных добросовестным исполнением

по каждому роду работ. Оптовый подряд исключался. Все вопросы отопления и вентиляции были решены заранее. И когда летом 1867 года началась кладка стен, имелись уже все планы внутренних помещений. До заморозков выведены были вчерне главный, контагиозный и жилой корпус, а также фундаменты для остальных корпусов. Строительство велось только летом. По всем постройкам было израсходовано 479 935 руб. 56 коп. ассигнациями.

Больница была рассчитана на 200 коек и имела три стационарных отделения: хирургическое, терапевтическое и инфекционное, и отделение для приходящих. Она явилась примером первой в России специально построенной детской многопрофильной больницы. Директором больницы и ее главным врачом был назначен К. А. Раухфус, возглавлявший ее с 1869 по 1908 год. 30 сентября 1869 года больница и при ней церковь во имя святых Петра и Павла были торжественно освящены. По своей планировке, внутреннему устройству, обилию света и воздуха она была признана лучшей в Европе. Больница пользовалась огромным авторитетом у зарубежных коллег, специально приезжавших в Петербург, чтобы ознакомиться с ее устройством. Большим вниманием пользовалась она у русских медиков, у императорской семьи и высокопоставленных лиц.

Был принят «Устав Детской больницы принца Петра Ольденбургского», утвержденный его императорским величеством Александром II от 01.11.1869. «Больница... назначенная для пользования детей обоюбого пола в возрасте от дня до 10 лет для мальчиков и до 12 лет для девочек всякого звания и состояния, преимущественно недостаточных родителей. Больница состоит в непосредственном подчинении Его Императорского Величества и в заведовании по всем частям 4 Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. В больнице полагается 200 кроватей, из коих 150 для детей от 1 года до 12 лет, 25 — для грудных детей и 25 — на случай эпидемии и 12 сверхштатных. Дети по роду болезни или помещаются в больницу на полное содержание, или пользуются в отделении для приходящих. Бесплатный прием в больницу допускается только для детей безусловно бедных. Грудные дети принимаются с кормящими их грудью матерями или кормилицами. Мать или кормилица, поступающая вместе с ребенком, вполне подчиняется правилам поведения и платит за свою пищу по сметной цене того стола, который имеет пожелает». В уставе также перечисля-

лись функциональные обязанности всех работающих, от директора до самых низших служащих больницы.

За лечение в больнице устанавливалась плата 10 руб. в месяц в общих палатах и 50 — в отдельной, в отделении для заразных — 60. Бесплатным было лечение для детей «безусловно бедных» по предъявлении справки из полицейского участка. По мнению, выраженному в докладе к 70-летию юбилею больницы (1939 год), «больница по существу являлась платной и была недоступной для рабочей массы города, хотя и платившей “больничный сбор”». В этом же докладе отмечается, что «громадное здание, выходящее на 4 улицы, имело только 200 коек и было в большей своей части занято обслуживающим и административным персоналом». Но есть основания думать, что больница была доступна всем, в том числе и бедному населению. Это мнение может быть подтверждено и изображениями на старых фотографиях, в том числе и отделения для приходящих.

Первый ребенок на приеме в Детской больнице принца Петра Ольденбургского

В больнице много было сделано впервые в России и мире. Впервые в больничной практике проведено раздельное размещение больных по принципу заразности и профилю заболевания. Впервые организованы палаты для тяжелых больных. Создана современная система вентиляции. Проведена канализация. Построена первая дезинфекционная камера для обеззараживания предметов ухода и даже кроватей. Впервые в России для соблюдения правил гигиены К. А. Раухфус ввел для врачей белые халаты и специальную форму для фельдшер и нянь. Создана совершенная в тех условиях система обучения для врачей — ассистентура, школа фельдшер и ц.

При больнице работали аптека, лаборатория, школа, проводилась ЛФК. В больнице впервые в России стала широко применяться противодифтерийная сыворотка, трахеотомия и зеркало для осмотра подвязочного пространства гортани при крупях. За первые 25 лет работы больницы через ее отделения прошло 36 756 детей. Летальность была 22,2% (в основном от инфекций), летальность детей до 1 года 37%, от хирургических болезней 8,7%, послеоперационная летальность 11%, но эти показатели были ниже, чем за границей. Эти же цифры сохранялись и в первые годы после революции. Широко оказывалась амбулаторная помощь. По запискам А. Н. Шабановой, работавшей в больнице с 1879 по 1932 год (последние годы — в приемном отделении), нагрузка на врачей была велика. В те годы в месяц проходило около 3900 больных (130 в день), из них терапевтических — 58,4%. Часто врачей вызывали в приемное отделение из отделений больницы.

К. А. Раухфус был главным врачом больницы 38 лет. Если сказать коротко о его заслугах, то он был наблюдательным и вдумчивым клиницистом, первым в России детским патологоанатомом, первым в России отоларингологом, первым в России детским кардиологом, одним из творцов отечественной системы образования и воспитания педиатрических кадров, вырастившим крупных русских педиатров (А. А. Руссов, Н. И. Лунин, А. А. Кисель, П. М. Аргутинский, М. С. Маслов и др.), выдающимся реформатором и знатоком строительства детских больниц.

Велика была научная и педагогическая деятельность К. А. Раухфуса и других врачей больницы. В первые 25 лет из стен больницы вышло 72 научных работы, из них 17 — самого К. А. Раухфуса. Они дали много ценных сведений в области детских инфекций, нервных

и хирургических болезней, рахита, питания, физического развития детей. Было защищено 6 докторских диссертаций, в том числе самим К. А. Раухфусом «О врожденном заращении устья аорты».

С 1868 года К. А. Раухфус привлекался к лечению членов императорской семьи, а в 1876 году был назначен лейб-педиатром Двора его императорского величества.

С 1885 года на базе больницы велось преподавание педиатрии на Высших женских врачебных курсах, где К. А. Раухфус читал курс пропедевтики детских болезней. Он первый доверил выпускницам этих курсов лечение детей на равных правах с мужчинами. Одна из них — А. Н. Шабанова — стала соратницей К. А. Раухфуса и проработала в больнице более 50 лет, получив при советской власти звание Героя труда.

С открытием в 1885 году в Петербурге для усовершенствования врачей Института великой княгини Елены Павловны (Еленинский институт) К. А. Раухфус читал в нем лекции, впоследствии кафедре педиатрии занимали проф. А. А. Руссов и Н. И. Лунин.

В 1908 году К. А. Раухфус сложил с себя полномочия директора и главного врача Детской больницы принца Петра Ольденбургского и своим преемником назначил А. А. Руссова, который возглавлял больницу до своей смерти в 1911 году. При нем была перестроена амбулатория из летнего здания на 2-й Рождественской и начата перестройка инфекционного корпуса. Пользуясь большим авторитетом и уважением, А. А. Руссов получал от меценатов значительные денежные средства, которые шли на реконструкцию больницы. Он уделял большое внимание работе в амбулатории и оказанию помощи хроническим больным. При его участии были созданы для детей с хроническими заболеваниями две лечебницы.

С 1911 года до смерти в 1919 году главным врачом Детской больницы принца Петра Ольденбургского был Ю. П. Серк. При нем была закончена перестройка инфекционного корпуса с надстройкой его 4-м этажом и в 1913 году открыто первое в городе боксированное инфекционное отделение с мельцеровскими боксами. После окончания ассистентуры в 1879 году Ю. П. Серк остался в больнице и занимался приемом амбулаторных больных по хирургии и глазным болезням. Заразившись от дифтерийного больного, он потерял глаз. Именно на время его руководства больницей пришлось трудные послереволюционные годы перестройки здравоохранения.

В 1919 году Детская больница принца Петра Ольденбургского получила имя К. А. Раухфуса.

С 1919 по 1925 год главным врачом был Н. И. Лунин. Он предположил наличие субстанций, которые позже были названы витаминами, разработал оригинальную методику исследований потребностей организма в пище, пропагандировал преимущества грудного вскармливания, опубликовал более 40 научных работ по вопросам детских инфекций, методов лечения детских болезней и иммунизации школьников. В больнице был консультантом по инфекционным и ушным болезням. При нем в 1922 году на базе больницы им. К. А. Раухфуса в Советском клиническом институте для усовершенствования врачей была организована кафедра детской хирургии, которой заведовали Ф. К. Вебер, а затем профессор Н. В. Шварц. Одновременно они заведовали и отделениями. Еще в 1923 году больница состояла из 60 хирургических, 50 терапевтических и 90 заразных коек (200 коек). Н. И. Лунин жил при больнице (как и другие главные врачи), его хобби было охотничье собаководство.

Все названные выше главные врачи были соратниками и учениками К. А. Раухфуса.

М. Г. Личкус — главный врач больницы с 1925 по 1930 год, создатель и первый заведующий ЛОР-отделением больницы с 1925 по 1947 год, вплоть до своей внезапной смерти. Он основоположник детской оториноларингологии в нашей стране. Придя в больницу, Максим Григорьевич сразу же начал заниматься организацией в больнице ЛОР-отделения, потратив на это много сил и энергии. Особенных успехов при М. Г. Личкусе отделение добились в лечении отогенного сепсиса. Отделение составило богатую коллекцию инородных тел пищевода и дыхательных путей. Многие экспонаты были уникальными. Был разработан метод удаления инородных тел из верхней трети пищевода корнцангом под контролем рентгена, а из трахеи — при прямой ларингоскопии.

М. Г. Личкус в 1925 году начал реконструкцию больницы. Из корпуса по 4-й Советской были выселены лица, не имеющие прямого отношения к больнице, но оставалось общежитие (вплоть до 1970-х годов). Быстро увеличивалось количество коек: в 1925 году их 425, в 1926 — 455, в 1930 — 665, из них хирургических 85, терапевтических 125, грудных 90, ушных 80, изоляционных 25, сомнительных 25 и скарлатинозных 235. С увеличением коечного фонда изме-

нился и его профиль. Но несмотря на перевод инфекционных коек в инфекционные больницы города, скарлатинозные койки в больнице еще составляют треть от общего количества. Здания ремонтируются. Терапия занимает третий этаж с отдельной лабораторией, хирургия — второй, где перестраивается операционная и создается большая перевязочная. Рентген, занимавший маленькую комнату в хирургии, переводится на первый этаж, где устанавливается новый рентгеновский аппарат и создаются помещения для проявления.

Именно в это время впервые в городе и в России в больнице были открыты специализированные детские отделения: в 1925 году — ЛОР-отделение, в 1926 году — детское неврологическое отделение (проф. М. О. Иогихес), в 1927 году — боксированное отделение для детей грудного возраста на 40 коек. В 1925 году Е. Т. Залкиндсоном был организован первый в стране детский физиотерапевтический кабинет. Позже Е. Т. Залкиндсон стал профессором ГИДУВа и написал первое в стране руководство по детской физиотерапии. В 1930 году организуется 2-е терапевтическое отделение на 50 коек, открывается боксированное изоляционное отделение на 1-м этаже на 20 коек.

В 1931 году заканчивается постройка новой центральной кухни на месте коридора, соединяющего оба здания больницы (гл. врач Л. С. Минкович), на 3-м этаже бывшего жилого корпуса размещается 2-е терапевтическое отделение и изолятор. В 1937 году на месте красного уголка и квартиры Н. И. Лунина (по 4-й Советской) открыто 2-е грудное отделение для детей с токсической диспепсией на 45 коек (гл. врач Э. А. Горницкая). В 1938 году произведена реконструкция молочной кухни.

В 1938 году больница получила переходящее Красное знамя РСФСР как лучшая детская больница СССР.

Со времени открытия кафедры детской хирургии в ЛПМИ в 1935 году больница становится базой для обучения студентов. На кафедре работали сотрудники больницы профессор Н. В. Шварц, ассистенты М. И. Каган, Д. Б. Авидон. Основным направлением хирургии было оказание неотложной помощи при различных хирургических заболеваниях и травмах у детей.

К 1940 году количество коек в больнице достигло 600, но дальнейшему развитию больницы помешала Великая Отечественная война. Более 160 сотрудников были мобилизованы, некоторые

ушли на фронт добровольцами. Всех хирургов и многих врачей и медицинских сестер (не только хирургического профиля) взяли на фронт. Те, кому суждено было вернуться, вернулись с орденами и медалями.

В блокаду больница работала как детский госпиталь, оказывая помощь раненым и обожженным, помогая выжить детям с крайней степенью истощения. Сами сотрудники голодали, но старались все сделать для спасения детей. Они в суровую зиму 1941–1942 годов обогревались «буржуйками», в 1942 году сами сложили печи и топили их, разбирая деревянные строения, возили воду на санках из Невы, тушили песком фугасные бомбы на крышах больницы, во время бомбежек носили детей в подвалы, иногда по несколько раз в день, и, несмотря на невероятные трудности, в новый 1943 год устроили для детей елку.

В такой обстановке наши героические предшественники продолжали оказывать помощь раненым, обожженным, обмороженным и погибающим от дистрофии детям. Хирургическую работу обеспечивали три молодых женщины-хирурга: В.М. Соловская, К.П. Гаврилина и Б.И. Свержинская под руководством старого хирурга К. Аглинцева, который умер в 1942 году от истощения. Главным врачом больницы был М.А. Гиммельфарб. В больнице работали около 600 человек. Назовем некоторых из них: педиатры П.В. Пивоваров (ему в 1943 году первому было присвоено звание Заслуженного врача), Ф.Л. Сергеева, в приемном покое — медсестра В.И. Иванова, в лаборатории — врач Б.Л. Вейн, в аптеке — старый аптекарь В.Л. Ливертон, в отделениях — медицинские сестры К.Ф. Шатан, Е.А. Петюшина и другие, в кухне — диетсестра С.В. Скворцова, повар З.А. Иванова. Всех перечислить невозможно. В первую блокадную зиму умерли 62 сотрудника. В прозекторской жила и работала единственный в городе детский прозектор Л.М. Линдер, многому научившая врачей тогда и после войны. Летальность в 1942 году составила 51% (умер 3001 ребенок). Основным диагнозом (70%) была дистрофия. Вскрытия производились в неотопливаемой секционной, где инструменты примерзали к столу. Нередко трупы приходилось оттаивать в маленьком кабинете, где она сама и ночевала, так как ухаживать ежедневно домой не хватало сил. Работа была очень трудной, но была необходима для клиницистов, для санитарно-эпидемиологической службы города и поэтому не прерывалась.

Все сотрудники после снятия блокады были награждены медалями «За оборону Ленинграда». После окончания войны они приняли самое активное участие в восстановлении разрушенного войной хозяйства больницы и нормализации мирной работы. В 1948 году больница была объединена с детской консультацией и 3-й детской поликлиникой Смольнинского района.

В 1950 году приемный покой был расширен за счет создания 5 соматических боксов (гл. врач Э.М. Абкин), открыта школа, в 1947 году создан кабинет ЛФК (Е.Л. Мугинова) и в 1950 году — кабинет ЭКГ (Л.С. Левит).

В 1956 году открылось единственное в городе отделение для лечения сепсиса новорожденных, в котором работали и педиатры, и хирурги (гл. врач Ю.С. Чистякова, зав. З.Д. Хозова). К 1993 году проблема сепсиса новорожденных перестала быть острой, и отделение было закрыто. В 1957 году по инициативе проф. Г.Я. Эпштейна (НИИ травматологии и ортопедии им. Р.Р. Вредена) открылось первое в стране детское травматологическое отделение, а в 1958 году — первый детский травматологический пункт (зав. А.Г. Богина). В 1958 году доцентом ГИДУВа В.И. Знаменским впервые в России организована служба детской челюстно-лицевой хирургии. В.И. Знаменским разрабатывались и проводились уникальные пластические операции при врожденных пороках и травмах челюстно-лицевой области. К нему ехали дети со всех концов СССР и из-за границы. Продолжателями дела стали его ученики, впоследствии профессора, Г.А. Котов и М.Г. Семенов.

Яркой страницей истории больницы и города следует считать организацию в 1959 году В.С. Баировой первой в городе новой в то время, особенно в педиатрии, анестезиологической службы. В 1970 году было создано первое в городе детское отделение анестезиологии и реанимации.

В конце 1960-х годов в больнице было 12 отделений различного профиля. Проведен большой капитальный ремонт (Е.И. Князева). Открыт приемный покой на 10 мельцеровских боксов, единый для хирургических и терапевтических больных, что облегчило возможность взаимодействия между врачами разных специальностей. Лаборатория была выведена из приемного и заняла большую площадь в здании по Греческому проспекту. Создано 3 боксовых отделения на 120 коек для инфекций, в том числе для кишечных инфекций для

детей раннего возраста. В 1967 году открыто первое в городе кардиоревматологическое отделение с 10 койками для детей с ВПС первого года жизни. До того времени никто этой проблемой не занимался. Отделение работало при непосредственном участии сотрудников 1-й кафедры педиатрии ГИДУВа (в настоящее время это СЗГМУ им. И. И. Мечникова) проф. Н. В. Орловой и доцента Т. В. Парийской. В 1969 году создана центральная стерилизационная.

По инициативе зав. кафедрой детской хирургии ГИДУВа проф. Г. А. Бойкова в 1973 году открыто специализированное пульмонологическое отделение (зав. Заслуженный врач РСФСР Р. Ф. Гармашова) с организацией первого в городе бронхологического кабинета. Первым бронхологом была А. В. Богданова, впоследствии профессор НИИП.

В 1974 году из Очаковской больницы Смольнинского района переведено эндокринологическое отделение (зав. Е. Г. Князевская). Количество коек в больнице возрастает до 750. В этом же году здание взрослой больницы Смольнинского района по Суворовскому, 4 передается больнице им. К. А. Раухфуса, и там размещаются неврологическое и эндокринологическое отделения.

С 1976 года главным врачом больницы стала И. П. Кульбуш (до 1983 года), которая активно занялась преобразованием больницы в организационном и хозяйственном плане. Проведен ремонт фасадов и внутренних помещений, в том числе конференц-зала со сменой мебели. Больница приобрела современный вид. На ежедневных врачебных конференциях стали слушаться отчеты дежурных врачей, стал работать Больничный совет, КИЛИ и др. В 1980 году создано отделение хирургической офтальмологии, в 1983 — травматологическое отделение перепрофилируется в нейроtraumatологическое (первый нейрохирург в больнице Б. И. Сорокин), а затем в 1989 году — в нейрохирургическое (зав. В. Н. Березин). Попастъ на лечение в это отделение было шансом на спасение. Расширялись и совершенствовались и диагностические кабинеты — функциональной диагностики, эндоскопии, в 1990 году открылся один из первых в городе кабинет ультразвуковой диагностики.

В 1987 году количество коек уменьшилось до 685, в 2-х хирургических отделениях введены по 10 торакальных коек (чистых и гнойных).

В послевоенные годы больница была объединена с поликлиникой и имела статус районной. В 1973 году поликлиника стала самостоятельной. А в 1992 году больница передана в городское подчинение (приказ Комитета по здравоохранению мэрии Санкт-Петербурга от 27.11.1992). В 1994 году утвержден Устав об оказании медицинской помощи больницей им. К. А. Раухфуса. В больнице предусматривалось 540 коек (гл. врач М. А. Зеленкевич). Больница все больше приобретает хирургический профиль (половина коек), со специализированными отделениями. Все годы, как и теперь, больница ежедневно дежурит по реанимации и неотложной помощи, поэтому контингент — больные в тяжелом состоянии.

Больница все время развивается, внедряются новые методы лечения и диагностики. Несмотря на меняющийся профиль больницы (в основном в сторону усложнения), летальность за десятилетия снижается. Интересно сравнение за 40 лет (с 1949 до 1989 год): общая летальность уменьшилась с 15,2 до 0,4%, (в 2015 году 0,07%) и летальность детей до 1 года — с 23,2 до 1,8%. Менялась структура летальности. С наступлением эры антибиотиков летальность от инфекций минимизировалась. Если во времена Раухфуса, послереволюционные и довоенные годы летальность в большей части была обусловлена инфекциями (в том числе от скарлатины — 225 скарлатинозных коек!), то в 1970–1980-е годы — нейрохирургическими заболеваниями (травмы и опухоли) и пороками развития, особенно ВПС, в 2000-е годы — травмами и несчастными случаями. Большое значение в снижении летальности имели развитие современной фармакологии, применение для диагностики современных диагностических аппаратов (УЗИ, КТ и другое высокотехнологичное оборудование). Почти нет ревматических болезней, дающих тяжелые поражения сердца, компенсируется за счет применения инсулина сахарный диабет.

138 лет больница не закрывалась ни на один день, работала без капитального ремонта. С 2003 года под руководством главного врача М. А. Зеленкевич (проработавшей в больнице 40 лет, из них 28 лет в должности главного врача) начались капитальный ремонт и реконструкция больницы. Отремонтирован корпус по Суворовскому проспекту, 4, с перепланировкой помещений, где с 2003 года разместилось городское амбулаторно-консультативное отделение при больнице (АКО). Оно оборудовано самой современной

медицинской техникой, и прием больных из всех районов города и других городов РФ (по системе ОМС и платно) ведут высококвалифицированные специалисты стационара и сотрудники СЗГМУ им. И. И. Мечникова. Работает дневной стационар, проводятся малые хирургические операции, в том числе глазные. Поэтому на время закрытия стационара по Лиговскому проспекту, 8, на время его реконструкции прием больных не прекращался.

В АКО работают 4 городских центра разного профиля: пульмонологический, амбулаторной хирургии по профилям детской хирургии разных специальностей, диагностический эндокринологический и центр нейрорепедиатрии. Проводимая активная работа учреждения по развитию стационарозаменяющих технологий — дневного стационара и центра амбулаторной хирургии — позволила значительно сократить сроки ожидания плановой медицинской помощи и увеличить количество пролеченных пациентов в условиях дневного стационара на 6%. В 2015 году в АКО получили медицинскую помощь 49 200 детей.

Реконструкция главного здания продолжалась 3 года. Стационар больницы вновь открылся осенью 2010 года, отделения возвращены из других больниц, что стало важным событием для города. Построено 2 новых здания. Площади были увеличены вдвое, что при уменьшении количества коек до 400 позволило улучшить качество пребывания больных и использовать дополнительные площади для размещения кафедр СЗГМУ им. И. И. Мечникова, вспомогательных кабинетов и технических нужд. Произведено усиление всех несущих конструкций (фундаменты, перекрытия, стены), установлены бесшумные удобные лифты со стеклянными шахтами. Прекрасно смотрятся интерьеры больницы, фасад и внутренний двор. Сохранился сад, высажены молодые деревья и кусты.

Здание больницы в 2001 году включено КГИОПом в список вновь выявленных объектов культурного наследия, представляющих историческую ценность. В связи с этим особое внимание уделено реставрационным работам исторических интерьеров: главного вестибюля, лестниц со ступеньками из натурального камня, мозаичных межлестничных площадок, чугунных наружных решеток, козырьков и навесов, восстановлен балкон на втором этаже на углу Лиговского проспекта и 4-й Советской улицы. При реставрации тамбура в вестибюле сохранена окраска под сосну, в таком же сти-

ле были изготовлены витрины для музея истории больницы. Возвращена на историческое место отреставрированная икона Казанской Божией Матери.

Помещения сделаны с учетом удобства расположения больных и работы персонала. Предусмотрены поэтажные сообщения между корпусами, часть лестничных маршей заменена пандусами. Больница оснащена самым современным оборудованием, ориентировочная стоимость которого 1 миллиард 750 тысяч руб.

После реконструкции, с осени 2010 года больницу возглавил В. Ю. Детков. Больница рассчитана на 400 коек, в том числе 255 хирургических, имеет 9 отделений и дневной стационар на 40 коек (30 педиатрических и 10 хирургических) и является стационаром, оказывающим экстренную и плановую медицинскую помощь по 17 профилям. В стационаре 9 операционных, снабженных новейшими эндовидеохирургическими комплексами. Больница работает интенсивно: в 2015 году — 350 дней, летальность 0,05%. За 2015 год бесплатно получили медицинскую помощь в условиях круглосуточного стационара 18757 человек и в АКО 49200.

Высокотехнологичная медицинская помощь оказывается по профилям: педиатрия, челюстно-лицевая хирургия, нейрохирургия, офтальмология, оториноларингология. Ее объем в 2015 году в сравнении с предыдущим периодом увеличен более чем на 60%. Отделение анестезиологии и реанимации оснащено самой современной аппаратурой фирмы Drager. Работают комплексы компьютерной и магнитно-резонансной томографии. Совершенное оборудование используется в лаборатории и других подразделениях больницы. Значительно расширен спектр высокотехнологичных лечебных и диагностических методик, оперативных вмешательств, проводимых по экстренным и плановым показаниям.

Открытое в 2011 году ЛОР-отделение является ведущим в городе по количеству произведенных оперативных вмешательств и занимает лидирующее место среди всех детских стационаров города по количеству выполненных уникальных реконструктивных слухоулучшающих операций на звукопроводящем аппарате среднего уха. При проведении их и эндоскопических операций полости носа используется уникальная методика анестезиологического пособия: управляемая гипотензия, которая позволяет значительно снизить кровопотерю во время оперативного лечения, улучшить

визуализацию операционного поля, уменьшить риск интра- и послеоперационных осложнений, сократить сроки реабилитации.

Приоритетным направлением в нейрохирургии является оказание экстренной и плановой медицинской помощи детям с заболеваниями головного мозга, тяжелыми травмами, пороками развития. Челюстно-лицевые хирурги используют оригинальные методики операций по устранению врожденных и приобретенных деформаций лицевого отдела черепа у детей раннего возраста. В офтальмологии выполняются микрохирургические операции любой степени сложности, в том числе и высокотехнологичные, при заболеваниях сетчатки и стекловидного тела, реконструктивные операции при травмах орбиты. Отделение оснащено самым современным оборудованием ведущих мировых производителей.

В пульмонологическом отделении используется морфометрия с помощью высокоразрешающего микроскопа и адаптированной компьютерной программы для диагностики мукоцилиарной недостаточности у детей с хроническими заболеваниями бронхолегочной системы, что позволяет адекватно подобрать базисную терапию и тем самым повысить качество жизни пациентов, страдающих заболеваниями респираторного тракта.

С 2015 года проводятся уникальные операции с использованием хирургической навигационной станции при проведении сложных комбинированных экстренных и плановых оперативных вмешательств при совместном участии специалистов различного профиля как при всех видах стандартной хирургической помощи, так и при высокотехнологичных операциях на различных областях головы и шеи, что предоставляет уникальные возможности постоянно контролировать положения рабочего инструмента и анатомии пациента, получать видеоизображения с эндоскопа на экране навигационной станции, тем самым предотвращая интраоперационные осложнения, сократить время оперативного вмешательства и сроки госпитализации. На сегодняшний день применение хирургической навигационной станции в структуре многопрофильного стационара отвечает стандартам мировых инновационных технологий.

В 2015 году внедрена система PACS, которая предназначена для хранения и архивирования цифровых диагностических изображений (КТ, МРТ, УЗИ, рентген). Она позволяет оперативно передавать изображения не только по внутренней сети больницы,

но и на мобильные устройства специалистов (планшеты, смартфоны). Передача данных осуществляется по максимально защищенному каналу с помощью современных шифровальных протоколов. Таким образом, в случае экстренного поступления тяжелых пациентов у специалистов теперь есть возможность проводить консультации в режиме реального времени.

Введен в эксплуатацию планшетный визуализационный стол, что дает возможность специалистам различного профиля максимально точно проводить диагностику, а также планировать ход и объем оперативного вмешательства, создавая трехмерные модели организма пациента.

Совершенное оборудование используется в лаборатории и других подразделениях больницы.

Открытие в 2014 году на базе СПб ГБУЗ «ДГБ № 19 им. К. А. Раухфуса» Городского детского эндокринологического центра и активная работа, направленная на профилактику осложнений пациентов с сахарным диабетом, позволила снизить количество экстренных госпитализаций детей, больных сахарным диабетом, на 20%. В больнице постоянно работает «школа диабета».

В 2015 году открыта «аллерго-школа», ее работа позволяет снизить частоту обострений хронических заболеваний, улучшить качество жизни пациентов, страдающих хроническими бронхолегочными заболеваниями.

С момента открытия стационара после реконструкции 14 сотрудников получили ученые степени кандидатов медицинских наук.

После реконструкции на базе больницы работают 8 кафедр СЗМУ им. И. И. Мечникова, 4 кафедры СПбПМА, 3 кафедры 1-го СПбМУ им. И. П. Павлова.

Больница в области здравоохранения сотрудничает с республикой Крым. Состоялся обмен делегациями, больница принимает на лечение детей из Крыма.

2 октября 2012 года состоялась презентация музея больницы при участии потомков принца П. Г. Ольденбургского из Германии герцога Гуно фон Ольденбурга с супругой и представителей властей города. Ранее на территории больницы была открыта часовня. Сотрудники музея Г. Н. Вениаминова и С. П. Инденбом, врачи, много лет работавшие в больнице, проводят экскурсии и презентации по истории больницы.

*На открытии Музея истории Детской больницы им. К. А. Раухфуса
Слева — герцог Гунно фон Ольденбург, справа — главный врач
Детской больницы имени Раухфуса В. Ю. Детков*

31 мая 2016 года во дворе больницы по инициативе главного врача В. Ю. Деткова был открыт первый в России памятник детским медикам. Композиция «Дерево жизни» (автор — член правления Санкт-Петербургского отделения Союза архитекторов России Валерий Ким) — дань уважения врачам, медицинским сестрам и другим работникам больницы, посвятившим себя спасению жизни детей. Лепестки на «Древе жизни» как страницы истории. Барельефы посвящены разным этапам жизни больницы от основания до наших дней. Создан памятник на благотворительные средства. В церемонии открытия приняли участие вице-губернатор О. А. Казанская, великий князь Георгий Михайлович Романов, представители Комитета по здравоохранению.

Его императорское высочество великий князь Георгий Михайлович от имени главы Российского императорского дома великой княгини Марии Владимировны вручил императорский орден Св. великомученицы Анастасии вице-губернатору О. А. Казанской и главному врачу больницы В. Ю. Деткову.

17 июня 2016 года у этого памятника прошла встреча ветеранов больницы, посвященная Дню медицинского работника. Так проявляется связь поколений. Невозможно подсчитать, сколько врачей и медицинских сестер приняли друг у друга эстафету за эти годы, но всеми двигало чувство ответственности и долга перед своими маленькими пациентами.

Источники и литература

- Архив ДГБ № 19 им. К. А. Раухфуса.
Анненкова Э. А., Голиков Ю. П. Принц Петр Георгиевич Ольденбургский. — СПб., 2012.
Анненкова Э. А., Голиков Ю. П. Русские Ольденбургские и их дворцы. — СПб., 1997.
Векслер А., Исаченко В. Греческий проспект. — М.; СПб., 2008.
Векслер А., Крашенинникова Т. Такая удивительная Лиговка. — М.; СПб., 2009.
Кавос Ц. Новые постройки и проекты. Детская больница принца Петра Ольденбургского // Зодчий. — СПб., 1873. — № 7–8.
Маслов М. С. К. А. Раухфус. — Гос. издательство мед. литературы (Ленинградское отд.), Медгиз. М., 1960.
Мачерет Н. Ю. Больница имени Раухфуса // Ленинградская панорама. — Л., 1988. — № 3.
Очерк устройства и двадцатипятилетней деятельности больницы Принца Петра Ольденбургского / под ред. К. А. Раухфуса. — СПб., 1894.
Очерки истории детской городской больницы им. К. А. Раухфуса / под ред. Г. Н. Вениаминовой, Ю. С. Александровича. — СПб., 2000.
Тихомилов С. История педиатрии в Петербурге. — СПб., 2012.
Шабанова А. Н. Доклад по амбулатории детской больницы Раухфуса. — Л., 1925.
В Петербурге открыт первый в России памятник детским медикам // Газета «Социальная политика». — СПб., 2016. — № 20 (1048)
Люди особой закалки // Газета «Социальная политика». — СПб., 2010. — № 22 (1050)
В Петербурге открыт первый в России памятник детским медикам // Газета «Врач Санкт-Петербурга». — СПб., 2016.
Отчет детской больницы № 19 им. К. А. Раухфуса за 2015 год.

А. В. Ковалевский

Мариинская больница в период управления П. Г. Ольденбургским

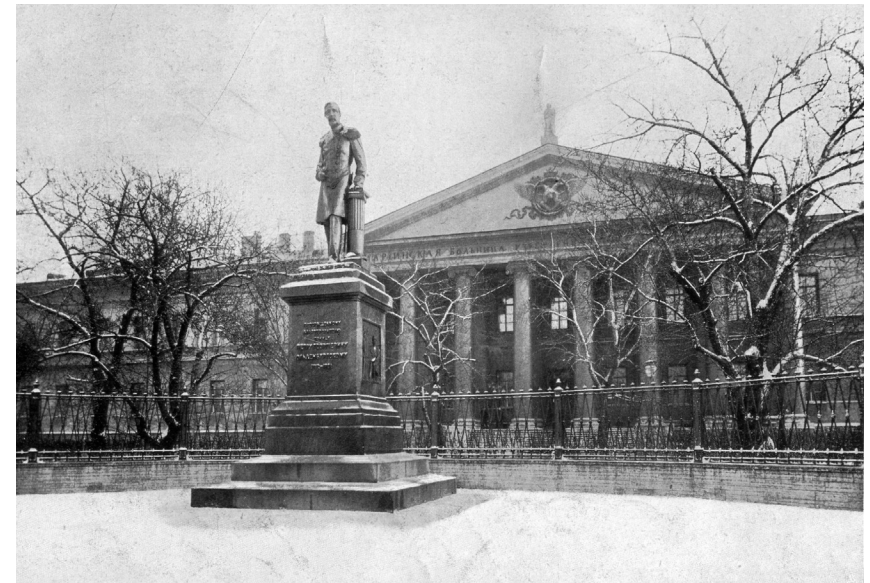
Петр Георгиевич Ольденбургский был наиболее заметной и значимой личностью из числа почетных попечителей и управляющих больницей.

Мария Федоровна в своем завещании поручила Николаю I заботиться о судьбе детей сестры — Екатерины Павловны. Император вызвал племянника на службу в Россию. Прибыл он в Санкт-Петербург 1 декабря 1830 года и был определен в лейб-гвардии Преображенский полк, где дослужился до звания генерал-лейтенант. Но военная карьера не прельстила молодого офицера, и в 1834 году Николай I удовлетворил просьбу молодого генерала об отставке.

Будучи назначенным присутствовать в 1-м департаменте Правительствующего Сената, принц решил основать Училище правоведения, которое было открыто 5 декабря 1835 года. Принц стал его попечителем.

В это время происходит его знакомство с профессором И. В. Буяльским, консультантом Мариинской больницы, изложившим в книге «Руководство врачам к правильному осмотру мертвых человеческих тел для узнания причин смерти, особливо при судебных исследованиях» методику судебно-медицинского исследования. Желая ближе ознакомиться с темой, необходимой в практике правоведения, в 1836 году принц обратился к знаменитому хирургу с просьбой прослушать этот курс с применением к судебной медицине.

30 сентября 1839 года принца назначили в Петербургский опекунский совет и в Совет Воспитательного общества благородных девиц (Смольный институт). В том же году он стал во главе Воспитательного общества благородных девиц и во главе Екатерининского института на Фонтанке. 17 октября 1839 года ему также поручили управление Мариинской больницей для бедных¹. Он сменил на этом посту М. Ю. Виельгорского.

*Мариинская больница для бедных с памятником «Просвещенному благотворителю Принцу Петру Георгиевичу Ольденбургскому».
Литейный пр., 56*

Более чем сорокалетнее управление, благодаря личным качествам принца и родственной близости к императору, немало содействовало дальнейшему развитию больницы и многим улучшениям во внешней ее обстановке. Главными врачами в этот период были К. И. Шперер (1840–1861), В. К. Симон (1861–1864), Л. Ф. Фробен (1864–1867), Э. В. Кадэ (1864–1884).

Находя вредным для больных пользование банями, расположенными в подвальном этаже и отделенными от палат холодными коридорами, Петр Георгиевич в первое же время своего управления счел необходимым заменить их ваннами. Шесть таких ванн для обмывания вновь поступающих больных и для лечебных целей были установлены в 1840 году. Холодная и горячая вода поступала в них по свинцовым трубам. Вскоре после этого оборудуются души и паровые ванны, а для слабых больных используются передвижные ванны².

В 1840 году производится очистка пруда на территории больницы³.

В 1841 году вместо обветшавшего деревянного дома для усопших, построенного еще в 1815 году по распоряжению императрицы Марии Федоровны, возводится новое каменное здание с залом для вскрытий и часовней во имя праведного Лазаря⁴.

В 1844 году начинает действовать новая двухэтажная прачечная, которая считалась по тому времени самой современной в городе. Она была снабжена паровой машиной в 8 л. с., большим котлом для вываривания белья, гидравлическим прессом для выжимания его и особым сушилом на 2-м этаже, с системой железных труб, нагревавшихся из печи нижнего этажа. В чердачном помещении были поставлены два резервуара для воды, которой должны были снабжаться как сама прачечная, так и Главный корпус, и некоторые другие здания больницы. В резервуары вода нагнеталась посредством паровой машины из труб, проложенных по двору Мариинской больницы и соединенных с трубой на Литейном проспекте, из резервуаров достигала больничных зданий.

В это время вода в больницу поступает уже не из Фонтанки, как прежде, а из Невы, так как вода из Фонтанки часто имела дурной запах и стала непригодна для приготовления пищи и составления лекарств. Возможность пользоваться большим количеством воды позволила заменить ватерклозетами отхожие места со стульчаками и медными горшками. С 1849 года больница начинает снабжать невской водой и Екатерининский институт на Фонтанке. В 1859 году деревянные трубы для сточных вод заменяются кирпичными. С 1864 года водоснабжение больницы переходит Обществу Санкт-Петербургских городских водопроводов

К этому времени относятся и другие изменения, не столь значительные, но имеющие не малое значение для благоустройства больницы: в 1847 году устраивается специальная печь для просушки при высокой температуре платья поступающих больных, тщательно моется и чистится белье каждого больного при выписке, выделяются отдельные палаты для выздоравливающих и гангренозных больных. С 1848 года, по высочайшему повелению, весь верхний этаж больницы занимает мужское отделение, а нижний — женское, «с разделением хирургических больных от одержимых тифом в противоположных концах больницы».

Руководство больницы стремилось поставить ее на уровень требований того времени. По рекомендациям врачей производились различные усовершенствования и закупались входившие в употребление современные врачебные средства и хирургические инструменты. Для трудных больных приобретают особенную механическую кровать Брюгнера, за границей покупают литотриптер и остеотом, а изобретателя последнего, доктора Гейне, приглашают из Вюрцбурга в Петербург для демонстрации своего инструмента врачам больницы

В 1847 году хирургом больницы Бурманом была произведена первая операция с применением серного эфира. Вскоре для наркоза начинают применять хлороформ⁵.

Петр Георгиевич, человек для своего времени очень просвещенный, заботливый и добрый, не только шел навстречу всем указаниям врачей, но в стремлении к различным улучшениям проявлял весьма часто личную инициативу, снабжая больницу на собственные средства, аппаратами, креслами, носилками, и даже придумал особенную гидростатическую кровать с резиновым матрасом для больных, страдающих пролежнями. Кровать эта впоследствии была отправлена на выставку в Штутгарт, а снимки и описание отосланы в некоторые из госпиталей Парижа⁶.

Еще в 1832 году предлагалось учредить фельдшерское училище при Воспитательном доме, но большинство членов Опекунского совета высказались за помещение питомцев пансионерами в училище, основанное в 1831 году при Обуховской больнице. Утвердив мнение большинства, император в то же время повелел заняться учреждением фельдшерской школы при Мариинской больнице, указав и на место ее размещения — во флигеле для хронических больных. Но открытие школы замедлилось, так как возникли трудности с размещением ее в указанном помещении. Предложение же возвести особое здание осуществить не удалось. В 1842 году Петр Георгиевич вновь возбудил ходатайство об открытии школы во флигеле для хронических больных, и в феврале 1844 года в фельдшерском училище «для образования искусных и благонравных фельдшеров и аптекарских учеников» приступили к занятиям первые 30 воспитанников из питомцев Воспитательного дома. Обучение продолжалось три года, кроме Закона Божия и предметов общеобразовательного характера здесь преподавались начальные основания анатомии,

хирургии, фармации и фармакологии. Особенное и практическое внимание обращалось на хирургические повязки, кровопускание, вставление катетера, оспопрививание, подачу помощи мнимоумершим и отравленным, на правильный уход за больными. Училище, выпустив около 100 воспитанников, было закрыто в 1863 году, так как в тот момент вместо положенных 30 воспитанников в нем обучалось лишь 9. Кроме того, 15 окончивших курс фельдшеров по имению вакантных мест считались сверхштатными при больнице и получали содержание из доходов Опекунского совета. В здании, где находилось училище, открыли платную лечебницу.

В 1850 году строится новое здание аптеки «едва ли не лучшей во всей столице». Аптека была снабжена отличной посудой, аппаратами для получения дистиллированной воды и для парового приготовления настоев и декоков, хорошо обставленной лабораторией для производства химических работ, прессом новейшего устройства для получения соков и выжимки маслянистых веществ.

Государь император Николай Павлович проявлял немалый интерес к Мариинской больнице и требовал, «чтобы ему давалось знать о всех замечательных в медицинском отношении случаях и о всякой предстоящей серьезной операции». Он довольно часто посещал больницу, иногда до трех раз в год, обычно внезапно и часто неожиданно даже для принца⁷.

Для хранения одежды больных, державшейся ранее в подвальном этаже главного здания, строится отдельный каменный флигель, со сводами. С 1868 года часть этого здания была отведена для проживания холостых служителей больницы.

В палатах увеличивается число ватерклозетов с прокладкой из них труб в печные обороты и устраиваются верхние душники и каминь в коридорах. Так как больница с самого своего основания не была очищена «от вредных испарений, коими могли напитаться стены», решено было соскоблить с них краску и вновь окрасить больницу. 4 мая 1852 года Петр Георгиевич обратился в Опекунский совет за разрешением на выделение средств для этой цели. Так как только четверть всех больных могла пользоваться летним помещением в деревянном доме постройки 1830 года, что мешало ежегодному ремонту и проветриванию основных помещений, в 1853 году было испрошено высочайшее соизволение на возведение двухэтажного каменного летнего здания, где в случае возникно-

Александринская женская больница. Ул. Маяковского, 12

вения какой-либо эпидемии больные могли размещаться и зимой. Строительство этого здания было закончено в 1857 году⁸. В этот период больница имела устройство со всеми усовершенствованиями, какие были известны в то время. Кроме главного здания с 42 палатами, на ее территории находилось 8 флигелей, имеющих специально больничное и общее назначение.

В 1848 году на территории Итальянского сада было осуществлено еще одно значительное строительство — здания Александринской женской больницы.

3 августа 1844 года император Николай I и императрица Александра Федоровна обратились к наследнику цесаревичу Александру Николаевичу со следующим рескриптом: «Супруг Вашей сестры покойной, любезной дочери нашей Александры Николаевны Принц Фридрих Гессенский обратился с желанием почтить память усопшей супруги Богоугодным делом, которое бы на вечные времена сохранило в памяти жителей столицы имя столь горестно Нами оплакиваемой и им столь любимой. Его Светлость жертвует на сей предмет капитал, равный ценности драгоценных вещей,

принадлежавших приданному Великой Княгини... Сходно его желанию, поручаю Вам составить комитет, под Вашим председательством, из генерал-адъютанта князя Волконского, Принцев Петра Ольденбургского и Александра Гессенского, и генерал-адъютанта Кавелина для исполнения сего Богоугодного дела... Заведению сему, по намерению принца, именоваться заведением Великой Княгини Александры Николаевны, учрежденным принцем Фридрихом Гессенским... На подлинном Собственной Их Императорских Величеств рукою написано: Александра, Николай»⁹.

Уже 22 августа 1844 года, на своем первом заседании, Комитет принял решение, что «наиболее согласным с желанием Его Светлости Принца Фридриха Гессенского и вполне сообразным с христианскими чувствованиями в Бозе почившей Государыни Великой Княгини Александры Николаевны было бы учреждение такой женской больницы, где страждущие тяжкими хроническими болезнями, не подающими надежды к исцелению и в обыкновенные городские больницы не принимаемые, находили бы возможное в страданиях своих облегчение, спокойный приют и внимательную заботливость, могущие усладить дни их, изочтенные Провидением».

Самым удобным местом для возведения больницы было признано пустопорожнее место позади Мариинской больницы, принадлежащее последней и отдаваемое под огороды. При этом Комитет находил, что близость к Мариинской больнице для бедных представляет возможность соединить оба заведения под одно начальство и вверить попечению одних и тех же врачей, что немало сократит расходы по постройке и содержанию вновь проектируемой больницы. Комитет поручил архитекторам И. Шарлеманю и А. Брюллову составить план и смету предполагаемой больницы, «поставив им на вид, что в дом оной никаких квартир, кроме для священника, одного причетника, надзирательницы и необходимой прислуги и прачек, не допускается»¹⁰.

Оконченное к концу 1847 года здание больницы было двухэтажным по центру, трехэтажным с боковых фасадов, над парадным подъездом (с Надеждинской улицы) — мраморная доска из двух кусков с надписью «Больница Великой Княгини Александры Николаевны, учрежденная супругом Ея, Принцем Фридрихом Гессенским».

Согласно высочайшему повелению, 28 июля 1848 года церковь больницы была освящена преосвященником Пафанаилом.

На другой день, в присутствии государя императора, наследника цесаревича, великого князя Константина Николаевича, герцога Максимилиана Лейхтенбергского, принцев Петра Ольденбургского и Александра Гессенского и других протоиереем Баженовым был отслужен благодарственный молебен.

После молебна государь император, в сопровождении присутствовавших на молебне особ, обошел все больничное здание и, осмотрев его, объявил свою монаршую признательность архитектору и членам Комитета.

Вновь построенная больница в своей работе руководствовалась уставом Мариинской больницы и находилась под общим с ней управлением.

В это же время часть сада отдается под строительство здания Павловского института благородных девиц (ныне гимназия № 209).

В 1856 году утверждается новый штат больницы, повышается денежное обеспечение врачей и увеличиваются средства на содержание больных.

Число кроватей остается прежнее (400), а число всех служащих, при 19 врачах, определяется в 230. Всего на содержание больницы назначается 82634 руб. 50 коп. Из них на медикаменты (5 коп. в день) 7200 руб., на одежду, обувь, белье и постели (по 17 руб. 50 коп. в год на каждого больного) 7000 руб. и на пищу (по 10 коп. в день) 14600 руб. Численность врачебного персонала, его обеспечение и содержание больных в Мариинской больнице отличались от других больниц Санкт-Петербурга. Насколько эти больницы были беднее обеспечены врачебным персоналом, видно из того, что, например, в Обуховской больнице на 654 больных числилось только 14 врачей. Увеличение штата было признано невозможным «по неимению для этого источников»¹¹.

Для освобождения больницы от неизлечимых хроников и для облегчения приема больных с острыми болезнями, с высочайшего утверждения (17 мая 1859 года) принимается важная практическая мера: открывается при Градской богадельне 100 кроватей, с платой по 100 руб. в год.

В 1861 году на чердаке главного здания устраивается особое помещение для беспокойных и буйных больных.

В 1864 году территория сада еще сокращается после строительства Родовспомогательного заведения (ныне родильный дом № 6 имени Снегирева).

В 1865 году в саду больницы строится новый летний деревянный барак на 80 больных.

Многолетние наблюдения привели врачей к убеждению, что при совместном размещении хирургических и терапевтических больных нередки случаи заражения хирургических больных заразными болезнями, например тифом, и что тесное размещение неблагоприятно отражается на лечении хирургических больных. «Всегда отзывчивый к нуждам вверенных его попечению учреждений, Петр Георгиевич признал поэтому необходимым выстроить новый трехэтажный флигель специально для хирургических больных на 160 кроватей, о чем вошел с представлением в Опекунский совет. Опекунский совет положил повергнуть на Всемиловейшее Его Императорского Величества благоусмотрение предложение Опекунского совета по предмету постройки нового здания во дворе Мариинской больницы с отпуском на эту постройку 118619 рублей и на обзаведение 15000. 21 августа всеподданнейший доклад Опекунского совета был утвержден.

В мае 1866 года началось строительство нового здания»¹².

Освящение и открытие этого прекрасного трехэтажного здания с боковым широким и светлым коридором произошло 16 апреля 1868 года в присутствии императора Александра II. Его Величество «изволил остаться всем совершенно довольным»¹³. 21 апреля больные из главного корпуса были переведены в новые палаты.

С 1868 года вместо керосиновых ламп и сальных свечей для освещения начинают использовать газ — удовольствие по тому времени дорогое, но оно оказалось более выгодным для больницы. Газовое освещение устраивается не только во внутренних помещениях, но и во дворе, в саду и на черных лестницах.

В этом же году устраивается телеграф, связывавший больницу с центральной справочной конторой и полицейскими управлениями для выяснения наличия свободных мест в других больницах.

До 1866 года стирка больничного белья в прачечной производилась руками, а сушка с помощью обычных железных печей. В 1869 году, после окончания работ по капитальному переустройству прачечной, процесс стирки, отжима, сушки и глажения производился с помощью механических приспособлений.

В начале 1870-х годов в подвальном этаже главного корпуса устраивается камера с двумя печами и железными трубами для дезинфек-

ции высокой температурой одежды поступающих больных. На всех отделениях больницы устанавливаются новые кровати с пружинными сетками и соломенниками вместо волосяных матрасов и устраивается в одной из палат главного здания лаборатория. В 1872 году капитальным образом переустраивается прозекторская — ее помещение расширяется, монтируется вентиляция, делаются каменные полы и мраморные столы вместо деревянных, проводится вода. В 1873 году в палатах главного корпуса устанавливаются медные умывальники с раковинами и водой из водопровода, камин в гангренозном отделении, новые ватерклозеты в главном здании.

Вместе с постепенными улучшениями в обстановке, размещении и содержании больных увеличиваются средства на питание, лечение больных и уход за ними. С 1867 года вводится чай по утрам вместо овсянки, а на пищу, начиная с 1871 года, вместо 10 коп. отпускается 13,5 коп. Подобным же образом возрастают расходы на медикаменты, содержание прислуги и на личный состав.

Для расселения прислуги, особенно семейных служителей, в 1876 году над боковым больничным зданием, выходящим на Итальянскую улицу, надстраивается один этаж и пристраивается каменный двухэтажный дом на свободном пространстве между этим зданием и конторой больницы. Здесь, каждый в отдельной комнате, размещаются двадцать семейных служителей.

Число кроватей достигает 500 штатных и 41 благотворительной¹⁴.

В 1876 году на юбилейный капитал, собранный служащими ВУИМ, была открыта благотворительная койка имени П. Г. Ольденбургского.

19 мая 1876 года почетным опекуном Опекунского совета и 2 ноября членом Попечительного совета заведений общественного призрения был назначен сын Петра Георгиевича — Николай. Он стал помощником своего отца в делах благотворительности, помогал ему в управлении Мариинской и Александринской больницами. В 1879 году по поручению отца Николай Петрович побывал за границей, где ознакомился с работой известнейших европейских больниц. Все самое лучшее предполагалось внедрить в подведомственных принцу П. Г. Ольденбургскому больницах.

Петр Георгиевич был дружен с императором Александром Николаевичем, приходившимся ему двоюродным братом. Его трагическая смерть 1 марта 1881 года отразилась на здоровье принца — он тяжело

заболел и 2 мая 1881 года скончался. В день похорон, по завещанию покойного, гроб с его телом провезли мимо Мариинской больницы, которой он посвятил большую часть своей жизни. И не случайно сквер перед больницей был выбран местом для установки памятника работы скульптора И. Н. Шредера «Просвещенному благодетелю принцу Петру Георгиевичу Ольденбургскому», открытие и освящение которого состоялось 5 (18) июня 1889 года в высочайшем присутствии. На памятнике принц в полный рост, в военном мундире с эполетами, левой рукой опирался на книги, положенные на полуколонну с каннелированной верхней частью. Статуя была установлена на гранитном четырехгранном постаменте, на боковых гранях которого располагались бронзовые барельефы на следующие сюжеты: принц принимает экзамен в Екатерининском институте; экзамен в Училище правоведения; сцена в детской больнице с принцем у кровати больного ребенка.

Иначе была оценена деятельность принца после октября 1917 года: «Пруссачество, казенщина и бюрократизм, усиленно насаждаемые управляющим больницей, преемником Марии Федоровны по “благотворительной линии” принцем Ольденбургским, серьезно затрудняли развитие самобытной русской медицины, отравляли живую и глубоко гуманную по своему характеру организации больничного дела, сковывали усилия передовых русских врачей»¹⁵.

К сожалению, судьба памятника оказалась трагической. В 1918 году новая власть убрала из названий городов, улиц и учреждений все, что напоминало о прежней жизни. Литейный проспект стал проспектом Володарского, а Мариинская больница получила наименование «В память Жертв Революции». В конце 1920-х годов началось и уничтожение сохранившихся еще к тому времени памятников царского режима.

Осенью 1929 года некий Яни Рукк обратился в отдел охраны памятников Ленинграда с предложением сделать на памятнике следующую надпись:

*«Благодетель»
Под бременем чинов (иль геморроя)
Согнувшись, сеял здесь презренье,
Теперь же суждено, так стоя,
Лишь пожинать одно презренье.*

24 октября 1929 года Управление благоустройства так ответило на это предложение: «Надпись устраивать на памятнике принцу Ольденбургскому нецелесообразно, т. к. он вообще не достоин, чтобы устраивались надписи, и сейчас вопрос разрешается о снятии его совершенно»¹⁶.

17 октября 1934 года «Вечерняя Красная газета» сообщила об устройстве декоративного фонтана из гранита перед больницей «В Память Жертв Революции»: устанавливается медная чаша со змеей.

В 1935 году больница получила новое наименование — имени Куйбышева, в память о только что скончавшемся соратнике великого вождя, и в 1938 году в недрах Ленсовета рождается очередная агитационно-политическая идея: «Памятник В. В. Куйбышеву намечено установить на проспекте Володарского у больницы его имени к 22-й годовщине Октябрьской революции»¹⁷. Через два дня после публикации сообщения в газете, председатель Ленгорсовета А. Н. Косыгин подписал протокол заседания Ленсовета, на котором рассматривался вопрос о включении в план 1939 года строительства памятника и выделении средств на строительство в 1940 году. 30 декабря 1939 года газета «Ленинградская правда» сообщила об окончании конкурса на проект памятника Куйбышеву, но, видимо, война с Финляндией, а затем с Германией помешали осуществлению этой идеи.

26 февраля 2007 года губернатор города В. И. Матвиенко подписала постановление № 203 «Об установке памятника принцу П. Г. Ольденбургскому»: «Установить в 2008 году в нише, образованной оградой здания городской Мариинской больницы, воссозданный памятник П. Г. Ольденбургскому».

К сожалению, постановление это до сих пор не удается выполнить из-за финансовых трудностей.

Но и существующие в настоящее время здания, практически все построенные в период управления больницей П. Г. Ольденбургским и более полутора веков выполняющие необходимые для больницы функции, также являются памятником принцу. По воспоминаниям современника, в начале 1880-х годов «Мариинская больница представляла собой целый городок, в котором размещались 12 каменных и 2 деревянных корпуса. Все это было окружено каменными заборами и изолировано от окружающего мира задрами соседних домов. Здесь был большой сад для больных, в котором они почти не бывали, и сад принадлежал детям служащих».

При строительстве новых корпусов в 1960-е годы были снесены деревянное и каменное летние здания, а в 2014 году — прачечная, кухня и изоляторный корпус, построенный в 1904 году. Прогресс не остановить. Некоторые здания технического назначения стали помехой в развитии больницы. Новый грандиозный проект предполагает дальнейшее развитие Мариинской больницы и повышение ее роли в медицине Санкт-Петербурга.

Примечания

1. *Анненкова Э.А., Голиков Ю.П.* Принцы Ольденбургские в Петербурге. — СПб.: Росток, 2004. — С. 158–165.
2. *Попов Г.* Мариинская больница для бедных в Санкт-Петербурге 1803–1903. Исторический очерк / под. ред. А.А. Троянова. — СПб., 1905. — С. 20–21.
3. РГИА. Ф. 758. Оп. 15. Д. 167
4. *Попов Г.* Мариинская больница для бедных в Санкт-Петербурге 1803–1903. Исторический очерк / под. ред. А.А. Троянова. — СПб., 1905 — С. 21.
5. Там же. С. 22–23
6. ЦГИА. Ф. 206. Оп. 1. Д. 29. Л. 1.
7. Мариинская больница для бедных в Санкт-Петербурге 1803–1903. Исторический очерк / под. ред. А.А. Троянова. — СПб., 1905. С. 23.
8. Там же. С. 23–24.
9. *Кусков Н.И.* Краткий исторический очерк 50-летнего существования Александринской женской больницы /составлен Н.И. Кусковым и Лапотниковым ред. лейб-хирурга Е.В. Павлова. — СПб.: тип. В. Киршбаума. 1899. С. 1.
10. Там же. С. 2–3.
11. Там же. С. 6–9
12. Мариинская больница для бедных в Санкт-Петербурге 1803–1903. Исторический очерк / под. ред. А.А. Троянова. — СПб., 1905. С. 32.
13. Там же. — С. 33.
14. Там же. С. 33–34.
15. ЦГА СПб. Ф. 3199. Оп. 4. Д. 175. Л. 7–9.
16. Красная газета. — 7.11.1938, № 231. С. 4.
17. ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 17. Д. 86. Л. 126.

Ю.А. Мазинг

Возникновение первого в мире медико-биологического исследовательского центра — Императорского института экспериментальной медицины

Санкт-Петербург — Петроград — Ленинград — Санкт-Петербург удивительный город. Он неповторимо прекрасен своими домами и набережными, прямыми, четко спланированными улицами и устремляющимися ввысь шпилями, чарующими трелями соловья в зябких сумерках белых ночей. Нигде в мире нет большей роскоши пригородных дворцов и парков, музейных коллекций. Описать очарование Петербурга невозможно, его нужно хотя бы раз увидеть. Город создавали люди. Но и Петербург создавал своего жителя, уникальное явление XX века: петербуржца, ленинградца. Ленинградцы потрясли весь мир. Они же вернули своему городу имя святого Петра, имя которое дал ему основатель — Петр Великий. В судьбе города сплетались судьбы людей. Образом неожиданным, причудливым, но всегда закономерным. Здесь, в Петербурге, зарождалась российская наука. Одна из стремительно возникших жемчужин Петербурга — Императорский Институт Экспериментальной Медицины (ИИЭМ) вслед за городом много раз менял свое название — Государственный институт экспериментальной медицины (ГИЭМ), Всесоюзный институт экспериментальной медицины (ВИЭМ), Научно-исследовательский институт экспериментальной медицины АМН СССР (НИИЭМ АМН СССР), а сегодня Федеральное государственное бюджетное научное учреждение (ФГБНУ) «Институт экспериментальной медицины» (ИЭМ).

Институт этот возник благодаря принцу Александру Петровичу Ольденбургскому, который в силу происхождения, общественного положения и собственного ума обладал исключительными возможностями. Он оказался способным создать принципиально новый научный коллектив и обеспечить его всем необходимым для

успешного творчества. ИЭМ в силу особенностей своей структуры и организации научных исследований, по своему социальному влиянию, теоретическому и интеллектуальному потенциалу, активному решению фундаментальных медико-биологических проблем и прикладных задач, занял особое место в системе научных исследований и общественном сознании России, стал одним из наиболее продуктивных системообразующих центров развития медико-биологических исследований России — СССР. Именно здесь на рубеже XIX и XX веков в его рамках впервые был апробирован и отработан принципиально новый тип взаимодействия наук о живом, сегодня именуемый биомедициной.

Как Попечитель¹ ИИЭМ принц А. П. Ольденбургский встал во главе учреждения: общался с вышестоящими инстанциями, утверждал все решения, касавшиеся основных вопросов внутренней жизни, принимал, увольнял, направлял в командировки научных сотрудников. «Правой рукой» Попечителя был директор Института. Помимо руководства одним из научных отделов и рутинной административной работы, директор председательствовал на заседаниях Совета Института, а по должности становился членом медицинского совета МВД России.

Для Александра Петровича появление исследовательского учреждения было качественным скачком в области благотворительной деятельности. До этого ему довелось создавать и управлять больницами, приютами, учебными заведениями, общинами сестер милосердия. ИЭМ стал для него, для России принципиально новым явлением в благотворительности. В конце 1888 года принц А. П. Ольденбургский получил разрешение императора Александра III на создание в Петербурге Института при Свято-Троицкой общине сестер милосердия по типу созданного в 1887 году в Париже Института Л. Пастера, но без «содержания от казны». Вот как характеризовала «Реальная энциклопедия медицинских наук» [1893, с. 707] причины его возникновения: «Следя за быстрыми успехами патологии и терапии заразных болезней за последние годы, — успехами, достигнутыми преимущественно при помощи бактериологических методов исследования, Его Высочество решился создать учреждение, специально посвященное разработке вышеупомянутых областей знания, в котором бы научные работники по всем специальностям, соприкасающимся с этой областью, могли, не отвлекаясь препода-

ванием и не стесняясь средствами, производить свои исследования при наивозможно благоприятных условиях».

Местом размещения будущего Института был выбран Аптекарский остров Санкт-Петербурга. Еще в начале XVIII века эта северо-восточная часть Аптекарского острова была занята заболоченным лесом, типичным петербургским ландшафтом, среди которого хорошо просматривались окопы русских войск. Только в начале XIX столетия здесь проложили дороги и пожаловали участки под строительство деревянных дач. Все началось с покупки участка земли у жены инженера, статского советника, учительницы О. Н. Михальцевой участок земли под полицейскими №№ 38–40. За этот участок, разделенный Лопухинской улицей, общей площадью в двух местах 3,75 га (8230 кв. сажени), с находящимися на ней дачей и деревянными строениями, принц А. П. Ольденбургский выплатил 55 тыс. рублей серебром владелице и 26 509 рублей 15 копеек Санкт-Петербургскому городскому кредитному обществу по залогу [ЦГИА СПб, фонд 2282, оп. 1, ед. хр. 17].

Новое учреждение часто именовали «Институтом принца Ольденбургского» или «Институтом для изучения заразных болезней». Анализ литературных и архивных материалов позволяет предположить, что обоснование необходимости организации нового исследовательского института осуществил К. Я. Гельман, он же разработал проект первого положения о нем. Александр Петрович создает особый комитет, который должен был выработать структуру и направление научной деятельности возникшего исследовательского учреждения. В состав комитета вошли семь человек: В. К. фон Анреп — физиолог и токсиколог, профессор Еленинского клинического института; М. И. Афанасьев — бактериолог, профессор и директор Еленинского клинического института; К. Я. Гельман, магистр ветеринарии и В. А. Краюшкин — сотрудники Петербургской Пастеровской прививочной станции; И. П. Павлов — физиолог, профессор Медико-Хирургической академии; А. В. Пель — фармацевт и фармаколог, профессор Еленинского клинического института, директор Института органолептических веществ; Э.-Л. Ф. Шперк — дерматолог и сифилидолог, главный врач Калинкинской больницы, внештатный сотрудник Петербургской Пастеровской прививочной станции. Техническую часть подготовки к проектированию будущих зданий и сооружений выполнил инженер Э. А. Ганнекен.

С 1888 по 1890 год шла интенсивная работа по организации нового института. После всестороннего обсуждения проекта, структуры, штатов будущего учреждения члены комитета пришли к решению о создании особого научного центра, более широкого профиля, нежели Пастеровский институт в Париже. Примечательно, что главной задачей института предполагалось изучение причин возникновения различных инфекционных заболеваний и разработка способов борьбы с ними. Исходя из выдвинутых задач, а также для того, чтобы подчеркнуть характерную особенность направления исследований — экспериментальное изучение сущности производимых болезнетворными началами изменений в тканях и функциях организма, изыскания способов борьбы с ними, новое научное учреждение было предложено назвать Институт Экспериментальной Медицины.

Главной идеей, положенной в основу Института стало, по словам Э.-Л. Ф. Шперка [Архив научной библиотеки ИЭМ, дело № 2, Л. 3], «создать учреждение, которое дружными коллективными силами специалистов по разным предметам могло бы сделать то, что недоступно силам одного ученого». По его словам, деятельность Института началась 11 ноября 1890 года, когда первому больному ввели открытый Р. Кохом туберкулин.

Поздней осенью 25 ноября 1890 года Институт посетил император России Александр III. 6 декабря в Гатчине он подписал указ о принятии Института экспериментальной медицины «в государственное достояние» и даровании ему наименования «Императорский». Особым указом Правительствующему Сенату принц А. П. Ольденбургский был назначен попечителем ИИЭМ (письмо Александра III принцу А. П. Ольденбургскому). По повелению императора деятельность Института началась немедленно, еще до официального утверждения Устава. Торжественное открытие и освящение Института Экспериментальной Медицины (ИЭМ) состоялось 8 (21) декабря 1890 года, с этого дня начинается его официальное существование. Институт был принят в казну и получил наименование «Императорский». Очевидно, что здесь принцу А. П. Ольденбургскому удалось сконцентрировать лучшие научные силы конца XIX столетия по различным направлениям биологии и медицины, в частности, по медицинской бактериологии. Следует отметить, что такие сотрудники Института, как К. Я. Гельман,

А. А. Владимиров, С. Н. Виноградский, М. В. Ненцкий, да и многие другие имели личные контакты с Л. Пастером, Э. Ру, Р. Кохом, работая в их лабораториях или приглашая их к себе.

Принц А. П. Ольденбургский входил во все стороны жизни своего детища. 15 июня 1890 года он положил начало научной библиотеке, передав в ее распоряжение более 300 томов. Книги эти с той поры бережно сохраняются в библиотеке ИЭМ. Появление исследовательского учреждения стало качественным скачком в благотворительной деятельности принца. До этого ему доводилось создавать и управлять больницами, приютами, учебными заведениями, общинами сестер милосердия. ИЭМ стал и для него, и для России принципиально новым явлением благотворительности.

Большое внимание он уделил кандидатуре директора создаваемого Института. Во всей доступной нам историко-архивной, научной и мемуарной литературе мы не обнаружили случаев, когда бы Александр Петрович советовался с кем-либо по кадровым вопросам. По всей видимости, он действительно обладал необходимой эрудицией. Это подтверждает, например, Л. А. Орбели. Характеризуя А. П. Ольденбургского, он пишет: «Я так и не знаю, понимал ли он что-либо в физиологии, но вообще он был просвещенным человеком. В 1890 г. он основал Институт экспериментальной медицины. В этом институте ему захотелось организовать физиологическое отделение. Он узнал (не знаю, кто его в этом отношении просветил), что есть у нас выдающийся физиолог, Иван Петрович Павлов, и он предложил ему сначала стать директором института, а когда от этого Иван Петрович отказался, возглавить физиологический отдел» [Орбели Л. А., 1966, с. 49]. Александр Петрович хорошо осознавал важность того, чтобы новое детище возглавил русский ученый с мировым именем. Он очень хотел, чтобы новое учреждение возглавил И. И. Мечников. Но Илья Ильич категорически отказался. Столь категорично отказался и И. П. Павлов. После долгих раздумий, летом 1891 года, директором Императорского Института Экспериментальной Медицины был назначен Э.-Л. Шперк.

В проекте создания Института предусматривалась организация структурных подразделений, которые должны были заниматься разными проблемами инфекционной патологии и в частности изучением сифилиса, бешенства, сапа, сибирской язвы, а также разработкой способов борьбы с ними, исследованиями в области физиологии,

*Персонал ИИЭМ летом 1893 г.
В центре принц А.П. Ольденбургский*

биохимии, бактериологии. Уже в конце 1890 года первым таким подразделением стала Петербургская Пастеровская станция, которая вошла в состав Института как практическое отделение предохранительных прививок по способу Л. Пастера (руководитель — В. Н. Краюшкин). Во время перевозки имущества из помещений станции на Конногвардейском бульваре прививки были прерваны всего на 3 дня, пока не наладили дело на новом месте. Ее разместили в главном здании ИИЭМ, где были три лабораторные комнаты, крольчатник и большой приемный зал для ожидания больных. Кроме того, была устроена особая полутемная комната с эластичными деревянными стенами на случай необходимости помещать в нее людей, заболевших «гидрофобией». За время существования Практического отделения, как писал заместитель директора по научной работе Оскар Оскарович Гартох (1881/82–1942) в лекции, посвященной 50-летию ИЭМ «... было привито более 100 тыс. человек покусанных людей. Если бы эти люди остались не привитыми, то по опыту до прививочного периода из них скончалось бы от му-

чительной смерти не меньше 5000 человек. Умерло же из них всего 250 человек, 4750 людям была спасена жизнь» [Архив Библиотеки, дело № 4]. В значительной мере этот выдающийся результат обеспечил профессор Василий Григорьевич Ушаков (1865–1953), один из крупнейших специалистов по бешенству в России и СССР.

Утверждение Временного Устава, штата и выделение средств на содержание ИИЭМ в 1891 году создавали условия, необходимые для практического осуществления мероприятий, связанных с реальным открытием нового исследовательского учреждения — формированием отделов, приглашение и подбор сотрудников. Деятельность научных подразделений начиналась в 1891 году по мере укомплектования штата: Отдел физиологии, заведующий И. П. Павлов, с 13 июня; Отдел патологической анатомии, заведующий Н. В. Усков, с 23 июня; Отдел физиологической химии, заведующий М. В. Ненцкий, со 2 июля; Отдел общей бактериологии, заведующий С. Н. Виноградский, с 8 августа; Отдела эпизоотологии, заведующий К. Я. Гельман, с 14 августа; Отдела сифилидологии, заведующий Э.-Л. Ф. Шперк, с 6 ноября. Штаты отделов предусматривались малочисленными и состояли лишь из заведующего с одним-двумя помощниками. Однако для проведения исследований предполагалось привлечение большого числа практикантов, причем последние должны были оплачивать возможность такой работы.

Первое заседание Совета ИИЭМ состоялось 21 сентября 1891 года под председательством Попечителя принца А. П. Ольденбургского в составе первых действительных членов института: Э.-Л. Шперка, И. П. Павлова, К. Я. Гельмана, М. В. Ненцкого, С. Н. Виноградского. К собравшимся обратился Попечитель ИИЭМ принц А. П. Ольденбургский, с ответной речью выступил исполнявший должность директора Э.-Л. Шперк:

«Ваше Высочество!

Приветствуя собравшийся сегодня в первый раз Совет Императорского Института Экспериментальной Медицины, Ваше Высочество вызвали к памяти нашей дорогие для всех нас воспоминания о посещении Института Государем Императором. Эти воспоминания живо переносят нас в то время, когда еще только создавался Институт, вступивший ныне в жизнь и деятельность. Каждый день истории Института, каждый положенный здесь камень каждая мельчайшая подробность внутреннего устройства, громко говорят об одном

и том же: о трудах, подъятых Вашим Высочеством на пользу дела, будущность коего Вы прозрели, когда оно было еще в зародыше. Все, кому привелось посетить созданный Вашим Высочеством Институт, сходятся в одном общем впечатлении, крайне счастливого и удачного сочетания условий, благоприятствующих занятию здесь наукой. Тем ближе знакомые эти условия нам, работающим в Институте. Мы каждый день все более и более открываем удобную, спокойную, уютную, эстетическую окружающую нас обстановку, в которой, благодаря Вашему Высочеству, нам приходится трудиться. Чтобы создать такую обстановку, было недостаточно одних благих намерений, требовалось глубокое понимание условий научных занятий и, прежде всего, конечно, уважение и любовь к самой науке. Этим энтузиазмом от науки проникнуты и только что выслушанные нами слова Вашего Высочества. Позвольте же нам, в ответ на Ваше приветствие, выразить нашу единодушную глубокую благодарность за неоцененную услугу, оказанную Вашим Высочеством отечественной науке созданием Института Экспериментальной Медицины, позвольте присоединить к нашей благодарности пламенное пожелание, чтобы впредь Институт пользовался счастьем иметь Ваше Высочество своим руководителем. Мы видим в этом лучший залог успеха для того общего дружного труда, в котором заключается смысл и цель основанного Вашим Высочеством Института».

Кадровая политика вновь созданного Института была исключительной прерогативой Попечителя. Не только директор, руководители отделов и отделений, но и их помощники назначались принцем лично. После положительных ответов «компетентных» органов, приведения к присяге и подписания клятвенного обещания (обычно в присутствии директора), обязательно следовал прием-представление нового сотрудника во дворце на Марсовом поле.

В качестве примера приведем приглашение, которое получил Е. А. Ганике (ЦГИА СПб. Ед. хр. 109. Л. 2).

«26 мая 1892

№ 861

Милостивый Государь Евгений Александрович!

Его высочество принц Александр Петрович Ольденбургский, Попечитель ИИЭМ, сего числа изволил назначить Вас Помощником Заведующего Физиологическим Отделом Института. Сообщая об этом, имею честь просить Вас пожаловать завтра, в среду

27 сего мая к 11 часам утра во дворец Его высочества принца Александра Петровича Ольденбургского, для представления Его высочеству Господину Попечителю Института.

Подписал: Эд. Шперк»

Прием-представление всегда происходил в кабинете принца на первом этаже, окно которого выходило на Летний сад.

Принц максимально использовал во благо Института все возможности, которые он имел благодаря своему положению близкого родственника семьи царствующего дома России. И очень внимательно следил за научным имиджем Института, прежде всего международным.

Не оставлял принц своими заботами семьи умерших сотрудников, в том числе идя и на «праведную ложь». Например, в письме на имя министра внутренних дел И. Н. Дурново в размере 1200 рублей из Государственного казначейства: «Вскрытие тела Гельмана удостоверило, что смерть его последовала от повреждения мозга вследствие удара в голову, нанесенного казенною лошадью при лечении ее Гельманом по служебной надобности от сапа», хотя ученый «...на Государственной службе находился в течение 14 лет 4 месяцев 27 дней, и потому вдова его не имеет прямого права на получение пенсии». Причем Александр Петрович прекрасно знает, что на вскрытии, которое производил Н. В. Усков в присутствии Э.-Л. Шперка и М. В. Ненцкого, записано следующее: «Мнение: Смерть произошла от размягчения левого полушария мозга по периферии фиброзной глиомы левой лобной доли, при обострении хронического катара кишечника», соответственно причина смерти никакого отношения к профессиональной деятельности не имеет. Пенсия была назначена в размере 600 рублей в год.

Участка О. Н. Михальцевой оказалось недостаточно для размещения всех подразделений ИИЭМ. Прежде всего, это касалось здания химической лаборатории или отдела биохимии. Поэтому 03 декабря 1891 года у А. С. Слепцовой, урожденной Кудрявцевой, жены гвардии штабс-капитана, за 48 тыс. рублей серебром был приобретен смежный участок земли общей площадью 3,5 га (5525 кв. саженей), также разделенный Лопухинской улицей, «со всеми находящимися на этой земле как каменными, так и деревянными постройками. Участком этим когда-то владела графиня И. И. Воронцова, затем граф И. И. Воронцов-Дашков, для которого в 1849 году

архитектор А. И. Ланге выстроил деревянный особняк. Он же девять лет спустя возвел ряд зданий, а также благоустроил и укрепил берег Малой Невки для новой владелицы — жены купца Кудрявцевой. Бывший особняк И. И. Воронцова-Дашкова приспособили под клуб Института (не сохранился), в нижнем этаже которого располагалась общая столовая на 20 посадочных мест. Был перестроен двухэтажный деревянный дом, в котором предусматривались помещения для служителей — семейных (одна комната с кухней) и холостых (комната на двоих). Комнаты были меблированы, предоставлялись постельное белье и рабочая одежда.

Хотя к этому моменту (с 08 июня) Санкт-Петербургское казначейство уже открыло в распоряжение Института кредит в сумме 131 660 рублей по смете МВД России (ЦГИА СПб, фонд 2282 дело 17, лист 83), для покупки земли эти деньги не могли быть использованы. Новое строительство, и в частности приобретение второго участка земли осуществлялось за счет специальных средств, образовавшихся из частных пожертвований. В Главной книге ИИЭМ (часть III-я, специальные средства) 18 сентября 1891 года было записано на приход «пожертвованные на образование особого капитала при ИИЭМ 136 000 рублей процентными бумагами в виде 5% билетов Государственного банка (101 тыс. руб.), 5,5% свидетельствами Крестьянского поземельного банка (35 тыс. руб.) и наличными деньгами в сумме 64 583 рубля 89 копеек, перечисленных А. П. Ольденбургским» (ЦГИА СПб, фонд 2282, ед. хр. 27). Капитал образовался за счет денежных средств, пожертвованных на расширение деятельности Института и строительство бактериолого-химической лаборатории. Жертвователями выступили действительный статский советник барон Г. О. Гинцбург (75 тыс. руб.), потомственный почетный гражданин Л. И. Бродский (75 тыс. руб.), потомственный почетный гражданин И. А. Вавельберг (25 тыс. руб.) и А. И. Зак (25 тыс. руб.). Разрешение принять пожертвование император Александр III подписал в Петергофе 10 июня 1891 года [ЦГИА СПб, фонд 2282, опись 1, ед. хр. 27]. Одну тысячу рублей пожертвовал Э.-Л. Шперк, кроме того, в июле 1891 года великий князь Константин Константинович передал принцу А. П. Ольденбургскому 3000 рублей наличными на постройку лаборатории для изучения сапа животных при ИИЭМ. Разрешение Императора Александра III было подписано на яхте «Александрия» 21 июля. Означенная сумма и про-

центы с капитала в размере 3250 рублей были зачислены Государственным казначейством на специальный счет Института 22 марта 1893 года [ЦГИА СПб, фонд 2282, оп. 1, ед. хр. 7].

Исследования ИИЭМ развивались в соответствии с поставленными задачами, предусматривавшими как всестороннее изучение причин болезней «главным образом заразного характера», так и решение практических вопросов борьбы с различными инфекционными заболеваниями. Разрабатывались методы борьбы с бешенством, холерой, сапом, сифилисом, сибирской язвой, дифтерией и другими болезнями. В 1892 году сотрудникам Института под руководством Э.-Л. Шперка пришлось впервые заняться делом государственного масштаба. Из Персии была занесена холера, которая появилась в Баку и Астрахани, и далее стала распространяться вдоль Волги. ИИЭМ принял деятельное участие в борьбе с этой эпидемией. К этой работе Э.-Л. Шперк привлек все наличные силы. Были поставлены опыты с новым типом дезинфекционных камер «системы Прохорова», создатель которых П. Н. Прохоров работал в это время практикантом в отделе сифилидологии. В Баку и Астрахань (врачи М. А. Ган и Г. И. Цумфт) были направлены научные экспедиции, а в самом Институте открыты курсы по подготовке врачей-эпидемиологов для отправки на холеру и курсы санитаров-дезинфекторов. Подготовку в стенах Института прошли 474 человека. Благодаря финансовой поддержке владельца Бакинских нефтепромыслов Э. Л. Нобеля в Баку было создано практическое отделение ИИЭМ (врачи Г. С. Шубенко и А. Г. Блахштейн). Вся эта работа способствовала увеличению популярности Института. Первый отчет о деятельности ИИЭМ, подписанный принцем А. П. Ольденбургским, был подан на имя министра внутренних дел И. Н. Дурново 23 августа 1893 года.

Путеводитель по столице, изданный к 200-летию Санкт-Петербурга, сообщал [Путеводитель, 1903]: «И. Институт экспериментальной медицины — высшее научно-медицинское учреждение академического типа. Сторонние лица охотно допускаются к производству научных исследований в лабораториях института». Как во Франции — Пастеровский институт, а в Германии — Коховский, так в России Императорский институт экспериментальной медицины можно смело назвать колыбелью отечественной микробиологии и иммунологии. Крупнейшие достижения в этой области

были неразрывно связаны с первым медико-биологического центром России.

Золотыми буквами в анналы мировой науки вписаны работы его сотрудинок:

Открытие явления фиксации атмосферного азота микроорганизмами и процесса нитрификации, обеспечивающего плодородие почвы стало щедрым даром, который внесли С. Н. Виноградский и В. Л. Омелянский;

Открытие маллеина К. Я. Гельманом позволило ликвидировать сап в России и других странах мира;

Блестящей страницей явилось **освоение метода изготовления туберкулина** и разработки **диагностики туберкулеза крупного рогатого скота** А. А. Владимировым, В. Н. Матвеевым, М. В. Ненцким, К. И. Креслингом, благодаря которым были спасены от кишечного туберкулеза десятки тысяч детей России.

Первые в России научные **исследования по чуме, холере, дизентерии, первые вакцины, первые лечебные сыворотки, первые прививки против чумы, холеры, дифтерии, первые исследования бледной спирохеты**, и решение других проблем экспериментальной медицины — все это из года в год, в неутомимой работе, привносил Императорский институт экспериментальной медицины в отечественную и мировую науку.

За делами этими стоят талантливые и самоотверженные люди, первые изомовцы — дерматолог и сифилидолог Эдуард-Леонард Фридрихович (Федорович) Шперк (1837–1894), Кристап Янович Гельман (1848–1892), один из основоположников общей микробиологии Сергей Николаевич Виноградский (1856–1953), первый Нобелевский лауреат России академик Иван Петрович Павлов (1849–1936), патолог и микробиолог, основоположник эпидемиологии, впоследствии первый президент Украинской АН Даниил Кириллович Заболотный (1866–1929); биохимик Маркел (Марцелий) Вильгельмович Ненцкий (Nencki, 1847–1901), микробиолог и общественный деятель профессор Александр Александрович Владимиров (1862–1942), ученица Р. Коха Надежда Карловна Шульц (1839–1917), первая в России женщина-профессор, биохимик Надежда Олимпиевна Зибер-Шумова (1856–1916), первый русский гематолог, профессор Николай Васильевич Усков (1849–1899), доктор философии Цюрихского университета, впоследствии один из создателей

польской Академии медицинских наук Симон-Леонард Конрадovich Дзержговский (1866–1928), патолог, создатель радиобиологии Ефим Семенович Лондон (1868–1939), один из основоположников нейробиологии Сергей Николаевич Метальников (1870–1946), патолог, философ и государственный деятель Сергей Михайлович Лукьянов (1855–1935) и многие, многие другие.

Литература

Архив научной библиотеки ИЭМ, дело № 2, Л. 3

Архив научной Библиотеки ИЭМ, дело № 4, Лл. 8–12.

Гуреева Н. М. Переписка Л. Пастера с некоторыми общественными деятелями России в конце XIX века. // Журнал микробиол., эпидемиол., иммунол. — 1960, № 6 — С. 117–121.

Орбели Л. А. Воспоминания. М. — Л.: Наука. 1966. 122с.

Путеводитель по столице. СПб. 1903. 376 с. Статья «Императорский институт экспериментальной медицины Е. И. В. Принца А. П. Ольденбургского».

Реальная энциклопедия медицинских наук. Медико-хирургический словарь (статья «Институт экспериментальной медицины»). СПб.: изд-во В. С. Эттингера. 1893, т. 7. С. 707–708.

Центральный Государственный архив Санкт-Петербурга. Фонд 2282. Опись 1. Ед. хр. 4. Лл. 7–12. Канцелярия. Журнал заседаний Совета Института за 1891 год.

Центральный Государственный архив Санкт-Петербурга. Фонд 2282. Опись 1. Ед. хр. 7

Центральный Государственный архив Санкт-Петербурга. Фонд 2282. Опись 1. Ед. хр. 17

Центральный Государственный архив Санкт-Петербурга. Фонд 2282. Опись 1. Ед. хр. 27

Центральный Государственный архив Санкт-Петербурга. Фонд 2282. Опись 2. Ед. хр. 109 Личное дело о службе Помощника заведующего научным отделом Института Евгения Александровича Ганике. Л. 2

Ю. А. Мазинг, Т. В. Андриюшкевич

Луи Пастер и принц Александр Петрович Ольденбургский

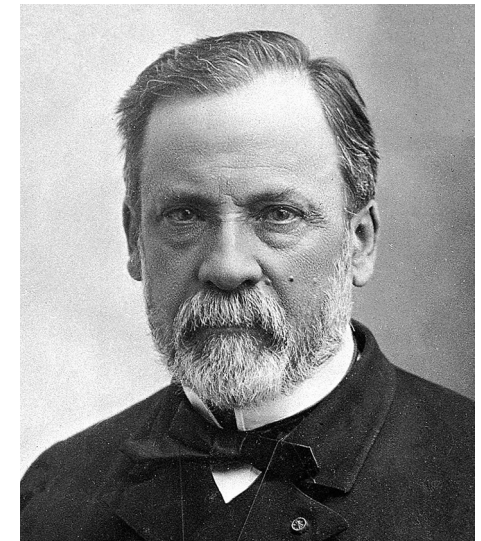
Во второй половине XIX века Луи Пастер (Pasteur L., 1822–1895) создает концепцию микробиологической природы разнообразных превращений химических соединений на Земле. Это сыграло решающую роль в развитии знаний о микроорганизмах и сделало микробиологию эпицентром многих научных дисциплин. Его работы по оптической и молекулярной диссимметрии закладывают основы стереохимии, открытие анаэробных микроорганизмов привело к кардинальному пересмотру учения о дыхании, а изучение проблемы самопроизвольного зарождения жизни сопровождается созданием принципиально новых приемов в бактериологии. Через три года он формулирует свою классическую теорию, согласно которой процесс брожения есть результат жизнедеятельности дрожжевых клеток [Pasteur L., 1857]. Л. Пастер в той или иной степени стал учителем практически всех первых русских бактериологов. И до конца своих дней всячески способствовал организации в России пастеровских станций.

Трудно переоценить работы Л. Пастера по изучению заразных болезней. Академик Василий Леонидович Омелянский (1867–1928), руководитель отдела общей микробиологии ИЭМ, писал в своей книге о нем: «Целые отрасли медицины — хирургия, гигиена, учение об инфекционных болезнях — были в корне реформированы работами гениального ученого. Самого же Пастера мы должны признать одним из величайших гуманистов, какого только знало человечество» [Омелянский, 1922]. Возникновение иммунологии как науки также неразрывно связано с успешным становлением микробиологии и работами Л. Пастера. Его сообщение в 1880 году о возможности профилактической иммунизации против куриной холеры можно считать точкой отсчета возникновения новой биологической дисциплины. По мере активного поиска и обнаружения микробиологами новых возбудителей заболеваний каждый

из них становился объектом интенсивных исследований, направленных на создание вакцины.

Нобелевский лауреат и сотрудник Института Пастера Илья Ильич Мечников (1845–1916) писал редактору «Русского слова»: «До какой степени применение на войне основ учения Пастера оказалось благодетельным, могут свидетельствовать следующие данные. Среди русских войск в Крымскую кампанию 1853–1856 гг., т. е. в допастеровскую эпоху, было убито 25 000, а от ран умерло 16 000, между тем как в Японскую войну 1904–1905 гг. в период полного применения принципов, выработанных Пастером, рядом с таким же количеством убитых (25 000) от ран умерло всего 6 000, т. е. почти в три раза меньше. Отсюда можно заключить, что гений Пастера помог спасти во время японской войны 10 000 русских жизней».

В российских лабораториях на протяжении нескольких лет пытались получить вакцину против сибирской язвы, однако ее вирулентность постоянно менялась из-за низкой степени очистки и неэффективной консервации препаратов. В ноябре 1891 года Императорское Вольное экономическое общество вынесло решение о командировании профессора Льва Семеновича Ценковского (1822–1887) и профессора Аркадия Александровича Раевского (1848–1916) к Л. Пастеру. Перед учеными ставилась задача установить эффективность пастеровской вакцины против сибирской язвы и освоить технологию ее приготовления. В марте 1892 года они прибыли в Париж. В отчете Л. С. Ценковский отмечал, что, хотя Л. Пастер и показал им основные приемы вакцинации, в обучении

Луи Пастер. Фото впервые опубликовано в журнале «Архив биологических наук» (1922. т. XXII), посвященном памяти ученого

специалистов из России официально отказал, сославшись на то, что его лаборатория не может заниматься учебным делом [Федотова, 2012]. Не исключено, что это было вызвано решением правительства России отклонить, как экономически невыгодное, предложение Акционерного Общества «Пастеровские вакцины», которому в 1881 году Л. Пастер передал право на производство вакцин, производить прививки от сибирской язвы.

В то же время известно, что после перенесенного в 1868 году инсульта Л. Пастеру было физически трудно участвовать в экспериментах, однако ученый продолжал генерировать идеи и руководить своими немногочисленными сотрудниками. Работа велась в двух маленьких лабораториях Нормальной школы, где Л. Пастер провел более 30-ти лет. В то же время следует вспомнить, что еще в 1886 году Л. С. Ценковскому и сотрудникам кафедры ботаники Харьковского университета удалось получить эффективную «споровую» вакцину для иммунизации животных. Тогда же командированный Одесским обществом врачей Николай Федорович Гамалея (1859–1949) побывал у Л. Пастера и, освоив метод вакцинации, привез в Россию вакцину против сибирской язвы. В 1887 году производство этой вакцины было организовано на одесской пастеровской станции, которой руководил И.И. Мечников². Специальная комиссия, созданная во главе с профессором Владимиром Константиновичем Высоковичем (1854–1912), проверявшая эту вакцину, в заключении указала: «...предохранительные прививки сибирской язвы, производимые по способу Ценковского, дают блестящие результаты, не уступающие французским» [Высокович, 1888].

Открытие Л. Пастером способа борьбы с водобоязнью запустило процесс институализации микробиологической науки. Проблема борьбы с бешенством носила сверхострый характер. Только по Москве бешеными животными с 1886 по 1910 год было укушено 76 552 человека. По всей видимости, именно принц Александр Петрович Ольденбургский (1844–1932) инициировал обращение министра народного просвещения И. Д. Делянова к министру внутренних дел графу Д. А. Толстому, который 25 декабря 1885 года писал: «Из иностранных периодических изданий я узнал, что министр народного просвещения в Венгрии, по согласованию с министром внутренних дел, отправляет врачей в Париж для изучения, под руководством академика Пастера, способа излечения от уку-

шения бешеных собак. Из тех же ведомостей известно, что Пастер с полной готовностью знакомит с этим способом обращающихся к нему врачей. Имея в виду, что случаи гидрофобии в России весьма часты, считаю свои долгом передать на усмотрение Вашего сиятельства, не изволите ли признать полезным отправить к Пастеру кого-либо из врачей вверенного Вам министерства или предоставить мне поручить попечителям учебных округов, по истребованию заключений медицинских факультетов, избрать для этой цели одного или двух профессоров университета...»³

Принц А. П. Ольденбургский, генерал-адъютант свиты Его Императорского Величества, генерал от инфантерии, сенатор и член Государственного Совета, сын принца П. Г. Ольденбургского (1812–1881), которому благодарные петербуржцы воздвигли памятник на Литейном проспекте, рядом с созданной им больницей, с момента рождения был зачислен в лейб-гвардии Преображенский полк прапорщиком. Получив прекрасное домашнее образование и прослушав полный курс в Училище правоведения, принц выбрал военную карьеру. Своему жизненному кредо «The right man in the right place» он оставался верен всю свою жизнь.

Принц Александр был женат на Евгении Максимилиановне, дочери в. кн. Марии Николаевны и герцога Максимилиана Лейхтенбергского, а Георгий Максимилианович, брат Евгении, был женат на сестре Александра Петровича. Евгения и Александр жили с родителями принца во дворце на Миллионной улице, 1 (или же Дворцовая набережная, 2). Вряд ли во всем Петербурге найдется место более красивое и приятное для жилья, чем то, где расположился дворец русских Ольденбургских, (так назвал их Иван Бунин в своих «Окаянных днях»). Нева, гранит набережной, великолепный Мраморный дворец, особняк Салтыкова, огромное Марсово поле и чудесный Летний сад. Дворец Ольденбургских был одним из блестящих и великолепных не только по своему внешнему и внутреннему убранству, но и по тому обществу, которое там собиралось на многочисленные балы и праздники, устраиваемые радушными хозяевами. Сегодня познакомиться с семьей Ольденбургских можно в очень многих книгах [Анненкова, 2014; Анненкова, Голиков, 1997, 2004], а подробности генеалогии изучить на сайте Всероссийского монархического общества (<http://monarchcenter.narod.ru/>).

В 1885 году командир Гвардейского корпуса принц А. П. Ольденбургский, человек широко образованный, активно поддерживавший распространение в России медицинских и биологических знаний, не мог не воспользоваться шансом спасти своего офицера, покусанного бешеной собакой, на собственные средства срочно отправив его в Париж к Л. Пастеру. Сопровождать больного он пригласил почетного лейб-хирурга и приват-доцента Императорской медико-хирургической академии военного врача Николая Александровича Круглевского (1844–1920), дабы последний мог ознакомиться с приемами приготовления «яда бешенства» и технологией прививок. Как писал Н. А. Круглевский [Круглевский, 1886], Л. Пастер *«... с необыкновенной любезностью и предупредительностью ознакомил меня со всеми подробностями своего способа и вообще заботливо относился к г. Д... и ко мне, принимая сердечное участие в условиях нашей жизни на чужбине»*. Но фиксированного вируса для прививок не дал. В это время он считал, что его лаборатория может обеспечить потребности всего человечества в лечении водобоязни. Поэтому начать прививки после возвращения Н. А. Круглевского было невозможно. Великий ученый, как и сегодняшние европейцы не мог представить себе ни масштабы России, ни состояния ее дорог. Он искренне верил, что *«... для лечения водобоязни больные из любой местности русского государства могут поспеть вовремя в Париж»*.

Принц сразу идет дальше, тут же, в ноябре 1885 года, поручив военному ветеринарному врачу Кристапу Яновичу Гельману (1848–1892) осуществить опыт прививки возбудителя бешенства, полученного от больной собаки и приступить к разведению «яда», как тогда называли вирус бешенства, на кроликах. Полгода спустя, 13 июля 1886 года, Пастеровская станция и лаборатория для проведения первых в стране исследований в области антирабического дела были устроены в двух комнатах при ветеринарном лазарете лейб-гвардии Конного полка [Андрюшкевич, Мазинг, 2011].

Первое заражение кролика бешенством К. Я. Гельман произвел 20 ноября 1885 года. В июне 1886 года А. П. Ольденбургский посещает лабораторию на улице Ульм и вновь просит направить в Петербург фиксированный вирус и лаборанта. Л. Пастер дает согласие. Когда в мае доктор Воинов привозит 7 человек, укушенных бешеной собакой в селе Рыбацком (сегодня это один из районов

Санкт-Петербурга), то после окончания лечения везет подарок Л. Пастера — зараженного фиксированным вирусом кролика. Следом из Парижа прибыли еще два кролика, зараженные 115-й и 116-й генерациями вируса. К этому моменту Петербургская лаборатория уже имела девять собственных генераций вируса бешенства [Ефременко, 1968].

Возглавить работы по организации в Петербурге станции «предупредительного лечения водобоязни по способу Л. Пастера», а в дальнейшем и руководить ее научной деятельностью, принц А. П. Ольденбургский поручил К. Я. Гельману. Именно принцу принадлежала идея создания в России специального учреждения для прививок против бешенства [Круглевский, 1886; Ланге, Голиков, 1989].

Знакомство с работами Л. Пастера и большие перспективы, открывшиеся перед зарождавшейся бактериологией, побудили К. Я. Гельмана посвятить себя изучению микроорганизмов. Особый интерес он испытывает к тем процессам, которые вызывают микроорганизмы у животных. Приехав по приглашению А. П. Ольденбургского в Петербург и получив назначение ветеринарным врачом в лейб-гвардии Конный полк, К. Я. Гельман вскоре стал одним из наиболее известных специалистов столицы. Об этом периоде его жизни А. А. Владимиров, преемник К. Я. Гельмана на посту руководителя отдела эпизоотологии ИИЭМ, писал: *«...практика, поглощавшая все его физические силы, не ограничила его запросов к науке; напротив, именно она разжигала и поддерживала в нем потребность разрабатывать научно те бесчисленные задачи, которые сама же ему*

*К. Я. Гельман, магистр ветеринарных наук.
Фото из архива музея ИИЭМ*

предъявляла. Когда же, наконец, ему представилась возможность исполнить свою заветную мечту и посвятить часть своего времени научно-лабораторной деятельности, то опять-таки практика оказала благотворное влияние на его работы» [Владимиров, 1902].

Большой интерес представляет переписка К. Я. Гельмана с Л. Пастером, который интересовался всеми делами Петербургской станции. Даже в очень тяжелый для великого французского ученого период нападков на его метод (декабрь 1886 — январь 1887 года) он ее не прерывал.

После ухода (05 октября 1886 года) со Станции Н. А. Круглевского на его место был назначен военный врач Владимир Алексеевич Краюшкин (1854–1920), который вплоть до своей смерти возглавлял антирабическую помощь в Петербурге-Петрограде. Ученый потратил немало труда, чтобы выяснить влияние фиксированного вируса на организм животного. Результаты этих исследований были оформлены в виде диссертации «К вопросу о действии фиксированного (кроличьего) яда бешенства животных», за которую автору конференция Императорской Военно-медицинской академии присвоила докторскую степень (1896).

О первых пяти годах деятельности станции в отчетах Медицинского департамента представлены небольшие справки. Позже опубликован сводный отчет В. А. Краюшкина за 1886–1891 годы, который лег в основу его доклада на VII Международном конгрессе по гигиене и демографии (Лондон, 1891 год). Подробный отчет о результатах работы в 1886–1887 гг. имеется в выступлении городского головы В. И. Лихачева на заседании городской думы Санкт-Петербурга 18 марта 1887 года, посвященном работе станции «предупредительного лечения водобоязни по методу Л. Пастера», «После поездки, в ноябре 1886 года, принца А. П. Ольденбургского с доктором Шперком и магистром Гельманом во Францию, к Пастеру, для личного ознакомления с вопросами о перенесении сифилиса на животных и об изменении методов предохранительных прививок бешенства и сибирской язвы, магистр Гельман начал производить на петербургской станции опыты над прививкой сибирской язвы с целью определить ее силу и предохранительные свойства.

С самого основания петербургской станции производились на ней разные опыты над 1522 кроликами, 112 собаками, 56 обезья-

нами, 59 морскими свинками, 46 крысами обыкновенными, 16 крысами белыми, 8 кошками, 4 утками, 2 голубями, 2 овцами, 2 поросятами и 1 ослом. Устройство и содержание петербургской станции до 13 января 1887 года стоили более 16 000 рублей; ежемесячный на нее расход для производства лечения и опытов в тех размерах как ныне простирается до 600 рублей, не считая труда врачей, приносимого ими безмездно на пользу науки.

Нет сомнения, что ни в одном из городов России, — Москве, Варшаве, Харькове, Самаре и Одессе, где до сих пор устроены станции предохранительной прививки бешеного яда по способу Пастера, ни одна станция не начала свою деятельность с подобными обширными средствами, как станция петербургская, от которой поэтому можно ожидать громадной пользы для науки и человечества вообще, не говоря уже о пользе, приносимой ею местному населению С.-Петербурга» [Лихачев, 1887, С. 7].

А. П. Ольденбургский писал в 1888 году, что бешенство, сифилис, рожа, оспа, сибирская язва, сап и другие болезни исследуются на станции «не только с бактериологической точки зрения, но и с целью изучения действия на организм человека и животных заразного начала, как организованного (микроорганизма), так и химического, или другими словами, с целью изучения способа приобретения иммунитета (невосприимчивости к заразе)» [цит. по Ефременко, 1968].

Именно по инициативе К. Я. Гельмана в стенах Петербургской станции впервые в России были предприняты систематические исследования патогенных микробов и разработаны меры борьбы с рядом инфекционных заболеваний. Сравнительный анализ результатов деятельности Петербургской пастеровской станции и других аналогичных учреждений России показывает, что если Одесская бактериологическая станция является первой по времени образования, то по объему проделанной работы в области бактериологии первое место следует отнести Петербургу. Таким образом, помимо узкой практической задачи — лечения больных, пострадавших от бешенства животных, К. Я. Гельман, Э.-Л. Шперк, В. А. Краюшкин попытались приступить к решению фундаментальных проблем общей бактериологии и эпидемиологии. В то же время, поскольку станция содержалась только на средства А. П. Ольденбургского, ни помещение ветеринарного лазарета, ни штатные возможности, не позволяли развернуть фундаментальные научные исследования.

Создание русских пастеровских станций имело исключительное значение для отечественной медицинской науки и практики. Хотя все станции занимались только практической деятельностью, а их редкие наблюдения (Одесса, Харьков) были посвящены исключительно проблемам вакцинации против бешенства, тем не менее, на их базе впоследствии выросли многие бактериологические институты (Харьков, Москва, Одесса). Но лишь в Петербурге Пастеровская станция переросла в государственное научно-исследовательское учреждение университетского типа — Императорский Институт Экспериментальной Медицины, первый гражданский национальный медико-биологический центр, обеспечивший развитие таких научных дисциплин как бактериология, инфекционная иммунология, эпидемиология, вирусология, физиология, патология, биохимия. И в этом прямая заслуга принца А. П. Ольденбургского.

Научные наблюдения на Петербургской Пастеровской станции стали проводить с ноября 1885 года, еще до официального открытия 13 июля 1886 года. Хорошо известно, что Л. Пастер очень внимательно следил за работой русских станций, однако особенно тесные и близкие контакты у него установились лично с А. П. Ольденбургским и сотрудниками Петербургской станции. В своей речи Городской голова В. И. Лихачев фактически говорит о станции как о филиальном отделении парижского института Пастера, который все усовершенствования в методе лечения немедленно сообщает петербургским коллегам [Лихачев, 1887]. На этот же факт обращает внимание в своей монографии и профессор С. Э. Шноль [2001].

Основываясь на предложениях К. Я. Гельмана, принц А. П. Ольденбургский в конце 1888 года получил разрешение у императора Александра III создать в Петербурге Институт, подобный Пастеровскому, при Свято-Троицкой общине сестер милосердия, но без содержания от казны. На собственные средства он приобретает участок земли со строениями на Лопухинской улице, 12. Принц привлек к организации нового, первого в России исследовательского учреждения в области медицины и биологии ведущих специалистов в сфере теоретической и практической медицины, обладавших конкретным административным опытом [Грекова, Голиков, 2001].

После всестороннего обсуждения проекта, структуры, штатов будущего учреждения члены комитета пришли к решению о соз-

дании особого научного центра, более широкого профиля, нежели Пастеровский институт в Париже. Главной задачей института предполагалось изучение причин возникновения различных инфекционных заболеваний и разработка способов борьбы с ними. Исходя из выдвинутых задач, а также для того, чтобы подчеркнуть характерную особенность направления исследований — экспериментальное изучение сущности производимых болезнетворными началами изменений в тканях и функциях организма, изыскания способов борьбы с ними, новое научное учреждение было предложено назвать Институт Экспериментальной Медицины.

После смерти великого Пастера созданный им институт и ИИЭМ продолжали активно взаимодействовать. Примером может служить письмо Э. Ру (Roux E., 1853–1933) от 14 марта 1898 года принцу А. П. Ольденбургскому⁴:

«Ваше Высочество,

Г-н Мечников и я выражаем Вам признательность за ту поспешность, с которой Вы разрешили г-ну д-ру Заболотному продолжить работу в Институте Пастера.

Наши опыты с противочумной сывороткой, изготовленной при помощи растворимого токсина, весьма удовлетворительны. Они вселяют в нас надежду на возможность излечения чумы в большинстве случаев заболевания и на предупреждение этой болезни путем предохранительных инъекций. В связи с этим было бы крайне важно использовать вспышки чумы в Бомбее для проведения решающего опыта, могущего определить ценность наших средств защиты от чумы...»

Итогом первых 25 лет деятельности ИИЭМ в первую очередь стало то, что, как отмечал в своих воспоминаниях генерал от кавалерии А. А. Брусилов (1853–1926), во время войны 1914–1918 гг. на фронте ни разу не возникало проблем с инфекционными заболеваниями [Брусилов, 1929]. Добавим, и во время гражданской войны тоже. Причем, с нашей точки зрения, значительная заслуга здесь вновь принадлежит принцу А. П. Ольденбургскому, уже как Верховному начальнику санитарной и эвакуационной части России и его заместителю профессору А. А. Владимирову, обеспечивавшему, помимо непосредственного руководства, научное сопровождение мероприятий, направленных на поддержание эпидемиологического благополучия.

Первая мировая война и последовавшие за ней русские революции привели к мощным социально-экономическим потрясениям. Российская империя исчезла, возникла новая власть, новое государство. Институт получил новое имя — Государственный институт экспериментальной медицины (ГИЭМ) и вместе со всей страной стал приспособляться к новым реалиям жизни. Новая власть вынуждена была считаться с учеными Института — в стране свирепствовали голод, разруха, эпидемии. А бороться с холерой, тифом, чумой можно было, лишь наладив санитарно-эпидемиологическую службу в новой России. Но связь с Парижем не прерывалась. Например, Институт Пастера обеспечил С. Н. Виноградскому возможность осуществить программу работ по почвенной микробиологии и создать новую дисциплину — экологическую микробиологию. Его лаборатория в Бри-Комт-Робер была открыта 23 мая 1923 года, в день столетия Л. Пастера.

Луи Пастер совершил прорыв в медицинской биологии, доказав, что только микробы могут вызывать инфекционные заболевания. Благодаря гению ученого произошла глобальная смена научной парадигма, позволившая, и до сих пор позволяющая находить эффективные способы борьбы с инфекцией любой природы.

Принц А. П. Ольденбургский первым в мире осознал важность этого открытия с точки зрения научного менеджмента и на деле реализовал знаменитые слова великого ученого: «Никогда не доверяйте тому, что не подтверждено экспериментом». Во всей доступной нам историко-архивной, научной и мемуарной литературе мы не обнаружили случаев, когда бы Александр Петрович советовался с кем-либо по кадровым вопросам. Это убеждает нас в том, что он действительно обладал необходимой эрудицией. Думается не случайно Бреславльский (ныне Вроцлавский) университет удостоил Александра Петровича степени доктора медицины «honoris causa» за создание Императорского Института Экспериментальной Медицины

Александр Петровичу удалось не только собрать под одной крышей выдающихся ученых и организаторов исследований, но, что не менее важно, создать особую атмосферу, которая способствовала проявлению творческих начал каждой личности. Эффективное взаимодействие его с научным сообществом позволило выработать основные принципы управления научными исследованиями, которые сохраняют свою актуальность и в наши дни. Он не толь-

ко обеспечил высокий социально-экономический статус сотрудников и служащих, но высокий уровень материально-технического обеспечения исследований. В ИИЭМ размещались государственный запас обезьян, первая в мире операционная для экспериментальных животных, первый комплекс полной очистки сточных вод, первая в Петербурге локальная телефонная станция, лучшая в Европе кожная клиника. Примеры подобных инноваций можно продолжить.

Именно благодаря принцу А. П. Ольденбургскому на рубеже XIX и XX веков в ИИЭМ, где медицина предопределила комплексный характер научных работ, впервые был апробирован и отработан новый тип взаимодействия наук о живом, сегодня, сто лет спустя именуемый биомедициной.

Литература

Андриюшкевич Т. В., Мазинг Ю. А. Санкт-Петербургская пастеровская станция. // Медицинский академический журнал. 2011. т. 11, № 3. С. 112–121

Анненкова Э. А. Принцессы Ольденбургские. М.: Изд. Дом ТОНЧУ. 2014. 784 с.

Анненкова Э. А., Голиков Ю. П. Русские Ольденбургские и их дворцы... СПб.: ООО «Алмаз». 1997. 175 с.

Анненкова Э. А., Голиков Ю. П. Принцы Ольденбургские в Петербурге. СПб.: «Росток». 2004. 480 с.

Архив музея ИЭМ. Личное дело Д. К. Заболотного. На 272 листах.
Брусилов А. А. Мои воспоминания. Посмертное издание. М. — Л.: Гос. изд-во Отд. военной лит-ры, 1929. 249 с.

Высокович В. К. О причине невосприимчивости (иммунитета) // Врач. 1888. т. 9. С. 428–430; 485–488.

Владимиров А. А. Памяти К. Я. Гельмана. СПб. 1902. 11с.

Гартох О. О. Текст лекции без названия. Архив научной библиотеки ИЭМ. Архив О. О. Гартоха, дело № 4. Машинопись с правкой автора. 15 с.

Грекова Т. И., Голиков Ю. П. Медицинский Петербург. // СПб.: «Фолио-пресс», 2001. 416 с.

Гуреева Н. М. К истории организации института экспериментальной медицины. / В кн: Ежегодник. Институт экспериментальной

медицины АМН СССР. Отчет о научно-исследовательской работе института за 1956 год. Л., 1957. С. 628–637.

Гуреева Н. М. Переписка Л. Пастера с некоторыми общественными деятелями России в конце XIX века. // Журнал микробиол., эпидемиол., иммунол. 1960, № 6. С. 117–121.

Круглевский Н. А. О начале подготовительных работ по пастеровской станции // Врач. 1886. № 10 от 06 марта. С. 193–195.

Ефременко А. А. Деятельность Петербургской Пастеровской станции (1886–1890) // Сов. медицина. 1968. № 1. С. 148–151.

Ланге К. А., Голиков Ю. П. Становление и развитие В Институте экспериментальной медицины исследований в области эпидемиологии, микробиологии и иммунологии. / В сб: Акт. вопросы биол. и мед. Фундаментальные и прикладные аспекты. Л.: НИИЭМ АМН СССР, 1989, Вып.1. С. 134–142.

Лихачев В. И. С.-Петербургская станция предупредительного лечения водобоязни. Сообщение городского головы, В. И. Лихачева, Санкт-Петербургской городской думы в заседании 18 марта 1887 года. СПб:1887. Отд. Оттиск. 18 с.

Путеводитель по столице. СПб. 1903. 376с. Статья «Императорский институт экспериментальной медицины Е.И.В. Принца А. П. Ольденбургского».

Омелянский В. Л. Луи Пастер. Петроград: Научное хим.-техн. изд-во. 1922. 128 с.

Федотова А. А. Ветеринарная командировка почвовед Костычева // Историко-биологические исследования. 2012. Т. 4, № 3. С. 79–93.

Шноль С. Э. Герои, злодеи, конформисты российской науки. 2-е изд. М.: КРОН-ПРЕСС, 2001. 875 с.

Pasteur L. Mémoire sur la fermentation appelée lactique. // Compt. Rend. de l'Acad. Des Sci. 1857. vol. 45 P. 317–323.

Т. А. Трефилова

Роль семьи принцев Ольденбургских в создании общин сестер милосердия и возрождение памяти о них в современных сестричествах

Идея создания первой в России общины сестер милосердия принадлежит супруге принца П. Г. Ольденбургского принцессе Терезии. После путешествия по Европе, познакомившись там с деятельностью общин сестер милосердия, принцесса Терезия решила применить этот опыт в России. Ее поддержали дочери императора Николая I великие княгини Мария и Александра Николаевны.

В марте 1844 года во дворце принцев Ольденбургских состоялось собрание, учредившее новое для Петербурга благотворительное заведение: Общину сестер милосердия. Цель создания Общины заключалась в оказании вдовам, бедным женщинам и девушкам помощи в приобретении профессии сестры милосердия. Для управления ею был создан Дамский комитет, в него вошли одиннадцать представительниц высшего света. На 2-й Рождественской улице в районе, называемом «Пески», для общины был нанят небольшой каменный дом с садом. Пока шло переоборудование этого дома для нужд общины, во дворце принцев Ольденбургских члены Дамского комитета шили форму для сестер милосердия и белье для больных. При открытии Общины в ней имелось семь отделений: сестер милосердия для женщин 20–40 лет, которые обучались медицинской профессии; женская больница, богадельня для неизлечимых больных, пансион, приют для приходящих детей, исправительная детская школа, отделение кающихся.

Будучи первой и единственной в Петербурге, долгое время она была известна как Община сестер милосердия на Песках. В Общине была устроена православная домовая церковь во имя Живоначальной Троицы, в честь которой в 1874 году она получила название Свято-Троицкой. Попечительницей Свято-Троицкой общины

*Здание Свято-Троицкой общины сестер милосердия.
2-я Рождественская (после 1917 года — Советская) ул., дом 16.
Санкт-Петербург. XIX век*

сестер милосердия стала принцесса Терезия Ольденбургская, а после ее кончины в 1871 году — ее супруг принц П. Г. Ольденбургский, которого сменил после смерти отца в 1881 году принц А. П. Ольденбургский. Таким образом, с момента основания и до самой революции 1917 года Троицкая община находилась под покровительством членов семьи принцев Ольденбургских.

Кроме служения в больнице Общины сестры несли дежурства в госпитале лейб-гвардии Преображенского полка, в Детской больнице принца Петра Ольденбургского, а также ухаживали за больными на дому.

В 1912 году, когда праздновалось 100-летие со дня рождения принца Петра Георгиевича, сестры милосердия начали сбор пожертвований на установку в общине памятника ему, но начавшаяся Первая мировая война помешала этому.

Особо важно отметить деятельность старшей дочери принца П. Г. Ольденбургского великой княгини Александры Петровны (1838–1900). Став женой великого князя Николая Николаевича,

она в первый же год своего замужества по примеру своей матери приступила к основанию Покровской общины сестер милосердия на окраине Васильевского острова. В 1861 году император Александр II утвердил устав Покровской общины, согласно которому ее целью являлось попечение о больных, подготовка сестер милосердия и воспитание бедных детей. Устраивая Покровскую общину, великая княгиня предполагала на основе ее создать женский «деятельный» монастырь, в котором бы молитва сочеталась с трудами на благо страждущих.

*Великая княгиня
Александра Петровна*

*Покровская община сестер милосердия.
В. О., Большой пр., дом 85.
Санкт-Петербург. XIX век*

На сорок втором году жизни Александру Петровну постигла беда — ее карета перевернулась, и она получила травму позвоночника, на несколько лет лишившую ее возможности самостоятельно передвигаться. С разрешения мужа и императора Александра II в инвалидной коляске Александра Петровна переехала в Киев, который привлекал ее своими святынями и теплым климатом. Там она осуществила свою мечту о соединении монастыря и общины сестер милосердия, основав в Киеве женский Свято-Покровский монастырь. Это был необычный и единственный монастырь в России, монахини которого служили как сестры милосердия. После девяти лет неподвижности Александра Петровна исцелилась от своего недуга, смогла ходить и последние десять лет своей жизни служила больным как сестра милосердия, ухаживала за ними, не брезгуя никакой работой. При монастыре была открыта женская больница с терапевтическим и хирургическим, детским и инфекционным отделениями, а также богадельня для неизлечимо больных женщин, лечебница для приходящих больных, детский приют со школой и убежище для слепых. Больница была оборудована по последнему слову медицинской науки и техники, которую называли гордостью не только Киева, но и всей России. Весь Киев знал великую княгиню Александру Петровну и называл ее Великой матушкой, но она не забывала и созданную ею Покровскую общину сестер милосердия в Петербурге. Она ежегодно жертвовала большую сумму денег на нужды общины, вела переписку с сестрами милосердия. В последние годы своей жизни Александра Петровна приняла монашеский постриг с именем святой Анастасии Узорешительницы. После ее кончины попечителем Покровской общины стал ее племянник принц Петр Александрович Ольденбургский. К началу XX века Община представляла собой целый городок благотворительных заведений с тридцатью каменными и деревянными постройками, в которых разместились больница на 50 коек, аптека, амбулатория, приют для девочек и Покровская женская гимназия.

После революции Покровская община сестер милосердия стала Больницей имени В. И. Ленина, и перед ее главным зданием был поставлен памятник вождю революции. Стоит он и сейчас, занимая то место, где мог бы стоять памятник великой княгине Александре Петровне, в монашестве Анастасии, причисленной в 2010 году к лику святых.

Георгиевская община сестер милосердия была основана в Петербурге в 1870 году по инициативе графини Е. Н. Гейден и при непосредственном участии принцессы Евгении Максимилиановны Ольденбургской, которая со дня основания возглавила Комитет по управлению этой общиной. Георгиевская община находилась на Выборгской стороне, недалеко от Императорской Военно-медицинской академии. На свои средства супруги Е. М. и А. П. Ольденбургские открыли фельдшерские курсы при Георгиевской общине, где преподавали многие известные врачи. До самой революции принцесса Евгения Максимилиановна была почетной председателем комитета этой общины. После революции помещения Георгиевской общины передали Больнице имени Карла Маркса.

В 1887 году принцесса Евгения Максимилиановна стала покровительницей Комитета попечения о сестрах милосердия Красного Креста, и в 1893 году ее имя было присвоено Евгеньевской общине сестер милосердия, которая находилась на углу Старорусской и Евгеньевской улиц. В течение многих лет принцесса была попечительницей этой общины. Для того чтобы собрать денежные средства, необходимые для строительства и содержания этой общины,

*Община сестер милосердия св. Евгении.
Ул. Старорусская, дом 3.
Санкт-Петербург. XIX век*

Евгения Максимилиановна как председательница Общества поощрения художеств немало способствовала организации издательской деятельности общины, привлечению к сотрудничеству многих знаменитых художников. По всей России разошлись художественные открытки со штампом Красного Креста на обратной стороне и надписью «В пользу общины св. Евгении». После революции общину закрыли, а ее больницы присвоили имя Я. М. Свердлова, и она стала больницей «особого назначения» для высших партийных чинов Ленинграда. Сегодня здесь лечатся жители блокадного Ленинграда. Но Евгеньевская улица, находящаяся рядом и не переименованная в годы советской власти, до сих пор хранит память об Евгеньевской общине сестер милосердия и ее августейшей покровительнице принцессе Евгении Максимилиановне Ольденбургской.

Интересно отметить, что великая княгиня Ольга Александровна, сестра Николая II и супруга принца П. А. Ольденбургского, прошла посвящение в сестры милосердия в Евгеньевской общине, попечительницей которой была ее свекровь Евгения Максимилиановна.

Памятник принцу П. Г. Ольденбургскому был поставлен через 8 лет после его кончины перед зданием Мариинской больницы для бедных, попечителем которой он был в течение сорока двух лет своей жизни. На открытии и освящении памятника в июне 1889 года присутствовали члены императорской семьи, почетные гости, высшие воинские чины, воспитанники различных учебных заведений и сестры милосердия петербургских общин, обязанных своим основанием и развитием семье принцев Ольденбургских. Общины сестер милосердия в России связаны неразрывно с именами многих членов семьи принцев Ольденбургских, которые на протяжении нескольких поколений своим трудом и денежными средствами поддерживали их деятельность.

До революции 1917 года в Петербурге действовало девять общин сестер милосердия: Свято-Троицкая, Христа Спасителя, Крестовоздвиженская, Покровская, Георгиевская, Евгеньевская, Александровская, Елизаветинская и Кауфманская. При каждой общине сестер милосердия имела своя церковь. Женщина, решившая стать сестрой милосердия, принимала обеты, сходные монашеским: нестяжания, послушания и безбрачия. Сестры милосердия переезжали жить в общину, как в монастырь. За свою службу они не получали денег и находились на содержании общины, носили

одинаковую форму одежды. Они должны были беспрекословно подчиняться начальнице общины, священнику и врачу, не имели права выходить замуж во время служения в общине. Но для сестры милосердия, в отличие от монахини, эти обеты были временные, сестра по своему желанию могла выйти из общины, вернуться к родителям или выйти замуж. После революции 1917 года все общины сестер милосердия в России были упразднены, и служение сестер милосердия стало профессией медицинской сестры.

В 90-е годы XX столетия в Петербурге началось возрождение движения сестер милосердия. Православные люди стали приходить в больницы, в детские дома и дома престарелых и предлагать безвозмездно свои услуги для ухода за больными и немощными. Но чаще всего их не пускали — ведь нельзя доверить больных посторонним людям. Тогда желающие помогать стали объединяться в братства и сестричества, стремясь получить медицинское образование и официальное разрешение на вход в больницы, где престарелые и одинокие люди нередко оставались без должного ухода и внимания, так как у персонала не всегда была возможность помочь им. Так стало возрождаться волонтерское движение милосердия.

В 1997 году при Санкт-Петербургской епархии был создан отдел по благотворительности, его возглавил протоиерей Александр Степанов, ныне главный редактор епархиального радио «Град Петров». И с этого времени начали действовать девятимесячные курсы сестер милосердия с вечерним обучением, где желающие обучались уходу за больными. Курсы в 1997 году были открыты при медицинском училище на территории Мариинской больницы, попечителем которой в XIX столетии был принц П. Г. Ольденбургский, затем эти курсы получили прописку в медицинском училище при Первом медицинском институте.

Современные сестричества в память о прошлом нередко называют себя общинами, но в настоящее время это уже совсем другие организации. Современные сестры милосердия живут дома, работают по разным специальностям, могут иметь семью. Но в свободное от работы и семейных обязанностей время они по графику приходят в больницы и дома престарелых или ухаживают за больными на дому. В обязанности сестер входит также помощь в устройстве одиноких престарелых и инвалидов в приюты и богадельни, восстановление утраченных документов, сопровождение больных

в медицинские учреждения. Верующим больным они приглашают священников для исповеди и причастия. Многие сестры несут свое служение безвозмездно, но допускается и оплачиваемый труд.

Сейчас в Санкт-Петербурге десять официально зарегистрированных сестричеств, которые входят в Ассоциацию сестер милосердия, созданную в 2009 году по благословению митрополита Владимира Санкт-Петербургского и Ладожского.

С 2003 года на епархиальных курсах сестер милосердия стал читаться курс лекций по истории благотворительности, он оказался сложным для учащихся. При отсутствии учебников информация была слишком обширна и мало известна. За долгие годы советской власти даже названия благотворительных обществ и общин сестер милосердия ушли из памяти современных людей. Имена и деяния семьи Ольденбургских были совершенно неизвестны большинству учащихся. Для ознакомления с историей благотворительности стали проводиться экскурсии по городу, посещали и могилу принцев Ольденбургских в Троице-Сергиевой Приморской Пустыни. Было решено устраивать исторические вечера в тех домах, где находились общины сестер милосердия, или жили люди, служившие в них.

В феврале 2006 года впервые прошел вечер, посвященный памяти великой княгини Александры Петровны. Когда стало известно, что в Николаевском дворце, где прошли почти 20 лет ее жизни, залы сдаются в аренду, решено было именно там провести этот вечер, который начался панихидой в придворной церкви. Затем состоялась экскурсия по залам дворца. В арендованном зале прозвучали три доклада: о Николаевском дворце, о жизни великой княгини Александры Петровны и о Покровской общине сестер милосердия, основанной ею.

Осенью 2005 года прошел первый вечер, посвященный истории Кауфманской общины сестер милосердия. Местом его проведения было выбрано небольшое кафе на Кировской улице, 18, так как в этом доме жили основательница общины баронесса Варвара Ивановна Икскуль и врач общины профессор Николай Александрович Вельяминов. С именем принца Ольденбургского этот дом связывает то, что построил его для себя архитектор Ц. Кавос, по проекту которого была построена Детская больница принца Петра Ольденбургского, ныне больница имени К. А. Раухфуса.

В марте 2008 года в НИИ гематологии и трансфузиологии впервые состоялся вечер, посвященный истории Свято-Троицкой общины сестер милосердия, которая до революции находилась в этом здании. Вечер проходил в актовом зале института, где раньше находилась церковь общины.

Все исторические вечера сопровождалось показом большого количества иллюстраций, чтением стихов, отрывков из художественной или мемуарной литературы, музыкой. А еще для сестер милосердия и приглашенных гостей были накрыты столы с угощением и предоставлено время для свободного общения. После таких вечеров учебный материал усваивался гораздо лучше. Эти исторические вечера постепенно стали традицией.

Таким образом, имена членов семьи принцев Ольденбургских возрождаются в памяти современных сестер милосердия, и они им уже не чужие.

Литература

- Анненкова Э.А., Голиков Ю.П.* Принцы Ольденбургские в Петербурге. — СПб., 2004.
- Благотворительная Россия: История государственной благотворительности в России. — СПб., 1903.
- Исторический очерк Свято-Троицкой общины сестер милосердия за 50-летие (1844–1894). — СПб., 1894.
- Исторический очерк общины сестер милосердия св. Георгия в Петербурге за 25-летие. 1870–1895. — СПб., 1895.
- Исторический обзор деятельности местных учреждений Красного Креста со времени их основания по 1908 год. — СПб., 1911.
- Нормальный устав общины сестер милосердия. — СПб., 1913.
- Обитель Матушки Великой. Свято-Покровский монастырь в Киеве. — Киев, 2011.
- Отчет хозяйственного комитета Покровской общины сестер милосердия. — СПб., 1878.
- Постернак А.В.* Очерки по истории общин сестер милосердия в России. — М., 2001.
- Сестры милосердия России. — СПб., 2005.

И. А. Персианов, Е. М. Саенко

Призыв к миру: принцы Ольденбургские и школьники XXI века

Гимназия № 157 имени принцессы Е. М. Ольденбургской имеет давнюю историю и традиции. Своеобразной традицией, присущей нашей школе, можно назвать открытость всему новому, в том числе и международным контактам. Даже в начале 1950-х годов здесь бывали многочисленные иностранные делегации, и не только из социалистических, но и из капиталистических стран. Это известно, в частности, благодаря записям, которые были оставлены посетителями в специальной книге отзывов. Среди гостей 157-й средней школы были мэр Манчестера, делегации из Англии, Уэльса, Франции, Финляндии, Венгрии, Монголии, союзных республик. Гости посещали открытые уроки, осматривали оборудование кабинетов, общались с детьми, учителями и руководством школы.

С 1963 года в школе особое внимание стали уделять преподаванию английского языка. Его начали изучать со 2-го класса. Были налажены контакты с зарубежными школьниками: в 1957 году был открыт КИД — Клуб интернациональной дружбы. Участники клуба изучали культуру и традиции стран изучаемого языка, в частности США и Великобритании, состояли в переписке с американскими, английскими и шведскими школьниками. Проводились экскурсии на английском языке для иностранных делегаций. Также учителя английского языка устраивали вечера английской поэзии, на которых произведения звучали на языке оригинала.

После перестройки контакты с зарубежными странами стали еще более активными. В 1990 году первая группа школьников побывала по программе обмена в г. Пальмира (штат Пенсильвания, США). Учителя английского языка получили возможность познакомиться с зарубежными методиками преподавания, пройти стажировку за границей.

Все это так или иначе способствовало большему взаимопониманию, расширению кругозора учителей и школьников, преодолению сложившихся стереотипов.

В 1999 году школе № 157 было возвращено ее историческое название — «Гимназия имени принцессы Е. М. Ольденбургской». Одновременно с этим усилился и интерес к дореволюционному прошлому. Новым источником вдохновения, осмысления роли образования, развития воспитательной системы гимназии стало знакомство с наследием русских Ольденбургских. Семейство Ольденбургских, к которому после замужества стала принадлежать и принцесса Евгения Максимилиановна — попечительница гимназии, — было известно традициями благотворительности и деятельностью на благо просвещения. Принц П. Г. Ольденбургский, свекор принцессы Евгении, основал в Петербурге Училище правоведения, образцовую детскую больницу, до революции носившую его имя (ныне — больница имени Раухфуса на Лиговском пр., 8), несколько десятилетий руководил Мариинской больницей для бедных. Также он проявлял большой интерес к проблемам образования, стоял у истоков женского образования в России. Его деятельность в этом направлении продолжила принцесса Евгения Максимилиановна.

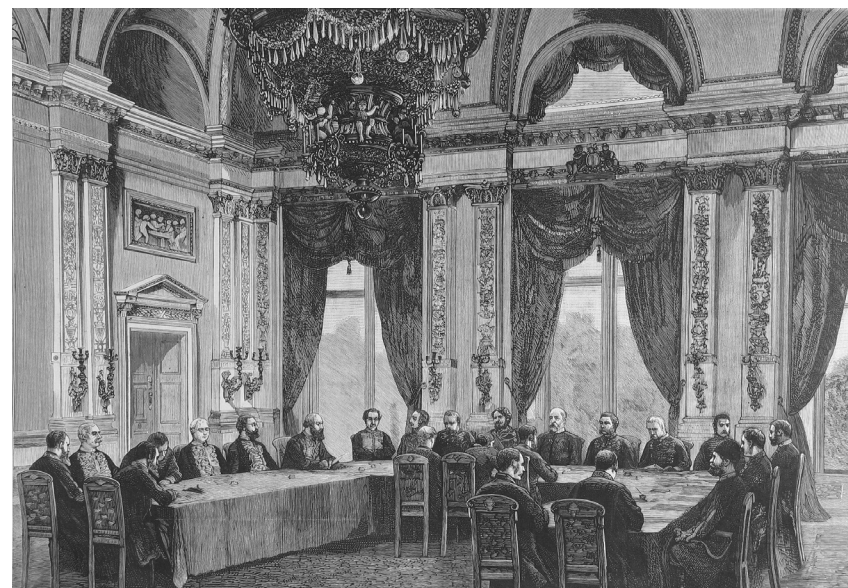
Муж Евгении Максимилиановны, принц Александр Петрович Ольденбургский, опекал основанные отцом учреждения, а также создал в нашем городе Императорский институт экспериментальной медицины, обустроил курорт в Гаграх, открыл лабораторию по производству противочумной сыворотки в форте «Александр I» в Финском заливе. Во всех общественных делах и начинаниях принца Александра Петровича поддерживала его супруга, во время его отсутствия курировавшая подопечные ему учреждения: Императорское училище правоведения, Институт экспериментальной медицины, приют принца П. Г. Ольденбургского и др.

Члены семьи Ольденбургских, однако, заботились не только о развитии здравоохранения и образования. Принцев Петра Георгиевича и Александра Петровича интересовали также вопросы мировой политики, особенно проблемы международного мира и разоружения. П. Г. Ольденбургский выступал против войн и насильственного решения конфликтов между государствами, отстаивая идеи международного мира не только на словах, но и на деле. В 1871 году, после окончания франко-прусской войны, принц Петр Георгиевич обратился с пространством письмом к Тьеру, президенту Франции, Наполеону III и канцлеру Германии О. Бисмарку. Он обосновывал бессмысленность и жестокость войн не только на примере только

что закончившийся войны, но и на примере всей истории Франции XIX века: *«Принесли ли Франции пользу те громадные жертвы, вся доставшаяся ей слава... Наполеон I, величайший всемирный полководец, погубил лучшую и многочисленнейшую армию в снегах России и печально завершил свою жизнь на острове Св. Елены, накликав предварительно на свою страну бедствия двоякого нашествия... Сколько добра можно было бы сделать, сколько страданий и несчастий отклонить, какое можно было бы вызвать развитие нравственное и интеллектуальное... стоило бы только исключить одно слово из словаря. Это слово “война”. Пусть считают, — писал принц далее, — это предложение утопией или химерою, пусть делающих это предложение считают, чем хотят, я имею смелость верить, что существует лишь это единственное средство для спасения Франции и вселенной, для радикального исцеления общественных язв»¹.*

Опасения принца в том, что его предложения покажутся современникам утопией, увы, вполне оправдались. Франция и Германия начали подготовку к новой войне. Да, и на родине никто не захотел прислушиваться к идеям Петра Георгиевича, а у некоторых подобные призывы даже вызывали усмешку. В феврале 1876 года принц Ольденбургский завел разговор о необходимости разоружения с военным министром Российской империи Д. А. Милютиним. Петр Георгиевич считал, что российский император должен взять на себя инициативу созыва в Петербурге международного конгресса по разоружению. Д. А. Милютин крайне неделикатно воспринял слова принца, назвав их тогда «бредом». А ведь в XX веке такая тема международного форума ни у кого не вызвала бы недоумения.

Однако подобное отношение не остановило Петра Георгиевича. В 1878 году, когда в Берлине пересматривались итоги Сан-Стефанского мирного договора, ознаменовавшего окончание Русско-турецкой войны 1877–1878 годов, принц Ольденбургский с тревогой наблюдал за работой конгресса. Он обратился к участникам с меморандумом, в котором призывал их направить усилия для обеспечения мира в Европе, для избавления человечества от бедствий войны: *«Пожелания и молитвы всех людей добра сопутствуют великим государственным сановникам, собирающимся в Берлине. Да увенчаются их усилия успехом в деле обеспечения Европе мира и благоденствия, под условием избавления человечества от бедствий войны, и они обессмертят себя в истории, а потом-*

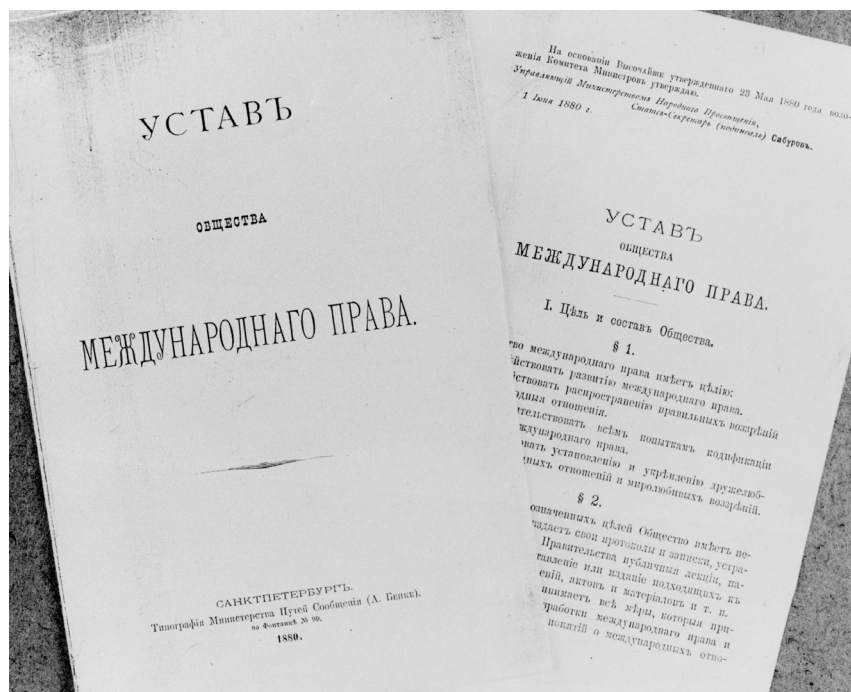
Международный конгресс в Берлине

ство будет благословлять их имена»². Как известно, итоги конгресса скорее способствовали усугублению противоречий на Балканах из-за неспособности великих держав следовать интересам народов, населявших этот регион.

Благодаря заботам принца П. Г. Ольденбургского в Российской империи было основано Русское общество международного права. Толчком к созданию Общества стало празднование 31 мая 1880 года 100-летия Вооруженного нейтралитета, установленно при Екатерине II. Устав Общества был составлен старшим советником Министерства иностранных дел бароном А. Г. Жомини и профессором международного права, членом Совета Министерства иностранных дел Ф. Ф. Мартенсом. 23 мая 1880 года³ устав был высочайше утвержден. Основная задача Общества — содействие в разрешении международных конфликтов мирным правовым путем — была отражена и в его уставе:

«1. Содействовать развитию международного права.

2. Содействовать распространению правильных воззрений на международные отношения.

Устав Русского общества международного права

3. Покровительствовать всем попыткам кодификации принципов международного права.

4. Содействовать установлению и укреплению дружеских международных отношений и миролюбивых воззрений»⁴.

Главой Общества единодушно был избран принц Петр Георгиевич Ольденбургский. Торжественное открытие состоялось 31 мая 1880 года во дворце принца. Подводя итоги своей работы в юридической области, общественный и жизненный опыт, Петр Георгиевич так выразил важнейший критерий общественной и международной политики: «Где нет уважения к праву, там нет и мира».

Александр Петрович Ольденбургский не только продолжил дела своего отца на ниве просвещения и благотворительности, но и унаследовал от него стремление к защите международного мира и веру в возможности урегулирования конфликтов мирным, правовым пу-

тем. Он обратился с пламенным письмом к императору, в котором подчеркивал необходимость всеобщего разоружения, считая, что инициатива в этом должна принадлежать России как сильнейшей из держав. В книге «Мемуары графа С. Д. Шереметева» так описывается реакция Александра III: «Государь, всю жизнь посвятивший делу мира и достигший осуществления его без фраз и всякой пышности, не захотел изменить себе, изменить своей скромности. Он благодарил за добрый совет, но оставил все без последствий»⁵.

Хотя усилия принцев Ольденбургских не смогли предотвратить хаос войны, их благородная идеалистическая попытка вызывает уважение. Можно сказать, что ближайшим продолжателем идей принцев стал император Николай II, когда в мае 1899 года по его инициативе в Гааге открылась первая конференция по разоружению. Итогом ее работы стало, в частности, создание Международного третейского суда в Гааге, а также определение порядка урегулирования конфликтов. Конференция была проведена, чтобы положить конец гонке вооружений и решать международные споры мирными средствами. Несмотря на то, что это не удалось из-за недоверия между крупными державами, на конференции впервые было принято несколько важнейших документов, в том числе Конвенция о мирном решении международных столкновений и Конвенция о законах и обычаях сухопутной войны. Благодаря своим миротворческим усилиям, Николай II был номинирован на Нобелевскую премию мира в 1901 году. В официальном обосновании его выдвижения говорилось: «Николай II инициировал первую Гаагскую мирную конференцию в 1899 году. Император стремился к заключению соглашений по ограничению вооружений и их финансированию, а также к мирному урегулированию международных конфликтов и кодификации законов войны»⁶.

В какой-то мере идеи принцев Ольденбургских опередили время: формирование международного права, создание ООН и других международных организаций, запрет некоторых видов вооружений, движение за разоружение — все это стало важным фактором мировой политики в XX веке.

В гимназии № 157 имени принцессы Евгении Максимилиановны Ольденбургской более 20 лет действует международная программа дополнительного образования «Модель Организации Объединенных Наций». Ее цели исходят из устава ООН, который

был продиктован желанием спасти грядущие поколения от ужасов войны. Именно на это были направлены и усилия принцев Ольденбургских.

Во время работы конференций «Модели ООН» школьники из разных стран, принимая на себя роли дипломатов, моделируют деятельность ООН. Согласно правилам, участники не могут представлять ту страну, гражданами которой они являются. Таким образом, условия программы требуют от участников понимания и принятия позиции другого государства, которое в реальной жизни может считаться соперником их родной страны. Это помогает расширить представления о других культурах, преодолеть существующие в обществе стереотипы, научиться понимать чужую точку зрения. Для организаторов «Модель ООН» важно и то, что иностранные гости могут составить собственное представление о нашей стране, основанное не на телевизионных репортажах, а на личных впечатлениях.

Участниками двадцати международных конференций «Модель ООН» на базе гимназии № 157 были учителя и школьники из Австралии, Армении, Бахрейна, Беларуси, Великобритании,

На конференции «Модель ООН»

Германии, Греции, Дании, Египта, Индии, Испании, Италии, Катара, Китая, Ливана, Мексики, Нидерландов, Норвегии, Португалии, Объединенных Арабских Эмиратов, Перу, Польши, Румынии, Саудовской Аравии, Сингапура, США, Таиланда, Финляндии, Чехии, Швейцарии, Швеции, Эстонии, Эфиопии, ЮАР и Японии.

Среди проблем, которые выносятся на повестку дня конференций «Модель ООН», не только вопросы, касающиеся экономики, социальной сферы и экологии, но и вопросы, связанные с предотвращением международных конфликтов, процессами разоружения, усилением роли ООН в мировой политике и повышением эффективности ее работы. Обсуждение таких вопросов делает школьников равнодушными к тому, что происходит в мире; соблюдение формальной процедуры дебатов учит решать конфликтные ситуации путем переговоров, объяснять свою точку зрения, находить компромиссные решения.

Так, спустя полтора столетия, гимназия принцессы Евгении Максимилиановны Ольденбургской доступными и посильными способами продолжает миротворческую деятельность принцев Ольденбургских, помогая школьникам стать равнодушными к событиям, происходящим в стране и мире.

Примечания

1. Столетие со дня рождения е. и. выс. пр. Петра Георгиевича Ольденбургского, 1812–1912. — СПб.: типография Шрейбер, 1913. — С. 57.
2. Там же. — С. 58.
3. См.: Там же.
4. Устав общества международного права. — СПб.: Типография министерства путей сообщения, 1880. — С. 1.
5. Мемуары графа С. Д. Шереметева. — М.: Индрик, 2001. — С. 588.
6. Веб-сайт организации Нобелевской премии. <https://www.nobel-prize.org/>

Ю. П. Голиков, В. М. Сысуев

Принц Петр Георгиевич Ольденбургский и Вольное экономическое общество

Праправнук Петра Великого и личный друг Александра II, принц Петр Георгиевич Ольденбургский (1812–1881) был очень заметной фигурой в российской жизни XIX века. Что же нового можно сказать о человеке, родившемся более 200 лет тому назад, о жизни и деятельности которого написано и много, и подробно?

Это действительно непростая задача, и в какой-то степени новым может быть лишь обусловленный современными реалиями взгляд на деятельность этого замечательного человека в исторической перспективе, или, как часто говорят, сквозь призму времени.

Представляется, что ключом к пониманию незаурядной личности принца, его мировоззрения и жизненных устремлений могут служить строки составленной им самим эпитафии, которая была начертана на его могильной плите в Стрельне, но не сохранилась до наших дней:

*Правду я говорил без боязни властителям мира,
Ближнего благо и горе было святынею мне.
О, вразуми Ты, мой Бог, и власти и мудрость земную,
Дай человечеству мир, влей благодать в людские сердца!*

Действительно, через всю жизнь Петра Георгиевича красной нитью проходит забота об общественном благе, служении народу и государству.

Вдумаемся в эти слова: Благополучие — Благоустройство — Благотворительность — Благодеяние — Благодарность. Понятие «благо» так часто используется в повседневной жизни, что почти не замечается его фундаментальное, системообразующее значение.

Исторически еще со времен древнегреческого философа Платона государство рассматривалось как инструмент создания публичных благ за счет отчуждения доли частных благ путем взимания

налогов. В обществе публичные блага — безопасность (внешняя безопасность обеспечивается армией, внутренняя — полицией), справедливость (суд, надзорные органы, в том числе прокуратура), качество жизни, право на труд, на отдых, на образование, на благоприятную окружающую среду и т. п.

Принц Петр Георгиевич получил прекрасное, наивысшее по тем временам образование. Будучи государственным деятелем, он обладал развитым чувством социальной ответственности, глубоким пониманием роли государства в жизни общества.

Став сенатором в 1834 году, Петр Георгиевич был избран Почетным членом Петербургской Академии наук (29.12.1834) и стал активным участником деятельности Императорского Вольного экономического общества (ВЭО).

Общество было основано в 1765 году графом Г. Г. Орловым под покровительством императрицы Екатерины II. Вольным оно считалось потому, что не зависело от правительственных учреждений. Общество занималось распространением сведений о способах развития земледелия, животноводства и промышленности. Общество выпускало журнал «Труды Вольного экономического общества», который стал первым в России изданием по экономике сельского хозяйства¹. Одно из старейших в мире, Общество на протяжении всей своей истории работало в русле модернизации российской экономики.

Одним из основателей, секретарем и первым президентом Вольного экономического общества был Андрей Андреевич Нартов (1737–1813) — действительный тайный советник, президент Берг-коллегии, писатель и переводчик. Активными членами Вольного экономического общества были математик Л. Эйлер, поэт Г. Р. Державин, мореплаватели-путешественники И. Ф. Крузенштерн и Ф. Ф. Беллинсгаузен, адмиралы Н. С. Мордвинов и А. Н. Сенявин и другие знаменитые люди.

Размещалось Вольное экономическое общество в начале Невского проспекта в доме № 2 в трехэтажном здании, специально построенном для него в 1768–1775 годы по проекту архитектора Ж. Б. Валлен-Деламота².

Важно отметить, что жизнь России XVIII–XIX веков протекала под флагом развития начатых Екатериной Второй масштабных государственно-политических реформ, в ходе которых формировался новый государственный и правовой облик абсолютной монархии.

*Дом Вольного экономического общества в 1830-е годы.
Невский пр., дом 2*

Задачи «просвещенного монарха» Екатерина Великая представляла себе так:

1. Нужно просвещать нацию, которой должен управлять.
2. Нужно ввести добрый порядок в государстве, поддерживать общество и заставить его соблюдать законы.
3. Нужно учредить в государстве хорошую и точную полицию.
4. Нужно способствовать расцвету государства и сделать его изобильным.
5. Нужно сделать государство грозным в самом себе и внушающим уважение соседям.

Следуя наказу Екатерины II о развитии гражданского общества, в России под покровительством царствующих особ создавались и активно действовали разнообразные Общества, целью которых было объединение усилий государства и общественности в деле содействия развитию науки, культуры, искусства. Вот далеко не полный перечень Обществ, созданных в России в XVIII–XIX веках:

Императорское Вольное экономическое общество	1765
Императорское Человеколюбивое общество	1802
Императорское Московское общество испытателей природы	1807
Императорское женское патриотическое общество	1812
Императорское общество поощрения художеств	1820
Императорское Русское географическое общество	1845

Императорское Русское музыкальное общество	1850
Императорское общество любителей естествознания, антропологии и этнографии	1863
Императорское Русское археологическое общество	1864
Императорское Русское общество акклиматизации животных и растений	1864
Императорское Русское Техническое общество	1866
Императорское Русское историческое общество	1866
Российское общество Красного Креста	1867
Императорское Общество размножения охотничьих и промысловых животных и правильной охоты	1873
Императорское Русское общество птицеводства	1886
Императорское Русское театральное общество	1904
Императорское Русское военно-историческое общество	1907

Цели и задачи Вольного экономического общества в полной мере отвечали устремлениям и чаяниям Петра Георгиевича, и с присущей ему энергией и настойчивостью принц включился в процесс обсуждения путей социально-экономического развития России, исследования вопроса о судьбах дворянства, крепостного крестьянства.

Со всей очевидностью перед ним встал вопрос о кодификации и систематизации законодательства, о необходимости подготовки квалифицированных юристов-правоведов для государственной службы, и в декабре 1835 года по его предложению при поддержке Николая I было создано Императорское Училище правоведения, а его основателя царь назначил попечителем нового учебного учреждения.

Далее почти в это же время принц был включен в состав Государственного совета (1836), что открывало дополнительные возможности для продвижения в жизнь его идей и разработок по совершенствованию государственного управления, подготовке экономических реформ, целью которых была отмена крепостного права и предоставление крестьянам гражданских свобод.

В 1841 году принц П. Г. Ольденбургский был избран президентом ВЭО и занимал этот пост до 02.05.1859. В этот период деятельность Общества заметно оживилась. Опираясь на научный потенциал страны, ВЭО активно привлекало к реализации своих проектов выдающихся ученых современности. В первой половине XIX века

в работе ВЭО принимали деятельное участие Н. С. Мордвинов, К. Д. Кавелин, И. В. Вернадский.

Уже в первом уставе ВЭО 1765 года была четко сформулирована его цель: *«...нет удобнейшего средства к приращению во всяком государстве народного благосостояния, как стараться приводить экономию в лучшее состояние, показывая надлежащие способы, каким образом натуральные приращения с вящею пользою употребимы и прежние недостатки поправляемы быть могут»*. Другими словами, в условиях роста рынка и торгового земледелия ставилась задача рационализировать сельское хозяйство, повысить производительность крепостного труда.

На протяжении XIX века устав ВЭО подвергался неоднократным изменениям: в 1817, 1824, 1845, 1856, 1859 и 1872 годах. В последних четырех изменениях устава принц принимал самое деятельное участие.

В 1842 году под руководством принца было возобновлено издание «Трудов Вольного экономического общества», которые практически не выходили с 1821 года (за исключением тома № 73, вышедшего в 1833 году, и тома № 74, в 1835 году)³. С этого времени и до 1860-х годов на издание «Трудов» правительством отпускалось по 10 000 рублей в год.

С 1845 по 1849 год «Труды Вольного экономического общества» печатались уже до шести книг в год, составлявших 2 тома каждая, издание расходилось до 600 экземпляров, а с 1851 года «Труды» стали выходить по 12 книг в год; число подписчиков возросло до 6000, но ненадолго.

С 1853 по 1862 год параллельно с книжками «Трудов» издавалось особое прибавление к ним: «Экономические Записки», а кроме них по инициативе принца в 1844 году было возобновлено немецкое прибавление к «Трудам» под названием «Mittheilungen», по три книги ежегодно. Целью всех этих прибавлений было ознакомление заграничных сельскохозяйственных обществ с положением сельского хозяйства в Российской империи; в них помещались главным образом переводы статей и докладов, читанных в Обществе и имеющих общенаучный интерес. «Mittheilungen» выходили сначала в Лейпциге, а с 1846 года в Санкт-Петербурге. Подписчиков на «Mittheilungen» было немного (не более 300), и в 1865 году издание их прекращено.

Понимая, что успешное развитие земледелия невозможно без использования достижений науки, внедрения современных сельскохозяйственных машин, технологий переработки сырья, Общество для достижения своих уставных целей использовало такие формы, как объявление конкурсных задач, предусматривавших решение тех или иных злободневных проблем, организовывало запасные житницы и выставки лучших сельскохозяйственных «произведений», смотры земледельческой техники.

Конкурсы ВЭО, периодические издания способствовали внедрению в сельское хозяйство технических культур, усовершенствованных орудий сельского хозяйства, развитию животноводства (особенно овцеводства), пчеловодства, шелководства, свеклосахарной, винокуренной, полотняной промышленности в вотчинных хозяйствах.

В 1842 году принц становится председателем Департамента гражданских и духовных дел Государственного совета, продолжая при этом активную благотворительную деятельность. В 1843 году он становится попечителем Александровского (бывшего Царскосельского) лицея, а с 1844 года — председательствующим в Санкт-Петербургском Опекунском совете.

При этом немалую часть своих сил и времени Петр Георгиевич по-прежнему отдавал деятельности ВЭО, которое в 1844 году переехало в новую резиденцию на Забалканском проспекте (ныне Московский проспект) в здание, известное ныне как «Дом Плеханова».

Здесь с 1844 года находился рабочий кабинет президента ВЭО, проводились рабочие совещания и научные собрания членов Общества. В этот период ВЭО активно содействовало подготовке Великих реформ XIX века и главной из них — освобождению крестьян от крепостной зависимости.

Этот вопрос Общество стало досконально исследовать еще в эпоху просвещенного абсолютизма Екатерины II. Однако для окончательного его решения потребовалось почти 100 лет. В это же время на страницах «Трудов ВЭО» и в иных печатных изданиях были опубликованы десятки вариантов решения данной проблемы. Нелишне при этом отметить, что дядя Петра Георгиевича (родной брат Георга) в бытность генерал-губернатором Курляндии произвел отмену крепостной зависимости еще в 1810 году.

*Здание бывшего Вольного экономического общества
(Дом Плеханова) на углу Московского пр.
и 4-й Красноармейской улицы*

Последовательно проводя в жизнь свои представления о роли государства в сохранении и преумножении публичного блага, принц отстаивал необходимость правительственного регламентирования вопроса об определении наделов и повинностей крестьян, дабы исключить возможность произвола помещиков и обеспечить справедливое решение проблемы. В этом он был солидарен с великим князем Константином Николаевичем.

Понимая, что реорганизация экономики страны не по силам узкому кругу лиц, даже имеющих авторитет и власть, члены Общества способствовали появлению сельскохозяйственных обществ в большинстве губерний и даже в уездах России. Все члены ВЭО, проживающие в провинции, обязаны были работать в обществах по месту жительства.

К середине XIX века преимущества вольнонаемного труда уже не вызывали сомнения, и Общество не только предлагало в 1853 году «составить исследование о вольном труде, его формах, условиях, экономических и нравственных результатах и т. д.

в определенной местности (губернии или округе); с присоединением рассуждения, основанного на местных изысканиях, о пользе хозяйства фермерского или арендаторского», но и обсуждало вопросы о сельскохозяйственных банках и ипотеках.

В 1845 году в России было создано Императорское Русское географическое общество (ИРГО), которое сразу же по соглашению с ВЭО включилось в процесс исследования хозяйственных условий в регионах России, положив начало развитию экономической географии. Петр Георгиевич, будучи президентом ВЭО, был также избран почетным членом Русского географического общества (29.11.1846).

Новшества проникали во все ячейки общественной жизни страны — суд и полицию, армию и местное самоуправление. Деятельными сподвижниками Общества стали уездные и губернские земства. Судебная и земская реформы также были предметами серьезной законодательной работы Петра Георгиевича в Госсовете. По основным положениям гражданского судопроизводства принц отстаивал необходимость гласности судопроизводства во всех судебных инстанциях, признавая тем самым обязательность государственной гарантии справедливости как публичного блага.

Анализируя деятельность Петра Георгиевича в сфере реформ женского образования, также необходимо отметить его последовательность в утверждении принципов социальной справедливости и нравственности, что наиболее полно было отражено в составленном им *«Наставлении для образования воспитанниц женских учебных заведений»* (1852). Он особо подчеркивал тот факт, что женские учебные заведения призваны воспитывать будущих матерей, от образованности и нравственности которых зависит судьба будущего поколения, а следовательно, и судьба государства. Женское воспитание — это дело государственной важности, так как *«хорошие жены и добрые матери семейств суть твердая опора престола и благоденствия государства»*.

С 1858 года Петр Георгиевич председательствует в комиссиях Государственного совета для рассмотрения ежегодных отчетов Министерств юстиции и внутренних дел (до 1880 года). Работа в Государственном совете требовала большого напряжения сил, и с 02.05.1859 он оставляет пост президента ВЭО, оставаясь его почетным президентом до 1862 года и участвуя в деятельности Совета ВЭО как связующее звено с комиссиями Государственного совета.

Государственная и общественная деятельность принца Петра Георгиевича Ольденбургского являет пример беззаветного служения Отечеству и своему народу, и недаром на пьедестале памятника (Ск. И. Н. Шредер), установленного у Мариинской больницы в Санкт-Петербурге 5 мая 1889 года, были начертаны слова «*Просвещенному благотворителю принцу Петру Георгиевичу Ольденбургскому*». Памятник был демонтирован.

* * *

После кончины Петра Георгиевича прошло более 100 лет. Россия пережила три революции, две мировых войны, возникновение и распад Советского Союза, перестройку и приватизацию. Сформировалась новая каста «бизнесменов», исповедующих чуждое российскому менталитету мировоззрение, отдающее приоритет частному благу в ущерб общественному. Господствующей парадигмой в экономике стал монетаризм, деньги стали мерилем и смыслом жизни, обесценилось значение производительного труда, что и стало истинной причиной инфляции и перманентного экономического кризиса. Разрушение отечественной промышленности и сельского хозяйства, деформация системы народного образования, обеспечиваемой государством системы здравоохранения, насаждение потребительской идеологии, нарушение экологического баланса природных систем, рост социальной дифференциации — все это симптомы снижения качества жизни, деградации публичного блага, что является явной угрозой для суверенитета страны.

Крайне низкий уровень культуры, поверхностность образования лиц, принимающих важные государственные решения, отсутствие понимания фундаментальных принципов экономики, основы которой были заложены работами Адама Смита, паразитизм и коррупция — вот реалии нашего времени.

В. О. Ключевский в одном из своих произведений сказал: «*История ничему не учит, а только наказывает за незнание уроков*».

В дискуссиях о путях развития российской государственности в постсоветский период вновь обсуждается вопрос о необходимости повышения роли публичного (общего) блага. Вновь актуальны

вопросы исследования хозяйственного оборота публичных благ, взаимоотношения публичного и частного блага, их взаимообусловленности и конвертации, усиления роли производительного труда, поиска путей преодоления сырьевой зависимости экономики.

Остается надеяться, что в стране, наконец, возобладают конструктивные тенденции и вновь востребованным окажется историческое наследие российских просветителей XIX века, к числу которых, бесспорно, относится и принц Петр Георгиевич Ольденбургский.

Источники и литература

Анненкова Э. А., Голиков Ю. П. Принцы Ольденбургские в Петербурге. — СПб.: Росток, 2004.

Баженова Н. М. Принц Петр Георгиевич Ольденбургский — государственный деятель и человек // Немцы в государственности России: [Сб. ст.]. — СПб., 2004.

Папков А. Жизнь и труды принца Петра Георгиевича Ольденбургского: Ко дню пятидесятилетия Императорского училища правоведения. — СПб., 1885.

Пятидесятилетие государственной службы его императорского высочества принца Петра Георгиевича Ольденбургского. — Киев, 1880.

Столетие со дня рождения его императорского высочества принца Петра Георгиевича Ольденбургского, 1812–1912. — СПб., 1913.

Фруменкова Т. Г. Принц П. Г. Ольденбургский и Петербургский воспитательный дом // Императорская фамилия в истории России. — СПб., 1999.

Шрейер Ю. О. 50-летний юбилей его императорского высочества принца Петра Георгиевича Ольденбургского. — СПб., 1881.

Шноль С. Э. Герои, злодеи, конформисты отечественной науки. Изд. 4-е. — М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010.

Щегловитов И. Г. Принц П. Г. Ольденбургский как государственный и общественный деятель... — СПб., 1913.

Ходнев А. И. Краткий обзор 100-летней деятельности Вольного экономического общества с 1765 до 1865 г. — СПб., 1865.

Ходнев А. И. История Императорского Вольного экономического общества с 1765 до 1865 г. — СПб., 1865.

Уставы Императорского Вольного Экономического Общества и Высочайшие рескрипты, ему данные, 1765–1898. — СПб., 1899.

Ковалевский М. М. К 150-летию юбилею Императорского Вольного Экономического Общества // Вестник Европы. 1915. № 12.

Орешкин В. В. Вольное Экономическое Общество в России, 1765–1917. — М., 1963.

Вольное Императорское Экономическое Общество // Большая энциклопедия русского народа. URL: www.rusinst.ru/articletext.asp?rzd=1&id=6778.

Рубинштейн А. Общественные интересы и теория публичных благ // Вопросы экономики. 2007. № 10. URL: www.finanal.ru/010/obshchestvennye-interesy-i-teoriya-publichnykh-blag.

Санкт-Петербург. Петроград. Ленинград: Энциклопедический справочник / ред. коллегия: Л. Н. Белова, Г. Н. Булдаков, А. Я. Дегтярев и др. — М.: Большая Российская Энциклопедия, 1992.

Шундалов И. Ю. Вольное экономическое общество // Энциклопедия. Том II. Три века Санкт-Петербурга. Девятнадцатый век. — СПб.: изд. СПбГУ, филологич. факульт., 2003. — С. 601–605.

Примечания

1. В период с 1766 по 1915 год было издано более 280 томов и приложений к ним. До 1861 года было объявлено 243 конкурсные задачи политэкономического и научно-хозяйственного характера. Политэкономические вопросы касались трех проблем: 1) земельной собственности и крепостных отношений, 2) сравнительной выгоды барщины и оброка, 3) применения наемного труда в сельском хозяйстве.

2. В 1844 году ВЭО переехало на Забалканский (ныне Московский) проспект. Некоторое время здание на Невском просуществовало как доходный дом, а потом было продано в казну и передано Главному штабу. В 1845–1846 годах по проекту архитектора И. Д. Черника его перестроили согласно всей дуге здания Главного штаба. Позже со стороны Невского проспекта дом был надстроен еще одним этажом, что исказило первоначальный замысел зодчего.

3. Источник: «ВЭО России». URL: www.veorus.ru.

Владения семьи принца П.Г. Ольденбургского в России

Э. А. Анненкова, Ю. М. Голиков.

Дворец принца Ольденбургского на Марсовом поле

Принц П. Г. Ольденбургский (1812–1881) как государственный деятель эпох Николая I и Александра II состоял на самых разных должностях: член Государственного совета, председатель Департамента гражданских и духовных дел, главноуправляющий Ведомством учреждений императрицы Марии, президент Императорского Вольного экономического общества, основатель и председатель Русского общества международного права. П. Г. Ольденбургский выступил реформатором женского образования в России, был попечителем Императорского коммерческого училища, Смольного и Екатерининского институтов, Александровского лицея, Женского училища (института) принцессы Терезии Ольденбургской, ряда гимназий и школ. В 1835 году на свои средства он основал Императорское училище правоведения, созданием которого вписал свое имя золотыми буквами в историю русского права XIX столетия. Петр Георгиевич открывал на свои средства сиротские приюты и школы, инициировал и большей частью финансировал строительство Детской больницы на Лиговском проспекте, названной в его честь (ныне больница им. Раухфуса), в течение сорока лет возглавлял Мариинскую больницу для бедных.

Главная резиденция принца П. Г. Ольденбургского — дворец на набережной Невы, расположенный между Мраморным дворцом и Летним садом — в одном из красивейших мест Петербурга. Интерес представляет предыстория участка, на котором был построен этот дворец. После окончания строительства Мраморного дворца в 1785 году, возведенного по проекту А. Ринальди в стиле, переходном от барокко к классицизму, наметились ансамблевые

элементы в застройке вокруг Марсова поля, площадь которого составляла около девяти гектаров. На месте Марсова поля, дворца Ольденбургского и дома Салтыкова ранее был заболоченный луг, прозванный позже Царицыным. Дома петровской эпохи постепенно перестраивались и приобретали новый облик. Это диктовалось характером архитектуры Мраморного дворца. Благоустройство участка между Летним садом и служебным корпусом Мраморного дворца началось еще в петровские времена. Проводились вырубка леса на заболоченном участке, прокладка Лебяжьего и Красного каналов для осушения болот и укрепления берегов Невы. Согласно атласу Л. Иайера, в 1725 году на Царицыном лугу параллельно Неве располагался бассейн, в 1738 году — деревянная караульня, а в 1750 году архитектором Ф.-Б. Растрелли было выстроено здание деревянного двухэтажного Оперного дома вблизи Летнего сада, просуществовавшее до 1773 года. Все свободное пространство между службами Мраморного дворца и Летним садом губернское правление решило разделить на три участка, первый из которых, на месте сломанного театра, согласно поданному Бецким прошению в Управу Благочиния, ему и достался. И. И. Бецкой был главой Императорской конторы строений домов и садов ее величества, а в дальнейшем возглавлял Канцелярию от строений и своей деятельностью на этих поприщах значительно способствовал украшению Петербурга. Благодаря его инициативе в городе появились гранитные набережные, был воздвигнут монумент — памятник Петру Первому «Медный всадник», сооружены решетки Летнего сада и многое другое.

Дом Бецкого, построенный между Суворовской площадью, Летним садом и Дворцовой набережной, образует в плане правильный четырехугольник с обширным внутренним двором. Усадьба рассматривалась как состоящая из двух корпусов: первый, северный, выходил на Дворцовую набережную, и этот участок пожаловала Бецкому Екатерина II. Участок второй, южный, выходивший на улицу Миллионную, отвела Бецкому Управа благочиния. С западной стороны к дому примыкал служебный флигель, имевший проезд во двор. На Миллионную улицу выходил двухэтажный корпус с венчающей его скульптурной группой работы М. И. Козловского. Отметим, что рядом, на Суворовской площади, возникшей в 1823 году, находится еще одна работа Козловского — па-

мятник А. В. Суворову. Между трехэтажными угловыми башнями двухэтажного корпуса дома Бецкого красовался висячий сад. Современники отмечали, что «дом был красою столицы по своей изящной, простой и легкой архитектуре». На террасе «находился сад в цветущем состоянии. Окна были большие до самого паркета, камины мраморные во всех комнатах, а на террасу вела стеклянная дверь. Великолепия в доме не было, но все было устроено с большим вкусом»¹.

Имеется несколько версий авторства проекта этих зданий. По мнению А. Курбатова, автором проекта дома Бецкого является Деламот, построивший не столь много зданий в Петербурге, но все они относятся к лучшим украшениям столицы. Некоторые историки архитектуры называют имя Ю. М. Фельтена, хотя сам Фельтен в списке своих работ не указывает этот объект. Интересна, но также спорна точка зрения И. Грабаря: «Я считаю неправильным приписывание Фельтену знаменитой решетки Летнего сада и проекта дома Бецкого, позднее принца Ольденбургского, на Дворцовой набережной. Эти произведения целиком выдают руку Баженова, на что уже давно указывали Курбатов и Яремич»². Сам Бецкой в письмах 1772 года к Демидову просит прислать к нему Баженова, по всей вероятности, планируя обсудить с ним проект будущего дома. Исследователи творчества Баженова В. Исаченко и И. Лисевич пришли к выводу: «Баженовское в доме Бецкого все: и трехосевая композиция центра неевского фасада, завершенная треугольным фронтоном, и трактовка нижнего рустованного этажа как цокольного, и характерные пропорции проемов окон, и их соотношение с простенками, наконец, скругленные углы. Восточный фасад прорезали арки удлинённых пропорций, напоминающие арки института для мещанских девиц. Все три фасада здания различны в зависимости от их ориентации и как бы перекликаются с подобными же у Михайловского замка, автором проекта которого, как это наконец-то установлено, был Баженов»³. И действительно, наверное, только Баженов, воспитанник московского общества, проникнувшийся красотой строгих линий Петербурга, мог так мягко и гармонично сочетать классические архитектурные формы и элементы барокко.

Итак, имя автора проекта здания, построенного для И. И. Бецкого в конце XVIII века, до настоящего времени не установлено.

В 1830-х годах усадьба И.И. Бецкого приглянулась принцу П.Г. Ольденбургскому, прибывшему на постоянное место жительства в Санкт-Петербург. Вряд ли во всем Петербурге нашлось бы место более красивое и приятное для жилья, чем то, где был расположен дом Бецкого. Нева, гранит набережной, великолепный Мраморный дворец, только что возведенные вблизи дворцы Апраксина и Салтыкова. Огромный, простирающийся до самой Мойки Царицын луг, по которому, что ни день, маршировала гвардия.

Став владельцем дома Бецкого, принц перестроил его по своему вкусу. Вместо всякого сада появился танцевальный зал, в результате чего возник третий этаж, в который были включены объемы башен, стоявших ранее по углам здания. Фасад по Дворцовой набережной остался в прежнем виде, кроме служебного флигеля, надстроенного на два этажа. Проезд во двор был частично заложен, а вместо него прорублено окно. Галерея, соединявшая два корпуса по Лебяжьей канавке, надстроена до высоты угловых башен и украшена вазами, помещенными в ниши. Поверхность фасадной стены заполнена лепным орнаментом. Внутри дома сохранились росписи работы Дж. Скотти, а также лепные карнизы, относящиеся к рубежу XVIII–XIX веков. Работами по перестройке здания и изменению его интерьеров руководил В.В. Стасов. В связи с тем, что супруги Ольденбургские были лютеранского вероисповедания, во дворце была устроена часовня во имя Христа Спасителя. Позже, после женитьбы А.П. Ольденбургского на княжне Евгении Максимилиановне, появилась во дворце православная дворцовая церковь во имя Пресвятой Троицы (архитектор Г.Х. Штегеман).

Дворец Ольденбургских в течение всего времени владения им семьей принцев Ольденбургских был одним из блестящих и великолепных не только по своему внешнему виду и внутреннему убранству, но и по тому обществу, которое там собиралось на балы и праздники, устраиваемые радушными хозяевами.

Петр Георгиевич, видный государственный деятель и родственник императорской семьи, должен был принимать участие в светской жизни столицы: посещать балы и рауты и давать их в своих резиденциях. Уже спустя два года после женитьбы принц с супругой устроили в своем Летнем дворце великолепный бал в честь бракосочетания кузины Петра Георгиевича, дочери Николая I великой

Дворец принцев Ольденбургских на Дворцовой наб., дом 2

княжны Марии Николаевны с герцогом Максимилианом Лейхтенбергским, сыном Евгения Богарне, пасынка Наполеона I.

Красочное и подробное описание этого бала находим в книге французского маркиза Астольфа де Кюстина «Россия в 1839 году». Его, приглашенного на это, в общем-то, семейное торжество, удивил и восхитил праздник во дворце Ольденбургских.

Петр Георгиевич и Терезия, гостеприимные и хлебосольные хозяева, почти каждый день принимали к обеду многочисленное общество. Это были знатные вельможи, известные ученые, путешественники, писатели, музыканты. Например, как записано в дневнике принца от 2 декабря 1867 года, на обеде присутствовали 20 человек: «Обедали у меня: княгиня П.П. Гагарина, барон фон Корф, князь Урусов С. Н, князь П.А. Вяземский...»⁴.

С удовольствием развлекались на балах и семейных торжествах во дворце супругов Ольденбургских и русские императоры.

Нередко во дворце Ольденбургских принимали иностранных высокопоставленных гостей: дипломатов, министров, глав государств.

В апреле 1873 года состоялся визит в Санкт-Петербург германского императора Вильгельма I, прибывшего в столицу России

в сопровождении канцлера князя Бисмарка по приглашению своего державного племянника Александра II.

Во дворце принца Ольденбургского был устроен большого приема в честь Вильгельма I. На торжестве присутствовал Александр II. Петр Георгиевич пригласил на этот прием воспитанниц из опекаемых им учебных заведений: Екатерининского и Смольного институтов, из Училища принцессы Терезии — и представил их Вильгельму I.

Не раз доводилось бывать на обедах во дворце Ольденбургских военному министру Д. А. Милютину, который отметил в своем дневнике 29 ноября 1879 года: «Обеды принца по четвергам бывают обыкновенно очень изысканны и при этом место хозяйки занимает принцесса Евгения Максимилиановна (супруга принца А. П. Ольденбургского. — *Авт.*) — женщина чрезвычайно милая и симпатичная (Терезия к этому времени уже скончалась. — *Авт.*)»⁵.

Настоящими праздниками и событиями светской жизни Петербурга были регулярные смотры и парады гвардии, проводившиеся с конца XVIII в. на Марсовом поле или на Дворцовой площади. Впечатляющая картина военных парадов вдохновила в свое время А. С. Пушкина, описавшего это действо в поэме «Медный всадник»:

*Люблю воинственную живость
Потешных Марсовых полей,
Пехотных ратей и коней
Однообразную красоту,
В их стройно-зыблемом строю
Лоскутья сих знамен победных,
Сиянье шапок этих медных,
Насквозь простреленных в бою.*

Самый красочный и торжественный парад проводился в мае, когда после долгой студеной зимы под ярким майским солнцем перед горожанами представало удивительное зрелище, полюбоваться на которое приходили сотни людей.

В такие дни во дворец к Ольденбургским приглашали пепиньерок (выпускниц учебных заведений, работавших после их окончания помощницами классных дам.), чтобы они могли из окон дворца, выходявших на Марсово поле, наблюдать это великолепное представление. По сложившейся традиции императоры после па-

рада на Марсовом поле посещали чету Ольденбургских, чтобы отдать должное гостеприимству хозяев и подкрепиться после окончания этого военного действа, длившегося несколько часов.

Петр Георгиевич с детства серьезно учился музыке, а в зрелые годы увлечение музыкой переросло в необходимость собственного музыкального творчества. Пьесы для фортепиано, песни, романсы на собственные стихи и на стихи Пушкина, Лермонтова, Жуковского, две симфонии, музыка к опере «Кэтхен Хейлбрун», поставленная на сцене театра в немецких городах Ульм и Висбаден, — вот далеко не полный перечень музыкальных сочинений принца. Около 200 его опубликованных произведений хранятся в архивах и в библиотеках Петербурга.

Петр Георгиевич является также одним из композиторов наряду с Пуни, Делибом, Дриго и Адамом, музыка которых использована при создании балета «Корсар», поставленного впервые в 1856 году в Большой Парижской опере, а спустя два года и в Большом театре Петербурга. Не удивительно, что и сегодня «Корсар» значится в репертуарах оперных театров — Мариинского и имени Мусоргского.

Дворец Ольденбургский считался одним из изысканнейших музыкальных салонов столицы, в котором на музыкальных вечерах играли почти все знаменитости, гастролировавшие в России. Это пианисты Лист, Клара и Роберт Шуманы, Гензельт и Тальберг, чешский пианист Дрейшок, польский скрипач Липиньский. Во дворце на Марсовом поле гости музыкальных вечеров наслаждались пением божественной Генриетты Зонтаг-Росси. Причем на этих вечерах исполнялись не только произведения известных композиторов, но и сочинения самого принца. Весной 1844 года на гастроли в Петербург приезжали супруги Шуманы: Роберт — известный композитор и Клара — блестящая пианистка. Из письма Р. Шумана Фридриху Вику от 1 апреля 1844 года: «*Нашими лучшими друзьями были, естественно, Гензельты, оба Виельгорские. Мы имели также дружественного покровителя в лице принца Ольденбургского, а также его жены, которая — сама кротость и доброта. Они показывали нам вчера свой дворец*»⁶. После ряда концертов в филармонии, в музыкальных салонах столичных аристократов, в Смольном институте и в Училище правоведения, Шуманы играли на музыкальном вечере во дворце Ольденбургских. «*Среда, 15 марта. Вечером мы были у принца Ольденбургского — один из самых приятных моих вечеров!*

Вдвоем с Гензельтом исполняли симфонию принца, затем вариации Роберта для двух фортепиано, кроме того, я много играла одна. После многих уговоров принцессы Гензельт наряду с другими вещами исполнил несколько песен принца. При этом принц блаженствовал. Когда ему играют или поют его музыку, он переживает счастливейшие часы. Поэтому-то Гензельт два раза в неделю с превеликим терпением занимается с ним композицией»⁷.

На музыкальные вечера Терезия и Петр Георгиевич приглашали и своих подопечных — воспитанников Училища правоведения и Александровского лицея. Часто маленький домашний концерт давали во дворце юные музыканты-правоведы, после чего Терезия щедро угощала их лакомствами. Приглашения к принцу были радостными событиями в довольно однообразной жизни воспитанников Училища правоведения. Один из таких музыкальных вечеров во дворце Петра Георгиевича особенно запомнился бывшему правоведа М. Молчанову: *«В высоких, ярко освещенных залах было так тепло, так весело, так уютно. Было много цветов, пахло гиацинтами. Все правоведы разбрелись по комнатам. Принц, довольный, молодой и счастливый, ходил между нами с С. А. Пошманом (директором Училища. — Авт.) под руку. Супруга принца, окруженная семейством, с какою-то маленькой дамскою работою в руках, сидела тут же. Кто-то из лучших училищных пианистов, если не ошибаюсь, Платон Вакар, играл на рояле»⁸.* А это из воспоминаний К. П. Победоносцева (1843): *«16 октября, суббота. Сегодня концерт у принца и мы все туда поедem... По великолепной лестнице взойшли мы наверх в богатую раззолоченную залу — все уже было готово к концерту. Добрый наш принц был тут, принцесса сидела с Толстою в ближней комнате — с нею баронесса Крюднер. После первой половины разошлись мы по комнатам, где были накрыты столы с разными яствами. Пили чай, ели мороженое. Тут же устроены деревянные горы, с которых катались маленькие. Потом началась вторая половина. Наши пели и играли»⁹.*

Несколько раз в году супруги устраивали в Летнем дворце балы для воспитанниц Института Терезии Ольденбургской, лицейстов и правоведов. Это были самые любимые, дорогие и благодарные гости; некоторые из них оставили теплые воспоминания о том незабываемом времени, когда принц принимал их в своем доме: *«Кто из бывших правоведов не сохранил в своей памяти благодарного вос-*

поминания о находящемся около Летнего сада дворце Ольденбургских, двери которого часто и гостеприимно отворялись перед нами, всегда дорожившими высокою честью бывать на вечерах у принца»¹⁰. Плетнев вспоминал: *«Балы эти носили особый приятный характер. Неисчерпаемое добродушие принца Петра Георгиевича и его необычайная доброта сразу придавали этим сборищам своеобразный оттенок, нигде в иных местах не встречаемый»¹¹.*

Во дворце Ольденбургских была великолепная библиотека, в которой на русском и иностранных языках имелось несколько десятков тысяч томов литературы — художественной, научной и учебной по разным областям знаний. Дети супругов Ольденбургских, как и родители, также много читали. Популярными в то время были произведения Пушкина, Лермонтова, Некрасова, а дочь Екатерина, по воспоминаниям графа С. Д. Шереметева, читала тайком *«Что делать?»* Н. Г. Чернышевского. Близкими друзьями и частыми гостями в их дворцах были писатель и издатель П. А. Плетнев и поэт П. А. Вяземский.

Принцесса Терезия, по отзывам современников, также *«писала весьма недурно»*. Во дворце у нее была своя мастерская, где она работала и где хранились ее живописные и скульптурные работы. К занятиям живописью она приобщила дочь Александру и своего любимца, старшего сына Николая. Первые уроки живописи они получали именно у матери, унаследовав от нее талант к художественному творчеству.

Терезия с детства увлекалась ваянием и, приехав в Россию, успешно продолжила занятия и ваянием, и живописью. В 1857 году она была избрана почетным любителем Императорской академии художеств. Сохранилось несколько ее работ и среди них прижизненный бюст друга семьи поэта князя П. А. Вяземского, созданный Терезией в 1855 году. По мнению самого поэта, бюст получился удачным, и Петр Андреевич выразил свои чувства восхищения талантом августейшей ваятельницы в посвященном ей стихотворении.

В своем дворце Ольденбургские собрали замечательную коллекцию картин русских художников. Среди них полотна, купленные на выставках, подаренные невестке Терезии принцессе Евгении Максимилиановне работы Куинджи и других художников, а также портрет ее отца герцога Максимилиана Лейхтенбергского кисти друга герцога художника Карла Брюллова. Жемчужиной

Рабочий кабинет П.Г. Ольденбургского

художественной галереи дворца по праву можно было считать картину известного итальянского художника Ло Спанья Джованни ди Пьетро «Мадонна с младенцем», предположительно купленную принцем Петром Георгиевичем во время его путешествия по Италии.

Помимо живописных полотен в художественной галерее дворца Ольденбургских находились также работы известных скульпторов, среди которых наибольшую ценность представляла скульптура, изображавшая мать Евгении Максимилиановны великую княгиню Марию Николаевну в виде обнаженной фигуры работы знаменитого скульптора Х. Д. Рауха.

Евгения Максимилиановна собрала также замечательную коллекцию рисунков и акварелей работ выдающихся русских художников. В инвентарном списке этой коллекции (Рукописный отдел РНБ) 329 единиц. Среди них произведения таких мастеров, как

Воробьев, Гау, Делакруа, Тимм, Тишбейн, Тихобразов, Егоров, Орловский, Шишкин, Саврасов и др.

После Октябрьской революции в России в 1917 году художественная коллекция из дворца Ольденбургских частью была увезена последним владельцем принцем А. П. Ольденбургским за границу, частью разошлась по музеям. Картина «Мадонна с младенцем» нашла свое достойное место в залах итальянской живописи в Государственном Эрмитаже в Санкт-Петербурге. На табличке отмечено, что полотно поступило из коллекции Е. М. Ольденбургской в 1917 году.

Что же привлекало самых разных людей к семье Ольденбургских? Почему к ним так тянулись и искали дружбы с ними и простые смертные, и сильные мира сего? Хозяйка дома? *«Всегда оживленная, разговорчивая, остроумная, с ее блестящим тонким и сильным умом и подкупающим добродушием простоты, легко и быстро способным к переходам и переменам своего несколько*

Библиотека во дворце принца Ольденбургского

взыскательного, причудливого, неуловимого нрава»¹². Возможно, хозяин дворца добрейший принц Петр Георгиевич с его необыкновенной добротой, искренностью и наивной верой в то, что этот мир можно сделать чище, добрее, милосерднее?

Граф С.Д. Шереметев, близкий друг семьи, вращавшийся в ее кругу с детских лет, тонко подметил особенность семьи Ольденбургских, ее необыкновенную притягательную силу: *«Говорить о доме Ольденбургских я мог бы без конца... Я с умыслом говорю “дом”, а не “дворец”, потому что вся прелесть его заключалась в той особой простоте, которую не купить, не устроить искусственно. И все чувствовали, что это не простой дом и даже не барский дом, а именно дом с тем неуловимым оттенком того, что звучит преданием, которое переводится словом “история”... Долго продержался в этом доме тот своеобразный склад, тот вполне самостоятельный местный оттенок, которого не видать ни в одном “дворце”. В чем же заключается это “что-то”. Чего нет у других? Определить трудно. Так же трудно, как определить, почему с именем принца Ольденбургского связано для России то, чего не дает совокупность имен Великокняжеских! Таково значение этого дома не в смысле одного здания. В лице его хозяина, всегда по-русски думавшего и чувствовавшего, жила и озаряла благостным светом та нравственная сила тех нищих духом (в Евангелии под нищими духом подразумевают не лишенных разума людей, а людей смиренных. — Авт.) людей, которые в свой краткий век сослужили великую службу Отечеству»¹³.*

Отрадно сознавать, что великолепный дворец принцев Ольденбургских на Дворцовой набережной был не только местом жительства семейства Ольденбургских, но и своеобразным культурным центром, где воспитанники самых престижных учебных заведений столицы, находящихся под покровительством или попечительством Ольденбургских, получали уроки красоты, чести, добра и милосердия. И эта традиция, возникшая еще при первом владельце дворца И.И. Бецком, продолженная и развитая Ольденбургскими, пройдя сквозь многие исторические и политические катаклизмы, возродилась в его стенах спустя несколько десятилетий после 1918 года. В бывшем дворце Ольденбургских обосновалось высшее учебное заведение, в разные времена менявшее свой ранг и свое название, но продолжавшее служить делу образования и воспитания юношества. Видимо, настолько устойчива, сильна и неизмен-

на была духовная и эстетическая атмосфера дворца, рожденная его собственной красотой и величием, а также высоким интеллектом, добродетелью и милосердием его владельцев.

Последний владелец дворца принц Александр Петрович Ольденбургский летом 1917 года продал его Временному правительству. Собрание художественных ценностей и библиотека поступили в основном в Государственный Эрмитаж.

После 1917 года хозяевами дворца были: Министерство просвещения, Управление землеустройства, редакция «Книжной летописи», затем его превратили в жилой дом. В 1962 году дворец передали Библиотечному институту, преобразованному впоследствии в Институт культуры имени Н.К. Крупской.

В настоящее время во дворце Ольденбургских располагается Санкт-Петербургский институт культуры и искусств, в котором не забыли отдать дань благодарной памяти его владельцам — И.И. Бецкому и П.Г. Ольденбургскому. К 200-летию принца П.Г. Ольденбургского в одном из залов дворца установили два бюста — Ивану Ивановичу Бецкому и принцу Петру Георгиевичу Ольденбургскому.

Литература

- Анненкова Э.А. Принцессы Ольденбургские. — М., 2014.
 Анненкова Э.А. Императорское училище правоведения. — СПб., 2006.
 Анненкова Э.А., Голиков Ю.П. Принцы Ольденбургские в Петербурге. — СПб., 2003.
 Шереметев С.Д. Мемуары. — М., 2001.

Примечания

1. Баженова Е.М. Дом И.И. Бецкого на Марсовом поле // Ленинградская панорама. — СПб., 1993. — С. 155.
2. Курбатов В. Художественно-исторический очерк и обзор художественного богатства столицы. — СПб., 1913.

3. *Исаченко В.Г., Питанин В.Н.* Литейный проспект. — Л., 1989.
4. ГАРФ. Ф. 1020. Оп. 1. Д. 6. 1867. Дневник принца П.Г. Ольденбургского.
5. *Милютин Д.А.* Дневник Милютина Д.А.: в 3-х т. Т. 1. — М., 1947.
6. Цит. по: *Житомирский Д.* Роберт и Клара Шуман в России. — М., 1962.
7. Там же
8. *Молчанов М.М.* Полвека назад. — СПб., 1892. — С. 43.
9. *Победоносцев К.П.* Отрывки из школьного дневника. — СПб., 1885. — С. 33–34.
10. *Сюзор Г.П.* Семидесятипятилетие Училища правоведения. — СПб., — С. 43.
11. *Шереметев С.Д.* Мемуары. — М., 2001. — С. 164.
12. Там же. — С. 279.
13. Там же. — С. 280.

Э.А. Анненкова

Владения принца А. П. Ольденбургского в Гагре

Принц Александр Петрович Ольденбургский (1844–1932) — русский генерал от инфантерии, генерал-адъютант Е. И. В., сенатор, член Государственного совета; член Императорского дома. Во время Русско-турецкой войны (1877–1878) командовал «Петровской бригадой» гвардейской пехоты, состоявшей из Преображенского и Семеновского полков, а затем 1-й гвардейской пехотной дивизией, был награжден орденами Св. Георгия 4-й степени, Св. Владимира 2-й степени с мечами и золотым оружием с надписью «*За храбрость!*». За долгую службу в армии принц стал кавалером большинства российских и множества иностранных орденов. А.П. Ольденбургский — основатель Императорского института экспериментальной медицины (1890), основатель «Народного дома императора Николая II» (1900), председатель комитета «Петербургского общества охранения народного здоровья и попечительства о народной трезвости», попечитель Императорского училища правоведения, Приюта принца П.Г. Ольденбургского, Женского училища (института) принцессы Терезии Ольденбургской, Свято-Троицкой общины сестер милосердия, Дома призрения душевнобольных¹. Принц А.П. Ольденбургский был избран почетным гражданином города Царицына Саратовской губернии за «труды по прекращению заразной болезни в Царицынском уезде и ограждении города от нее» и города Царева Астраханской губернии в 1899 году. В этом же году Александра Петровича Ольденбургского избрали почетным гражданином Санкт-Петербурга «за неутомимую деятельность по укреплению добрых нравов городского населения и сердечное отношение к учащимся в городских начальных училищах»²

Вскоре после начала войны «Высочайшим приказом от 3-го сентября 1914 года числящийся по гвардейской пехоте, член Государственного Совета и попечитель Императорского училища правоведения, генерал-адъютант, генерал-от-инфантерии Его Императорское Высочество принц Александр Петрович Ольденбургский

назначается Верховным начальником санитарной и эвакуационной части»³.

Заслуги принца А. П. Ольденбургского как военачальника и государственного деятеля по достоинству оценены императором Николаем II. По случаю 50-летия военной и государственной службы А. П. Ольденбургского именным высочайшим указом Правительствующему Сенату от 8 мая 1914 года ему был пожалован титул *Императорского Высочества*⁴, а 25 декабря 1916 года пожалована последняя самая почетная царская награда — украшенные бриллиантами соединенные портреты Александра II, Александра III и Николая II для ношения на Андреевской ленте⁵.

Одним из дел государственной важности, осуществленных принцем А. П. Ольденбургским, стало создание Климатической станции (курорта) Гагра в Абхазии в 1903 году.

Подготовительные работы по созданию Климатической станции

Возникновение курорта Гагра, истинной жемчужины Абхазии, связано с развитием курортологии и бальнеологии в России, с необходимостью создания отечественных курортов, или, как их тогда называли, климатических станций, способных конкурировать с такими зарубежными здравницами, как курорты Французской Ривьеры Ницца или Биарриц. Иметь в России «русскую Ниццу» для отдыха русского населения было выгодно и в экономическом отношении, и в политическом.

В 1898 году по инициативе министра земледелия и государственных имуществ А. С. Ермолова и члена Государственного совета Н. С. Абазы была учреждена Правительственная комиссия по изучению возможностей использования природно-климатических лечебных факторов Черноморского побережья от Новороссийска до Сухуми для создания курортов. В состав комиссии вошли: географ, профессор А. И. Воейков; гидрогеолог, профессор А. И. Лебедев; профессор медицины Ф. И. Пастернацкий; горный инженер М. В. Сергеев. Ее члены летом того же года по распоряжению Николая II отправились в командировку в Абхазию, чтобы наметить

места для устройства санаториев, горных и приморских климатических станций и других лечебных учреждений. Первые же сведения о Гагре как о местности, имеющей курортное значение, встречаются в трудах членов указанной комиссии, побывавших здесь, но их впечатления по своей сути слишком различаются.

Участник поездки Ф. И. Пастернацкий отмечал в своей книге: *«Странное чувство овладело мною при виде Гагр и их развалин <...> пришли русские, и страна, имевшая 2000-летнюю древность, опустела. Каким-то смертельным холодом веет от этих серых развалин. Кругом ни звука, кроме глухого ропота горного потока да грозного раската морских волн, подступающих к развалинам, как бы с намерением окончательно стереть Гагры с лица земли»*⁶. Действительно, район Старой Гагры, так называлась часть местности, на которой в IV–V веках была сооружена племенем абазгов крепость Абаата для защиты от набегов черкесов, пользовался в те времена репутацией гиблого места из-за неблагоприятного климата заболоченных окрестностей, вследствие чего население страдало от заболеваний малярией. В этой крепости в начале XIX века, после принятия Абхазии под крыло русского императора «на вечные времена», был расположен гарнизон русских войск как одна из частей системы Черноморской береговой обороны. Здесь в 5-м Черноморском батальоне в 1836 году служил сосланный на Кавказ декабрист А. А. Бестужев-Марлинский, назвавший Гагру и Пицунду «самыми гробовыми местами Черноморского побережья»⁷. В этом же году Абхазию и Гагры посетил академик живописи Императорской Академии художеств Н. Г. Чернецов, который сделал серию зарисовок того, что предстало его взору.

Спутник Пастернацкого А. И. Воейков высказал вполне реалистичный взгляд на будущее этого чудесного уголка Абхазии: *«Гагра при наличности всех природных климатических условий не может иметь другого значения, кроме того, чтобы сделаться климатическим курортом, купальным и вообще лечебным местом и обратиться в Русскую Ниццу»*⁸. Его мнение разделял горный инженер М. В. Сергеев. По поручению принца А. П. Ольденбургского он занимался исследованиями местности вокруг Гагры для определения местоположения будущего курорта.

Для анализа ситуации были проведены два Всероссийских съезда деятелей по климатологии, гидрологии и бальнеологии в январе

Вид на Гагринскую крепость. 1836 год. Худ. Н.Г. Чернецов

1899 года и в сентябре 1903 года. Уже в результате работы I Всероссийского съезда деятелей по климатологии, гидрологии и бальнеологии возник интерес к Абхазии и появились просьбы об отведении отдельным лицам участков из казенных дач на побережье, однако добраться туда можно было в основном только морским путем. Сухопутный путь в эти районы был труден. Возникла необходимость проведения здесь в будущем железной дороги. Для всестороннего исследования с этой целью Черноморского побережья правительство отпустило 110 тысяч руб. в 1899 году.

4 января 1901 года в Государственном совете рассматривался вопрос о возможностях использования государственных земель на Черноморском побережье. И уже 28 февраля (13 марта) 1901 года вышло высочайшее повеление «Об основаниях отвода частным лицам казенных свободных земель на Черноморском побережье в Сухумском и Батумском округах, Кутаисской губернии». В 1902 году 11 марта Государственный совет опубликовал

постановление «О разрешении частным лицам приобретать в собственность предоставленные им на основании Устава сельского хозяйства в потомственное пользование участки казенной земли в Черноморской и Кутаисской губерниях»⁹.

II съезд, посвященный 100-летию Кавказских Минеральных Вод и памяти императора Петра Великого как основателя первых русских курортов бальнеологии, состоялся в Пятигорске. Оба съезда проходили в рамках деятельности Русского общества охранения народного здоровья, которое возглавлял принц А. П. Ольденбургский.

Необходимость создания отечественного курорта на территории Абхазии назрела уже давно. Таким местом могла стать Гагра — одно из самых благоприятных по климатическим условиям мест на морском побережье Абхазии. Благодаря большой влажности и высокой среднегодовой температуре климат здесь — *субтропический*. Выше 300 м климат переходит к горному, а выше 900 м — чисто горный. От северных ветров Гагру защищают горы, на некоторых из них снег сходит только к концу июля, поэтому снежные шапки образуют эффектный контраст с буйной тропической зеленью и синевой Черного моря. У подножья этих скалистых отрогов Главного Кавказского хребта узкой приморской полосой расположен Гагрский карниз — узкая береговая терраса, над которой высоко поднимаются горные склоны, покрытые лесом. Терраса простирается по берегу небольшой открытой бухты, ограниченной двумя пологими мысами. На ней впоследствии возник прелестный уголок земли — Гагрская климатическая станция. Красота этих мест очаровывает. Начиная от обрывистых берегов реки Мюссеры, вдоль южной береговой полосы по всему Пицундскому мысу тянется реликтовая сосновая роща. Она состоит из пицундской длиннохвойной сосны, редчайшего вида хвойных, который ботаники относят к понтийской флоре третичного периода. Необходимо отметить, что это единственное в мире место, где она еще сохранилась. На низменной равнине от реки Бзыбь до реки Жоэквары раскинулись цитрусовые плантации, роскошные сады и рощи, а от Жоэквары до Хашупсы радуют взор покрытые лесом холмы и ущелья. Далее до реки Псоу тянутся песчаные дюны. Эти живописные места вблизи Гагры — чудо Причерноморской природы — назывались «Гагринской лесной казенной дачей Гудаутского участка, Сухумского округа, Кутаисской губернии»¹⁰.

9 июля 1901 года А. П. Ольденбургский получил высочайшее повеление принять на себя все заботы по сооружению Гагринской климатической станции, для чего было выделено 14 500 десятин земли на земле Гагринской лесной дачи, принадлежавшей Департаменту уделов и земледелия Министерства двора Е. И. В. Вплоть до 1912 года правительство отпускало средства на создание и развитие курорта, всего свыше 5 миллионов руб. В дальнейшем Гагра развивалась финансово независимо, став самокупаемым курортом¹¹.

Уже 7 октября 1901 года А. П. Ольденбургский отправился в Гагру с архитектором Г. И. Люцедарским и князем Г. Орбелиани. Их сопровождал целый отряд специалистов: инженеров, архитекторов, землемеров и т. п. Вместе с ними отправился и большой груз — 270 000 пудов со строительным материалом, инструментами, провизией, который был выгружен и складирован под руководством князя Орбелиани. Директор Гагринской климатической станции барон А. Н. Бухгольц вспоминал позднее, что в этот приезд приходилось рубить заросли, чтобы проложить пешеходные дорожки. Александр Петрович поселился в избушке объездчика, единственном в то время обитаемом доме. Уже на следующий день начался первый этап запланированного строительства.

В 1900–1901 годах после вырубki леса и мелиорации болот в этих местах с субтропическим климатом началось формирование инфраструктуры курорта — строительство дорог и домов, проведение электричества, а затем и трамвайной линии.

Во время проведения строительных работ землекопы находили предметы древнегреческой цивилизации, представлявшие археологическую ценность. *«Из этой земли постоянно извлекают ценные находки, — писал французский ученый, спелеолог Э. Мартель¹², — свидетельства прошедших веков. Князь (принц А. П. Ольденбургский. — Авт.) сам показывал мне только что выкопанную мраморную статуэтку и небольшой греческий барельеф (смерть Сократа), которые он предназначал для музея Эрмитажа. Несколькими днями ранее были найдены золотые серьги и т. д.»¹³*

Землекопы отдавали находки принцу, который за это щедро их вознаграждал, приказав в таких случаях обращаться лично к нему без посредников. Найденные предметы стали затем экспонатами в Кунсткамере, созданной принцем в одном из залов его дворца.

Жаркий субтропический климат способствовал использованию для сооружения домов легкие и недорогие материалы, например обыкновенный картон. Строительство таким способом осуществлялось очень быстро. Многие дома возводили на бетонных столбиках, служивших фундаментом. Каркас здания собирали из деревянных столбов, стропил и балок, стены изготовляли из картона, который с наружной и внутренней сторон прибивали гвоздями. В пространстве между слоями картона был только воздух. Наружные стены красили белой известью, и получались дома ослепительной белизны, придававшей праздничный вид и предохранявшей от чрезмерного перегрева на солнце.

Заботы и хлопоты Александра Петровича разделяла его супруга Евгения Максимилиановна (1845–1925). На территории Гагрской крепости находился полуразрушенный храм Святого Ипатия (VI век), на его реставрацию Евгения Максимилиановна пожертвовала собственные средства. Она же лично контролировала процесс реставрационных работ, заботилась о том, чтобы не был нарушен первоначальный вид и архитектурный стиль храма. Одновременно восстанавливались и стены крепости.

Задача претворения в жизнь грандиозного плана создания Климатической станции — считайте, целого города — на практически пустом месте, с нуля, была не из легких и не без ошибок и просчетов. Сын Александра Петровича принц Петр помогал отцу разбираться в финансовых вопросах, связанных со строительством курорта и вынужден был часто приезжать в Гагру. В одном из писем супруге великой княгине Ольге Александровне от 7 мая 1902 года Петр Александрович признавался: *«Вчера был очень серьезный разговор о Гагринских делах. Дела эти так запутаны, что нет слов. Отвечает за них Папа и нравственно, и денежно. Я считаю себя обязанным их выпутать...»¹⁴*

Климатическая станция — морской курорт

Лечение на Климатической станции в Гагре рекомендовалось: «для малокровных, слабогрудых, страдающих сердечными болезнями, атеросклерозом, подагрой, неврастеников, утомленных,

выздоровливающих от длительных болезней, так как по своим климатическим условиям Гагры удовлетворяют всем требованиям, предъявляемым к приморским станциям, функционирующим круглый год»¹⁵.

Для приема отдыхающих возводились гостиницы, для нормального функционирования курорта — административные здания, хозяйственные постройки. Внутри крепости, в 200 шагах от пристани, были построены два трехэтажных гостиничных корпуса, оснащенные электричеством, телефонами и паровым отоплением. Номера обставлялись шикарной мебелью, выписанной из Вены.

Первая подобная гостиница, построенная у подошвы горы в стиле модерн из дерева и бетона в 5 этажей с мансардой, называлась Временной. Ее строительство, начавшееся в апреле 1902 года, 1 сентября этого же года уже завершилось. В гостинице имелось 106 номеров с балконами, перед ней на уступе были разбиты сад и цветники с тропической растительностью. Из гостиницы в сад и из сада в парк вели каменные лестницы. Это чрезвычайно красивое здание поражало

Принц А. П. Ольденбургский с супругой и гостями у Временной гостиницы

посетителей ажурной архитектурой. Позднее вступила в строй Новая гостиница, расположенная в восьмиэтажном здании, с 120 номерами и с тем же набором сервисных услуг, что и Временная.

Главным и самым важным методом лечения на морском курорте, конечно же, являлись морские купания. Купальный сезон продолжался с начала апреля до конца октября. Температура воды в течение купального сезона колеблется от 16 до 22 градусов. Немалое значение для его благоприятного течения имели не только теплая солнечная погода и приемлемая температура воды, но и комфортабельные помещения для переодевания и подготовки к морским купаниям. Для этой цели сооружались купальни. Первоначально в Гагре имелись две временные купальни из дерева. В 1904 году их снесли и в конце пальмовой аллеи построили легкое изящное здание из железобетона на самом берегу моря (архитектор Г. И. Люцдарский). По всей длине нижнего этажа устроили широкую террасу с раздевалками и дорожками из досок для купания в открытом море. Женскую часть купальни на первом и втором этажах отделял от мужской большой холл. Во втором этаже имелись две большие веранды, по 7 мужских и женских кабин с английскими лечебными ваннами и мраморными умывальниками с горячей и холодной водой, на третьем — помещения для светолечения и цветолечения и зал для лечебной физкультуры. Везде была установлена удобная и изящная мебель. С 7 часов утра и до 19 часов вечера по назначению врача можно было принимать либо холодные, либо горячие ванны из морской или пресной воды. Больным, нуждающимся в специальном лечении, отпускались ванны из минеральной воды, сытяные (то есть из воды с медом), грязевые и электрические. По концам здания на первом и втором этажах имелись душевые, а на втором этаже — душ Шарко. В купальне с 8 утра до полудня дежурили врач и сестра милосердия. В подвальном этаже находились котлы для нагрева воды и обогрева здания. За услуги в купальне установили соответствующую таксу: купанье в открытом море стоило 10 коп., ванны из пресной или морской воды стоили 30 коп., минеральные ванны — 70 коп., углекислые 1 руб. 50 коп. и т. д. Купальню с гостиницами и меблированными комнатами соединяла трамвайная линия, по которой курсировал сначала конный трамвай, а с 1905 года электрический. У здания купальни для ожидания трамвая построили крытую платформу.

Особое настроение возникало у отдыхающих от общения с роскошной природой Климатической станции. Разнообразие и изысканная красота растительного мира, необычный, иногда почти фантастический ландшафт окрестностей Гагры — все восхищало и радовало глаз и душу, что уже являлось одним из факторов для улучшения общего состояния здоровья отдыхающих. Излюбленным местом прогулок и отдыха был Приморский парк, заложенный в 1902–1905 годах по проекту архитектора Е. В. Шервинского¹⁶ на территории в 14 га рядом с крепостью, раскинувшийся вдоль побережья Черного моря. Архитектурной особенностью парка являлась система водоемов: малых и больших прудов, соединенных ручейками, в прудах плавали белые и черные лебеди. В парке было сосредоточено более 400 видов роскошной средиземноморской растительности, семена и саженцы которых заказывались принцем А. П. Ольденбургским в разных южных странах, даже в Америке. Магнолии и стройные кипарисы, цветущие пышные кусты олеандра и азалии, могучие эвкалипты и агавы, платаны и цитрусовые, различные виды пальм, каштаны, смоковницы придавали парку необычайное очарование. По дорожкам, посыпанным белой каменной крошкой, разгуливали пеликаны и павлины. Гагринский парк — детище принца Ольденбургского — по праву можно было считать народным, потому что в его создании принимали участие местные жители, учащиеся Приюта принца П. Г. Ольденбургского и народного училища, солдаты гарнизона. Для его расширения был даже установлен праздник — 25 марта — «День древонасаждения». Вот как, по свидетельству местной газеты, проходил этот праздник в 1914 году: *«Уже к часу дня в крепость стала стекаться публика, особенно много было детей. Войска местного гарнизона под командованием капитана Авраменко выстроились у дома администрации. Учащиеся приюта под руководством педагогов стройной шеренгой, с лопатами в руках заняли центральное место. Около 3-х часов пополудни в крепость изволил прибыть на автомобиле Е. В. принц А. П. Ольденбургский. Затем при звуках музыки военного оркестра народ двинулся в парк. Вся многочисленная публика расположилась вдоль по берегу до купальни. Насаждением деревьев руководил и. о. должность (заведующего. — Авт.) Гагринской Климатической станцией А. А. Ростовцев. Всего посажено около 1000 пицундских сосен»¹⁷.*

Приморский парк с его тенистыми аллеями, роскошной средиземноморской растительностью, с прудами, живописно расположенными на его территории, был гордостью принца, местом, где легко дышалось и общение с природой не только доставляло эстетическое наслаждение, но и располагало к философским размышлениям. Иногда можно было видеть, как *«принц Ольденбургский стоял, задумавшись, над прудом гагринского парка, как Петр над водами Балтийского моря. Он стоял, слегка опершись на палку огромным, все еще поджарым, несмотря на возраст, телом...»¹⁸.*

В 1902 году на Всемирной выставке в Париже принц купил ресторан «Гагрипш», представлявший собой деревянный дом с часами. Это здание, изготовленное в Норвегии, было доставлено в Абхазию разобранным в 1902 году и собрано без единого гвоздя. Двусветное здание ресторана со сценой примыкало к Временной гостинице, соединяясь с ней стеклянной галереей. Через холл ресторана протекал стремительный горный ручей, впадавший в специальный бассейн, в котором можно было ловить горную форель и лосося и заказывать повару любые блюда из этой рыбы. Как отозвался один из отдыхающих, в ресторане *«прекрасная кухня, прямо прилегающая к большому обеденному залу и отделяющаяся от него только стеклянной стеной, дает возможность наблюдать чистоту ее и ее агентов... и получить заказанное скоро и исправно»¹⁹.*

В зале ресторана ежедневно играл симфонический оркестр. На сцене ресторана, достаточно большой, с электрическим освещением и приспособлениями для сценических эффектов, периодически устраивались концерты, спектакли, танцевальные вечера. В распоряжении артистов имелись просторные уборные, декорации для спектаклей доставлялись из Петербурга от декоратора «Народного дома императора Николая II», создателем и попечителем которого являлся принц А. П. Ольденбургский.

В парке были устроены площадки для игр в теннис, гольф, крокет, проводились турниры по игре в шахматы. Дети с удовольствием катались на белых осликах. Большой популярностью пользовались пешие и конные экскурсии по окрестностям, в живописные ущелья рек Гагрипши и Жоэквады.

Торжественное открытие Климатической станции Гагра состоялось 9 января 1903 года, начавшееся с освящения восстановленного в первоначальном виде древнего храма во имя святого Ипатия,

епископа Гагрского. В память об этом событии принц распорядился изготовить памятные жетоны с надписью: «*Гагры 1903 г.*» на одной стороне, а на другой — с его монограммой — «*А. П. О.*».

С открытием Климатической станции Гагра изменился ее административный статус. 25 декабря 1904 года Николай II «соизволил утвердить положение Комитета министров о присоединении, согласно ходатайству Главного кавказского начальства, Гагринской климатической станции, с окружающим ее районом, в административном отношении к Сочинскому округу Черноморской губернии. В судебном отношении климатическая станция, с окружающим ее районом остается временно в ведении Кутаисского окружного суда»²⁰.

Местность Гагры условно разделялась на несколько отдельных частей: **Старая Гагра** — район крепости Абаата и старинных поселений, возникших около нее, — место создания Климатической станции; **Новая Гагра** — торговый и ремесленный поселок в 5 км к западу от Старой Гагры, возникший в период строительства Климатической станции. Здесь находились конторы пароходных обществ, магазины, мастерские ремесленников, базар, несколько гостиниц, почтовая разгонная станция, гараж, конюшни, кофейни и торговые лавки. Население было по национальному составу самое различное: русские, абхазы, армяне, греки, персы и др. Поселок освещался электричеством, которое вырабатывала электростанция на реке Жоэжваре. К городу Гагра относилась также местность вдоль шоссе между Старой и Новой Гагрой, застроенная дачами.

Создание необходимой инфраструктуры

Для нормального функционирования курорта и работы служащих были созданы жизненно важные и необходимые учреждения и службы.

1. Безопасное и регулярное обеспечение приезда и отъезда отдыхающих в Гагре осуществляло «Агентство Русского общества пароходства и торговли», суда которого курсировали через все порты Черного моря и обязательно бросали якорь и у пристани в Гагре. Кратчайший путь до Гагры из Петербурга — через Москву, Козлов,

Ростов-на-Дону до Новороссийска. Пароходы из Новороссийска с заходом в Гагру имели пять рейсов в неделю, они останавливались на рейде в 40–60 саженей от берега. Пассажиров высаживали на фелюги, которые и доставляли вновь прибывших на пристань. Бухта в Гагре спокойная, и подобная доставка людей с парохода на землю не представляла ни неудобств, ни опасности. На каждый прибывающий пароход поднимались служащие из гостиниц и меблированных комнат, и пассажиры могли поручить им доставку своего багажа в выбранную ими гостиницу. В агентстве «Русского общества пароходства и торговли» предусматривалась также услуга по отправке багажа и грузов на все станции железной дороги.

В Гагру можно было приехать и по суше по Анненскому шоссе, соединявшему Новороссийск с Сухуми. Принимая во внимание особенности морского курорта, связанные с доставкой в город пассажиров с парохода на фелюгах, с морскими купаниями, с прогулками на яхтах, лодках, для обеспечения безопасности отдыхающих и сохранения их здоровья, Александр Петрович сразу же с началом работы Климатической станции позаботился об оборудовании Морской спасательной станции. В Петербурге в «Имп. Российском обществе спасения на водах» принц закупил необходимое снаряжение: бот, моторный катер, моторные лодки, ракетные приборы, спасательные круги и пояса. В дальнейшем по его приказу в Гагре при спуске на воду спасательного бота производили с пристани три пушечных выстрела и три удара в колокол.

2. Для медицинского обслуживания населения и гостей курорта сначала была построена временная больница, располагавшаяся в нескольких отдельно стоящих бараках, для хирургических и терапевтических больных с мужским и женским отделениями, а также имелись: барак для заразных больных, бесплатная амбулатория, лаборатория для бактериологических и химических исследований. Лекарства выдавались бесплатно. Отделения и лаборатория имели самое современное оборудование для лечения и исследований благодаря помощи сотрудников Императорского института экспериментальной медицины.

15 июля 1914 года было закончено строительство и освящено новое здание больницы, которая к 1916 году могла принять уже 60 пациентов. Она обслуживалась терапевтом, хирургом и бактериологом, специалистом по детским болезням, несколькими сестрами

милосердия, массажистками и массажистом-фельдшером. В летний и осенний сезоны в Гагру приезжали практиковать частные врачи. Имелась карета скорой помощи новейшей конструкции, приобретенная в Англии.

3. Для ветеринарной амбулатории предназначался отдельный дом на берегу речки Холодная. Ежедневно с 9 до 10 утра дипломированный доктор принимал владельцев животных и птиц «всех родов» с их больными подопечными.

4. Народная столовая с дворянским и народным отделениями размещалась в специально выстроенном здании. По отзывам отдыхающих, обеды в обоих отделениях были хорошего качества.

5. Водопровод длиной в 7 км был проложен от верхнего бассейна реки Жоэквары. Вода по сложной системе труб подавалась в Гагру.

6. Все частные и казенные постройки для непосредственного удаления нечистот снабжались сооружениями типа «Шамбо», где благодаря биологическим процессам происходило полное разложение отбросов. Из «Шамбо» в особые коллекторы поступала почти чистая вода без запаха, откуда по специальным трубам выводилась в море. Благодаря водопроводу и канализации санитарное состояние Гагр соответствовало стандартам того времени.

Тротуары и улицы два раза в день выметались механической метлой и поливались. Сор с тротуаров и улиц собирали в особые ящики, и рано утром эти ящики на специальной фелюге вывозили за 3 версты от берега, где выбрасывали в море. Надзор за санитарным состоянием города был строгий, за нарушение правил налагался штраф.

7. Метеостанция и хозяйственные постройки (прачечная, пекарня, электростанция и скотобойня) находились в Новой Гагре.

Рядом с первыми двумя гостиницами был выстроен Выставочный павильон. В нем в сентябре 1903 года состоялась «Первая Гагрская выставка растениеводства», устроенная Кавказским отделением «Имп. Российского общества садоводства» и приуроченная к проходившему в Гагре первому съезду «Имп. Российского общества садоводства» под покровительством принца А. П. Ольденбургского.

В этом регионе занимались также разведением шелковичного червя на специально построенной станции с постоянно действующей выставкой шелководных и пчеловодных принадлежностей. Имелся также музей пчеловодства, шелководства и растениевод-

ства. В окрестностях Гагры было несколько крупных пасек, мед которых поставляли даже в Одессу.

Александр Петрович, стараясь поддержать местное население, для создания рабочих мест открыл в 1913 году кирпичный завод. В конце сентября того же года получили первый кирпич — 6 тысяч штук. Планировалось же выпускать до 3 миллионов штук в год.

8. Пресса. Первая газета, которую стали издавать в Гагре в 1910 году, называлась «Черноморский край». Она выходила ежедневно, стоила 3 коп. Редактором и издателем был Г. Д. Торопов. Большая часть публикуемых материалов освещала события внутри страны и за рубежом. В разделе «Местная жизнь» рассказывалось об основных событиях в Гагре. Редакция и контора газеты находились в центре города напротив Управления Климатической станции. Печатали газету в типографии г. Сочи, хотя при Климатической станции была своя типография. Рекламу об услугах типографии — печатание книг, брошюр, афиш, ярлыков, этикеток, тиснение золотом и серебром и т. п. — помещали на первой странице «Черноморского края». При типографии имелась переплетная мастерская. Газета издавалась неполных 2 года — до февраля 1912 года. В 1913 году ее сменило также ежедневное издание «Гагринская газета». Она выходила в 1913–1914 годах, стоила 5 коп. и печаталась в крепостной типографии, которой владел П. Г. Журочка.

А. П. Ольденбургский, уже после своего первого посещения Черноморского побережья Кавказа в октябре 1899 года, решил устроить в Гагре учебное заведение для воспитанников со слабым здоровьем из петербургских приютов принца П. Г. Ольденбургского, которые могли бы в благоприятном климате Абхазии и поправить здоровье, и продолжить свои учебные занятия.

Отделение Приюта принца П. Г. Ольденбургского открыли в 1903 году, затем женскую гимназию и реальное училище. Оно находилось в здании, расположенном внутри крепости. У его стены принцесса Евгения Максимилиановна Ольденбургская посадила *бугенвиллию*, которая цветет и сегодня. Рассказывают, что в год смерти принцессы (1925) бугенвиллия не зацвела. Через несколько лет была открыта начальная школа, состоявшая из трех основных отделений и одного для инородцев, не владевших русским языком. В 1913 году выстроили новое здание для реального училища

и приюта. Сегодня в этом здании располагается средняя школа с обучением на русском языке.

Со временем стало традицией проведение «Спортивной недели». В Гагру приезжали спортсмены из столицы на различные соревнования. Спортивный праздник начинался с парада участников в крепости. Затем были выступления по гимнастике учащихся приютов и состязания гимнастических обществ. Периодически проводились соревнования по лаун-теннису. Особой популярностью пользовались футбольные матчи, устраивались соревнования по тяжелой и легкой атлетике, по стрельбе, фехтованию и плаванию. Большой восторг зрителей вызывала демонстрация полетов аэропланов. В спортивную неделю включался и автомобильный пробег по Кавказу.

В начале сентября 1911 года проходил международный автопробег Петербург — Севастополь на Императорский приз, а по окончании его — по инициативе А. П. Ольденбургского — первое кавказское состязание автомобилей «Новороссийск — Гагра» на приз принца А. П. Ольденбургского и членов его семьи. Пробег автомобилей по Кавказскому побережью от Новороссийска до Гагры был приурочен к пробегу Петербург — Севастополь, чтобы его участники смогли принять участие и в Кавказском автопробеге. Вместе со своими автомобилями по окончании основного пробега они были доставлены бесплатно из Крыма в Новороссийск на пароходах, специально зафрахтованных для этой цели. Кавказский автопробег призван был выявить состояние шоссе, привлечь внимание к необходимости его ремонта, ближе познакомить население с автомобилями и с той работой, которую они могут выполнять. Но главное — привлечь внимание к Кавказскому Причерноморью, к его живописным ландшафтам, историческим достопримечательностям и прекрасным курортам. Организация Кавказского автопробега был своеобразным, как сказали бы сегодня, маркетинговым ходом А. П. Ольденбургского для привлечения отдыхающих на курорт Гагра. Для участия в этом первом Кавказском автопробеге прибыли в Новороссийск на старт 30 автомобилей, среди участников было пять женщин.

Еще 3 приза участникам Кавказского пробега назначила фирма «Шины товарищества “Проводник”». Все состязание прошло с 7 по 25 сентября.

На горной трассе проводились скоростные гонки. Призы по результатам этих соревнований представлялись от великой княгини Ольги Александровны, от е. и. в. Евгении Максимилиановны, от их высочеств принцев Александра Петровича и Петра Александровича. Всем участникам, пришедшим к финишу без штрафных очков, в память о пробеге вице-президент Имп. русского автомобильного общества В. В. Свечин вручил от Общества серебряные чарки²¹.

Посещаемость Гагры с каждым годом возрастала. В 1912 году курорт посетили 5252 человека, в 1913 году — 5545, а за 8 месяцев 1914 года — 4838. Курортная жизнь в Гагре не прерывалась, гостиницы работали с постоянной нагрузкой. Наибольшее количество отдыхающих приходилось на пасхальную неделю и купальный сезон. Несмотря на то, что Гагра относилась к недорогим курортам, здесь отдыхали и представители аристократических кругов Петербурга, Москвы и других городов России. Сюда приезжали отдохнуть от сутолоки и шума городов, здесь не полагалось надевать экстравагантные костюмы, здесь не было никаких ночных развлечений. Особенности духа этих мест были простота в общении, тишина окружающей природы, своего рода семейный уют, способствующий наилучшему отдыху. Своеобразную восточную эмоциональную окраску всему этому придавало общение с местными жителями — абхазами, греками, персами и турками.

Семья Ольденбургских и местное население

Принц и принцесса Ольденбургские поддерживали дружеские отношения с местным населением. Их часто просили стать крестными отцом или матерью новорожденных детей. Некоторые потомки их крестников живут сегодня в Абхазии и гордятся родственными связями с ними. Крестниками принца были дети абхазской княжны Елены (Инджа-Ханум) Чачба — представительницы древнейшего рода князей Чачба, владетелей Абхазии. Это ее предок князь Георгий Чачба-Шервашидзе в 1810 году принял покровительство русского царя, дав тем самым возможность своему народу мирно жить и трудиться.

Евгения Максимилиановна стала крестной матерью князя Александра, сына соседа Ольденбургских по поместью, владельца села Апахадзы князя Инал-ипа. Крестной матерью нескольких детей в абхазских семьях была и великая княгиня Ольга Александровна, которая подолгу жила в Гаграх с супругом Петром Александровичем и охотно общалась с местными жителями.

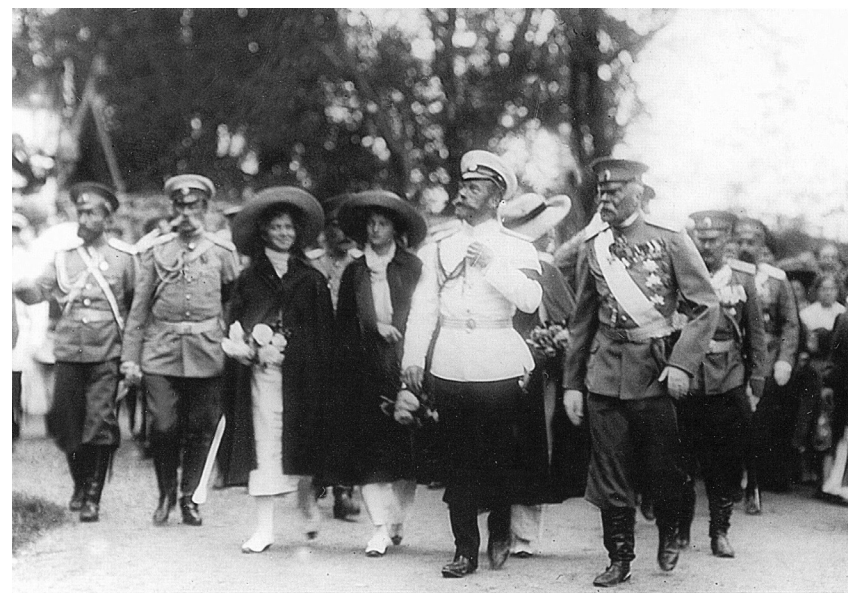
Евгения Максимилиановна и Александр Петрович с большим уважением относились к местным жителям независимо от их нации. Принц старался поддерживать дружеские отношения с абхазскими князьями, прекрасно понимая, что судьба его детища — Климатической станции — во многом зависит от отношения к нему и к его идее всего населения Гагры.

Энергия и деловитость принца, его непримиримость к бесхозяйственности и злоупотреблениям встречали понимание и уважение со стороны местного населения. До настоящего времени в абхазских семьях из поколения в поколение передают воспоминания о строгом, но добром принце, настоящем хозяине здешних мест. В этом смысле примечательна легенда о трости, с которой Александр Петрович, будучи уже в преклонных годах, не расставался, когда ходил пешком. Рассказывают, что золотой набалдашник этой массивной трости служил сосудом, куда заливался первоклассный коньяк. Этим напитком принц мог угостить любого человека, проявившего свои лучшие качества в том или ином случае. Но если в его присутствии совершались неблагоприятные поступки, связанные с невыполнением заданной работы или нарушением общественного порядка, то эта трость служила порой орудием наказания за расхлябанность и разгильдяйство. И тут принц не разбирал, какого ранга был нарушитель, — доставалось от него всем. Однажды досталось этой тростью по шее даже одному губернатору, отдыхавшему в гостинице «Гагрипш», который вздумал ловить рыбу в пруду Приморского парка. Насколько правдивы эти факты, судить трудно. Но на фотографиях того времени Александр Петрович изображен чаще всего со своей знаменитой тростью.

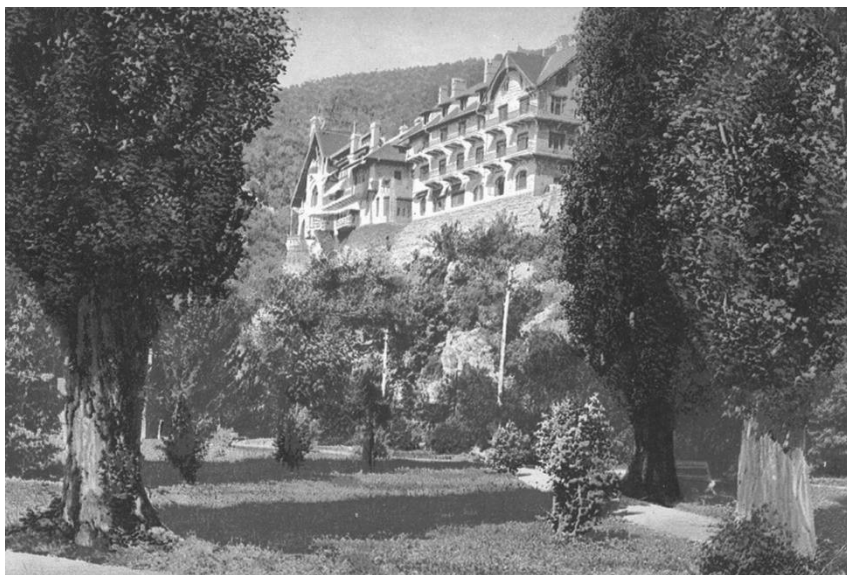
В мае 1912 года Гагру посетил Николай II с семьей, прибыв к Гагрской пристани на яхте «Штандарт». Для приветствия их величеств на яхту поднялся А.П. Ольденбургский. На пристани царскую семью встречала Евгения Максимилиановна, поднося хлеб-соль, а также местные начальствующие лица. Импера-

тора приветствовали делегации от коренного населения Абхазии во главе с князем Шервашидзе, от местной общины, от дачевладельцев, от казенных рабочих, от имеретинского, греческого, турецкого и персидского населения и от еврейского населения Кутаисской губернии. Приняв хлеб-соль, его величество и их высочества проследовали в церковь, где было совершено молебствие.

«У дворца принца Император был встречен почетным караулом от абхазского дворянства в составе 20 абхазских князей, прибывших в Гагры для приветствия Е.В. Обойдя фронт, Государь с великими княжнами проследовал во дворец принца, где был сервирован чай. Из дворца Государь Император с в. к. Ольгой Николаевной изволил проехать на полянку в парке, где, по приказанию принца Александра Петровича, было устроено народное гуляние и накрыты столы с угощением. Его Величество с великой княжной Ольгой Николаевной изволил некоторое время присутствовать на гулянии и смотреть пляску абхазцев. В начале 7-го часа Государь Император, простившись с принцем и принцессой Ольденбургскими, отбыл на императорскую яхту «Штандарт»»²².

А.П. Ольденбургский и Николай II при осмотре курорта Гагра

Владения принца П. Г. Ольденбургского в Абхазии*Дворец принца Ольденбургского в Гагре*

Дворец для семьи А. П. Ольденбургского, построенный на горе напротив пристани по проекту архитектора Г. И. Люцдарского, представлял собой легкое деревянное двухэтажное сооружение, окруженное садом с экзотическими цветниками и фонтанами. Помещения внутри дворца были богато декорированы лепниной, оснащены мраморными каминами, украшены коврами, китайскими вазами, живописными картинами и скульптурами. В большой картинной галерее, состоявшей из 300 полотен, как уверяют краеведы, имелись работы Айвазовского, Щедрина, Брюллова, Левитана, Мартынова, а также картины Джотто «Возвращение Иоакима к пастухам», Боттичелли «Рождение Венеры», Симона Мартини «Благоговение» и др. Были ли это оригиналы или копии, утверждать трудно. Местные краеведы, во всяком случае, озабочены исчезновением картин из этой галереи после поспешного отъезда принца из Гагры в связи с начавшейся войной в 1914 году. Известно, что он

отбыл, ничего не захватив из имущества своего дворца. В отдельном зале висели копии картин всех школ живописи Италии. Имелись также картины местных художников, изображавшие виды Гагры и ее окрестности. Дворец принца Ольденбургского строился по мировым образцам архитектуры для горной местности. В сухих и влагонепроницаемых подвалах зерно хранилось прямо на каменном полу. Местные жители утверждают, что из подвалов дворца можно было проникнуть в пещеры, в которых имелись многокилометровые тоннели, ведущие в ущелье Цихерва.

В окрестностях Гагры Ольденбургским принадлежали: имение Евгеньевские Гагры, расположенное на горном склоне и названное в честь принцессы Евгении Максимилиановны, и ферма в Отрадном, построенная в живописной местности на 8-й версте от Старой Гагры. Это большой участок с хозяйственными постройками и жилыми помещениями. В центре стоял трехэтажный жилой дом. Молочная ферма в имении являлась образцовым хозяйством, снабженным аппаратами для охлаждения и пастеризации молока, отделения сливок, для мытья и сушки бутылок. Бутилированное молоко развозили в специальных фургонах. Молочные продукты с фермы Отрадного отличались высоким качеством и пользовались большим спросом на рынке. В Отрадном изготавливали также отличное вино из местного винограда сорта «изабелла» и «качи-чи». В конюшнях имения разводили чистокровных африканских зебр, которых скрещивали с лошадьми и приучали ходить в упряжке. В парке Отрадного Александр Петрович установил памятник младшему брату — принцу Константину Петровичу (1850–1906), часть памятника сохранилась, но без мемориальной надписи²³.

«Ольгинский грот»: внутри грота бил из-под земли ключ чистой питьевой воды, из которого снабжался водопровод имения Отрадное. Здесь имелся минеральный источник, названный в честь великой княгини Ольги Александровны. Его воду с названием «Ольгинская столовая вода» с 1903 года использовали отдыхающие наряду с иными минеральными водами. Кстати, эта вода и сегодня пользуется спросом у населения Гагры, и ее бутилированную можно приобрести в магазинах Абхазии.

В декабре 1913 года в Санкт-Петербурге на выставке «Русская Ривьера» одним из самых впечатляющих экспонатов стала Гагрская климатическая станция. Ее создателю — принцу

А. П. Ольденбургскому — присудили почетную премию имени Николая II — серебряный кубок с изображением Российского герба.

Исследователь Черноморского побережья Кавказа Ф. П. Доброхотов после знакомства с Климатолечебной (так стала называться станция после 1910 года) станцией Гагра писал: «*Станция по своим климатическим условиям вполне заменяет Ривьеру французскую и итальянскую. Преимущество Гагр перед этими лечебными местами заключается в необычайной красоте панорамы гор, покрытых роскошной девственной растительностью, чего ни во Франции, ни в Италии в настоящее время нет*»²⁴.

Примечания

1. ЦГИА СПб. Ф. 355. Оп. 1. Д. 5492. Л. 1–10. Полный послужной список Его Высочества генерал-адъютанта генерал-лейтенанта Принца Александра Петровича Ольденбургского. 1890.

2. О присвоении званий почетного гражданина принцу Александру Петровичу Ольденбургскому. 1889 // РГИА. Ф. 1287. Оп. 38. Д. 312. Л. 119, 120, 197, 203.

3. Правительственный вестник. — 1914–5 (18) сентября. — № 203.

4. Правительственный вестник. — 1914–9 мая. — С. 1.

5. Правительственный вестник. — 29 декабря 1916 г. — № 278. — С. 1.

6. *Пастернацкий Ф. И.* Климатические пункты Черноморского побережья Кавказа. — СПб., 1899.

7. Русский вестник. — 1870. — Т. 88. — № 7. — С. 68.

8. *Воейков А. И.* Климат восточного побережья Черного моря. — СПб., 1899. — С. 6.

9. Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемое при Правительствующем Сенате. — СПб., 1902. — 10 мая. — № 46. — С. 515.

10. Труды II Всероссийского съезда деятелей по климатологии, гидрологии и бальнеологии в память Петра Великого. — СПб., 1905. — Т. 1. — С. 12.

11. Правительственный вестник. — 1901. — 10 июля. — № 152.

12. *Эдвард Альфред Мартель* (1859–1938) — отец мировой спелеологии, по приглашению российского правительства побывал на Черноморском побережье Крыма и Кавказа в 1903 году с целью географиче-

ческих и гидрологических исследований ввиду освоения российского побережья Черного моря.

13. *Мартель Э.* Кавказ. Ривьера. Путешествие по югу России и Абхазии. — М., 2004. — С. 140.

14. Письма принца П. А. Ольденбургского к великой княгине Ольге Александровне Романовой // ГАРФ. Ф. 643. Оп. 1. Д. 30.

15. Гагры. Кавказ. Климатическая станция. — СПб., 1905. — С. 6.

16. *Шервинский Евгений Васильевич* (1878–1942) — русский советский архитектор, представитель основных течений в архитектуре 1-й половины XX века — неоклассицизма, конструктивизма, «сталинского» классицизма; мастер садово-паркового искусства, один из крупнейших советских архитекторов-реставраторов, член-корреспондент Академии архитектуры СССР.

17. Гагринская газета. — 1914. — 26 марта.

18. *Искандер Фазиль.* Сандро из Чегема. — М., 1991. — С. 52–53.

19. *Зеленин А. В.* Гагры. Новый климатический курорт. — СПб., 1902. — С. 37. 20. Кавказ. — 1904. — 25 декабря.

21. Черноморский край. — 1911. — 24 сентября

22. Прибытие Государя императора Николая II в Гагру // Кавказ. 1912, 19 мая.

23. *Доброхотов Ф. П.* Черноморское побережье Кавказа. — Петроград, 1916.

24. Там же. С. 342

Алена Кяхар

Ранталinna — имение принца А. П. Ольденбургского в Финляндии

Первая мировая война 1914–1918 гг. изменила не только весь ход Российской истории, но и судьбы многих русских людей, прежде всего относящихся к ближнему кругу императорского дома, не говоря уже о самом императоре и его семье.

Принц А. П. Ольденбургский, будучи предан всей душой последнему царю, тем не менее сознавал, что монархический строй в России изжил себя, что на смену ему идет более прогрессивный и отвечающий интересам нового времени буржуазно-демократический строй. В марте 1917 года Александр Петрович находился в Могилеве, в Главной ставке Верховного главнокомандующего. 9 марта он послал в Петроград сыну принцу Петру Александровичу телеграмму, в которой сообщал, что через князя Г. Е. Львова передал приветствие новому правительству от имени своей семьи и выразил надежду на его благотворную деятельность на благо любимого отечества. Правда, отношения Александра Петровича с Временным правительством ограничились тем, что он продал правительству свой дворец на ул. Миллионной, 1, и незадолго до Октябрьской революции покинул Санкт-Петербург, выбрав для проживания Великое княжество Финляндское.

Известно, что Великое княжество Финляндское, будучи автономным в составе Российской империи, стало популярным местом отдыха русского дворянства. Многие начали здесь строить или приобретать дачи после того, как в 1889 году для Александра III в местечке Лангинкоски, недалеко от города Котка, на живописном побережье Финского залива была построена дача, которую сам Александр III называл «Рыбацкой избой». Царская дача по заказу императора была спроектирована и построена финским архитектором Юханом Аренбергом совместно с Себастьяном Гриппенбергом. Из Санкт-Петербурга царская семья добиралась сюда водным путем — на корабле. Рядом с дачей монахи Валаамского

монастыря возвели православную часовню. Царская семья любила отдыхать в этом удивительном по своеобразной красоте уголке Финляндии. Сегодня этот дом — Музей «Царская дача», охотно посещаемый туристами.

Многие петербургские аристократы проводили летние месяцы в своих финских имениях. Один из них, князь Алексей Оболенский, владевший усадьбой Саймаанхови, вероятно, и посоветовал Александру Петровичу приобрести в окрестностях городка Иматры усадьбу с замком Ранталinna.

Сам город Иматра, стоящий на берегах реки Вуоксы, и его окрестности привлекали путешественников первозданной природой, чистейшим воздухом, живописными пейзажами, речными порогами и известным водопадом Иматранкоски — главной достопримечательностью Иматры. Водопад образовался около 4500 лет назад, когда водные массы озера Сайма пробили цепь гор Салпаусселькя в районе Вуоксенниска.

С 1743 года, когда Иматра вошла в состав Российской империи, водопад Иматранкоски — «финская Ниагара» — стал привлекать внимание русских вельмож. Первой из знатных персон России побывала в Иматре в 1772 году Екатерина Великая, которая со свитой приехала полюбоваться красотами водопада. К началу следующего века окрестности Иматры сделались популярным местом экскурсий состоятельных петербуржцев. Петербургская красавица «гений чистой красоты» Анна Петровна Керн, вдохновившая Александра Пушкина на знаменитое стихотворение «Я помню чудное мгновенье...», летом 1829 года приехала в Иматру с сопровождавшими ее поклонниками и друзьями, среди которых были поэт и журналист Орест Сомов, поэт, друг А. Пушкина барон А. Дельвиг, музыкант, будущий великий композитор Михаил Глинка. В мемуарах Анны Керн находим описание этой поездки в Иматру: «Я слышала, — писала Анна Керн, — что потом, с нашей легкой руки, вошло в моду ездить любоваться великолепным водопадом, что около него настроили гостиницы, кофейни, разные навильоны и тем отняли всю поэзию у чудной Иматры, так что никто, никто (мне отрадно это думать) не мог уже восхищаться ее дикими, нетронутыми красотами, как восхищалось наше общество». Здесь любили бывать русские цари, художники, поэты. На протяжении всего XIX века в столичных газетах и журналах нередко появлялись заметки и статьи

о путешествиях к водопаду Иматранкоски, его вид вдохновил на творчество не одного поэта и художника. Так, картину жившего продолжительное время в России итальянского художника Козроэ Дузи «Водопад Иматра» (1844) можно и сегодня увидеть в Русском музее. Неистовая сила и завораживающая красота падающей воды, «Финской Ниагары», поразила и восхитила великого князя Константина Константиновича (его псевдоним как поэта — К. Р.), вдохновив на создание двух великолепных стихотворений «На Иматре» после посещения Финляндии в мае 1890 года и в августе 1907 года.

*Ревёт и клокочет стремнина седая
И хлещет о звонкий гранит,
И влагу мятежную, в бездны свергая,
Алмазною пылью дробит.
На берег скалистый влечёт меня снова.
И любо, и страшно зараз:
Душа замирает, не вымолвить слова,
Не свесть очарованных глаз.
И блеск, и шипенье, и брызги, и грохот,
Иная краса каждый миг,
И бешеный вопль, и неистовый хохот
В победный сливаются клик.
Весь ужаса полный, внимая, гляжу я, —
И манит, и тянет к себе
Пучина, где воды, свирепо бушуют,
Кипят в вековечной борьбе.*

10 мая 1890 г.

Во все времена водопад Иматранкоски восхищал людей своей уникальной красотой и мощью. К сожалению, приезжали сюда и для того, чтобы свести счеты с жизнью. Возле водопада даже был установлен памятник самоубийце.

В 1842 году по инициативе Николая I на реке Вуоксе у Иматры был основан первый в Финляндии национальный заповедник Круунунпуйсто — «Коронный парк».

В 1929 году в связи со строительством гидроэлектростанции водопад перегородили плотиной. С тех пор это настоящий туристический аттракцион, который собирает большое количество

зрителей. Представление со сбросом воды осуществляется по расписанию с музыкальным (музыка Яна Сибелиуса) и световым сопровождением. Сейчас это очень интересное шоу, которое длится около 20 минут.

Поездки в Иматру стали более доступны после постройки железной дороги из Выборга. С 1892 года из Петербурга в Иматру ходило 12 поездов в день. Близость Иматры к Петербургу обеспечивала постоянную связь со столицей, давала возможность находиться в курсе происходящих в ней событий. Это обстоятельство стало важным фактором для решения А. П. Ольденбургского приобрести имение в окрестностях этого города, что он и сделал, купив имение Ранталлинна с небольшим замком.

Замок Ранталлинна был построен в стиле северного модерна (архитектор Аксель Гюльден) в 1911–1913 годах по заказу местного судьи Фрица Вика. Замок расположен на живописном покрытом сосновым и еловым лесом берегу озера Саймаа, на поверхности которого выделяются каменистые острова. В окружении чудесной природы: пышных рощ, заливов с песчаным дном и густыми камышами — замок выглядел очень романтично и сразу понравился А. П. Ольденбургскому. Поначалу, с 1915 года, имение Ранталлинна с замком принц арендовал для летнего отдыха с семьей, а в 1917 году, согласно купчей от 16.04.1917, купил его у Фрица Вика за 400 000 марок с земельными участками Ховиранта и Рантхови вместе со всеми их строениями.

Замок Ранталлинна в имении принца А. П. Ольденбургского

Весной 1917 года супруги Ольденбургские окончательно поселились в замке своего имения. Старожилы вспоминали, что Александр Петрович привез с собой из России мебель, два автомобиля фирмы «Роллс-ройс», много слуг и яхту. Доподлинно неизвестно, как смог Александр Петрович вывезти в смутное революционное время из Петрограда такое количество вещей и техники. Вероятнее всего, по железной дороге до Иматры, на поезде, находившемся в его распоряжении как начальника санитарно-эвакуационной части русской армии во время войны 1914–1918 годов. Во всяком случае, из сообщений Временного правительства от 3 марта 1917 года известно, что возобновилось железнодорожное движение из Финляндии в Петроград. Так, в правительственной телеграмме от 4 марта 1917 года сообщалось: *«Комиссаромъ м-ства путей сообщения, членомъ Госуд. Думы А.А. Бубликовымъ сделано телеграфное распоряжение по линии о пропуске въ Петроградъ поезда, въ которомъ следуетъ принцъ Ольденбургскій»*.

Финляндия в этот период была еще частью Российской империи, поэтому переезд принца Ольденбургского из Петрограда в финское имение Ранталинна мог расцениваться как переезд из российской столицы в российскую же провинцию, и состоялся он в начале апреля 1917 года, в этом же месяце имение было официально куплено. А еще через восемь месяцев, 23 ноября (6 декабря) 1917 года финский сейм в одностороннем порядке провозгласил Финляндию независимым государством. 18 (31) декабря в Смольном Ленин подписал «Постановление Совета народных комиссаров о признании независимости Финляндской Республики». В течение первой недели нового 1918 года независимую республику Финляндию признали восемь стран: 4 января — Россия, Франция и Швеция, 5 января — Греция, 6 января — Германия, 10 января — Норвегия и Дания, 11 января — Швейцария. Это знаменательное событие в судьбе финского народа сопровождалось гражданской войной как результат национального и социального брожения в стране, вызванного Первой мировой войной в Европе. Финская гражданская война была одним из многих национальных и социальных конфликтов в послевоенной Европе, она велась с 27 января по 15 мая 1918 года между радикальными левыми (ранее составлявшими левое крыло социал-демократов), возглавляемыми Советом народных уполномоченных Финляндии (красными), и буржуазно-

демократическими силами финского Сената (белыми). Красные поддерживались Российской Советской Республикой, тогда как белые получали военную помощь от Германской империи и неофициально от Швеции. Гражданская война в Финляндии, благодаря помощи Германии, была 15 мая фактически окончена. Немецкие войска значительно ускорили поражение красных и сократили время войны, но это привело Финляндию в сферу влияния кайзеровской Германии. 16 мая 1918 года в Хельсинки состоялся парад победы — по центральным улицам города церемониальным маршем прошли представители всех пехотных полков, артиллеристы, егеря, саперы, волонтеры шведской бригады, а в конном строю — эскадрон кавалеристов Нюландского драгунского полка. Возглавлял эскадрон генерал Маннергейм, главнокомандующий молодой национальной финской армии.

Так судьба связала на несколько лет Александра Петровича и Евгению Максимилиановну с жизнью в Финляндской республике, в которой им довелось стать свидетелями жестокой гражданской войны между красными и белыми финнами, не менее жестокой, чем Гражданская война в тот же период в России.

Таким образом, семья Ольденбургских, переселившись в Финляндию, с апреля 1917 года оказалась за границей, окончательно оторвавшись от России. Возможно, это их и спасло от большевистской расправы, которой беспощадно подверглись члены императорской семьи.

С Ольденбургскими приехал и семейный врач Давыдов, присутствие которого было необходимо в связи с тяжелым состоянием здоровья Евгении Максимилиановны. Для врача построили отдельный дом и позволили заниматься частной практикой. Вокруг дачи имелся большой сад, переходящий в обширный парк, построена собственная пекарня, устроен курятник.

В Ранталинне, в этом тихом спокойном уголке Финляндской республики, супруги Александр и Евгения Ольденбургские жили до 1922 года. Потеряв надежду на возвращение в Россию, они переехали во Францию, где поселились на своей вилле в местечке Сен-Жан-де-Люз вблизи города Биарриц. Имение с замком Ранталинна Александр Петрович решил продать, доверив это дело юристу Фрицу Вику. Согласно доверенности, оформленной на Ф. Вика от 14 февраля 1929 года, предполагалось продать Ранталинну

не менее чем за 200 000 марок. В 1924 году от скоротечной чахотки скончался сын супругов Ольденбургских принц Петр Александрович. Не пережив потерю единственного сына, ушла вскоре из жизни Евгения Максимилиановна (1925). Александр Петрович скончался в 1932 году. Супруги похоронены в собственной усыпальнице-склепе на кладбище в Биаррице.

В замке Ранталинна в 1929 году был открыт дом отдыха для кондукторов финской государственной железной дороги, а во время войн 1939–1945 годов в нем располагался военный госпиталь.

Экран для камина с монограммой супругов Ольденбургских

После окончания войны и до настоящего времени замок является отелем, в котором многое напоминает о прошлых временах. Сохранилась часть мебели Ольденбургских, некоторые ценные вещи. В бывшей спальне Евгении Максимилиановны на втором этаже стоит маленький круглый стол-эркер — свадебный подарок персидского шаха. В холле перед спальнями принцессы и принца возле камина стоят две огромные фарфоровые лягушки — изделие XVIII века — свадебный подарок супругам Ольденбургским от египетского правителя, а также различные фарфоровые безделушки с гербом супругов, украшавшие их апартаменты. На первом этаже — подарок Александра III к серебряной свадьбе Ольденбургских — стеклянный экран для камина с монограммой имен Александра и Евгении. В столовой сохранилась еще старая мебель, привезенная из дворца Ольденбургских в Петербурге.

Замок отреставрирован, он, как и прежде, привлекает внимание своим романтическим обликом, окружающей его живописной природой, судьбой его владельцев, членов императорской семьи Романовых, игравших не последнюю роль в истории императорской России.

Литература

- Анненкова Э.А.* Принцессы Ольденбургские. — СПб., 2014
Великие дни Российской революции. Февраль: 27 и 28-го, Март: 1, 2, 3, и 4-го 1917. Петроград, 1917 год.
Керн А.П. Воспоминания. Дневники. Переписка. — М.: Правда, 1989.
Материалы выставки «Александр III и Финляндия — императорский летний отдых», выставка в Морском центре «Велламо», Котка. 2014 г.

Л. А. Образцова

Рамонское имение принцессы Евгении Максимилиановны Ольденбургской

Принцесса Евгения Максимилиановна Ольденбургская (1845–1925), супруга принца А. П. Ольденбургского, через несколько лет супружеской жизни стала хозяйкой одного из красивейших мест Воронежской губернии – имения Рамонь, в котором числилось 3 000 десятин земли и был небольшой сахарный завод. Она развернула активную хозяйственную деятельность: реконструировала этот завод, открыла рафинадный цех, кондитерскую фабрику, построила дворец в староанглийском стиле, образцовые конюшни, открыла образцово устроенные начальную школу и лечебницу, оборудовала псарню со штатом собаководов, с лечебным и родильным отделениями для собак, протянула железнодорожную ветку Рамонь – Графская¹.

Рамонская железная дорога сыграла большую роль в жизни Ольденбургских. Соединив станции Рамонь и Графская, хозяйева обеспечили себе прямой путь до Петербурга. Длина ветви составила 16 верст, стоимость – 300 тысяч руб. Из чистого дохода от перевозки рамонских грузов Ольденбургским постепенно возмещалась стоимость постройки.

Из Европы были завезены олени и запущены в огражденный участок леса с целью разведения и организации на них охоты. Впоследствии они стали родоначальниками ныне действующего стада оленей в Воронежском государственном биосферном заповеднике. В Усманский лес были выпущены бобры. Там они размножились и распространились по притоку реки Воронеж к Усмани, перейдя из Воронежской в Тамбовскую губернию, где и укоренились.

Принцесса Ольденбургская покупала соседние земельные участки. Она платила по найму на один рубль больше, таким образом увеличив площади имения в несколько раз.

Бывшая усадьба помещиков Тулиновых, а теперь Ольденбургских, была полностью перепланирована. Центральное место в двор-

Принцесса Евгения Максимилиановна Ольденбургская.
1880-е годы

цовом ансамбле занимал трехэтажный дворец, расположенный вдоль восточной границы парадного прямоугольного двора. Западную границу комплекса формировали въездные ворота с кирпичной оградой. Перед дворцом были разбиты фонтан и большая клумба. В ансамбль органично вписывался нижний парк с фонтаном, каменной лестницей на крутом восточном склоне к реке Воронеж. Внизу, на постаменте, завершающем бордюры, стояли два каменных шара.

Особую декоративность представлял грот, обработанный грубой бутовой кладкой из известняка. Над его центральной аркой размещалось динамичное скульптурное изображение экзотической бронзовой рыбки, изо рта которой струилась вода. Видовую площадку ограничивали металлические решетки с ажурным цветочным орнаментом, повторяющим решетки дворца.

В стороне находился мостик. При входе и выходе с мостика стояли четыре кирпичных четырехгранных столба, аналогичные столбам усадебной ограды. Парапеты моста — металлические с геометрическим орнаментом. Теперь его называют «Мостик любви».

Почти все второстепенные постройки на территории дворцового комплекса — Уютный дом, Свитский корпус, монастырь², конюшня для выездных лошадей — имели одинаковый принцип построения: двухэтажная средняя часть корпуса и одноэтажные крылья. В декоре всех построек были использованы единые элементы, заимствованные из романского и готического стилей.

В Уютном доме, рядом с дворцом, через мостик, должны были разместиться молодые Ольденбургские — сын Петр и невестка Ольга, но затем они решили поселиться в соседнем имении, переименованном в Ольгино. В Свитском корпусе, находящемся напротив дворца, размещалась свита во время приезда Ольденбургских и их гостей в имение.

На территории усадьбы росли деревья на разделенных пешеходными дорожками полянах небольшими живописными группами: были высажены как местные породы деревьев: дуб, липа, ясень, клен, ильм, береза, ель, плодовые яблони и груши, так и завезенные: лиственница, тополь пирамидальный.

Дворец в имении Рамонь. Современная фотография

«Мостик любви» в парке имения Рамонь

С 1883 по 1887 год был возведен великолепный дворец Ольденбургских. В его плане не было ни одной оси симметрии, а свободно соединенные объемы образовывали сложную живописную объемно-пространственную композицию. Третий этаж имел с запада выступ, а с востока — террасу с плоской стеклянной крышей. Каждому отдельному объему здания соответствовали комната, зал или лестничная клетка. На первом этаже располагались вестибюль-холл с парадной лестницей и парадные помещения. Они были отделаны панелями из мореного дуба. В большую дворцовую гостиную красиво вписывались голландские гобелены. Первый этаж обогревали печи и камины, облицованные кафелем и рельефными изразцами. Второй этаж был жилым. Его стены были обиты шелком и кретоном.

Еще в начале XX века отмечалось, что в особенности красотой и изяществом отличалась дворцовая библиотека, где потолок был обит выжженными деревянными дощечками, собственноручно выполненными принцессой Е.М. Ольденбургской, одной из первых в России применившей для этого хирургический аппарат Пакелена. Евгения Максимилиановна выжгла в трех углах семейные

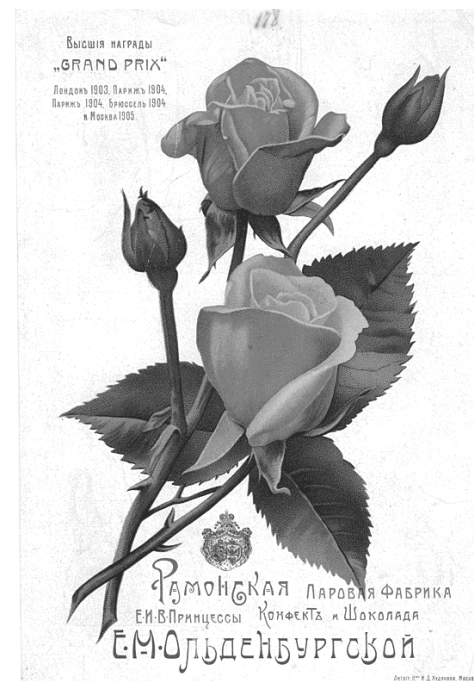
инициалы — А. Е. П. — Александр, Евгения, Петр. Этот факт подтверждала и надпись на шестигранной плитке: «1887. Февраль, март, апрель, май. Рисунки составлены А. М. Аббель, выжжено Евгенией, пр. Ольденбургской, фон сделан фрейлиной А. Л. Шиповой, полковником А. Б. Ганикс»³. Добротная мебель, изысканные обои и шторы говорили о хорошем вкусе хозяйки.

Еще при помещиках Тулиновых в Рамони был основан сахарный завод. Он разместился у южной околицы села, между рекой и горой, и напоминал кирпичную волоню. Только торчащие на крыше трубы указывали на иное назначение этого строения. Сахар вываривали в котлах, согреваемых на костре. Вводились лишь незначительные усовершенствования. О производительности завода можно судить по цифрам: за сезон он вырабатывал 500 центнеров сахара.

Развитие техники, неумолимый закон конкуренции требовали полной замены технического оборудования. Вскоре на месте старого заводского помещения вырос просторный корпус. Начался перевод завода на диффузорную систему, машинную паровую технику. Производительность достигла 5000 центнеров сахара в сутки, а к началу XX века составляла уже 150 тысяч пудов сахара в год. В 1900 году закончилось строительство трехэтажной пристройки с южной стороны Рамонского сахарного завода. В этом здании разместилась «Рамонская паровая фабрика конфектъ и шоколада Е. И. В. принцессы Е. М. Ольденбургской». В Рамонь из Петербурга приехали высококвалифицированные мастера-кондитеры. В качестве подсобных рабочих использовали труд крестьян и подростков, а также жителей окрестных сел — Староживотинного, Айдарова, Березова и др. Производство быстро расширялось. Шоколад «Спорт», «Детский», «Рябиновый», «Здоровье», мармелад «Империаль», конфеты с названиями «Гренадинъ», «Гуайява», «Манго», «Тамаринд», «Шедевръ», а также «Русские герои», леденцы, молочная помадка, мараксиновая карамель — с добавлением сока вишни сорта «Мараксин», крендели с маком и многие другие изделия составляли ассортимент конфектной фабрики. По преискуранту 1906 года она вырабатывала свыше четырехсот наименований сладкой продукции.

Для изготовления мармелада и конфектных начинок сырьем служили фрукты из Бунинской экономии; большое количество их также закупалось у местного населения.

Исключительно красивыми были рисунки на обертках и рекламах конфет. Их уровень исполнения был высок. Их собирали, многие годы хранили, обклеивая изнутри крышки своих сундуков. В литые стеклянные бутылки, с гравировкой и датой выпуска, с наградными медалями к соответствующему выпуску, разливали шоколад. Выпускались также рекламы с изображением миловидных дам или здания конфектной фабрики и давались реквизиты. Расписывали жестяные коробки для упаковки «Монпансье». В детские шоколадки и коробочки с пастилой делали полезные вкладыши, например портреты русских писателей — Жуковского, Крылова, Толстого, Кольцова и т. д. Продукцию отправляли в Москву и Петербург. На крышке небольшого фанерного ящика, хранящегося в Рамонском мемориальном музее принцев Ольденбургских, стояла надпись: «Рамонь. Воронежская губ. Отд. С.-Петербургъ. Гл. склад — Москва». Главный склад фабрики находился в Москве, в доме Некрасова на Лубянском проезде.

Реклама Рамонской конфектной фабрики

За границей продукцию отмечали высокими наградами. В 1903–1904 годах на выставках в Лондоне, Париже и Брюсселе конфеты были удостоены золотой, серебряной и бронзовой медалей. Фабрика также завоевала высшую награду — «GRAND PRIX».

Образцово-устроенная школа Ее Императорского Высочества принцессы Е. М. Ольденбургской была открыта на территории имения «Рамонь» в 1880 году. Благодаря постоянным учебным и хозяйственным расходам и покровительству хозяйки, условия обучения и качество учебных пособий в ней были выше, чем в обычных земских школах, а выпускников вдвое больше. Школа размещалась в одноэтажном деревянном здании, вытянутом вдоль оси запад-восток, сохранившемся поныне. Большую часть здания занимали квартиры учителя и служащих лечебницы.

Школа имела три класса и обслуживалась одним учителем — Феофилактом Григорьевичем Морейским. Дети поступали в школу с 9–10-летнего возраста. Их обучали основам грамоты, счету в пределах целых чисел, Закону Божию и церковному пению. Занятия проводились в двух учебных классах, и в день проходило три урока. В среднем на один год приходилось семь-восемь выпускников. С 1881 по 1901 год ее закончили 87 мальчиков и 64 девочки, а всего 151 человек. Впоследствии они становились мастеровыми или служащими заводской конторы.

В 1901 году Ольденбургские перевели школу в отдельное здание — охотничий домик имения в конце липовой аллеи. В связи с этим увеличили прием учащихся, и был принят второй учитель — Михаил Алексеевич Жихарев. Более двадцати лет он заведовал школой. При нем не только увеличилось число учащихся до семидесяти человек, но школа пополнилась новыми учебниками, пособиями, книгами для внеклассного чтения. Несколько лет М. А. Жихарев хлопотал о преобразовании школы в двухклассное училище. Наконец, это осуществилось в 1913 году: Рамонская школа стала училищем с пятилетним сроком обучения. Это давало возможность детям продолжить обучение в Воронежской гимназии⁴.

Сделавшись одной из самых крупных землевладельцев, имея обширную экономию, свекловичные плантации значительных размеров и сахарный завод, принцесса Е. М. Ольденбургская, среди забот об организации нового имения, открыла в Рамони лечебницу.

1 января 1879 года в Рамонь на должность вотчинного врача был приглашен Павел Павлович Хижин (1852–1909). Он закончил медицинский факультет Московского университета, где изучал медицину у профессора хирургии и физиологии В. А. Басова — создателя первой фистулы желудка собаки.

Осенью 1879 года Евгения Максимилиановна утвердила план стационарной лечебницы для острых больных на 12 кроватей с амбулаторией, а уже 14 сентября 1880 года новая лечебница открыла свои двери. Больничный комплекс состоял из нескольких корпусов. Доктор Хижин обслуживал население в радиусе 25 километров. Со временем он увеличился до шестидесяти.

Летом 1890 года к зданию лечебницы была сделана большая пристройка для амбулаторного зала и врачебного кабинета, а с восточной стороны — помещение операционной комнаты. Лечебницу снабдили горячей и холодной водой, в кранах для питьевой воды были установлены специальные фильтры. Все помещения лечебницы отапливались голландскими печами. Чистый наружный воздух поступал через каналы, имеющие металлическую заслонку. Для освещения в лечебнице употребляли керосин, причем в палатах для больных на ночь перед иконами затепливались цветные лампы.

В лечебнице был устроен зал ожидания на сто человек, в котором находились двадцать деревянных диванов. В библиотеке лечебницы можно было почитать периодические издания — «Врач», «Медицинское обозрение», «Хирургическая летопись», «Земский врач», «Медицинская беседа», «Воронежский телеграф» и др. Больных вызывали сначала в регистратуру, а затем сестра сопровождала больного во врачебный кабинет⁵.

В 1885 году в Рамонской лечебнице принцем А. П. Ольденбургским была открыта Пастеровская станция для прививок от бешенства собак. Это была вторая станция после петербургской. П. П. Хижин был отправлен в Париж, в лабораторию Луи Пастера, для изучения этого нового дела, а затем в Вену и Берлин для ознакомления с соответствующими учреждениями этих городов. Только после этого в Рамонской лечебнице была открыта бактериологическая лаборатория, снабженная всем необходимым, и начаты прививки от бешенства.

Всей своей деятельностью доктор П. П. Хижин снискал глубокую любовь и уважение рамонских жителей. Он скончался 2 июля

1909 года от болезни сердца. В некрологе говорилось: «Толпы людей буквально осаждали своего мягкосердечного целителя с раннего утра до поздней ночи...»⁶. Похоронен Хижин был на рамонском кладбище. Поныне сохранился камень, указывающий место захоронения.

По данным Уездного земства, в 1914 году в Рамонской лечебнице работали два врача, один фельдшер, три сестры милосердия. Там была 21 койка, из них 10 — общих, 4 — в заразном бараке, 2 — в родильном приюте и 5 — в бараке для больных венерическими заболеваниями.

На протяжении 1880–1890 годов А. П. и Е. М. Ольденбургские почти ежегодно бывали в своем имении. В 1905–1907 годах по всей России — от Белого моря до Крыма, от Прибалтики до Урала — гремели крестьянские восстания. На помощь местным властям направлялись войска. По требованию Ольденбургских в Рамонь прибыли казаки. Начальник воронежского жандармского управления сообщал: «Забастовали машинисты завода имения Рамонь ее Императорского Высочества принцессы Ольденбургской. Послана военная команда».

После этого хозяева стали реже навещаться в Рамонь, начались злоупотребления со стороны управляющего, и к 1908 году имение разорилось: земля, сахарный завод и конфетная фабрика были приобретены Воронежским удельным ведомством. У принцев остался только дворец, в котором поселился сын принца Петр Александрович с супругой великой княгиней Ольгой Александровной. А. П. и Е. М. Ольденбургские навсегда покинули Рамонь.

Петр Александрович и Ольга Александровна Ольденбургские продолжили благотворительную деятельность: они помогали крестьянам в их бедах, крестили детей, опекали многие местные школы.

Так, 20 апреля 1911 года в земском училище села Лопаток принц присутствовал на выпускных испытаниях, а 3 мая 1911 года местную школу в селе Староживотинном он посетил вместе с Ольгой Александровной. В их присутствии ученикам были произведены экзамены.

15 ноября 1911 года земское училище в Староживотинном во время учебных занятий посетил принц Петра Александрович. По отбытии из училища принцем от имени великой княгини Оль-

ги Александровны беднейшим учащимся были розданы в подарок теплые рубашки, шаровары, пиджаки и платки, всего в количестве 36 штук.

В декабре 1911 года заведующий земской школой в селе Лопатки В. Нечаевский уведомил Воронежскую уездную земскую управу, что попечителем вверенной ему школы его высочеством принцем П. А. Ольденбургским пожертвовано 100 рублей на мелкий ремонт школы, приобретение мелких вещей и для устройства навеса над крыльцом школы. Кроме того, его высочество обещал устроить ограду вокруг училища.

Потомки жителей Рамони, тесно соприкасавшиеся с членами семьи Ольденбургских, с удовольствием рассказывают об их доброте и отзывчивости, тепло вспоминают благодеяния их императорских высочеств принцессы Евгении Максимилиановны и принца Александра Петровича, его высочества принца Петра Александровича и великой княгини Ольги Александровны. Вопреки строжайшим запретам советских времен, предания о владельцах имения передавались из уст в уста, иногда обрастая небывалыми подробностями, но сохраняя неизменной суть. Находясь на верхнем этаже имперской иерархии, эта аристократическая семья сохраняла патриархальную простоту, душевную искренность и кротость в общении с обычными людьми, исконными обывателями этих мест.

С 2005 года в Рамони работает историко-культурный клуб «Друзья Дома Ольденбургских», Рамонский мемориальный музей принцев Ольденбургских, которые пропагандируют прогрессивную деятельность бывших хозяев имения, отмечают их дни рождения, презентуют новые книги и т. п.

В 2014 году возникло новое автономное учреждение культуры — историко-культурный центр «Дворцовый комплекс Ольденбургских». Во дворце организована выставка «Возвращение через век: Романовы. Ольденбургские», разбит парк перед дворцом в европейском стиле (главный архитектор Оливье Даме), отреставрирован Свитский корпус, где открыта экспозиция, посвященная деятельности династии. Как символ былых времен — установлена карета. В настоящее время во дворце ведутся работы по восстановлению отопления. Впереди большие планы.

Примечания

1. В краеведческой литературе 1901 называется годом открытия железной дороги. Однако правильное движение по железнодорожной Рамонской ветке (от ст. Графская до ст. Рамонь) открылось 20 октября 1900 года.
2. «Монастырем» рамонцы называли общежитие для инженеров сахарного завода, прибывающих на сезонные работы в Рамонь.
3. *Ильинский Н.* Рамонь. — Воронеж, 1984. — С. 28–29.
4. Там же. — С. 36.
5. *Хижин П. П.* Исторический очерк деятельности Рамонской лечебницы Е. И. В. принцессы Е. М. Ольденбургской. — Воронеж, 1893.
6. Воронежский телеграф. — 1909. — 5 июля. — № 148.

В.А. Соловьева

Летний дворец принца Петра Георгиевича Ольденбургского на Каменном острове

Летний дворец принца Ольденбургского — одно из самых примечательных сооружений Каменного острова, возведенных в конце XVIII и в XIX веке. Да и сам Каменный остров, этот райский уголок Петербурга, «приют спокойствия, трудов и вдохновенья» для жителей Петербурга, уставших от шума и суеты российской столицы, привлекает и своим загадочным названием, и историями жизни его непростых обитателей. Обратимся к истокам возникновения этого чуда природы, к его роли в жизни элиты русского общества.

Каменный остров — остров в дельте Невы в центре Санкт-Петербурга.

Легенда гласит, что давным-давно, когда не было Санкт-Петербурга, напротив южного берега безымянного острова, на дне Невы лежал возвышавшийся над водой, как скала, огромный камень. Поэтому остров и назвали — Каменный. По другой версии, свое название он получил в честь Петра I — от греческого слова petros — камень. Когда Петербург только начинал строиться, этот район болотистых лесов был далекой окраиной. Тем не менее с самых первых лет история Каменного острова связана со многими выдающимися личностями России. Более того, эту часть города отличает особая архитектура и романтическая атмосфера.

Каменный остров начали застраивать через 10 лет после основания города, первоначально на нем находились резиденции канцлеров Г.И. Головкина и А.П. Бестужева-Рюмина. Позже остров перешел в руки императорской семьи и придворных сановников. В XVIII–XIX веках здесь было построено множество дач, загородных дворцов, богатых особняков, разбит роскошный парк, создан театр.

Своим процветанием Каменный остров обязан императору Павлу I, который пожелал построить в 1775 году великолепный дворец (арх. Фельтен Ю.М.) На юго-восточном мысу Фельтен

Летний дворец принца Ольденбургского

построил дворец, стиль которого можно определить как переходный от раннего к строгому классицизму. Это интересный пример соединения в одном ансамбле классицистических и романтических сооружений.

Каменноостровский дворец является памятником архитектуры федерального значения, отданным в 2015 году бюджетному учреждению, созданному для дополнительного внешкольного образования как «Академия талантов».

Церковь Рождества Иоанна Предтечи на Каменном острове (1778 год, архитектор Ю.М. Фельтен), состоявшая при Каменноостровском дворце, была построена в стиле псевдоготики в честь победы русского флота над турецким. Сегодня она является действующей православной церковью в Санкт-Петербурге и одной из главных достопримечательностей Каменного острова. Здесь молился о победе М. И. Кутузов после своего назначения главнокомандующим русской армии в Отечественной войне 1812 года; и именно в ней крестили своих детей Александр и Наталия Пушкины.

Многочисленные дачи придворных сановников стали появляться на острове при Николае II; в это же время построены дома

промышленника Путилова и купца Елисева, профессора Бехтерева и адвоката Плансона, архитектора Мельцера и путешественника, основателя Харбина, инженера-путейца Свиягина.

До XXI века сохранилось очень мало ранних архитектурных сооружений Каменного острова. Поэтому обратим внимание на одну из жемчужин этого места — Летний дворец принца Петра Георгиевича Ольденбургского, который находится практически напротив другого — дворца императора Павла I на противоположной стороне Каменноостровского проспекта, по адресу набережная Малой Невки, 11. История застройки участка от Каменноостровского моста до устья Большого канала вдоль южного берега Малой Невки, на котором и находится бывшая усадьба принца Ольденбургского, восходит к августу 1787 года. Первые хозяева этого участка земли выстроили оранжерейный флигель по проекту архитектора Л. Руска, особенностью которого были широкие и высокие окна. Кстати, по обычаю того времени постройка использовалась для жилья в летнее время. Флигель многократно перестраивался и украшался дополнительными архитектурными деталями.

Хозяевами интересующих нас земельных участков были и белошвейка мадам Билье, и граф И.Т. Чернышев, и полковница А. Петрово-Соловова (урожденная княжна Щербатова), и действительный камергер Ф.Ф. Вадковский, и шталмейстер двора кн. М.М. Долгорукий. Последний владелец привлек архитектора С.Л. Шустова (1789–1870), представителя позднего классицизма, к проектированию и строительству здания, отделка интерьеров которого закончилась в 1833 году. Именно в этот год и была составлена купчая принцем Ольденбургским.

Возведенный Шустовым для принца Летний дворец — одно из самых примечательных сооружений Каменного острова. Он является примером архитектуры русского деревянного классицизма и одновременно служит как бы оформлением парадного въезда со стороны Аптекарского острова. Обычный в петербургской и редкий в загородной архитектуре элемент — купол — венчает дворец. Творчество Смарагда Логиновича Шустова до сих пор остается малоизученной страницей истории зодчества. Младший современник Кваренги, Росси, Руска и Стасова, он по праву считается последним классиком в русской архитектуре. С 1827 года Шустов зачислен

архитектором в ведомство дирекции императорских театров и строит по своим проектам здания театров у Чернышева моста и на Каменном острове. Кроме этого, он участвовал в сооружении «дежурных каменных конюшен» во дворе Эрмитажа и выполнял проекты зданий Сената и Синода, Нового конюшенного двора в Московском Кремле и др. Не имея влиятельных покровителей, Шустов часто был вынужден вступать в борьбу с чиновниками за осуществление своих проектов. Увы, в 1835 году архитектор вышел в отставку. До наших дней единственное его сооружение, сохранившееся в наименее искаженном виде, — Каменноостровский театр.

Но вернемся к Летнему дворцу. Архитектор Шустов в центре квадратного в плане здания поместил зал-ротонду с окружающими его гостинными. Две парадные лестницы, ведущие на второй этаж, располагались по сторонам большого вестибюля, протяженность которого равнялась диаметру круглого зала. Вестибюль, центральный зал, перекрытый пологим куполом, столовая с выходом в сад находились на одной оси: удобство их расположения обеспечивало простоту переходов из одних помещений в другие. Эта планировка была логичной для создания удобства и комфорта проживания большой семьи Ольденбургского. Семейство принца отличалось своими характерными привычками, вкусами, ритмом жизни. И Летний дворец представлял собой идеальное внутреннее пространство — удобное и для пышных приемов, и для семейной жизни.

Историк Вера Витязева подробно описала в своей книге «Каменный остров» Летний дворец: *«Южный, западный, восточный фасады здания украшали 6-колонные портики дорического ордера с каннелированными колоннами, которые венчали карниз на кронштейнах. Колонны поддерживали три балкона с чугунными решетками, на балконы выходили из помещений второго этажа. По обеим сторонам портика главного фасада находились два полуциркульных окна. Над ними помещались орнаментальные резные барельефы. Сответствие масштабного и ритмического построения фасада, приема их обработки создавало ощущение конструктивной правдивости и гармонической законченности всего сооружения».*

Примечательно, что автором ограды дворца принца Ольденбургского является А. И. Штакеншнейдер, который представил ее в виде коротких древнеримских мечей со звеньями из копий. Под руководством Штакеншнейдера в 1837 году были предприняты меры по рас-

ширению дома и частично обновлены интерьеры помещений. К сожалению, в результате нововведений здание утратило не только боковые портики, но и целостность художественного образа.

Следует отметить, что одновременно с работами по дому был возведен флигель из красного кирпича с неоштукатуренными стенами. Все детали декоративной отделки оконных проемов флигеля выполнены из белого камня. Чугунные литые ограждения крыши, балкона, зонтика над входом обогащают художественный образ сооружения. Оно предназначалось для обслуживающего персонала и личной охраны семьи принца. Еще на территории усадьбы имелись деревянные конюшни. Увы, они не сохранились, и ныне на их месте возведен гараж.

Дворец был летней резиденцией семьи Ольденбургских, куда они переселялись с мая и жили до конца сентября или начала октября. Это место очень нравилось жене принца Петра — Терезии. Она часто устраивала в нем праздники для своих детей и для воспитанниц Женского училища (института), носившего ее имя. Гостиными в этом дворце нередко были лицеисты, правоведы и пансионерки. Наиболее праздничными и веселыми были вечеринки для выпускников Императорского училища правоведения. В этот день после торжественной церемонии в училище воспитанники на флотских шляпках отправлялись на Каменный остров, где их встречали Петр Георгиевич и члены его семьи. В честь выпускников давался парадный ужин, устраивался фейерверк, в саду играли музыканты, молодежь танцевала, веселилась, прощаясь с годами ученичества, поэты слагали стихи.

Наиболее памятным остался бал, данный супругами Ольденбургскими в честь бракосочетания двоюродной сестры Петра Георгиевича великой княжны Марии Николаевны и герцога Максимилиана Лейхтенбергского в 1839 году, красочное и подробное описание которого оставил французский маркиз Астольф де Кюстин в своей книге «Россия в 1839 году». Его, приглашенного на это, в общем-то, семейное торжество, удивил и восхитил праздник во дворце Ольденбургских. Правда, повествуя о нем, маркиз не избежал свойственной ему критически-иронической оценки всего увиденного и услышанного: *«До 11 часов вечера танцевали на открытом воздухе, но когда ночная роса в достаточной мере увлажнила головы и плечи молодых и пожилых дам, участвовавших*

в этой победе человеческой воли над климатом, все перешли в маленький дворец, служащий обычно летней резиденцией...

В центре виллы находилась сверкавшая золотом и огнями ротонда. В этой зале продолжался бал, между тем как нетанцующие рассеялись по остальным залам дворца. Лучи света, исходящие из этого центрального пункта, распространялись далеко снаружи. Блестящая ротонда казалась мне орбитой, по которой вращались императорские созвездия, освещая своим сиянием весь дворец. В первом этаже на террасах были устроены павильоны, в которых сервированы столы для императора и приглашенных к ужину гостей. На этом балу, с менее многочисленной публикой, чем предыдущие, царствовал вообще такой блестяще организованный кажущийся беспорядок, что вечер этот меня более занимал, чем все остальные.

Летний дворец находится в красивейшей части островов, и здесь, в саду, полном цветов, растущих в горшках, искусно скрытых английским газоном, был устроен большой зал — салонный паркет на газоне, окруженный изящной балюстрадой, сплошь покрытой роскошными цветами. Этот оригинальный зал, крышей которому служил небесный свод, походил на палубу корабля, разукрашенного по случаю праздника всевозможными флагами. Императрица, несмотря на свое слабое здоровье, танцевала все полонезы на “сельском” балу, устроенном ее кухней, с открытой головой и обнаженной шеей».

После революции 1917 года дворец был национализирован. В 1928 году произвели его перепланировку под квартиры, вследствие чего большая часть интерьеров оказалась утраченной. В 1930 году сгорел купол дома, восстановленный в 1936–1937 годах, но — уввы! — без росписи. В 1949–1954 годах в нем располагалось общежитие стоматологического мединститута, с 1965 по 1975 год — общежитие студентов 2-го Медицинского института и Ленинградского санитарно-гигиенического медицинского института (ЛСГМИ). Роковым оказался 1975 год, когда здание почти полностью выгорело. В 1982 году его полностью разобрали, после чего начались восстановительные работы: на старом фундаменте в соответствии со старыми чертежами дом был отстроен, интерьеры восстановлены. Но до сих пор судьба Летнего дворца принца П. Г. Ольденбургского остается нерешенной.

В архитектурно-ландшафтной панораме набережной Малой Невки Летний дворец принца Ольденбургского имеет особое значение. При въезде на Каменный остров с Петроградской стороны, слева от Каменноостровского моста, перед глазами предстают два здания: дворец и оранжерейный павильон. Ансамбль Летнего дворца, расположенный на высокой площадке с двумя пологими пандусами, господствует над окружающим пространством. Здание выделяется совершенством деталей и красотой силуэта на фоне темной зелени парка летом или на багряном и золотом фоне осенью.

Литература

Анненкова Э.А., Голиков Ю.П. Принцы Ольденбургские и их дворцы. — СПб., 1997.

Анненкова Э.А., Голиков Ю.П. Принц Петр Георгиевич Ольденбургский. — СПб., 2012.

Витязева В.А. Каменный остров. — Л., 1991.

Маркиз Астольф де Кюстин. Николаевская Россия. — М., 1990.

Творческий вклад семьи Ольденбургских в искусство

Э. А. Анненкова

Принцесса Терезия Ольденбургская — почетный любитель Императорской Академии художеств

В подмосковной усадьбе Остафьево в бывшем имении Вяземских среди памятников знатным гостям усадьбы — Пушкину, Жуковскому, Карамзину — есть и памятник ее владельцу поэту П. А. Вяземскому — бронзовый бюст, установленный на высоком гранитном пьедестале. Его творец — принцесса Терезия Ольденбургская. Принцесса-скульптор?! Кто же она?

Принцесса Терезия-Вильгельмина-Фредерика-Изабелла-Шарлотта (1815–1871), дочь герцога Георга-Вильгельма-Августа-Генриха Нассау-Вейльбургского (1792–1839) и герцогини Луизы Саксен-Альтенбургской (1794–1825), родилась в Вейльбурге 17 апреля 1815 года. Она рано осталась без матери и воспитывалась отцом и мачехой Паулиной, урожденной принцессой Вюртембергской, сестрой великой княгини Елены Павловны, супруги великого князя Михаила Павловича. Герцог Вильгельм и его новая супруга с большой заботой и вниманием относились к обучению и воспитанию юной принцессы. Терезия получила достаточно глубокие знания в основных школьных науках, с успехом и любовью занималась живописью и ваянием, живо интересовалась историей и географией.

В 1837 году она стала супругой принца П. Г. Ольденбургского (1812–1881). Принц принадлежал к одному из древнейших владетельных Домов Европы — Ольденбургскому и одновременно к императорской семье Романовых. Его отцом был принц Георг (1778–1812), младший сын герцога Петра Фридриха Людвиг фон Ольденбург, а матерью — великая княгиня Екатерина Павловна (1788–1819), дочь Павла I, «женщина с умом необыкновенно

Принцесса Терезия Ольденбургская. Художник Жозеф де Кур

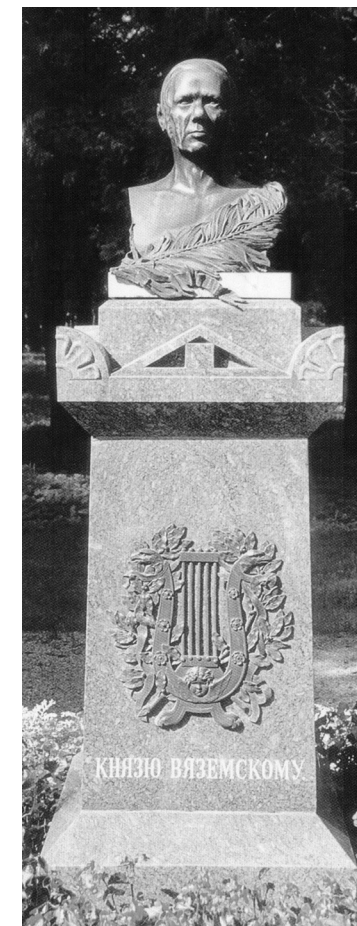
возвышенным», как отозвался о ней А. С. Пушкин¹. С именем принца Петра Георгиевича Ольденбургского связана в России целая эпоха в истории русской гражданственности, отмеченная его беспримерной культурной, социальной и благотворительной деятельностью в таких важнейших социальных сферах жизни, как призрение сирот, больных и престарелых, в народном образовании и здравоохранении. Современники принца по достоинству оценили его деяния, установив в 1889 году на Литейном проспекте у Мариинской больницы памятник с надписью «Просвещенному благотворителю Принцу Петру Георгиевичу Ольденбургскому».

Супруги Ольденбургские были высокообразованными личностями с разнообразными интересами, любителями литературы и искусства. Неудивительно, что в их дворце на Дворцовой наб., 2, имелась прекрасная картинная галерея и великолепная библиотека, на полках которой на русском и иностранных языках стояло несколько десятков тысяч томов литературы — художественной, научной и учебной по разным областям знаний. Принцесса Терезия, владея тремя иностранными языками: русским, французским и английским — сама много читала и приобщала к литературе и систематическому чтению своих детей. Петр Георгиевич писал стихи и переводил на немецкий язык русские народные песни, перевел на французский язык «Пиковую даму» А. С. Пушкина. Встречался Петр Георгиевич с Пушкиным и в официальной обстановке на заседании Российской Академии, о чем есть упоминание в статье Пушкина «Российская Академия»: «18-го января нынешнего (1836. — Авт.) года Российская Академия была удостоена присутствия его светлости принца Петра Ольденбургского, избранного ею в почетные члены»². Трагическая гибель поэта глубоко потрясла принца. Как и все здравомыслящие люди России, он хорошо понимал значение Пушкина для русской литературы и культуры. П. Г. Ольденбургский навел смертельно раненого поэта в его квартире на Мойке. Об этом вспоминал воспитатель Училища правоведения А. С. Андреев: «30-го. Его светлость принц Петр, прибыв в Училище в 11 часов утра, сказал, что Пушкин еще жив, но что надежда плоха»³. Как председатель Комитета по сооружению памятника Пушкину он возглавил торжество по случаю его открытия в Москве 6 июня 1880 года. Не остался равнодушным принц и к судьбе Ф. М. Достоевского, приняв посильное участие в его освобождении

от солдатчины. «Но наиболее всех был полезен Достоевскому в ходе его судьбы Его Высочество принц П. Г. Ольденбургский. Меня (Врангель А. Е. — Авт.) он помнил еще по Лицею; будучи попечителем, он почти ежедневно посещал Лицей. Я передал <...> принцу новые стихи Достоевского на коронацию... («На 1 июля 1855 г.» — Авт.) Принц передал стихи государыне Марии Александровне». И далее: «по Высочайшему манифесту ко дню коронации (Александра II. — Авт.). Достоевский был прощен и 1-го октября 1856 г. произведен в прапорицки, что позволило ему вскоре выйти в отставку»⁴.

Принц был талантливым пианистом и композитором, сочинявшим музыкальные произведения самых разных жанров: от фортепианных пьес и романсов до симфоний и опер, которые в свое время исполнялись в немецких театрах и в Петербургских музыкальных салонах. Петр Георгиевич является одним из композиторов, наряду с Пуни, Делибом, Дриго и Адамом, музыка которых использована при создании балета «Корсар», поставленного впервые в 1856 году в Большой Парижской опере, а спустя два года и в Большом театре Петербурга. И сегодня этот балет значится в репертуарах оперных театров Санкт-Петербурга — Мариинского и Михайловского.

Принцесса Терезия, как и ее муж, любила русскую поэзию, тесно общалась с писателем и издателем П. А. Плетневым, а поэт П. А. Вяземский стал ее близким другом, частым гостем в семье принца Ольденбургского. Она была не только

Бюст поэта
П. А. Вяземского работы
принцессы Терезии
Ольденбургской

верной и любящей женой, но и сподвижницей благотворительных дел своего супруга. Когда в 1841 году принц учредил на Петербургской стороне училище для девочек из необеспеченных семей, то, по просьбе супруги, передал его в ее ведение. Терезия для первоначального обзаведения училища использовала свои «туалетные деньги», с воодушевлением занимаясь его устройством, разработкой программ обучения. Впоследствии училище получило название Институт принцессы Терезии Ольденбургской. Терезию всегда волновала судьба женщины в обществе, особенно судьба представительниц беднейших слоев населения. Помочь им найти средства существования, обрести свое место в жизни, направить их деятельность во благо самих себя и своих детей она считала своим христианским долгом. Вместе с великими княжнами Марией и Александрой Николаевнами она приняла активное участие в открытии первой в России Общины сестер милосердия Святой Троицы, основная цель которой заключалась в получении вдовам, бедным женщинам и девушкам профессии сестры милосердия⁵.

Принцесса Терезия с детства увлекалась ваянием и, приехав в Россию, успешно продолжила занятия и ваянием, и живописью. В 1857 году она была избрана почетным любителем Императорской Академии художеств. Сохранилось несколько ее работ и среди них прижизненный бюст друга семьи поэта князя П. А. Вяземского, созданный Терезией в 1855 году. По мнению самого поэта, бюст получился удачным, и Петр Андреевич выразил свои чувства восхищения талантом августейшей ваятельницы в посвященном ей стихотворении:

*Теперь стою на месте крепком.
Весь не умру! Спасусь от рокового дня.
Искусства торжеством, моим удачным слепком
Вы обессмертили меня.
Но ставя Ваше мне еще милей вниманье,
Им благодарно дорожу:
На образ свой, — он Ваших рук созданье, —
Я с умилением гляжу.
В нём будет для меня цвести воспоминанье
Тех дней, в которых я узнал и оценил
Всё то, чем Промысл Вас так щедро одарил.*

*Ваш просвещённый ум, к прекрасному призванье,
Любовь к художествам и мыслящим трудам,
Супруги, матери заботливость и нежность...⁶*

Позднее, в 1860 году, Вяземский передал свой бюст профессору Московского университета М. П. Погодину по его просьбе. «Мой бюст, рукоделие принцессы Ольденбургской, находится теперь у меня, к Вашим услугам, разумеется, бюст передается Вам на вечное и потомственное владение», — так писал поэт, решившись расстаться со своим «удачным слепком»⁷.

С этой работы принцессы Терезии было изготовлено несколько бронзовых отливок, одна из которых долгое время стояла в библиотеке университета в Москве. Другая — послужила основой для памятника князю П. А. Вяземскому в его подмосковной усадьбе Остафьево, которую его друг А. С. Пушкин назвал «Русский Парнас». Памятник П. А. Вяземскому был установлен в 1912 году. Усадьба Остафьево, расположенная в одном из красивейших уголков Подмосковья, внешним видом являла собой типичную усадьбу русского помещика в средней полосе России. Господский дом, окончательно построенный в начале 1800-х годов, был окружен старинным парком с тенистыми аллеями, уютными беседками, цветочными клумбами. Гостеприимный дом Вяземских часто посещали самые дорогие друзья — великие деятели русской литературы и культуры В. А. Жуковский, А. С. Грибоедов, Н. М. Карамзин, А. С. Пушкин, Н. В. Гоголь, А. И. Тургенев и другие желанные гости князей, которые среди прекрасной русской природы черпали вдохновение для своего творчества. На территории усадебного парка, на липовой аллее по инициативе нового хозяина графа С. Д. Шереметева, женатого на внучке П. А. Вяземского, возник ансамбль памятников самым любимым и знаменитым гостям — русским поэтам В. А. Жуковскому, А. С. Пушкину, братьям Вяземским, историку Н. М. Карамзину. Сегодня в парке усадьбы Остафьево около памятника П. А. Вяземскому установлена табличка, на которой указано, что бюст поэта выполнен принцессой Терезией Ольденбургской.

Терезия, по отзывам современников, также «писала весьма недурно». Во дворце у нее была своя мастерская, где она работала и где хранились ее живописные и скульптурные работы. К занятиям живописью она приобщила дочь Александру и своего любимца,

старшего сына Николая. Первые уроки живописи они получали именно у матери, унаследовав от нее талант к художественному творчеству. Принц Николай Петрович, совершенствуя свое мастерство живописца, после смерти матери пользовался советами и указаниями известного художника-пейзажиста А. П. Боголюбова. Работы принца экспонировались на выставках в Академии художеств, почетным любителем которой он был избран в 1868 году.

Последние семь лет жизни Терезия по совету врачей провела за границей. Ее давно расстроенное здоровье, ухудшившееся после кончины дочери Екатерины в 1866 году, требовало постоянного наблюдения специалистов и пребывания в теплом благоприятном для нее климате.

26 ноября 1871 года во время очередного лечения в Чехии принцесса Терезия Ольденбургская скончалась. Она была похоронена в семейной усыпальнице на кладбище Приморской Свято-Троицкой Сергиевой пустыни.

Примечания

1. *Пушкин А. С.* Собрание сочинений в 6 томах. Т. 5. — М., 1950. — С. 285.
2. *Андреев В.* По поводу воспоминаний об Училище правоведения В. В. Стасова. — СПб., 1889.
3. *Врангель А. Е.* Воспоминания о Ф. М. Достоевском в Сибири. 1854–1856 гг. — СПб., 1912.
4. *Анненкова Э. А., Голиков Ю. П.* Принцы Ольденбургские в Петербурге. — СПб., 2004.
5. *Вяземский П. А.* Полное собр. соч. Т. 11. — СПб., 1887. — С. 154.
6. Цит. по: *Смирнова Т. Н.* Музей-усадьба Остафьево // Русский Парнас. — М., 1998. — С. 41.
7. Там же.

Э. А. Анненкова

Председатель Императорского общества поощрения художеств принцесса Евгения Максимилиановна Ольденбургская

«Императорское общество поощрения художеств», существовавшее в Санкт-Петербурге — Петрограде — Ленинграде до 1929 года, было старейшим в России и до 1875 года именовалось «Общество поощрения художников». Основанное в 1820 году по инициативе и на средства трех частных лиц: статс-секретаря П. А. Кикина, князя И. А. Гагарина и графа А. И. Дмитриева в Санкт-Петербурге, оно было в русском искусстве и культуре явлением замечательным. 30 ноября 1821 года учредители совместно с флигель-адъютантом Л. И. Килем (автором) и начальником корпуса военных топографов полковником Ф. Ф. Шубертом составили «Основные правила для руководства к деятельности Общества поощрения художников» (далее ОПХ. — *Авт.*), которые легли в основу устава ОПХ, утвержденного 28 апреля 1833 года Николаем I. С момента основания ОПХ находилось под покровительством императоров. Председателями Комитета ОПХ состояли П. А. Кикин (до 1834), В. В. Мусин-Пушкин-Брюс (1835–1836), К. А. Нарышкин (1836–1838), П. И. Кутайсов (1838–1839).

С 1840 года этот пост занимали представители императорской фамилии: герцог Максимилиан Лейхтенбергский (до 1851), его вдова великая княгиня Мария Николаевна, президент Академии художеств (до 1875), их дочь принцесса Евгения Максимилиановна Ольденбургская (до 1915), великий князь Петр Николаевич (до 1917). Цель ОПХ заключалась в содействии развитию изящных искусств, распространению художественных познаний, образованию художников и скульпторов, пропаганде отечественного изобразительного искусства через устройство художественных выставок, через издания литографированных альбомов и т. п.

На средства, полученные от этих мероприятий и от продажи картин, ОПХ помогало талантливым художникам получать образование как в России, так и за границей. Были учреждены три золотые медали, которые присуждались каждые три года. Выпускники, награжденные золотыми медалями, получали возможность продолжать образование за границей за счет ОПХ. Благодаря этой финансовой поддержке художественный опыт европейских мастеров живописи изучали братья К. П. и А. П. Брюлловы, братья П. Г. и Н. Г. Чернецовы, П. К. Клодт, Т. Г. Шевченко, И. Н. Крамской и др. На средства ОПХ из крепостной зависимости было освобождено 10 художников. Правительство ежегодно выделяло для развития ОПХ 10 тысяч руб. Ныне в его здании на ул. Морской, 38, размещается Союз художников России.

Принцесса Евгения Максимилиановна Ольденбургская (1845–1925), урожденная княгиня Романовская, герцогиня Лейхтенбургская, принцесса Богарне, была известна в Петербурге и в России своей многогранной общественной, социальной и культурной деятельностью: организатор и попечитель школ, гимназий, богоугодных заведений. Она была президентом Императорского Минералогического общества, попечителем Императорского Ботанического сада, основателем Общины сестер милосердия св. Евгении, активно способствовала деятельности своего супруга принца А. П. Ольденбургского при организации Института экспериментальной медицины в Санкт-Петербурге, при создании курорта Гагра в Абхазии. Около 40 лет принцесса возглавляла Общество поощрения художеств в Санкт-Петербурге.

Евгения Максимилиановна тонко чувствовала новые веяния в искусстве, в литературе. Конец XIX – начало XX столетия – время расцвета искусства Серебряного века. Время противоречивое, сложное, когда еще плодотворно работали в литературе и в живописи ведущие мастера критического реализма. Но в 1890-е годы обнаружилась и иная тенденция, чутко подмеченная Д. С. Мережковским: *«Наше время должно определить двумя противоположными чертами — это время самого крайнего материализма и вместе с тем самых страстных идеальных порывов духа. Мы присутствуем при великой, многозначительной борьбе двух взглядов на жизнь, двух диаметрально противоположных мирозерцаний. Последние требования религиозного чувства сталкиваются с последними вывода-*

*ми опытных знаний»*¹. В эти годы формируется творчество К. А. Коровина, В. А. Серова, М. А. Врубеля, возникает новое объединение художников «Мир искусства» во главе с А. Н. Бенуа и С. П. Дягилевым, основное ядро которого составили К. А. Сомов, Л. С. Бакст, М. В. Добужинский, Н. К. Рерих. Искусство и литература Серебряного века породили новую форму романтизма – символизм. Мировую славу России принесли русская музыка, балет и театрально-декоративное искусство в творчестве Бакста, Бенуа, Врубеля, Рериха. После смерти великой княгини Марии Николаевны по распоряжению императора пост председателя Общества поощрения художников заняла Евгения Максимилиановна в 1878 году.

ОПХ с 1870 года располагалось в здании на Большой Морской улице, 38, которое перестроил архитектор М. Е. Месмахер в 1877–1878 годах. В конце 1870-х годов была упразднена церковь, оборудованы выставочный зал, помещения для Рисовальной школы и для первого в России Художественно-промышленного музея. В 1882 был утвержден новый устав ОПХ, определивший статус

Здание Общества поощрения художеств в Петербурге

всех его подразделений. В соответствии с этим уставом, действовавшим вплоть до 1917 года, за обществом закреплялось официальное название Императорское Общество поощрения художеств. В мае 1917 общество получило название Всероссийское общество поощрения художеств.

С 1897 года начала работать художественно-ремесленная мастерская, имевшая несколько подразделений: декоративно-малярное, декоративно-лепное и декоративно-печатное. В начале 1890-х годов по проекту архитектора И. С. Китнера надстроили двухсветный зал со световым фонарем. Во время последней перестройки на здании над окнами третьего этажа выложили мозаикой название общества «*Императорское общество поощрения художеств. 1820–1890*». Надпись сохранилась до наших дней. А вот скульптурное изображение аллегорической фигуры «Торжествующий гений», выполненное по эскизу Китнера, утрачено. Залы ОПХ были расширены, а их освещенность улучшена.

Надо ли говорить, что все эти изменения происходили как раз в то время, когда ОПХ возглавляла Е. М. Ольденбургская? ОПХ являлось одним из центров художественной жизни Петербурга. В его залах проводились выставки художников-передвижников, мирискусников, а в 1880 году состоялась выставка одной картины, положившая начало такой своеобразной форме представления выдающегося произведения живописи. Этой единственной картиной, высокое мастерство автора которой потрясло всех специалистов и любителей изобразительного искусства, ставшей сенсацией в художественном мире, был шедевр А. И. Куинджи «Лунная ночь на Днепре». Кстати, это необычное полотно настолько восхитило великого князя Константина Константиновича, увидевшего его еще в мастерской Куинджи, что он решил приобрести картину во что бы то ни стало. Несмотря на то, что она не была закончена, ему удалось договориться с художником о ее приобретении, дав при этом согласие предоставить картину на выставку в ОПХ. «Лунная ночь на Днепре» экспонировалась в темном помещении и освещалась сбоку светом лампы. Лунное сияние на реке было передано художником так реалистично, что некоторые посетители пытались заглянуть за холст, чтобы удостовериться, не спрятана ли там лампа. И. Е. Репин, сам великолепный мастер, также недоумевал, как Куинджи удалось достичь такого поразительно-

го светового эффекта: «*Интересно хорошенько рассмотреть в луну, из каких красок составлен этот свет, кажется, и красок нет. Просто дьявольщина какая-то!*»² В ноябре 1880 года Комитет литературного фонда устроил в здании ОПХ Пушкинскую выставку, представившую поэта в домашней семейной обстановке. Среди портретов родственников особое внимание привлекла работа академика И. К. Макарова — портрет дочери Пушкина Натальи Александровны в юном возрасте, принадлежавший ее сыну от первого брака Л. М. Дубельту. Именно Леонтий Дубельт предоставил журналу «Нива» это полотно, воспроизведенное в виде гравированного портрета его матери на страницах этого популярного журнала. Когда в 1880 году в Москве открывали памятник А. С. Пушкину, рядом с красавицей матерью, графиней Натальей Александровной Пушкиной-Дубельт-Меренберг, стоял ее сын морской офицер Леонтий Дубельт, как две капли воды похожий на своего деда-поэта.

В 1883 году значительным событием в художественном мире стала выставка в залах ОПХ картин художника-баталиста В. В. Верещагина с его знаменитым полотном «Апофеоз войны».

Из других выдающихся выставок, проводимых в залах Императорского Общества поощрения художеств, можно отметить 120-ю выставку картин профессора И. К. Айвазовского в 1896 году, вызвавшую огромный интерес у любителей живописи. Только за один месяц выставку посетили около 11 тысяч поклонников художника-мариниста.

При ОПХ была также открыта Рисовальная школа для обучения талантливых молодых людей из народа. К концу XIX века в работе Рисовальной школы возникло новое направление — художественно-промышленное. Издавались журналы: «Искусство и художественная промышленность», «Художественные сокровища России», «Зодчий».

По инициативе секретаря ОПХ писателя Д. В. Григоровича удалось осуществить важное дело — создать художественно-промышленный музей. Это событие в художественной жизни России широко освещалось в прессе, в частности в «Санкт-Петербургских ведомостях»: «*28 февраля (1879 г.) происходило освящение и открытие художественно-технического музея, устроенного при Обществе поощрения художников. Торжество почтили своим присутствием Государь Император (Александр II. — Авт.), наследник*

Цесаревич с супругой, в. к. Владимир Александрович, вел. кн. Александра Петровна и Евгения Максимилиановна, принц А. П. Ольденбургский...» После смерти Григоровича музеем присвоили его имя. Евгения Максимилиановна, благодарная писателю за многолетнюю и преданную работу в ОПХ, выхлопотала для него чин действительного статского советника и устроила в его честь у себя во дворце (Дворцовая набережная, 2) торжественный обед 31 октября 1889 года.

50-летие литературной деятельности Григоровича отмечалось в литературной и художественной среде в ноябре 1893 года. «Санкт-Петербургские ведомости» поместили краткий отчет об этом событии: *«31 октября — 50-летний юбилей литературной деятельности В. Г. Григоровича. Чествование проходило в зале Общества поощрения художеств, почетным членом которого состоит юбиляр. Присутствовали представители почти всех сословий, всех чинов, званий и профессий <...>. На эстраде, окруженной тропической зеленью, был приготовлен стол, а над эстрадой, на хорах поместился оркестр воспитанников принца Ольденбургского <...>. В залу прибыла августейшая покровительница Общества поощрения художеств под руку с юбиляром; за ними следовали Их Высочества принц Александр Петрович с сыном в сопровождении Петербургского градоначальника генерал-лейтенанта В. В. фон Валя <...>. Евгения Максимилиановна сообщила о пожаловании Григоровичу ордена Св. Станислава первой степени и денежной пенсии...»*

Знаменательным моментом в деятельности Общества и Рисовальной школы стало согласие К. Н. Рериха занять по просьбе Евгении Максимилиановны должность ее директора. Еще ранее, также по рекомендации принцессы, Рерих с 1901 года работал секретарем ОПХ, то есть фактически был первым помощником директора музея и помощником редактора журнала «Искусство и художественная промышленность», также он принимал непосредственное участие в издании журнала «Художественные сокровища России». Рерих возглавлял Рисовальную школу с 1906 по 1918 год. Вместе с семьей он поселился в здании ОПХ на Большой Морской улице, 38, в квартире со стороны Мойки на втором этаже. Н. К. Рерих провел реформу Рисовальной школы, направленную на совершенствование системы преподавания. За время его руководства были открыты новые классы, в том числе и для женщин: этюдный, худо-

жественной вышивки, курсы высших архитектурных знаний, организована библиотека и открыт Музей русского искусства. В школе по его приглашению преподавали И. Библибин, В. Матэ, В. Щуко, А. Щусев и др., а также брат Рериха архитектор Борис Константинович, следивший за состоянием всего здания. Он же осуществлял внутренние переделки. Известный художник и преподаватель по классу живописи А. А. Рылов вспоминал: *«С Рерихом было приятно работать: все делалось по-товарищески, главное — чувствовалась живая струя свежего воздуха. Школа не стояла на месте, каждый год открывались новые классы или новые художественно-промышленные мастерские, увеличивался состав преподавателей приглашением выдающихся художников»*³. Художественно-промышленные мастерские: рукодельная и ткацкая (1908), иконописная (1909), керамики и живописи по фарфору (1910), чеканки (1913), архитектурная (1915) и др. — готовили профессиональных художников и мастеров. Регулярно организовывались поездки по старинным русским городам для изучения национальной русской архитектуры и художественного народного творчества. Благодаря реформам нового директора Рисовальная школа в течение нескольких лет преобразилась до неузнаваемости. Александр Бенуа отмечал: *«Это чудо произошло благодаря энергии одного человека, одного художника — Рериха»*. В 1915 году Рерих основал при Рисовальной школе ОПХ еще один музей — Музей русского искусства, фонды которого составили произведения станковой живописи и графики, подаренные авторами и коллекционерами.

Евгения Максимилиановна высоко ценила неординарность и глубокую философичность живописи Рериха. Она приобретала его картины, которые составили жемчужину картинной галереи дворца в ее имении Рамонь. Цена художника как мастера, принцесса уважала его и как личность. Она хотела представить Рериха к званию камергера его императорского величества. Однако он решительно отказался от этого намерения Евгении Максимилиановны и, по его словам, желал остаться в памяти потомков не камергером, а художником. В 1918 году Рерих с семьей покинул Россию, уехав сначала в Англию, а затем в США и Индию.

В октябре 1907 года праздновался 50-летний юбилей Рисовальной школы ОПХ. В этот день школу посетила императорская чета. Встреченные председателем ОПХ Евгенией Максимилиановной

высокие гости осматривали школу, общались с учениками, присутствовали на торжественном молебне, познакомились с работами учащихся школы. *«В двух залах музея были устроены роскошные буфеты с сэндвичами, конфетами, печеньем, пирожными, чаем, шоколадом, шампанским и пр. Кроме того, угощения в изобилии разносились по всем залам. Все это предлагала гостям, ученикам и ученицам Ее Императорское Высочество Евгения Максимилиановна»*⁴. В этот же день во дворце принцессы Ольденбургской для именитых гостей был дан обед.

В залах ОПХ регулярно устраивались выставки художников-передвижников, например XXIV выставка в феврале 1901 года. Ее посетил император с семьей 17 февраля: *«Пояснения давал А. П. Брюллов. При этом присутствовали художники В. Е. Маковский, И. Е. Репин, Н. Н. Дубовской, В. М. Васнецов, А. В. Маковский и др.»*⁵. Большой интерес любителей живописи вызвала организованная в январе — феврале этого же года выставка картин французских художников. *«Выставка представляет выдающийся интерес, — отмечала газета “Правительственный вестник”, — так как она составлена из лучших картин французского отдела всемирной выставки в Париже»*⁶.

Проводились в помещениях ОПХ также выставки, оставившие о себе память не только своей значимостью как выдающиеся явления в культурной жизни города, но и своими скандальными эпизодами. В 1908 году в залах ОПХ известный в свое время историк искусства, составитель первого научного каталога Русского музея, организатор вернисажей барон Н. Н. Врангель, брат «белого барона» П. Н. Врангеля, устроил выставку старой европейской живописи, собрав 463 картины из частных петербургских коллекций. Это были малоизвестные широкой публике полотна, как, например, «Мадонна» Леонардо да Винчи, получившая название «Мадонна Бенуа», так как находилась в собрании картин архитектора Л. Н. Бенуа. Экспонировались также картины Эль Греко, Перуджино и других маститых мастеров живописи прошлых веков. Открытие выставки, назначенное на 10 ноября, состоялось в присутствии императора и великих князей с супругами. После того как высокие гости удалились, выставка была закрыта из-за отключения электричества и возникшего по этой причине конфликта между ее устроителем Н. Н. Врангелем и администратором

М. П. Боткиным, действительным членом Академии художеств. В результате М. П. Боткин получил пощечину от Н. Н. Врангеля, который после разбирательства конфликта отсидел два месяца в тюрьме и был лишен службы в Эрмитаже. Материалы этой единственной в своем роде выставки отражены в отдельном номере журнала «Старые годы».

Традиционными становились творческие выставки учащихся Рисовальной школы, устраивавшиеся не только в стенах ОПХ, но и в других залах, они нередко удостоивались внимания царской семьи. *«21 января (1914 года. — Авт.) Николай II посетил выставку учащихся Рисовальной школы Общества поощрения художеств, устроенную в одном из залов Царскосельского Александровского дворца. Академик Рерих поднес императору икону Св. Иоанна Милостивого, написанную ученицей Суворовой, фарфоровую этнографическую статуэтку работы ученицы Брускети, а также альбом работ учащихся в школе и I том своих сочинений»*⁷.

На базе ОПХ возникло Общество поощрения женского художественно-ремесленного труда, которое также состояло под покровительством Е. М. Ольденбургской. 1 февраля 1898 года, как сообщалось газетой «Правительственный вестник», состоялось открытие выставки работ его членов в Строгановском училище в Москве.

В своем дворце, на улице Миллионной, 1, Ольденбургские собрали замечательную коллекцию картин русских художников. Среди них и полотна, купленные на выставках, и подаренные Евгении Максимилиановне, как, например, работы Куинджи и других художников, а также портрет ее отца герцога Максимилиана Лейхтенбергского кисти друга герцога художника Карла Брюллова. Портрет создавался на острове Мадейра в 1849 году, где герцог и художник в это время поправляли свое здоровье. На этом чудострове, согретом ласковым солнцем, овеваемом теплым морским ветерком, с роскошной средиземноморской растительностью, казалось, нет места болезням и недугам. Приехавшие сюда лечиться герцог и художник надеялись на его благотворный климат. Герцог Максимилиан, президент Академии художеств, высоко ценил талант Брюллова, а художник, в свою очередь, с уважением относился к образованному и просвещенному члену императорской фамилии. Возможно, поэтому портрет герцога, написанный Брюлловым, считался одной из его лучших работ и стал событием художественной

жизни Петербурга. После смерти Максимилиана Лейхтенбергского в 1852 году (в этом же году скончался и Брюллов) владелицей этого портрета по завещанию герцога стала его дочь Евгения Максимилиановна. В 1918 году в числе некоторых других произведений искусства семье Ольденбургских удалось вывезти за границу и этот портрет. Он был продан во Франции и оказался в частной коллекции А. В. Мамонова в Брюсселе.

Помимо живописных полотен, в художественной галерее дворца Ольденбургских находились также работы известных скульпторов, среди которых наибольшую ценность представляла скульптура матери Евгении Максимилиановны великой княгини Марии Николаевны в виде обнаженной фигуры работы скульптора Х. Д. Рауха.

Евгения Максимилиановна собрала также замечательную коллекцию рисунков и акварелей работ выдающихся русских художников. В инвентарном списке этой коллекции 329 единиц. Среди них произведения таких мастеров, как Воробьев, Гау, Делакура, Тимм, Тишбейн, Тихобразов, Егоров, Орловский, Шишкин, Саврасов и др.⁸

Принцесса сама прекрасно рисовала, увлекалась модным в то время видом художественного творчества — выжиганием по дереву. Ко дню 50-летия Императорского училища правоведения 5 декабря 1885 года она подарила его церкви выжженную собственноручно на дереве икону «Образ святой великомученицы Екатерины». Пейзажи Евгении Максимилиановны изображались на художественных открытках, издаваемых Общиной сестер милосердия святой Евгении.

Деятельность Е. М. Ольденбургской на посту председателя Общества поощрения художеств снискала ей признательность и уважение в среде творческой интеллигенции. Многим она оказывала поддержку. К ней обращались за содействием и получили помощь художники А. Н. Бенуа, Н. К. Рерих, театральные деятели С. П. Дягилев, М. П. Боткин, ученые — вице-президент Императорского минералогического общества П. В. Еремеев, физиолог И. П. Павлов, зоолог В. О. Ковалевский, философ В. С. Соловьев и др. В книге для росписи посетителей дворца Евгении Максимилиановны стоят имена самых разных людей, деятелей искусства, науки и медицины, крупных чиновников, августейших родственников: В. М. Бехтерев, Д. О. Отт, Н. В. Склифосовский, Н. П. Боголепов, М. Я. Виллие, И. Л. Горемыкин, великий князь Константин Константинович, герцог М. Г. Мекленбургский и др.

10 декабря 1903 года исполнилось 25 лет со дня принятия Е. М. Ольденбургской звания председателя Общества поощрения художеств. В этот день в большом выставочном зале ОПХ состоялось торжественное чествование принцессы. «*Внутренние помещения в здании Общества — лестница, вестибюль и залы приняли торжественный вид, будучи украшены тропическими растениями и цветами. В большом зале был помещен бюст Е. И. В. августейшего председателя. Стены были украшены панно с художественными работами учеников и учениц Общества поощрения художеств <...>. От Общества принцессе были вручены золотая, серебряная и бронзовая медали работы Васютинского, преподнесен Адрес, художественно исполненный, вложенный в резной бювар из красного дерева работы преподавателя школы Волковиского. Адрес был украшен гербом Евгении Максимилиановны Ольденбургской*⁹. Ученицы школы преподнесли фарфоровую вазу, ученики художественных мастерских — деревянный ларец-альбом с фотографиями из жизни мастерских, окованный в художественно исполненное серебро с изображением вензелей принцессы — инициалов и короны над ними.

Скульптор М. А. Чижов создал из белого мрамора бюст Е. М. Ольденбургской, выставленный к этому дню в зале, где проходило чествование принцессы (бюст хранится в запасниках Русского музея)¹⁰. Е. М. Ольденбургская исполняла обязанности председателя ОПХ до 1914 года, пока тяжелая болезнь не приковала ее к постели. На этом посту ее сменил племянник великий князь Петр Николаевич, сын родной сестры ее мужа великой княгини Александры Петровны, а Евгения Максимилиановна оставалась почетным председателем.

ОПХ сыграло важнейшую роль в пропаганде изобразительного искусства путем тиражирования живописных произведений методами литографии и ксилографии.

*Бюст принцессы
Е. М. Ольденбургской.
Скульптор М. А. Чижов*

В 1929 году Общество поощрения художеств упразднили, имущество распродали. В 1932 году здание передали Союзу художников РСФСР. Сегодня в бывшем здании Общества поощрения художеств расположено Санкт-Петербургское отделение Союза художников России.

Примечания

1. Мережковский Д. С. О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы. — СПб., 1893. — С. 38.
2. Ретин. И. Е. Далекое близкое. — М., 2002. — С. 351.
3. Рылов А. А. Воспоминания. — Л., 1977. — С. 149.
4. Правительственный вестник. — 1907. — Октябрь.
5. Правительственный вестник. — 1901. — Февраль.
6. Правительственный вестник. — 1914. — Январь.
7. Правительственный вестник. — 1914. — Февраль.
8. РНБ. Отдел рукописей. Ф. 543. Оп. 1. Д. 118.
9. Нива. — 1903. — № 51. — С. 1021
10. Очерк деятельности Императорского общества поощрения художеств в течение 25-летнего председательства принцессы Евгении Максимилиановны Ольденбургской // Художественные сокровища России. Вып. I. — СПб., 1904.

Т. М. Замалеева

Принц П. Г. Ольденбургский — поэт

Принц П. Г. Ольденбургский, будучи государственным деятелем эпох Николая I и Александра II, служил на разных государственных постах: являлся членом Государственного совета, председателем Департамента гражданских и духовных дел, главным управляющим IV Отделением Собственной Его Величества канцелярии, в подчинении которому состояло Ведомство учреждений императрицы Марии, был председателем Вольного экономического общества, основателем и председателем Русского общества международного права, попечителем и основателем многих учебных, медицинских и богоугодных заведений. В 1889 году на народные пожертвования ему установили памятник с символической надписью: «Просвещенному благотворителю принцу П. Г. Ольденбургскому».

Но не только политика, юриспруденция и работа в Ведомстве учреждений императрицы Марии являлись предметами занятий и интересов принца Ольденбургского. Романтик по натуре, он с юности увлекался поэзией, отлично знал немецкую и русскую литературу, любил стихи Пушкина, с которым был лично знаком и неоднократно встречался с ним в великосветских салонах. В Журнальной книге двора великого князя Михаила Павловича есть такая запись: «4-го декабря, пятница, 1836 г. В Михайловском дворце у в. к. Елены Павловны (урожденная принцесса Вюртембергская) по вечеру было собрание большое: принц Ольденбургский, Жуковский, барон Криднер, сочинитель Пушкин...».

Принц Петр Георгиевич, восхищенный гением Пушкина, не пропускал ни одного его нового сочинения и даже в 1834 году перевел на французский язык его «Пиковую даму».

Увлечение поэзией Пушкина, озабоченность его судьбой, судьбой семьи поэта породили те невидимые нити духовной близости принца и поэта, которые впоследствии превратились в реальные родственные связи рода герцогов Ольденбургских и членов семьи великого русского поэта. Так случилось, что младшая дочь Пушкина, Наталья Александровна, в первом замужестве

Н. А. Дубельт, сочеталась вторым браком с немецким принцем Николаем Вильгельмом Нассауским, братом супруги принца Ольденбургского Терезии, урожденной принцессы Нассауской. Наталья Александровна после замужества получила титул графини Меренберг, так как ее брак с принцем Нассауским был неравнородным, то есть морганатическим. Ее сын Георгий Николаевич женился на дочери Александра II от его морганатического брака с Е. Долгорукой — О. А. Юрьевской. Александр II и принц Ольденбургский были двоюродными братьями. А вот и другой пример, но уже по линии Гончаровых. Дочь А. Н. Гончаровой, родной сестры жены Пушкина, Наталья Фризенгоф вышла замуж за герцога Элимара Ольденбургского, двоюродного брата принца Петра Ольденбургского.

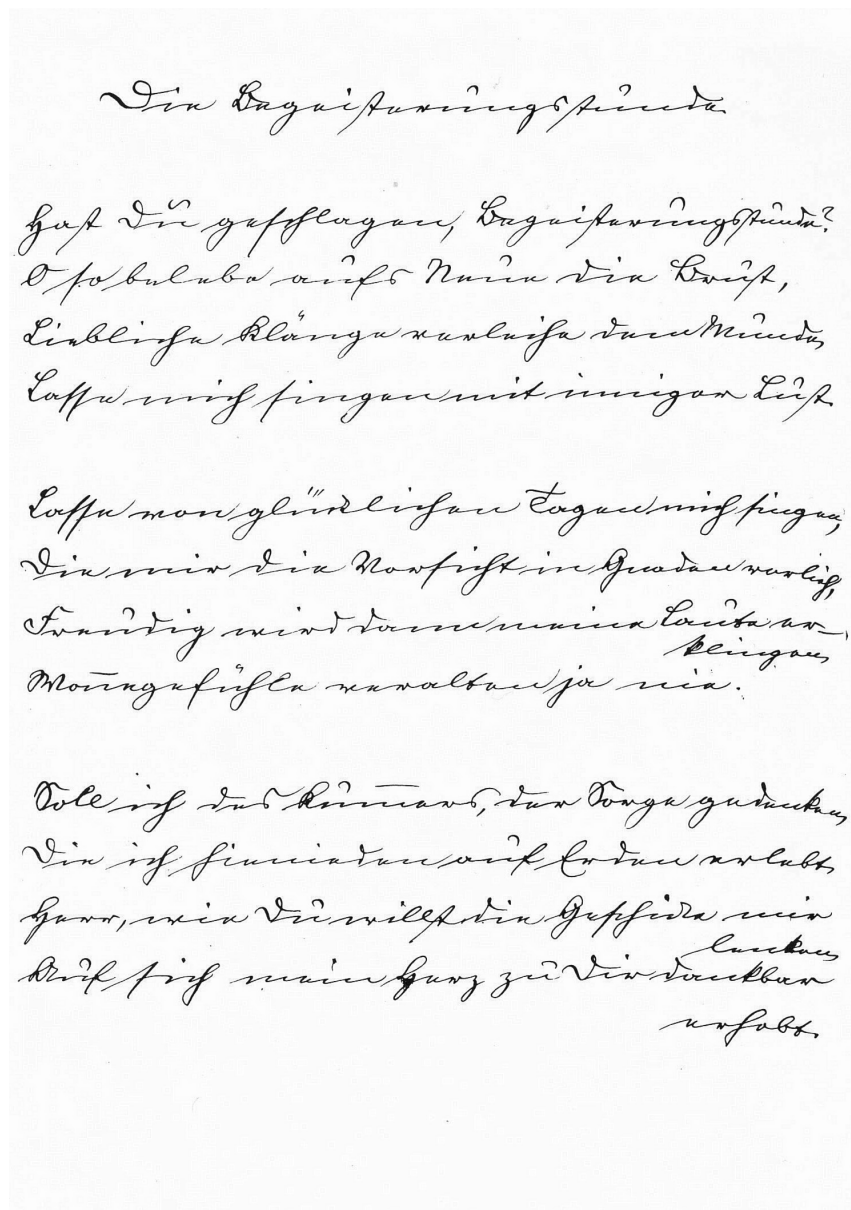
Трепетное отношение принца к Пушкину отразилось и на работе Петра Георгиевича в качестве попечителя Александровского лицея, колыбели пушкинского гения. Там никогда не забывали отмечать памятные даты, связанные с именем поэта, и именно в лицее возникла идея создания памятника Пушкину, горячо поддержанная Петром Георгиевичем. Правда, первым о необходимости увековечить память поэта заговорил В. А. Жуковский еще в 1837 году. Он изложил свои мысли Николаю I, но идея не получила развития. Долгое время по разным причинам не удавалось осуществить задуманное. Лишь когда лицеисты обратились за помощью к принцу П. Г. Ольденбургскому, дело сдвинулось с места. Ему довелось возглавить Комитет по сооружению памятника и присутствовать на торжестве по случаю его открытия в Москве 6 июня 1880 года. Это событие освещали все газеты и журналы, например во «Всемирной иллюстрации» в № 25: *«6 июня, в пятницу утром все небо было в тучах; погода довольно холодная, при сильном ветре. Ровно в десять часов утра, в главной церкви Страстного монастыря началась заукойная литургия, совершенная митрополитом Макарием. В церковь были допущены только депутаты и высокопоставленные лица. В храме собрались деятели русской литературы, генералитет и дамы высшего общества. В одиннадцать часов прибыл его высочество принц Ольденбургский. По окончании обедни отслужена была панихида.*

В час пополудни, после панихиды в церкви Страстного монастыря, митрополит Макарий сказал краткое, простое, прочув-

ствованное слово; потом все бывшие в монастыре отправились с обнаженными головами, многие с венками в руках, на площадь перед памятником. Площадь была кругом обтянута канатом, и вход в нее допускался только по билетам. Влево от памятника построен помост, обтянутый красным сукном, и на нем поставлены кресла для принца Ольденбургского, членов комитета, генерал-губернатора и почетных лиц; справа от памятника, в глубине площади, устроена эстрада для музыкантов. Кругом памятника расположились депутации, каждый под своим знаменем, далее стояла публика и были устроены места для дам...

Когда процессия вышла из монастыря, раздались звуки музыки; солнце показалось из-за туч. Когда все заняли свои места, музыка заиграла народный гимн. Потом принц Ольденбургский поднялся с места, встали и все окружавшие его, и началась церемония передачи памятника городу. Член комитета статс-секретарь Корнилов обратился к представителям городского управления с краткой речью. Затем передал переплетенную в зеленый бархат книгу с золотой надписью “Акт передачи памятника Пушкину во владение московского городского управления”, который подписал принц П. Г. Ольденбургский. С площади праздник перешел в актовъй зал университета. Открытие памятника стало всенародным праздником».

Большой любитель литературы, принц сам сочинял стихи, в основном романтического характера: баллады, элегии как на русском, так и на немецком языках, переводил на немецкий русские народные песни, на протяжении многих лет вел дневник. Его стихи на немецком языке были изданы в Петербурге в 1878 году. Некоторые стихотворения Петра Георгиевича посвящались определенным событиям в его жизни, в жизни близких ему людей. Среди стихов разных лет — отклики на трагические моменты: «Элегия на смерть короля Вильгельма Вюртембергского», отчима принца, «Элегия на кончину наследника Цесаревича», «С тобой нас соединила смерть...» и др. Петр Георгиевич был романтик по натуре, он любил все прекрасное, поэтому многие его стихи воспевают искусство, природу, художественный талант человека, его способность воплотить в искусстве красоту: «Евтерпа и Терпсихора», «Поэзия и музыка», «Брат и сестра», «Час вдохновения»...

Автограф стихотворения П.Г. Ольденбургского
 «Час вдохновения»

Когда придёт час вдохновенья
 И радостью наполнит грудь,
 Я воспою тогда мгновенья,
 Готовые сорваться с губ!

Восславлю дней моих теченье,
 Что в милость Господом даны.
 И будут все мои реченья
 Тебе, как дань, принесены.

Какие б ни были тревоги,
 Что б ни случилось пережить,
 Господь, я на Твоем пороге
 Тебе вручаю жизни нить.

И в час святого вдохновенья
 Хочу Тебя, Отец, просить —
 Прими признательное пенье
 И в мир небесный вознеси.

(перевод В. Кречетова)

Некоторые стихи философски осмысливают сущность бытия, обращены к Богу как к Создателю, Защитнику, Судье («Время», «Молитва»), другие просто передают настроение какого-то момента в жизни, например «Ласточка»:

Ласточка, ты над моей головой
 Смело скользишь в вышине голубой.
 Вместе мечтаю парить в вышине,
 Ласточка, крылья подарить ли мне?
 То вдруг отвесно сорвешься к пруду,
 Или в полнеба опишешь дугу,
 Как я хочу, чтоб оставила небо,
 На руку тихо присела ко мне бы.
 Я б любовался тобой, как звездой,
 Если б могла ты построить гнездо
 На подоконнике, около ставни —
 Это бы мой бесконечный был праздник.

*...Время пройдет, и в далекой стране,
Ласточка, вспомнишь ли ты обо мне?
Где-то на тёплом приветливом юге
Вспомни о верном и любящем друге.*

Петр Георгиевич, обладая критическим складом ума, сочинял и эпиграммы. Вот одна из них на его подчиненного Г. С. Попова, писавшего слабые стихи и постоянно пристававшего к принцу с их чтением:

*О пасынок науки,
Поэт, нас пощади.
Ты пишешь лишь для скуки.
О, Гавриил, молчи!*

Несомненно, что любовь к русскому языку и русской литературе привил принцу еще в его детские и юношеские годы учитель русского языка И. Борн, который был вхож в литературные круги современных ему писателей как в России, так и в Германии.

Петр Георгиевич, живя в России, следил за развитием наук, в том числе и языкознания, и в своей работе по устройству новых школ и гимназий заботился о том, чтобы преподавание русского языка и литературы было на должном уровне, прекрасно сознавая, как велико значение знания родного языка для граждан России в патриотическом их воспитании, в развитии национального самосознания. Будучи знатоком более шести языков живых и двух мертвых (древнегреческого и латинского), он хорошо разбирался в законах языкознания, интересовался, в частности, славянскими языками, их развитием и взаимовлиянием. Уже на склоне лет принц решил составить сравнительный словарь славянских наречий, но за неимением свободного времени и из-за наступившей болезни поручил эту работу Ф. Миклошичу, академику Венской академии наук, который и вошел в историю языкознания как основоположник «Сравнительной грамматики славянских языков».

Петр Георгиевич являлся почетным членом Российской Академии наук, Императорского Санкт-Петербургского и Московского университетов, Публичной библиотеки. В его дворце была собрана великолепная библиотека, в которой на нескольких языках, в том

числе и на русском, было несколько тысяч книг как художественной литературы, так и учебной, которые указывают на разносторонность интересов супругов Ольденбургских, на их постоянную заботу о совершенствовании и расширении своего образования. Эти книги не лежали мертвым грузом в шкафах, каждая из них может рассказать, как пользовался ею читатель: многочисленные пометки, закладки, да и сам вид книги говорят о том, что у нее не было равнодушных читателей. В рукописном отделе Российской национальной библиотеки (РНБ) хранится опись книг из библиотеки принцев Ольденбургских. Среди них: «Описание минералов», «Начальные основания физики», «Энциклопедия законоведения», «Уголовное право (лекции)», «Политическая экономия», «Географические атласы», «Цветоводство», «Политический очерк истории русского государства с 862 г. по 1812 г.» автора Н. Дьяконова, «Немецкое государственное право», «Криминалистика», «Армянские законы, действующие в Нахичеванском округе», «Конституция и судопроизводство», «Геометрия», «Тригонометрия», «Высшая геометрия», «Руководство к красноречию» и др. Петр Георгиевич принимал участие и в литературной жизни Германии, особенно в начале своего пребывания в России, то есть в 30–40-е годы. Он состоял членом литературного объединения в городе Тюбингене, присутствовал неоднократно на его заседаниях. Своим вниманием и практической помощью принц способствовал развитию Германского национального музея в Нюрнберге.

П. Г. Ольденбургский и его супруга принцесса Терезия поощряли увлечение своих подопечных воспитанников искусством: музыкой, литературой, живописью, ваянием, театром, что сыграло немаловажную роль в определении жизненного пути выпускников Училища правоведения и других подопечных принцу учебных заведений. Некоторые из них стали знаменитыми поэтами: А. М. Жемчужников, А. Н. Апухтин, писателями: В. В. Стасов, И. С. Аксаков, М. И. Чайковский, композиторами: А. Н. Серов, П. И. Чайковский.

После революционного переворота в России и смены государственной власти память о принце Петре Ольденбургском и его благих деяниях была предана забвению. В начале 1930-х годов снесли памятник «Просвещенному благотворителю принцу П. Г. Ольденбургскому» на Литейном проспекте, удалили его бюсты и портреты из учебных заведений, уничтожили фамильную

усыпальницу на монастырском кладбище в Свято-Троицкой Сергиевой пустыни.

Но остался живой памятник многообразной деятельности П. Г. Ольденбургского — это основанные им учреждения, существующие и сегодня, продолжающие предназначенную им деятельность, это и его творческое наследие: стихи и музыкальные произведения, с которыми лишь недавно познакомились и отдали им должное наши современники. Они по-новому раскрывают личность принца не только как государственного деятеля, но и как человека тонкой чувствительной души, творческого, которому свойственны порывы вдохновения, проявившиеся в его поэзии и музыке.

Стихи Петра Ольденбургского и в настоящее время вдохновляют многих поэтов на их переводы, в которых отражаются мысли принца, его чувства, его трепетная душа. Стихи принца были изданы небольшим сборником на немецком языке в Петербурге в 1878 году. Их перевод осуществили петербургские поэты в 2002 году, это был поэтический подарок к 190-летию со дня рождения принца Петра Георгиевича Ольденбургского.

Стихи принца Петра звучат сегодня на поэтических вечерах в гимназиях, на вечерах Общества «Друзья Дома Ольденбургских», вдохновляя на их переводы с немецкого все новых любителей поэзии и профессиональных поэтов. На Ольденбургских чтениях, посвященных 200-летию принца, в 2012 году прозвучали стихи Петра Ольденбургского в переводе поэтессы Татьяны Замалеевой:

1. Jugendträume

Jugendträume, o belebet
Doch auf's Neue meine Brust,
Zeig mir, was mein Herz erstrebet,
Mir gewähret sel'ge Lust.

Lasst noch einmal mich erblicken,
Was die Seele froh durchdringt,
Lasst mich sehen mit Entzücken,
Was des Lebens Lenz uns bringt.

Meiner Jugend munt're Spiele
Lasst im Geist mich wiederseh'n,
Theure, dort am ew'gen Ziele
Lasset wieder aufersteh'n.

Lasst des Wissens Durst mich stillen,
Trinken von dem Lebenssaft,
Der den rastlos ems'gen Willen
Fördert für die Wissenschaft.

Lasst mich hören süsse Laute,
Holde Weisen, sanft und rein,
Meine Leier, die vertraute,
Soll mir Freundin wieder sein.

2. Die Tonkunst

Ja, ein Reich giebt's ohne Gränzen,
Unvergleichlich, wunderbar.
Ihm, dem keine Kronen glänzen,
Bring' ich meine Huld'gung dar.
Ja, es ist das Reich der Töne,
Tonkunst nennet man es auch:
Lasst besingen mich die Schöne,
Lebensvoll ist ja ihr Hauch.
Nicht am Raum und Ort gebunden
Ist ihr Reich der Welten-All;
Was der Lichtstrahl nicht gefunden,
Zeigt uns an der laute Schall!
Von der Harmonie der Sphären,
In der Sel'gen Wonneland,
Bis zu Kinder Freudezähren
Schlingt Musik ihr Rosenband.

Spendet Freude — Reichen, Armen,
Und erheitert Gross und Klein,

Flösset Mitleid und Erbarmen
Selbst dem rohen Wilden ein.
Heiden nannten schon die Tonkunst
Himmlische Begeisterung,
Gläublich loben Gott voll Inbrust
Christen singend, Alt und Jung!

3. Frage an das Schicksal

Schicksal, dich frag ich, was ist zu thun?
Jetzt im gewaltigen Drange der Zeit,
Sollte in sorglosem Schlummer man ruh'n,
Jeder sei rastlos zum Handeln bereit.

Schicksal, du stehst in der Hand ja des Herrn,
Dunkel du stets, unerforschlich uns scheinst;
Möchten die Menschen auch wissen so gern,
Was uns die Zukunft bereitet dereinst.

Lasst uns den Frieden vom Schicksal erleben,
Krieg soll verbannet auf immerdar sein;
Lasst in den Menschen nur Brüder uns sehen,
Harmlos lasset leben uns, heiter und rein.

Lasst uns den Vater in Wahrheit verehren,
Gläubig als Christen zum handeln bereit,
Lasst uns befolgen die göttlichen Lehren,
Wie es die heilige Schrift uns gebeut.

Lasset den Himmel im Glauben uns schau'n,
Schicksal, ein Werkzeug des Vaters du bist!

4. Die Zeit

Unwiderbringlich, unauifhaltsam
Mit Blitzesschnelle fliegt die Zeit,

Durch nichts gefesselt, strömt gewaltsam
Sie fort in's Meer der Ewigkeit.

Die Gegenwart dem Traumbild gleichet,
Erscheinend, wiederkehrend nie;
Ihr Ende hat sie gleich erreicht,
Vergangenheit verdrängt sie.

Erinnerung ist ein Vermächtniss,
Und glänzt wie ein erlöschend Licht,
Dem Menschen gab Natur Gedächtniss,
Das oft vergisst, oft, leider! nicht.

Der Zukunft Dunkel zu eithüllen
Ist keinem Sterblichen erlaubt,
Doch darf kein Bangen ihn erfüllen,
Wenn fromm er an die Vorsicht glaubt.

Dem Menschen ist nur kurz bemessen
Die Zeit, d'rum sei er auf der Hut;
Von allem was er hier besessen,
Ersetzt ihm nichts das theuere Gut.

Wer mit der Braut am Arme gehet,
Das Herz erfüllt mit Seligkeit,
Erröthend Liebe ihr gestehet,
Wie kurz, wie kurz scheint dem die Zeit.

Er flehet: weile! weile! weile!
Doch unerbittlich eilt sie fort,
Sie flehet mit des Sturmwind's Eile,
Und rastet nie an keinem Ort.

Wer auf dem Krankenlager weinet,
Wer an dem Sarg der Lieben steht,
Ja endlos dem die Zeit erscheint!
Hinweg! Hinweg! Hinweg! Er fleht.

Die guten, wie die bösen Tage
Bringt uns nach Gottes Rath die Zeit;
Die Uhr mit ihrem Pendelschlage
Ist Mahnung an die Ewigkeit

1. Сны юности

Юности сны благодатные
Вновь оживляют мне грудь.
О, времена невозвратные,
Сердце, храни, не забудь.

Дай возродиться виденьям,
Что будоражили сны
Бурным, томящимся рвением,
Как половодье весны.

Пусть не исчезнут вовеки
Образы милых друзей.
Дай мне пребыть человеком,
Памяти верным своей.

О, как хотелось познания
Жажду быстрей утолить,
Чтобы всей жизни желанья
С целью конечною слить.

Дай же услышать мне звуки
Сладостных песен тех дней.
Муза не терпит разлуки,
С младости в дружбе я с ней.

Ах, эти сны те далёкие,
Сердца услада, покой.
Помыслы, страсти глубокие —
Свет пилигрима живой.

2. Музыка

О, музыка, ты царство без границ.
Тебя короной я венчаю ныне.
И пред тобой ежесекундно ниц
Склоняюсь, как перед святыней.

Ты воплощенье чистой красоты,
Восторгом опьяняющее чудо,
Вселенной глас, ниспешший с высоты,
Сиянье розы в позолоченном сосуде.

Ты так обворожительно светла
И, как невеста, осиянна счастьем.
Мир избавляешь от тревог и зла,
Всех возвышаешь радостью, участием.

С тобою воин ко врагу добрей,
Не мстит ему в свой час победный.
Так и богач у стен монастырей
Не торжествует, видя бедных.

Твой свет в темницы проникает,
Дарует утешенье тем,
Кто наказанье ожидает
Под сводом тягостным тюрем.

Не зря язычник стародавний
Молился, музыку твоя.
Сыны Христа, мы Бога славим,
Песнь вознося у алтаря.

3. Судьба

Что делать, ежели судьба
Над нами властвует безмерно?

В дремоте ль жить, или борьба
Укажет путь нам самый верный?

Судьба, ты Господа рука,
Как Он, темна, невыразима.
И как на небе облака,
Меняешь лик неумолимо.

Позволь же в тишине смиренья
Тебе молитвы вознести,
Чтоб без томительных сомнений
Народ ко счастью мог идти.

Пусть войн не будет, ни страданий.
Лишь слово Божье на устах.
И пусть безмерность ожидания
Не порождает в людях страх.

Лишь Бог пусть созидает зданье,
Не обратимое во прах.

4. Время

О, как время быстротечно,
Исчезает без следа.
Только отзвук жизни вечной
Раздается иногда.

Настоящее таится
Неразгаданно, как сон,
Чтобы в прошлом раствориться,
В безначальности времен.

Только память оживляет
Прежде бывшее порой,
И виденья поражают
Прихотливою игрой.

Лишь что будет — нам неизвестно,
В вечной тайне новый век.
Но тревога неуместна.
Не страшись же, человек!

Время краткое отмерил
Нам Господь в своих стезях.
Потому нам должно с верой
Непрерывно быть в ладах.

Ведь она с невестой схожа,
Дарит благо и покой.
Вера нам всего дороже,
В ней — свет истины живой.

Мы в молитвенном стоянье
Просим: Господи, продли
Наше счастье пребывания
В дивной храмине Земли.

И хотя здесь скорби, беды
Неотступны от людей,
Все же чаем мы победы
В жизни будущей своей.

Время, днями различаясь,
Поражает и дивит,
И, как маятник, качаясь,
Вечность дивную творит.

Литература

- Анненкова Э.А., Смагина Г.И.* Просвещенный благотворитель принц Петр Георгиевич Ольденбургский. — СПб., 2012.
Стихи Петра принца Ольденбургского. — СПб., 2002.
Friedl Hans. Fuerstliche Dichtung und Tonkunst aus dem Hause Oldenburg. — Oldenburg, 1996.

О. В. Михайленко

Принц П. Г. Ольденбургский — пианист, композитор

Принц П. Г. Ольденбургский (1812–1881) известен не только как государственный деятель, благотворитель, но и как человек высокой культуры, тонкий ценитель поэзии (сам сочинял стихи), русской литературы, музыки.

Музыка занимала важное место в жизни принца. Еще в детстве он серьезно учился игре на рояле и обнаружил природное музыкальное дарование, выразившееся не только в виртуозном владении инструментом, но и в способности и даже потребности собственного музыкального творчества. Оно претворялось в жизнь в самых разнообразных формах и жанрах: от фортепианных миниатюр до двух симфоний и одной романтической оперы. Принц постоянно искал новые выразительные музыкальные формы. Так, например, среди его произведений есть хорал для металлогармоники, полька для фортепиано и металлофона, несколько сочинений для четырех фортепиано и даже черкесская песня и танец. Из наиболее интересных сочинений принца можно назвать две симфонии и романтическую оперу «Кэтхен Хейлбронн, или Испытание огнем», которая была поставлена на сцене театра г. Ульм в 1860 году. Имеются у него также вокальные и хоровые сочинения, созданные на собственные стихи и на стихи русских поэтов. Петр Георгиевич является также одним из композиторов, наряду с Пуни, Делибом, Дриго и Адамом, музыка которых использована при создании балета «Корсар», поставленного впервые в 1856 году в Большой Парижской опере, а спустя два года и в Большом театре Петербурга. Не удивительно, что и сегодня он значится в репертуарах оперных театров — Мариинского и имени Мусоргского, а на театральной афише и в программке спектакля в перечне имен композиторов стоит и имя принца Петра Ольденбургского.

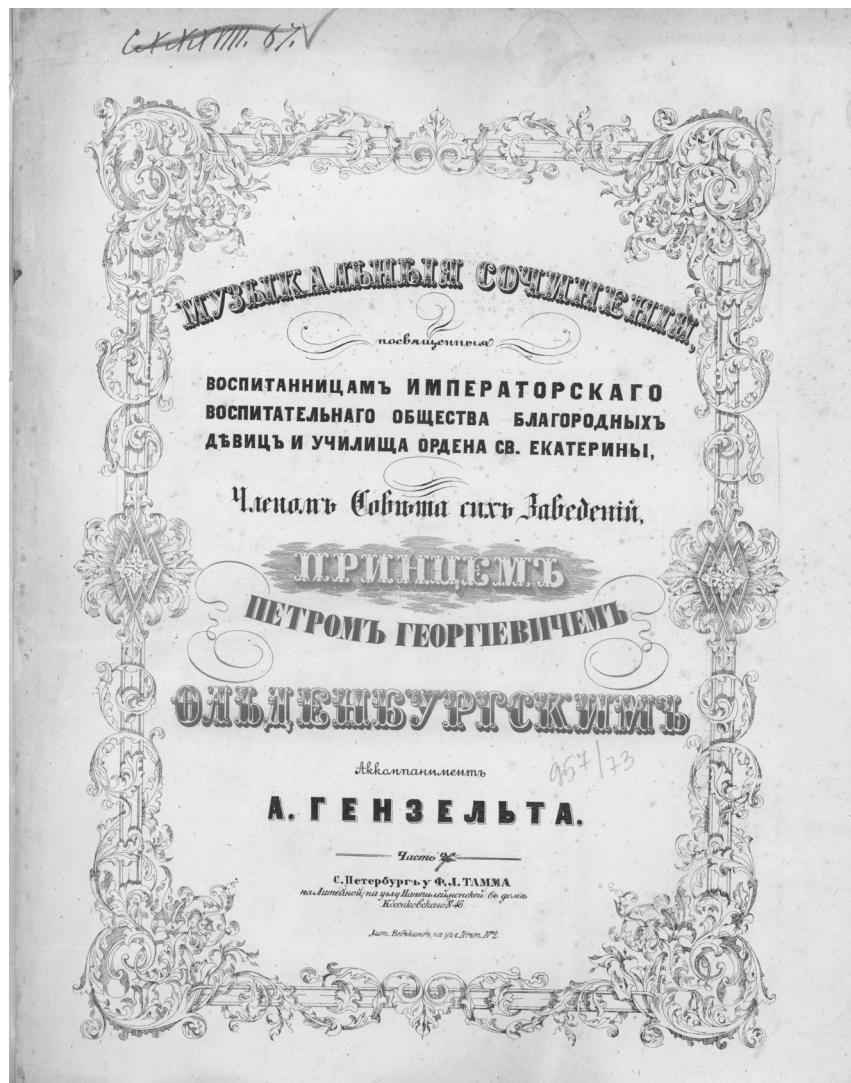
Дворец принца Ольденбургского считался одним из главных музыкальных аристократических салонов, куда приглашались все приезжие знаменитости. Здесь играли пианисты Ф. Лист, С. Тальберг, А. Гензелъ, здесь показывал свои первые сочинения А. Серов, здесь

Программка балета «Корсар»

гости наслаждались виртуозной игрой виолончелистов Ф. Кнехта и К. Шуберта, пением божественной Генриетты Зонтаг-Росси. Причем на музыкальных вечерах во дворце Ольденбургских исполнялись не только произведения известных композиторов, но и сочинения самого принца как в его личном исполнении, так и профессиональными музыкантами не только в России, но и в европейских странах. В 1876 году во время путешествия по Европе Петр Георгиевич с супругой и детьми посетил Неаполь. Здесь 6 января они присутствовали на концерте в консерватории, в программе которого были и фортепианные сочинения принца. Их с блеском исполнил популярный в те годы в Италии пианист Чези, профессор консерватории по классу фортепиано, ученик известного композитора Джузеппе Меркаданте и Сигизмунда Тальберга.

Выдающимся событием в музыкальной жизни Петербурга и Москвы стали гастролы блестящей пианистки Клары Шуман и известного композитора Роберта Шумана весной 1844 года. Их выступления прошли в высшей степени успешно.

Титульный лист музыкальных сочинений принца Ольденбургского

Георг Мартин Адольф фон Гензельт (1814–1889) — выдающийся немецкий пианист-виртуоз и популярный композитор XIX века. Современники называли его имя в ряду с такими признанными исполнителями-виртуозами и композиторами, как Шопен, Лист, Шуман, Тальберг. С некоторыми из них он состоял в дружеских отношениях.

В судьбе и жизни Гензельта в России принц П. Г. Ольденбургский принял горячее участие. Когда Гензельт приехал из Германии в 1838 году в Санкт-Петербург, Петр Георгиевич, зная о нем как о выдающемся музыканте, старался поддержать его в новой жизни. Прием, оказанный немецкому музыканту в российской столице, чему немало способствовал авторитет его покровителя принца Ольденбургского, оказался настолько дружественным, что побудил его остаться в России навсегда. Русская публика оценила талант немецкого пианиста: его выступления в Петербурге и в Москве были в высшей степени успешными, а отзывы критиков восторженными. В одной из рецензий, помещенных в газете «Московские ведомости» (1838 г., № 6), отмечалось:

«Те, которые слышали вдохновенную, одушевленную игру Гензельта, имеют понятие о впечатлении, производимом им в душе дивным сочетанием звуков, полных жизни и поэзии; одним словом, очарование его игры совершенно; оно увлекает вас самовластно и безотчетно; потому что сам очарователь еще прежде вас увлекся в мир звуков и как бы вдохновенный передает их со всеми оттенками мысли, чувства, страсти в полном их разлив и во всей глубине. Он сам наслаждается вместе с вами, сочувствует вам, оживляет и проявляет игрой то, что волнует и кипит в его душе, а иногда даже в невольных порывах фантазии начинает голосом сопровождать игру свою». Кто бы не слушал игру Гензельта, все сходились в одном мнении, что она в высшей степени отличалась «удивительной плавностью, выразительностью и изяществом, полнозвучием и силой, — при невероятной легкости удара и совершенстве техническом, она производила чарующее впечатление».

Гензельт был назначен придворным пианистом императрицы Александры Федоровны и приглашен принцем П. Г. Ольденбургским преподавать игру на фортепиано в Императорском училище правоведения и в Смольном институте благородных девиц, а затем и в Женском училище принцессы Терезии Ольденбургской.

Одновременно Гензельт некоторое время выступал с концертами, но затем решил посвятить себя только педагогической деятельности. Назначенный главным инспектором музыкальных классов всех женских учебных заведений, он более 50 лет посвятил музыкальному образованию девушек.

Роль музыки в воспитательном процессе в учебных заведениях была чрезвычайно велика благодаря тому большому значению, которое придавал ей стоявший во главе Комитета женского образования принц П. Г. Ольденбургский. Во многих учебных заведениях уроки музыки были введены в курс обучения как дополнительный предмет, без которого немислимо образование поистине культурного и всесторонне развитого человека. Особенно отличалось прекрасной постановкой музыкального образования Императорское училище правоведения, основанное принцем П. Г. Ольденбургским в 1835 году, в котором с первого же года жизни в Петербурге преподавал игру на фортепиано Адольф Гензельт (в России его звали Адольф Львович). Бывший правовед, впоследствии выдающийся деятель культуры, литератор и художественный критик В. В. Стасов вспоминал о годах, проведенных в Училище правоведения: *«Навряд ли в каком-нибудь другом русском учебном заведении музыка процветала в такой степени, как в Училище правоведения <...>. Лучшим нашим пианистам стал давать уроки на фортепиано Гензельт (с 1838 г.), и учиться у Гензельта, тогдашнего первого пианиста в Петербурге, считалось у нас чем-то вроде университетских музыкальных классов — почетно и возвышенно».*

50-летие педагогической деятельности А. Гензельта в России отмечалось в Женском училище (институте) принцессы Терезии Ольденбургской в 1888 году. На торжественном вечере в честь А. Гензельта присутствовали и высочайшие особы, и депутаты от разных заведений. Это Училище для девочек из бедных семей было особенно близко Гензельту и как заведение, где он начал работать с первого года своего пребывания в России, и как имеющее прямое отношение к семье принца П. Г. Ольденбургского, верным и преданным другом которого он был в течение многих лет. Гензельт непременно посещал принца раз в неделю к обеду, после чего играл с ним в бильярд или занимался с ним композицией. Он редактировал музыкальные сочинения Петра Георгиевича и способствовал их публикации. Благодаря ему мы имеем сегодня возможность

познакомиться с музыкальным наследием П. Г. Ольденбургского и по достоинству оценить его сочинения.

Особые отношения сложились у Гензельта с принцессой Терезией. По воспоминаниям С. Д. Шереметева, она любила подтрунивать над ним *«со своеобразным юмором и остроумием, а он, никогда не обижаясь, отвечал ей в таком же роде».*

Супруги Ольденбургские приглашали на музыкальные вечера в своем дворце и своих подопечных — воспитанников Училища правоведения и Александровского лицея. Часто маленький домашний концерт давали во дворце юные музыканты-правоведы, после чего Терезия щедро угощала их лакомствами. Один из таких музыкальных вечеров во дворце принца особенно запомнился правоведу М. Молчанову: *«В высоких, ярко освещенных залах было так тепло, так весело, так уютно. Было много цветов, пахло гиацинтами. Все правоведы разбрелись по комнатам. Принц, довольный, молодой и счастливый, ходил между нами с С. А. Пошманом (директором Училища. — Авт.) под руку».* А это из воспоминаний правоведа К. П. Победоносцева (1843): *«16 октября, суббота. Сегодня концерт у принца и мы все туда поедem <...>. После всенощной пошли прямо все одеваться <...>. По великолепной лестнице взойшли мы наверх в богатую раззолоченную залу — все уже было готово к концерту. Добрый наш принц был тут, принцесса сидела с Толстой в ближней комнате — с нею баронесса Крюднер. После первой половины разошлись мы по комнатам, где были накрыты столы с разными яствами. Пили чай, ели мороженое. Тут же устроены деревянные горы, с которых катались маленькие. Потом началась вторая половина. Наши пели и играли».*

П. Г. Ольденбургский и его супруга принцесса Терезия поощряли увлечение своих подопечных воспитанников искусством: музыкой, литературой, живописью, ваянием, театром, что сыграло немаловажную роль в определении жизненного пути выпускников Училища правоведения и других подопечных принцу учебных заведений. Некоторые из них стали композиторами: А. Н. Серов, П. И. Чайковский.

С музыкальным наследием П. Г. Ольденбургского лишь недавно познакомились любители музыки и профессионалы и дали творчеству принца должную оценку. Его музыкальные сочинения по-новому раскрывают перед нашими современниками личность

П. Г. Ольденбургского как человека тонкой чувствительной души, творческого, которому свойственны порывы вдохновения, проявившиеся в его поэтических и музыкальных произведениях. Некоторые из них исполняются и сегодня на музыкальных и поэтических вечерах в разных городах России и за рубежом. С успехом проходят концерты, на которых исполняются фортепианные произведения принца П. Г. Ольденбургского и романсы на его музыку, в Финляндии в замке Ранталинна, бывшем имении принца Александра Ольденбургского (сына Петра Георгиевича) в исполнении заслуженной артистки России, солистки Санкт-Петербургской государственной капеллы Елены Яскуновой.

Источники и литература

- ГАРФ. Ф. 1020. Оп. 1. Д. 6. *Ольденбургский П. Г.* Дневник.
Анненкова Э. А. Принцессы Ольденбургские. — М., 1914.
Молчанов М. М. Полвека назад. — СПб., 1892.
Стасов В. В. Училище правоведения сорок лет назад // Избранные соч. в 3-х т. Т. 2. . М. 1952.
Победоносцев К. П. Отрывки из школьного дневника. — СПб., 1885.
Половцев А. А. Дневник. Т. 2. — М., 1966.
Шереметев С. Д. Мемуары. — М., 2001.
Житомирский Д. Роберт и Клара Шуман в России. — М., 1962.

Памятник «Просвещенному благотворителю принцу Петру Георгиевичу Ольденбургскому»

Э. А. Анненкова

Памятник принцу П. Г. Ольденбургскому

Помянем же первого принца Петра;
Для нас это имя священо.
Он был нам примером, он жил для добра,
Он другом нам был неизменно.
А. Н. Апухтин

В Санкт-Петербурге на Литейном проспекте, перед главным корпусом Мариинской больницы почти 40 лет стоял бронзовый памятник «Просвещенному благотворителю Принцу П. Г. Ольденбургскому», напоминавший людям о том, что в их жизни существуют такие понятия, как Закон, Справедливость, Доброта и Милосердие, воплощенные скульптором И. Н. Шредером в образе принца-благотворителя.

В истории России Петр Георгиевич Ольденбургский (1812–1881) известен как крупный государственный деятель, член Государственного совета, председатель Департамента гражданских и духовных дел, главноуправляющий Ведомством учреждений императрицы Марии. С его именем связана целая эпоха в истории русской гражданственности, отмеченная беспримечной благотворительной деятельностью в таких важнейших социальных сферах жизни, как призрение сирот, больных и престарелых, в народном образовании и здравоохранении.

П. Г. Ольденбургский основывал на свои личные средства учебные заведения, школы, сиротские приюты. Детская больница, носившая до 1918 года его имя (сегодня — имя К. А. Раухфуса), также

была выстроена большей частью на его деньги. Большие средства он вложил в создание первой в стране Общины сестер милосердия Св. Троицы (основана в 1844 году в Рождественской части города), в развитие Мариинской больницы для бедных. При его поддержке существовали Калининская, Александровская, Обуховская, Петропавловская и другие больницы. Он был попечителем Училища правоведения, Смольного и Екатерининского институтов, Александровского лицея и Коммерческого училища, многих гимназий и школ. Его имя неразрывно связано со становлением женского образования в России. До 1859 года П. Г. Ольденбургский возглавлял Вольное экономическое общество, а затем стал его почетным президентом. Он был создателем Русского общества международного права (1880)¹.

2 (14) мая 1881 года Петр Георгиевич скончался. Его похоронили на кладбище монастыря Приморской Свято-Троицкой Сергиевой пустыни в Стрельне, где находилась фамильная усыпальница его семьи. Но в 1960-е годы ее, как и многие другие святыни монастыря Свято-Троицкой Сергиевой пустыни, уничтожили.

Усыпальница семьи Ольденбургских. XIX век

О принце П. Г. Ольденбургском оставлено много воспоминаний, о нем и его деятельности написаны книги, ему посвящено много стихов. Со страниц этих произведений, из множества эпизодов его жизни, со слов и отзывов его современников перед нами предстает образ человека неповторимой судьбы, величественного в своих деяниях, но и одновременно простого, человеческого, порой даже наивного в стремлении сделать человечество умнее и добрее. И это тем более трогательно, что все его дела действительно делали мир чище и добрее, потому что они были бескорыстны и шли от чистого сердца. Память о таком человеке достойна быть увековеченной не только в письменных источниках, но и в бронзе. И неудивительно, что после его кончины идея о сооружении памятника принцу-благотворителю возникла как в Ведомстве учреждений императрицы Марии, так и в среде выпускников Училища правоведения. В декабре 1881 года, когда выпускники Училища правоведения, не изменяя своей традиции, отмечали годовщину основания своей alma mater, бывший воспитанник Училища правоведения (2-й выпуск) действительный статский советник В. Д. Философов предложил увековечить дорогую память принца Петра Георгиевича сооружением ему памятника как свидетельства его бескорыстного и плодотворного служения просвещению, добру и милосердию².

Правоведы, благодарные Петру Георгиевичу за его отеческое участие в их образовании и воспитании в стенах училища, за его доброту и справедливость, еще при жизни принца стремились увековечить память о нем. Так, после получения высочайшего соизволения, в зале младшего курса был установлен портрет принца П. Г. Ольденбургского, созданный академиком живописи Н. А. Тихобразовым в 1852 году.

Но не только воспитанники Училища правоведения признавали уникальность личности и деятельности принца-попечителя. В 1843 году Царскосельский лицей был переведен в Петербург в бывшее здание Александринского сиротского приюта на Каменноостровском проспекте и переименован в Александровский в честь основателя Лицея — императора Александра I. Попечителем Императорского Александровского лицея Николай I назначил принца Петра Георгиевича Ольденбургского, деятельность которого на этом поприще способствовала сохранению и развитию лучших традиций знаменитого Царскосельского лицея. Лицейсты

имели в лице своего попечителя «высокого покровителя Лицея, этого чудного, золотой души человека, истинного отца лицеистов». Поэтому, когда в 1868 году исполнилось 25 лет попечительства П. Г. Ольденбургского над Александровским лицеем (бывшим Царскосельским), лицеистами было решено установить портрет принца в библиотеке. Портрет П. Г. Ольденбургского в полный рост выполнил известный живописец-портретист, учитель рисования Александровского лицея П. И. Пороховников. К этому юбилею была также отчеканена бронзовая медаль, на одной стороне которой находилось изображение принца П. Г. Ольденбургского, на другой — лицейский герб и надпись «Suo Celsitudini Imperiali Principi Petro Oldenburgensi, Excellentissimo Curatori Quinque peraktis, Lyceum Imperiale Alexndrinum» («Его Императорское Высочество принц Петр Ольденбургский августейший попечитель Императорского Александровского лицея»).

В 1875 году воспитанники Училища правоведения были обеспокоены тяжелой болезнью Петра Георгиевича, а когда ко всеобщей радости принц поправился, то решили к 40-летию юбилею Училища установить в одном из его залов бюст любимого принца-попечителя. Для осуществления этого намерения требовалось соизволение императора, которому через директора Училища и статс-секретаря графа К. И. Палена было направлено соответствующее прошение.

27 ноября 1875 года был опубликован «*Высочайший рескрипт по поводу установления бюста принца Петра Георгиевича в зале Училища правоведения*» с резолюцией: «*Высочайше утверждаю*». Текст рескрипта раскрывает причину такого желания правovedов: «*Директор Императорского Училища правоведения генерал-лейтенант Языков довел до моего сведения, что воспитанники Императорского училища правоведения, движимые чувством признательности за родительское о них попечение ЕИВ принца Петра Георгиевича Ольденбургского и желая вместе с тем увековечить память о радостном исцелении принца от тяжелой болезни, осмеливаются испрашивать Высочайшего соизволения, чтобы в день сорокалетия основанному ЕИВ Училищу правоведения, 5-го декабря сего года, был воздвигнут в зале старшего курса училища мраморный бюст ЕВ с надписью: “Благодарные воспитанники 1875 года” подобно тому, как в зале младшего курса поставлен с Высочайшего разрешения бывшими питомцами сего заведения портрет принца.*»

Группа преподавателей в зале Училища правоведения на фоне бюста принца П. Г. Ольденбургского

*Вследствие чего на разрешение директору Училища правоведения привести вышеозначенное единодушное желание воспитанников оною, имею счастье испрашивать высочайшего Вашего ИВ соизволение*³. Высочайшее разрешение было получено, и бюст, выполненный скульптором М. А. Чижовым, был установлен на пьедестале из белого мрамора в зале между 2-м и 3-м классами. Обнесенный решеткой, на фоне малинового занавеса, под сенью государственного герба, увенчанного короной, бюст принца П. Г. Ольденбургского смотрелся особенно значительно и торжественно.

К 50-летию юбилею служебной деятельности принца П. Г. Ольденбургского был торжественно открыт барельеф с изображением принца Петра Георгиевича в зале Екатерининского института для девочек, попечителем которого с 1839 года до конца своих дней он состоял⁴.

Портреты принца находились и в других учебных заведениях, им основанных или опекаемых. Так, например, в декабре 1895 года Попечительский совет приюта, основанного П. Г. Ольденбургским,

постановил дать приюту имя принца, а в актовом зале установить его мраморный бюст, выполненный за счет средств членов Попечительского совета приюта, а также поставить портреты Николая II, попечителей приюта Петра Георгиевича и Александра Петровича Ольденбургских с надписью «От благодарных детей»⁵.

Портреты принца П. Г. Ольденбургского были установлены и в Детской больнице его имени и во многих других подопечных принцу учреждениях. Портреты после революции 1917 года были изъяты, и о судьбе их ничего не известно. Лишь по фотографиям из дореволюционных книг и журналов удалось установить существование некоторых из них.

Для руководства подготовкой к осуществлению проекта сооружения памятника принцу П. Г. Ольденбургскому был организован Комитет. Прежде всего, была объявлена всероссийская подписка для сбора средств на сооружение памятника. Причем, желая подтвердить всенародность добровольных пожертвований на него и выражение общей народной любви к принцу, организаторы подписки ввели ограничения в размерах вносимых сумм: для воспитанников учебных заведений не более 1 руб., для других лиц — не более 3 руб. Средства собирали в течение семи лет. Срок для такого события небольшой. В этом акте принимали участие специальные сборщики, которыми руководил помощник бухгалтера Ведомства учреждений императрицы Марии надворный советник Сушенков. Его активная работа была отмечена орденом Св. Станислава 2-й степени⁶.

К концу 1887 года собранная сумма составляла 25 624 руб. 4 коп. Этот капитал наращивался за счет обращения его в ценные бумаги. В конечном итоге финансовая проблема была успешно решена. Теперь Комитету по сооружению памятника следовало решить другой важный вопрос — кому из современных скульпторов поручить столь ответственную работу, как создание памятника. Как правило, в таких случаях проводят творческие конкурсы на лучшие проекты по заданной теме, но они в большинстве случаев обходятся очень дорого и не всегда достигают поставленной цели. Поэтому члены Комитета, проанализировав творчество современных им скульпторов-монументалистов, остановили свой выбор на уже известном своими работами академике И. Н. Шредере.

Иван Николаевич Шредер (1835–1908), получив военное образование в кадетском корпусе, поступил в лейб-гвардии Уланский

полк, а после окончания Крымской войны 1853–1856 годов вышел в отставку и всецело отдался любимому с детских лет занятию — ваянию. Он занимался им с юности, пользуясь советами выдающегося скульптора, профессора Императорской Академии художеств (далее ИАХ) барона Петра Карловича Клодта. И. Н. Шредер поступил в ИАХ, где обучался под руководством известного скульптора Н. С. Пименова. Во время обучения в Академии Шредер за одну зиму вылепил 10 статуй для спроектированного М. Микешиним «Памятника тысячелетия России» в Новгороде.

В 1864 году И. Н. Шредер уехал за границу и довольно долго прожил в Южной Америке. По возвращении в Россию он выставил в зале ИАХ (1869) одну из своих заграничных работ — бюст А. И. Киреевской, и за эту работу ИАХ присудила ему звание академика. Шредер был художник-реалист. Он отвергал всякую фантастику и идеализацию в своих памятниках и изображал героев без малейшего уклонения от житейской правды. Он был одним из немногих российских художников, отдавших свой талант и мастерство монументальной скульптуре, оставив после себя крупное художественное наследие в виде сооруженных в разных городах памятников, бюстов и т. п. По его идее и при его участии были исполнены памятники Петру I в Петрозаводске (1873), Екатерине II в Царском Селе, Александру II, графу А. А. Бобринскому (1872) в Киеве и многие др. Для Московского исторического музея он создал 12 бюстов героев-севастопольцев, а в Севастополе — памятники П. И. Нахимову (1898) и Э. И. Тотлебену (1909). В Санкт-Петербурге — памятник Н. М. Пржевальскому (1892) и памятник адмиралу И. Ф. Крузенштерну (1873) на набережной Невы перед зданием Морского

*Барельеф принца
П. Г. Ольденбургского
в Екатерининском
институте*

корпуса на Васильевском острове, адмиралу Ф. Ф. Беллинсгаузену (1870) в Летнем саду Кронштадта.

Когда И. Н. Шредеру предложили создать памятник принцу П. Г. Ольденбургскому, он с радостью согласился с почетным предложением. Для разработки проекта постамент под статую был приглашен академик архитектуры, преподаватель Императорской академии художеств А. О. Томишко. Уже в ноябре 1887 года И. Н. Шредер и А. О. Томишко в мастерской на Старо-Литейном дворе ИАХ представили членам Комитета модели памятника и пьедестала из глины. Сделав несколько дельных замечаний *«в частности <...> относительно наклона головы и недостаточности сходства в чертах лица»*, все в целом согласилось с общей творческой концепцией созданной модели будущего памятника. Иконографическим материалом для лепки лица принца стала его фотография 1880 года. При повторном осмотре модели члены Комитета единодушно пришли к выводу, что *«модель статуи исполнена удовлетворительно: поза и сходство совершенно выражены»*. По поводу пьедестала было решено на передней его стороне не делать никаких украшений, кроме надписи.

В марте 1888 года И. Н. Шредер и А. О. Томишко, создав модель статуи и пьедестала из алебастра, а модели трех барельефов из глины, представили все на суд членов Комитета: все созданное удовлетворило присутствовавших. Теперь все модели, а также рисунки барельефов, памятника и его общий вид необходимо было представить на одобрение царю.

2 мая (день кончины принца) этого же года все доставили в Зимний дворец. Александр III осмотрел модель: фигуру принца и детальные рисунки будущего монумента. Пьедестал в греческом стиле предполагалось изготовить из гангеудского полированного гранита. На его лицевой стороне литыми бронзовыми позолоченными буквами надпись: *«Просвещенному благотворителю принцу Петру Георгиевичу Ольденбургскому. 1812–1881»*. На других трех сторонах пьедестала — бронзовые барельефы. С правой стороны — принц среди воспитанников Училища правоведения, с левой — посещение им женского учебного заведения, с задней стороны — посещение богоугодного заведения. Царь, внимательно ознакомившись с моделью, одобрил и утвердил ее.

Следующим этапом работы над памятником было изготовление из глины в натуральную величину статуи и барельефов. Фигура

принца и все детали барельефа отливались в апреле 1889 года на бронзовой фабрике К. Берто (Воронежская ул., 14. Завод «Монументальская скульптура»), который 2 мая уже сообщил председателю Комитета об окончании всей работы.

И, наконец, необходимо было решить, где памятник будет установлен. Имелось несколько вариантов: перед главными фасадами Николаевского сиротского института, Александровского сиротского дома на набережной реки Мойки и перед Мариинской больницей в сквере со стороны Литейного проспекта. Профессор архитектуры, ректор ИАХ А. И. Резанов предложил установить памятник в нише полукруглой площадки около Екатерининского института на набережной реки Фонтанки. После долгих споров и обсуждения различных вариантов наиболее удачным признали место на Литейном проспекте в полукружье ажурной ограды сквера Мариинской больницы напротив ее главного корпуса. Напомним, что Мариинскую больницу для бедных основала бабушка принца императрица Мария Федоровна в 1803 году, а Петр Георгиевич почти 40 лет был ее попечителем. Ее здание возвели в 1805 году по проекту архитектора Дж. Кваренги. Оно отличается благородной простотой, совершенством форм и пропорций. Центральный вход оформлен портиком из восьми ионических колонн и симметричными пандусами. Выбор места для установки памятника оказался весьма удачным во всех отношениях и был одобрен скульптором.

Открытие памятника состоялось 5 (18) июня 1889 года. Пресса подробно освещала эту торжественную церемонию, подробности организации и проведения которой описаны также в заметке журналы «Всемирная иллюстрация»: *«Перед памятником был устроен помост, покрытый сукном, а с правой стороны установлены три белые палатки для высочайших особ и аналог для духовенства. К 1 час. 30 мин. дня по Литейному проспекту, против больницы выстроился Преображенский полк в полной парадной форме, при оружии, со знаменем и хором музыки. Одновременно к зданию больницы подошли воспитанники и воспитанницы Приюта принца Петра Георгиевича Ольденбургского, правоведы, лицеисты, воспитанницы институтов и прочих заведений, находившихся под покровительством покойного принца. Затем стали прибывать чины Ведомства императрицы Марии и другие высокопоставленные лица, члены Государственного совета, министры Императорского двора, иностранных*

дел, внутренних дел, командующий Главной императорской квартирой, лица государевой свиты, многие дамы из высшего петербургского общества. В саду больницы стояли сестры милосердия; напротив, в саду Екатерининского института, в уровень с забором были устроены места, на которых сидели воспитанницы института.

В начале третьего часа прибыл командовавший парадом вел. кн. Сергей Александрович, а затем стали подъезжать и другие августейшие особы. В половине третьего начался крестный ход; из дома Мариинской больницы он прошел на помост и остановился перед аналоем. Ровно в 3 часа прибыли из Аничкова дворца Государь Император и Государыня Императрица. Его величество остановился на правом фланге преображенцев, а Государыня подъехала к помосту. В сопровождении блестящей свиты Государь обошел весь полк, здороваясь с людьми, и затем поднялся на помост. Здесь его Величество был встречен членом Государственного совета Н. И. Стояновским — старейшим правоведом и главным распорядителем торжества. Началось молебствие»⁷.

В церемонии приняли участие великие князья с супругами: Владимир Александрович, Алексей Александрович, Николай Николаевич Старший; а также Николай Михайлович, Александр Михайлович, Сергей Михайлович, принцы Ольденбургские — Александр Петрович, Константин Петрович и Петр Александрович; внуки Петра Георгиевича — Николай Николаевич Младший и Петр Николаевич. На церемонию великие князья и царь надели мундиры лейб-гвардии Преображенского полка.

Торжественный акт начался с коленопреклоненной молитвы во здравие их императорских величеств, цесаревича и всей императорской семьи. Затем — молитва за вечную память умершего принца, во время исполнения которой при словах: «Спаси, о господи, рабов твоих!» прозвучал ружейный залп и полотно, покрывавшее памятник, упало.

Под звуки марша Преображенского полка перед глазами собравшихся людей предстал памятник с высеченными на пьедестале словами: «Просвещенному благотворителю принцу Петру Георгиевичу Ольденбургскому». Скульптор изобразил принца во весь рост, в мундире генерала лейб-гвардии Преображенского полка, опирающегося на две книги, лежащие на колонне с надписью «Закон». На трех других сторонах памятника изображены моменты из бла-

готворительной деятельности принца. Затем Александр III с супругой и все августейшие особы подходили к кресту и осматривали памятник. Когда осмотр кончился, депутация от бывших воспитанников Училища правоведения возложила на памятник лавровый венок с надписью: «Основателю Императорского училища правоведения благодарные правоведы 50 выпусков».

В конце церемонии лейб-гвардии Преображенский полк промаршировал парадным строем мимо царя, который подошел к краю помоста. Каждый батальон удостаивался царского «Спасибо!». Праздник продолжался еще долго, в нем приняли участие воспитанники учебных заведений, женских гимназий, сиротских приютов, просто горожане, для которых имя Петра Георгиевича Ольденбургского значило больше, чем имя члена императорской семьи. Для многих из них он стал человеком, воплотившим в себе самые лучшие, самые важные для христианина черты: человеколюбие, сострадание, доброту.

Интересны впечатления от этого городского праздника, записанные государственным секретарем А. А. Половцовым, бывшим правоведом: «5 июня 1889 г., понедельник. В три часа открытие памятника принцу Петру Георгиевичу Ольденбургскому, сооруженного по добровольной подписке. Это был в полном смысле слова человек добра, одушевленный искренними, душевными стремлениями на пользу ближнего. Для меня лично память его навсегда священна. Благодаря ему я получил кой-какое образование в основанном им Училище правоведения, а без него я провел бы годы учения в каком-нибудь кадетском корпусе, что было бы для моего умственного развития великим несчастьем. Церемония происходит под палящим зноем в присутствии императора и всего его семейства. Духовенство, придворное и канцелярское чиновничество, учебные и благотворительные учреждения, облагодетельствованные покойным принцем, Преображенский полк, мундир коего он носил постоянно, возгласы священнослужителей, крики певчих, командование военных начальников, барабанный бой и трубные звуки, коленопреклонение перед статуей, несмотря на то, что, по словам законоучителя нашего Богословского М. И., православная церковь издревле чуждалась ваения как искусства, униженного суеверием и идолопоклонством, все это вместе взятое производит довольно пестрое впечатление»⁸. Да, такая излишняя суета перед памятником наверняка не понравилась бы принцу, человеку скромному, чуждому жизненной помпезности и тщеславия.

Памятник П. Г. Ольденбургскому, отлитый из бронзы, установленный на гранитном пьедестале, 40 лет возвышался у Марининской больницы, став неотъемлемой частью Литейного проспекта. Как живой стоял Петр Георгиевич, наблюдая мудрыми, несколько уставшими глазами проходящий мимо, вечно куда-то спешащий людской поток. Его старчески чуть сгорбленная фигура в генеральском мундире напоминала людям о том, что в их жизни существуют такие понятия, как закон, справедливость, сострадание и милосердие.

В 1912 году в связи со столетием со дня рождения принца П. Г. Ольденбургского постановлением Городской думы набережную реки Фонтанки от Училища правоведения до Пантелеймоновского моста переименовали в «Набережную принца Ольденбургского».

О личности Петра Георгиевича оставлено много воспоминаний, о его деятельности написаны книги, ему посвящены стихи. Со страниц этих произведений предстает перед нами образ человека неповторимой судьбы, величественного в своих деяниях, но одновременно простого и человеческого, порой даже наивного в своем стремлении сделать мир умнее и добрее. И его дела действительно делали этот мир и чище, и милосерднее, потому что они были бескорыстны и шли от чистого сердца.

Неустанная и самоотверженная деятельность позволили ему сказать о себе в сочиненной им самим для себя эпитафии:

*Правду я говорил без боязни властителям мира,
Ближнего благо и горе были святынею мне.
О вразуми Ты, мой Бог, и власти и мудрость земную,
Дай человечеству мир, влей благодать в людские сердца!*

Памятник стоял до начала 1930-х годов, а затем, согласно постановлению Наркомпроса, его уничтожили как монумент, «воздвигнутый в честь царей и их слуг и не представляющий интереса ни с исторической, ни с художественной стороны». Новой власти он стал неугоден, так как, вероятно, служил им напоминанием о добре, милосердии и сострадании, чего сама она была лишена. Так исчез с Литейного проспекта памятник принцу-благотворителю, принцу-гуманисту, и на его месте появилась чаша со змеей как символ врачебного искусства. Имя Петра Георгиевича и его дела на десятилетия были преданы забвению.

Памятник принцу Петру Георгиевичу Ольденбургскому

Но меняются времена. Сегодня появилась возможность вернуть из небытия незаслуженно забытые, несправедливо вычеркнутые из российской истории имена и события. Отчасти эту задачу выполняет Общество «Друзья Дома Ольденбургских». В Санкт-Петербурге (совместно с Ольденбургско-русским фондом в ФРГ) учрежден Институт права имени принца П. Г. Ольденбургского как правопреемника Императорского Училища правоведения. На дворце принцев Ольденбургских (ныне в нем находится Санкт-Петербургский государственный институт культуры и искусств) в 2000 году установили мемориальную доску.

На месте бывшей усыпальницы семьи принцев Ольденбургских в Свято-Троицкой Сергиевой пустыни сооружена мемориальная плита, у которой торжественно открыли бюст принца, созданный скульптором С. В. Ивановым в 2012 году к 200-летию со дня рождения П. Г. Ольденбургского.

Попечительским комитетом Мариинской больницы принято решение о восстановлении памятника принцу П. Г. Ольденбургскому на прежнем месте, одобренное городскими властями. Это будет справедливо по отношению к человеку, заслуги которого перед городом и страной неоспоримы.

Как и в прошлом, объявлена всенародная подписка на восстановление памятника принцу-благотворителю. Общество Санкт-Петербурга надеется на быстрое разрешение этой идеи.

Приложение

Постановление Правительства Санкт-Петербурга от 26.02.2007 № 203

Об установке памятника принцу П. Г. Ольденбургскому

Рубрики: Постановление

Темы: Правительство Санкт-Петербурга

В целях увековечения памяти принца П. Г. Ольденбургского Правительство Санкт-Петербурга постановляет:

1. Установить в 2008 году в нише, образованной оградой здания городской Мариинской больницы по адресу: Литейный пр., д. 56, воссозданный памятник принцу Петру Георгиевичу Ольденбургскому (далее — памятник).

2. Принять к сведению, что:

2.1. Заказчиком на выполнение работ, связанных с изготовлением, установкой памятника и благоустройством прилегающей территории, является Санкт-Петербургское государственное учреждение здравоохранения «Городская Мариинская больница» (далее — заказчик).

2.2. Финансирование работ, связанных с изготовлением, установкой памятника и благоустройством прилегающей территории, осуществляется заказчиком за счет внебюджетных средств.

3. Комитету по градостроительству и архитектуре совместно с Комитетом по государственному контролю, использованию и охране памятников истории и культуры выдать разрешительную документацию на проектирование и установку памятника.

4. Заказчику в месячный срок после установки памятника представить в Комитет по управлению городским имуществом документы, необходимые для передачи памятника в оперативное управление администрации Центрального района Санкт-Петербурга.

5. Комитету по управлению городским имуществом в двухмесячный срок после выполнения пункта 4 закрепить памятник на праве оперативного управления за администрацией Центрального района Санкт-Петербурга.

6. Администрации Центрального района Санкт-Петербурга совместно с заказчиком организовать и провести церемонию открытия памятника.

7. Контроль за выполнением постановления возложить на вице-губернатора Санкт-Петербурга Вахмистрова А. И.

Губернатор Санкт-Петербурга *В. И. Матвиенко*

Примечания

1. РГИА. Ф. 1106. Оп. 1. Д. 18. Л. 2. 1834. Полный послужной список принца П. Г. Ольденбургского.
2. РГИА. Ф. 759. Оп. 23. № 93. Принц П. Г. Ольденбургский. О сооружении ему памятника. 1882.
3. ЦГИА СПб. Ф. 2996. Оп. 1. Д. 2173.
4. РГИА. Ф. 1405. Оп. 73. Д. 3705.
5. *Анненкова Э. А., Голиков Ю. П.* Принцы Ольденбургские в Петербурге. — СПб., 2004.
6. Правительственный вестник. — 1889. — 11 июля.
7. Всемирная иллюстрация. — 1889.
8. *Половцев А. А.* Дневник. Т. 2. — М., 1966. — С. 242.

Послесловие

Общество «Друзья Дома Ольденбургских»

После Октябрьской революции 1917 года большая часть как элитных учебных заведений (Училище правоведения, Александровский лицей, Смольный и Екатерининский институты), так и гимназий, школ, приютов, лечебных учреждений, основанных или патронировавшихся принцами Ольденбургскими, была ликвидирована. Бывшие правоведы и лицеисты преследовались новой властью, подвергались репрессиям.

В 1920-х годах стало широко известно следствие по «делу лицеистов»: бывших лицеистов и правоведов обвиняли в заговоре против советской власти, в шпионской деятельности в пользу Англии и Германии. Следствие вынесло суровый приговор — большинству из них расстрел, тюрьмы и ссылки. Немногим удалось избежать кары за свое прошлое: приходилось тщательно скрывать отношение к этим учебным заведениям, да и к дворянскому происхождению. Те, кому посчастливилось эмигрировать, традиции своих учебных заведений соблюдали и на чужбине. Оторванные от родины, от России, превращенные по большей части в бесправных изгнанников, бывшие питомцы Училища правоведения и Александровского лицея установили в эмиграции между собой связи, создав Зарубежные объединения правоведов и лицеистов. Их отделения имелись во многих странах Европы, а также в США. Центром русской эмиграции в Европе был Париж, где и проходили основные юбилейные торжества бывших правоведов и лицеистов.

В России же за годы советской власти память о принцах Ольденбургских и их благотворительной деятельности старались изъять всеми возможными способами: запрещалось писать о членах императорской семьи, архивы с документами об их жизни

и деятельности были недоступны. В начале 1930-х годов был уничтожен памятник П. Г. Ольденбургскому на Литейном проспекте, а затем и фамильная усыпальница на монастырском кладбище в Свято-Троицкой Сергиевой пустыни.

Но оставался живой памятник многообразной деятельности П. Г. Ольденбургского и его семьи. Многие основанные ими учреждения продолжали изначально предназначенную им деятельность, правда, уже под другими названиями. Оставалась память об их благих делах, оставалась людская благодарность за их заботу и доброту.

Сегодня наступили новые времена, появилась возможность вернуть из небытия незаслуженно забытые, несправедливо вычеркнутые из российской истории имена и события, возродить и продолжить лучшие традиции дореволюционных учреждений, в том числе и основанных Ольденбургскими, возродить завещанные принцем Петром Георгиевичем идеи добра и милосердия. Одним из первых, поставивших перед собой столь важную и ответственную задачу, стало высшее образовательное учреждение — Петербургская школа права, основанная в 1992 году в Петербурге, ныне — Санкт-Петербургский институт права имени принца П. Г. Ольденбургского. Это негосударственное высшее учебное заведение поставило целью возродить дух и лучшие традиции Императорского Училища правоведения, основанного в 1835 году принцем П. Г. Ольденбургским. Институт ведет исследовательскую работу по восстановлению истории деятельности Училища правоведения, его преподавателей и профессоров, воспитанников, жизни его основателя и попечителей, образовательных и воспитательных методик. Собранный материал реализуется в печатных изданиях института, в лекциях. Удалось установить связи с потомками попечителей, преподавателей, выпускников Училища правоведения, потомками принца Ольденбургского в Германии.

В 1995 году студентами Института права под руководством археолога ГИОПа В. А. Коринцвита после проведенных раскопок было определено место расположения фамильной усыпальницы принцев Ольденбургских и установлен первый памятный знак принцу Петру Георгиевичу Ольденбургскому на территории возрождающегося монастыря Свято-Троицкой Сергиевой пустыни в Стрельне. В июле 1998 года его заменили гранитной мемориальной плитой с именами восьми членов семьи принца, здесь похороненных.

Мемориальная плита на месте бывшей усыпальницы Ольденбургских в Свято-Троицкой Сергиевой пустыни

К деятельности Института права присоединились и другие учреждения, некогда основанные принцем П. Г. Ольденбургским и членами его семьи, и объединили усилия по восстановлению исторической памяти о своих основателях или попечителях. Это больницы Маринская, Покровская, св. Евгении, Детская больница им. К. А. Раухфуса; а также образовательные и культурные учреждения: Дворец детского творчества Петроградского района Санкт-Петербурга; гимназия № 344 (бывшая имени принца П. Г. Ольденбургского), средняя школа № 211 (бывшая женская Александровская гимназия и Приют в память Екатерины, Марии и Георгия), гимназия № 157 имени принцессы Евгении Максимилиановны Ольденбургской; Санкт-Петербургский государственный институт культуры и искусств, Александровский лицей, Государственный педагогический университет имени А. И. Герцена; а также: НИИ экспериментальной медицины, Российский НИИ гематологии и трансфузиологии, Киевский Свято-Покровский женский монастырь, Клуб «Друзья Дома Ольденбургских» в Рамони Воронежской области (бывшее имение Ольденбургских), историки, журналисты, художники Петербурга, Москвы, Твери, Киева.

Так возникло по инициативе Института права имени принца П. Г. Ольденбургского с одобрения и при поддержке потомка принца по немецкой линии герцога Гуно фон Ольденбурга Общество «Друзья Дома Ольденбургских», почетным председателем которого является до настоящего времени герцог Гуно фон Ольденбург. А объединил всех принц Петр Георгиевич Ольденбургский, с именем которого связана в России целая эпоха в истории русской гражданственности, отмеченная его беспримечной культурной и благотворительной деятельностью, его борьбой с нищетой и невежеством. И в настоящее время личность принца Ольденбургского по праву можно считать образцом, способным придать смысл и направление жизни и общественной деятельности нашим современникам, стать для них примером для подражания. Именно эту цель призвано осуществлять Общество «Друзья Дома Ольденбургских» с помощью доступных медийных и других средств, чтобы достучаться до людских сердец и повести их по пути добра и милосердия.

В течение 20 лет Общество «Друзья Дома Ольденбургских» осуществляет важную и серьезную работу по восстановлению памяти о судьбах принцев Ольденбургских, живших в России более века, об их благотворительной, социальной и культурной деятельности. Работа эта носила и носит многообразный характер: от начала в 1994 году поиска сведений о жизни и деятельности главы семьи принца П. Г. Ольденбургского и от определения места усыпальницы семьи принца Ольденбургского до открытия на фасаде бывшего дворца принца Ольденбургского (ныне Государственный институт культуры и искусств) на Дворцовой наб., 2, в июле 2000 года мемориальной доски с барельефными портретами принцев Петра и Александра Ольденбургских.

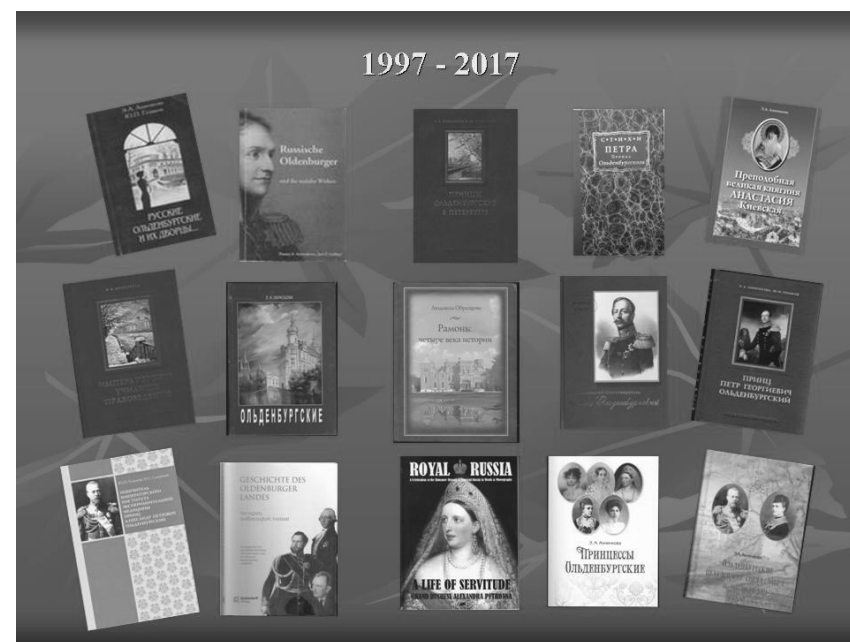
Мемориальная доска на здании бывшего дворца принцев Ольденбургских

Эта мемориальная доска — первый в центре Петербурга памятный знак, посвященный членам

императорской фамилии. Ранее, в 1994 году, на стене проходной Государственного научно-исследовательского института экспериментальной медицины по ул. Академика Павлова была открыта мемориальная доска об основании этого института принцем А. П. Ольденбургским.

5 декабря 2005 года состоялось открытие мемориальной доски в вестибюле бывшего здания Училища правоведения на наб. Фонтанки, 6, (сегодня — Ленинградский областной суд) в день 170-летия со дня его основания.

За два десятилетия работы Общества установлены контакты с Ольденбургскими учреждениями в других городах России, а также в Германии, Финляндии и Франции. Регулярно проводились лекции, беседы для разных аудиторий, принималось участие в научных конференциях, публиковались статьи в журналах («Пространство и время», московский альманах «На память будущему», сборник «Немецкий Петербург», «Romanov News»), издавались

Издания, посвященные принцу П. Г. Ольденбургскому и членам его семьи

Ольденбургские чтения в музее «Благотворительная деятельность семьи принца П. Г. Ольденбургского на Петроградской стороне». Дворец детского творчества Петроградского района г. Санкт-Петербурга

книги и проводились их презентации в РНБ, в Российско-Германском центре встреч, в Русском музее, в Библиотеке Голицына, в Библиотеке им. Пушкина, в Институте экспериментальной медицины, в Больнице им. Раухфуса, в Александровском лицее, в Мариинской больнице. Периодически проводятся Ольденбургские чтения, экскурсии в музеях Общества «Друзья Дома Ольденбургских», экскурсии по местам Ольденбургских в Санкт-Петербурге, экскурсии в музее «Благотворительная деятельность семьи принца П. Г. Ольденбургского на Петроградской стороне» Дворца детского творчества Петроградского района, регулярно посещается Свято-Троицкая Сергиева пустынь, где осуществляется уход за могилой семьи Ольденбургских, проводятся встречи с немецкими делегациями в Петербурге, Киеве, Твери, имеются тесные

Немецкие гости из г. Ольденбурга в музее «Благотворительная деятельность семьи принца Ольденбургского на Петроградской стороне»

Ольденбургские чтения в Ранталлинне в бывшем имении принца А. П. Ольденбургского. Финляндия

Учащиеся лицея № 344 (бывшая школа имени принца П. Г. Ольденбургского) ухаживают за мемориалом семьи П. Г. Ольденбургского

Открытие выставки, посвященной 200-летию принца П. Г. Ольденбургского, в Российской национальной библиотеке. 2012 год

контакты с Клубом «Друзья Дома Ольденбургских» в пос. Рамонь Воронежской области, контакты с Ольденбургско-русским обществом в г. Ольденбурге (Германия), публикации в их изданиях, а также участие в историко-культурных мероприятиях в Ранталине (Финляндия) — бывшем имении принца А. П. Ольденбургского.

В 2012 году к 200-летию принца П. Г. Ольденбургского у семейного мемориала на территории мужского монастыря Свято-Троицкой Сергиевой пустыни был установлен и торжественно открыт бюст принца П. Г. Ольденбургского (скульптор С. В. Иванов). В ближайшем будущем ожидается открытие восстановленного памятника принцу П. Г. Ольденбургскому на прежнем месте на Литейном проспекте у Мариинской больницы.

Активное участие в различных акциях Общества принимают граждане и организации города Ольденбурга (Германия, Нижняя Саксония). Логическим продолжением такого сотрудничества стало учреждение в 2001 году в Ольденбурге Международного Ольденбургско-русского благотворительного фонда во главе с герцогом Гуно фон Ольденбург для содействия в развитии учреждениям, связанным в прошлом с именем Ольденбургских.

*Бюст принца П.Г. Ольденбургского у семейного мемориала
в Свято-Троицкой Сергиевой пустыни*

Так замкнулся круг — принц Петр Георгиевич Ольденбургский начал свою благотворительную деятельность с создания Училища правоведения и простер свое попечение над почти 500 учреждениями в России; герцог Гуно фон Ольденбург, став почетным попечителем Института права имени принца П. Г. Ольденбургского и Мариинской больницы, охватил своей заботой целый ряд российских организаций.

Оглядываясь на прошедшие годы, хочется с оптимизмом смотреть в будущее и верить, что добро и справедливость станут нормой человеческих отношений.

Авторы

Анненкова Эмма Александровна, филолог, историк, член Международной ассоциации искусствоведов и критиков при Союзе художников России, руководитель музея «Благотворительная деятельность семьи принца П. Г. Ольденбургского на Петроградской стороне» во Дворце детского творчества Петроградского района; председатель международного общества «Друзья Дома Ольденбургских», автор книг «Принцы Ольденбургские и их дворцы», «Russische Oldenburger und ihr soziales Wirken», «Императорское училище правоведения», «Принц П. Г. Ольденбургский», «Просвещенный благотворитель принц П. Г. Ольденбургский», «Принцессы Ольденбургские», «Ольденбургские: неугасимая свеча добра и милосердия».

Вениаминова Галина Николаевна, заведующий музеем «История Детской больницы им. К. А. Раухфуса».

Волкова Нонна Евгеньевна, старший научный сотрудник Тверской областной картинной галереи, автор около 100 научных работ и статей, член Санкт-Петербургского общества «Друзья Дома Ольденбургских».

Голиков Юрий Павлович, кандидат биологических наук, старший научный сотрудник ФГБНУ «Научно-исследовательский институт экспериментальной медицины» Северо-Западного отделения РАМН, создатель и заведующий музеем истории Императорского института экспериментальной медицины в ФГБНУ «Институт экспериментальной медицины», автор монографий и книг по истории медицины в России.

Еськина Марина Николаевна, педагог дополнительного образования, заведующий музеем «История школы» ГБОУ лицей № 344, Почетный работник образования РФ, член Санкт-Петербургского союза краеведов, член Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры.

Замалева Татьяна Михайловна, директор Дворца детского творчества Петроградского района Санкт-Петербурга, заслуженный учитель РФ, автор статей по истории культуры Санкт-Петербурга, о Женском училище (институте) принцессы Терезии Ольденбургской, создатель музея «Благотворительная деятельность

семьи принца П. Г. Ольденбургского на Петроградской стороне» во Дворце детского творчества.

Инденбом Стелла Павловна, заведующий музеем «История Детской больницы им. К. А. Раухфуса».

Ковалевский Александр Васильевич, руководитель Музея истории Санкт-Петербургской Мариинской больницы.

Кяхар Алена, гражданка Финляндии, педагог-психолог, управляющий мини-отелем в Финляндии, участник социально-благотворительного проекта по поддержке семей с детьми, имеющими особые проблемы. Член Общества «Друзья Дома Ольденбургских».

Мазинг Юрий Андреевич, доктор биологических наук, заведующий лабораторией истории медицины ФГБНУ «Научно-исследовательский институт экспериментальной медицины» Северо-Западного отделения РАМН.

Максименко Лариса Петровна, заведующий Отделением учебно-воспитательной работы Колледжа управления и экономики «Александровский лицей», создатель музея «Лициана» в колледже.

Михайленко Ольга Валентиновна, заместитель директора Дворца детского творчества Петроградского района Санкт-Петербурга по учебной работе, педагог по классу фортепиано, руководитель Музыкально-литературного салона «В Доме Ольденбургских» во Дворце детского творчества.

Образцова Людмила Алексеевна, член Межрегионального Союза писателей (Санкт-Петербург), руководитель историко-культурного клуба «Друзья Дома Ольденбургских» (п. Рамонь Воронежской обл.), член Санкт-Петербургского общества «Друзья Дома Ольденбургских».

Персианов Игорь Александрович, кандидат педагогических наук, заместитель директора по воспитательной работе, учитель истории в гимназии № 157 им. принцессы Е. М. Ольденбургской.

Саенко Екатерина Михайловна, педагог-организатор в гимназии № 157 им. принцессы Е. М. Ольденбургской.

Смагина Галина Ивановна, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Санкт-Петербургского филиала Института истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова РАН, член Общества «Друзья Дома Ольденбургских».

Соловьева Вера Андреевна, член Международной ассоциации искусствоведов и критиков (АИС), член Общества «Друзья Дома Ольденбургских».

София (Коцаренко) Наталия) – монахиня Киевского Свято-Покровского женского монастыря, член Санкт-Петербургского общества «Друзья Дома Ольденбургских».

Сысуев Владимир Михайлович, кандидат биологических наук, эколог, старший научный сотрудник ФГБУ «Научно-исследовательский институт экспериментальной медицины» Северо-Западного отделения РАМН, член Общественной палаты Санкт-Петербурга, действительный член Русского географического общества, автор более 100 научных работ, 8 изобретений, учебного пособия.

Хохлова Светлана Николаевна, педагог дополнительного образования, заведующий музеем «История школы» ГБОУ лицей № 344, Почетный работник образования РФ, член Санкт-Петербургского союза краеведов, член Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры.

12+

Ольденбургские: во благо России

Корректор *М. А. Иванова*
Оригинал-макет *А. А. Крыласов*
Дизайн обложки *Э. Б. Шайкинд*

Подписано в печать 00.00.2018. Формат 60×90/16
Бумага офсетная. Печать офсетная
Усл.-печ. л. 27,5
Тираж 100 экз. Заказ № 1112

Издательство «Нестор-История»
197110 Санкт-Петербург, ул. Петрозаводская, д. 7
Тел. (812)235-15-86
e-mail: nestor_historia@list.ru
www.nestorbook.ru

Отпечатано в типографии
издательства «Нестор-История»
Тел. (812)235-15-86

По вопросам приобретения книг
издательства «Нестор-История»
звоните по тел.: +7 965 048 04 28

**Издательство «Нестор-История»
с 2003 года на рынке интеллектуальной литературы**

Мы осуществляем весь цикл предпечатной подготовки:

- Набор текста
- Литературное редактирование
- Корректурa
- Изготовление оригинал-макета любой степени сложности

**Наличие собственной типографии
позволяет минимизировать затраты на изготовление тиража книги**

**Издательство помогает своим авторам
реализовать тираж через книоторговые организации**

Наши партнеры в Санкт-Петербурге:

- Санкт-Петербургский государственный университет
- Институт истории материальной культуры Российской Академии наук
- Социологический институт Российской Академии наук
- Институт истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова Российской Академии наук (Санкт-Петербургский филиал)
- Санкт-Петербургский экономико-математический институт Российской Академии наук
- Санкт-Петербургский институт истории Российской Академии наук
- Институт восточных рукописей Российской Академии наук
- Санкт-Петербургский филиал архива Российской Академии наук
- Институт лингвистических исследований Российской Академии наук
- Институт русской литературы Российской Академии наук (Пушкинский Дом)
- Санкт-Петербургский научный центр Российской Академии наук
- Северо-Западный институт управления – филиал РАНХиГС при Президенте РФ
- Санкт-Петербургский Институт океанологии им. П.П. Ширшова Российской Академии наук (СПбФ ИО РАН)
- Академический университет – научно-образовательный центр нанотехнологий Российской Академии наук
- Международный банковский институт (АНО ВПО «МБИ») и другие организации

Наши партнеры в Москве:

- Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
- Государственный центральный театральный музей им. А.А. Бахрушина
- Государственный музей А.С. Пушкина
- Политехнический музей
- Институт славяноведения Российской Академии наук
- Институт археологии Российской Академии наук
- Институт проблем рынка Российской Академии наук
- Институт экономики Российской Академии наук
- Институт общей генетики Российской Академии наук
- Институт Европы Российской Академии наук
- Институт российской истории Российской Академии наук
- Институт географии Российской Академии наук
- Институт содержания и методов обучения Российской академии образования
- Психологический институт Российской академии образования
- Государственный институт искусствознания
- Государственный музыкально-педагогический институт им. М.М. Ипполитова-Иванова
- Научно-исследовательский институт теории и истории архитектуры и градостроительства Российской академии архитектуры и строительных наук
- Московский государственный университет тонких химических технологий им. М.В. Ломоносова
- Академия сферы социальных отношений и другие организации

Обращайтесь к нам по телефонам:

Санкт-Петербург
+ 7(812)235 15 86
Москва
+7 (499)755 96 25
или

через форму обратной связи на нашем сайте nestorbook.ru

Все книги издательства «Нестор-История»

можно приобрести по адресу:

Санкт-Петербург, ул. Петрозаводская, д. 7, тел. +7(965)048-04-28

Москва, Раушская набережная, 4/5, строение 1, кабинет 218,

тел. +7 (499) 755 96 25

или заказать:

www.nestorbook.ru

По вопросам оптовой торговли обращайтесь:

Санкт-Петербург, ул. Петрозаводская, д. 7, тел. 8-965-048-04-28

